КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ

4
К-90

КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ

В УСЛОВИЯХ НАЦИОНАЛЬНО-РУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

*

КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ • КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ • КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ • КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ • КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

79999

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ В УСЛОВИЯХ НАЦИОНАЛЬНО-РУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

(Проблемы лексики)

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Н.Г. Михайловская

МОСКВА
"НАУКА"
1985

4
К-90

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН СССР

79999

В коллективной монографии рассматриваются теоретические вопросы культуры русской речи в условиях национально-русского двуязычия, нормы русского литературного языка и особенности их употребления на различных языковых уровнях, роль учебников в повышении культуры русской речи в национальных школах, некоторые аспекты совершенствования национально-русского двуязычия.

Г.П. Ижакевич, О.Н. Назаров, А.Е. Михневич и др.

Редакционная коллегия:

доктора филологических наук *В.В. Иванов, Н.Г. Михайловская,*
кандидат филологических наук *В.М. Панькин* (ответственный секретарь)

Рецензенты:

М.И. Исаев, Ю.П. Солодуб

К $\frac{4602010000 — 307}{042(02) — 85}$ 327-85-III

© Издательство "Наука", 1985 г.

ВВЕДЕНИЕ

Роль русского языка как средства межнационального общения народов СССР на современном этапе развития советского общества неуклонно возрастает. Совершенствование функций русского языка во всех сферах народнохозяйственной жизни происходит под непосредственным воздействием процессов, характеризующих укрепление единого экономического комплекса и формирование единой социалистической культуры новой социальной и интернациональной общности — советского народа.

"Главная задача ленинской национальной политики в области языкового строительства, — отмечал Ф.П. Филин, — это установление гармонического двуязычия, при котором каждый советский гражданин, не забывая свой родной язык, осваивает и язык межнационального общения. Сосуществование русского языка и национальных языков обогащает все языки, поднимает их на более высокую ступень развития, способствует раскрытию заложенных в них возможностей. Выгоду от гармонического двуязычия получают все советские люди"[1].

Процессы формирования гармонического двуязычия в союзных и автономных республиках, краях и областях неразрывно связаны с культурой русской речи во всех сферах использования русского языка как средства межнационального общения. Вследствие этого первоочередной задачей лингвистов становится изучение языковых фактов и явлений в каждой конкретной ситуации. Понятие ситуации в аспекте культурно-речевых проблем не ограничивается исключительно лингвистическими категориями, но предусматривает ряд внеязыковых характеристик. Ср. определение В.А. Аврорина: "Речевая ситуация, или ситуация акта речи, — это сложное целое, включающее в себя производителя и адресата речи со всеми

[1] *Филин Ф.П.* Очерки по теории языкознания. М., 1982, с. 192.

их социально-демографическими признаками и характеристикой их отношений между собой, обстановку, в которой совершается акт речи, тему речевого произведения и, наконец, как функцию всего предыдущего, лингвистическую принадлежность речевого произведения"[2].

Из приведенного высказывания следует, что "лингвистическая принадлежность" базируется на внеязыковых характеристиках, является их следствием и одновременно служит формой их выражения. В то же время "лингвистическая принадлежность" не только обнаруживает свою зависимость от ряда экстралингвистических факторов, но осуществляется посредством функционально обусловленных элементов структуры и системы языка. Именно реализация данных элементов, их соотношение и организация в пределах высказывания ("речевого произведения", по В.А. Аврорину) обусловлены в свою очередь основной функцией языка — коммуникативной.

Коммуникативная функция языка равнозначна функции общения, т.е. применительно к природе языка понятия коммуникации и общения выступают как понятия тождественные, ср. высказывание Ю.Д. Дешериева: "Коммуникативная функция, или функция общения, главная функция языка"[3]. Осуществляясь в речи, коммуникация имеет направленность в среду, которая является внешней по отношению к производителю речи. Индивидуальная направленность на конкретного адресата принципиально не меняет положения, так как в любом случае общение подразумевает в первую очередь установление связи средствами языка.

При определении главенствующей роли коммуникативной функции в подавляющем большинстве лингвистических и социолингвистических трудов названы и другие функции языка, из которых наиболее постоянно и последовательно выделяются две: информативная и экспрессивная. Следует отметить, что в настоящее время становится особенно актуальным не столько обособление данных функций, сколько установление связи между ними. Оставляя в стороне различные мнения многих лингвистов по данной проблеме, анализ которых мог бы составить тему отдельной статьи, приведем точку зрения Р.А. Будагова, разделяемую и авторами Введения: «...в любой коммуникации, даже если она сводится к самым элементарным утверждениям или отрицаниям (типа "да, нет"), уже содержится "кусочек" нашей мысли или нашего чувства. Коммуникация и информация нераздельны, как нераздельны ин-

[2] *Аврорин В.А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., 1975, с. 116.

[3] *Дешериев Ю.Д.* Социльная политика. М., 1977, с. 220.

формация и то содержание (малое или большое), которое передается с ее помощью»[4]. Что же касается соотношения коммуникативной и экспрессивной функций, то Р.А. Будагов подчеркивает их связь как специфическую черту естественных языков в отличие от искусственных, рассматривая ее как единство двух функций[5]. В известном смысле мнение Р.А. Будагова по данному вопросу близко взглядам В.А. Аврорина, ср.: "...коммуникативная и экспрессивная функции языка — это как бы две стороны одной медали. Их можно видеть каждую в отдельности, они обладают известной самостоятельностью, но оторвать их одну от другой невозможно"[6].

В то же время соотношение трех указанных функций (коммуникативной, информативной, экспрессивной) не может рассматриваться исключительно в плане их иерархии. Коммуникативность — это и главная социальная категория языка, и наиболее общая величина сравнительно с экспрессивностью и информативностью. Дело, однако, не только в том, что первая включает в себя вторую и третью и предполагает их; дело еще и в том, что сама коммуникация имеет двоякую направленность; с одной стороны, она реализует экспрессивную и информативную функции, а с другой — сама претворяется в них.

Оптимальная реализация общения через речевой акт проявляется в том, насколько отвечают целевой заданности высказывания мобилизуемые языковые средства при дихотомии "производитель речи — адресат". "Успешное осуществление коммуникации, — пишет Н.Д. Арутюнова, — определяется тем, что в посредничестве между говорящим и адресатом участвует понятный им обоим язык, между ними существует тот или иной вид контакта, в условиях которого передается конкретное сообщение"[7].

Понятность языка и степень владения им тесно связаны друг с другом, хотя, разумеется, и неадекватны друг другу. Понятность далеко не всегда предполагает высокую ступень владения языком, но свободное активное владение возможно лишь тогда, когда человек понимает язык, которым он пользуется. Эти критерии приложимы к двум типам билингвизма, на которые указывает Ф.П. Филин: "Представляется, что узкое и широкое понимание двуязычия вполне совмести-

[4] *Будагов Р.А.* К вопросу о месте советского языкознания в современной лингвистике. — ВЯ, 1981, N 3, с. 21.
[5] Там же, с. 22.
[6] *Аврорин А.В.* Указ. соч., с. 38.
[7] *Арутюнова Н.Д.* Функции языка. — В кн.: Русский язык: Энциклопедия. М., 1979, с. 385.

мы. Двуязычие в узком смысле этого слова означает более или менее свободное владение двумя языками: родным и неродным; двуязычие в широком смысле — относительное владение вторым языком, умение в том или ином объеме пользоваться им в определенных сферах общения (научной, производственной, бытовой и т.п.). Последний тип двуязычия можно назвать неполным, частичным"[8].

При частичном билингвизме неизбежны нарушения системы и структуры неродного, в данном случае русского, языка, которые проявляются в речи. Эти нарушения могут рассматриваться в плане общих культурно-речевых проблем в связи с двумя степенями освоения литературного языка и двумя способами владения им. Л.И. Скворцов пишет: «Первой, низшей ступенью оказывается правильность речи. О правильности мы говорим при овладении литературной речью и ее нормами. Оценки вариантов на уровне правильности речи: правильно — неправильно, по-русски — не по-русски и т.п. (ср. *орать на все горло* вместо *орать во все горло,* а также *хочут* вместо *хотят, суть да дело* вместо *суд да дело* и т.п.). Правильность речи является в сущности предметом школьного обучения. Программа средней школы и предполагает в общем виде привитие навыков правильной речи (преимущественно в области грамматики).

Второй, высшей ступенью освоения литературного языка является культура речи в собственном смысле. О культуре речи можно говорить в условиях владения литературной речью, в условиях правильности (т.е. владения литературными нормами). Оценки вариантов на уровне культуры речи иные: лучше — хуже, точнее, уместнее и т.п. (ср. архаическое и книжное *от времени до времени* и современное нейтральное *время от времени,* которые вместе противопоставлены „неправильному" *от времени* в том же значении, скажем, в устах иностранца)»[9].

Данная постановка проблемы ведет к анализу интерферентных явлений, проявляющихся в русской речи носителей национальных языков[10]. В связи с этим остановимся несколько подробнее на понятии интерференции и его интерпретации в некоторых лингвистических трудах.

Теоретически и практически вопросы интерференции подни-

[8] *Филин Ф.П.* Современное общественное развитие и проблема двуязычия. — В кн.: Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972, с. 24.

[9] *Скворцов Л.И.* Теоретические основы культуры речи. М., 1980, с. 95—96.

[10] Понятие "национальный" для удобства изложения применяется авторами Введения только по отношению к нерусским народностям и языкам на территории Советского Союза.

маются в первую очередь в аспекте взаимодействия языков в условиях билингвизма и полилингвизма. Так, Ю.А. Жлуктенко пишет: "Известно, что при взаимодействии языков в них возникают изменения, не зависящие от внутренних закономерностей данных систем. Эти изменения, представляющие для лингвистики особый интерес, получили наименование лингвистической интерференции"[11]. На наш взгляд, приведенное суждение является дискуссионным и нуждается в некоторых уточнениях. Следует подчеркнуть, что интерференция представляет собой явление (явления) на уровне употребления, на уровне речи, и в этом смысле оно должно отграничиваться от характеристик системы языка. Данное положение четко сформулировано М.М. Михайловым: "Когда мы говорим о результатах взаимовлияния языков на уровне языка, то имеем в виду общеизвестные понятия заимствования, субстрата, суперстата и адстрата. Говоря о взаимовлиянии языков на уровне речи, предполагаем процесс интерференции"[12].

Оценка интерферентных явлений в русской речи билингва с культурно-речевых позиций прежде всего может быть выражена определениями "неправильно", "не по-русски", т.е. как констатация нарушения литературных норм. Означает ли такая постановка вопроса, что уровень речи оказывается изолированным от уровня языковой системы? Разумеется, нет. В данном случае нарушения в русской речи вызываются системой родного языка билингва, которая реализуется им в речи на родном языке. Влияние системы родного языка необязательно должно рассматриваться в непосредственном соотношении с речью на неродном (русском) языке, но предполагает как непременную и обязательную ступень уровень родной речи. Таким образом, неправильности в русской речи должны сополагаться с речеупотреблением (в широком значении слова) на родном языке, а отсюда уже сопоставляться с разными звеньями системы конкретного родного языка. Подобные сопоставления помимо научной лингвистической значимости имеют практическую лингвистическую ценность, так как помогают выяснить механизм интерферентных явлений и наметить пути их преодоления. Интерференция соотносится с системой неродного (русского) языка постольку, поскольку она не соответствует ее закономерностям и ее требованиям, но отнюдь не потому, что изменяет ее. Если изменяется система, то это означает, что данное явление, квалифицируемое как ин-

[11] *Жлуктенко Ю.А.* Лингвистические аспекты двуязычия. Киев, 1974, с. 56.

[12] *Михайлов М.М.* Двуязычие и взаимовлияние языков. — В кн.: Проблемы двуязычия и многоязычия, с. 198.

терферентное, перестало быть таковым: оно принято иной языковой системой, освоено и усвоено ею. Следовательно, здесь речь должна идти не о нарушениях, а о заимствованиях, что связано с достаточно длительным социально-языковым процессом.

Проблема заимствования и проблема интерференции являются взаимосвязанными, но не тождественными. Термин "заимствование" допускает двоякое понимание: 1) как элемент одного языка, освоенный и усвоенный системой другого языка; 2) как процесс усвоения и освоения элемента одного языка системой другого языка. В первом случае данный элемент рассматривается в плане синхронного изучения того языкового уровня, которому он принадлежит в качестве элемента системы. Во втором случае актуализируется план диахронии, развернутый "во времени и пространстве", когда хронологические свидетельства взаимосвязываются со свидетельствами данного процесса в границах определенного национально-территориального коллектива. Интерференция же предполагает синхронный план в отнесении его к фактам речи настоящего и прошлого вне их перспективной или ретроспективной преемственности. "Историчность" интерферентных явлений прослеживается в виде констатации нарушений нормативных требований языка данной эпохи. Вместе с тем отдельный факт речи, который по отношению к тому или иному прошедшему периоду развития языка определяется как интерференция, может со временем усвоиться языковой системой и рассматриваться с позиций более поздней эпохи в качестве заимствования. Следовательно, взаимосвязь интерференции и заимствования прослеживается в аспекте диахронического сопоставления речевых явлений с фактами языковой системы как результатом развития этих явлений.

Данное положение относится одновременно к общей проблеме соотношения речи и языка и к проблеме соотношения узуса и нормы. Оно имеет принципиальное значение при исследовании интерференции и нормы на разных языковых ярусах и в разных ситуациях общения. Исторический подход помогает прояснить сущность ряда качеств и особенностей уровней современного русского языка. Так, некоторые лингвисты, рассматривая факты интерференции и заимствования, разграничивают указанные явления именно по признаку их принадлежности к определенному уровню языковой системы. Л.И. Баранникова пишет: "В отдельных работах по двуязычию или взаимовлиянию разных языков встречаются неправильные, на наш взгляд, утверждения о заимствовании фонем или их позиционных вариантов. Такое заимствование, по нашему мне-

нию, невозможно. Фонемы, а тем более их позиционные варианты, существуют лишь в определенной фонетической системе и возникнуть могут только в ней, на базе соответствующих отношений и противопоставлений другим фонемам... появление новых фонем и позиционных вариантов фонем возможно, но не в результате заимствования, а в результате интерференции"[13].

По-видимому, данное утверждение нельзя принять безоговорочно вне фактов истории языка. А факты истории свидетельствуют о том, что фонетические изменения оказывались тесно связанными с процессами заимствования. В.В. Иванов, указывая на отсутствие звука [ф] в фонетической системе древнерусского языка X—XI вв., пишет: "Этот звук искони был чужд языку славян. Его не было и в восточнославянском языке-основе. Правда, звук [ф] встречается в памятниках старославянского языка, преимущественно в словах греческого происхождения (например, *фарисей, февраль, порфира, фонарь*), и через посредство этих памятников он мог проникнуть в литературный древнерусский язык... Хотя постепенно звук [ф] становился привычным для древнерусов (к греческим заимствованиям с [ф] присоединялись постепенно заимствования из других языков), все же окончательно укрепление этого звука в древнерусском языке произошло позже, не ранее XII—XIII вв., когда развитие этого языка привело к появлению [ф] на собственной восточнославянской почве". И далее: "Если до падения редуцированных звук [ф] у восточных славян был известен только в заимствованных словах (причем здесь он был усвоен образованными людьми) и если в таких словах в литературном древнерусском языке постепенно укрепилось произношение [ф], то все же его употребление было ограничено очень узким кругом лексики. И только после падения редуцированных звук [ф] получил широкую лексическую базу, возникнув на восточнославянской почве в качестве глухой разновидности фонемы [в], а потом и в качестве самостоятельной фонемы"[14].

Нет сомнения, что проводить прямую аналогию между фактами языка далекого прошлого и фактами языка современной эпохи означало бы вульгаризацию самого исторического подхода в исследовании. Но в приведенном высказывании следует подчеркнуть три тезиса, имеющих, на наш взгляд, большое значение для правильной интерпретации язы-

[13] *Баранникова Л.И.* Сущность интерференции и специфика ее проявления. — В кн.: Проблемы двуязычия и многоязычия, с. 91.

[14] *Иванов В.В.* Историческая грамматика русского языка. М., 1964, с. 99.

ковых и речевых явлений в условиях межнационального общения.

Во-первых, это указание на то, что заимствование (но не интерференция) может непосредственно усваиваться в сфере заимствующего литературного языка, минуя на первоначальной ступени стадию освоения в разговорной стихии. Во-вторых, это положение о перспективности фонетических явлений, которые, с одной стороны, обусловлены процессом заимствования, а с другой — укрепляются и подтверждаются качественными изменениями фонетической системы заимствующего языка. В-третьих, это установление тесной связи между явлениями фонетической системы и явлениями лексики, когда иноязычное слово воспринимается и осваивается заимствующим языком в той фонетической форме, которая свойственна данному слову как элементу системы языка-источника.

Последнее положение представляет особый интерес в плане многих работ, публикуемых в данной книге. Рассматривая главным образом лексикологические проблемы, авторы не ограничились исключительно уровнем лексики, но уделили значительное внимание вопросам фонетической интерференции, которая проявляется в речи билингвов при использовании русских слов. Фонетическая интерференция, наиболее труднопреодолимая область нарушений нормативных требований, в разном языковом окружении приобретает свою специфику, определяемую своеобразием родного языка билингва. Об этом свидетельствуют факты конкретного языкового окружения: в Белоруссии, в Латвии, в Туркмении, в Казахстане. Нормативные нарушения при использовании русской лексики анализируются и в области словообразования. Однако основное внимание авторы книги уделяют лексико-семантическим и лексико-стилистическим вопросам. При анализе интерференции на уровне семантики актуализируется метод сопоставления семантического объема и семантической структуры русских слов с семантическим объемом и семантической структурой слов национальных языков, а также русских фразеологических оборотов с национальными фразеологизмами.

Большой интерес представляют вопросы, связанные с использованием лексики национальных языков в русской речи билингва. Проблема употребления слов из национальных языков народов СССР в русскоязычных текстах становится особенно важной при изучении процессов взаимодействия и взаимовлияния языков на уровне речи. В зависимости от сферы использования данной лексики (разговорная стихия, массовая коммуникация и информация, художественная литература), от конкретной ситуации высказывания, от харак-

тера и целевого назначения текста употребление национальных слов может оцениваться не только с точки зрения правильности и неправильности, но и с точки зрения их уместности и целесообразности. Очевидно, что последнее суждение выносится на основании анализа текстов, отражающих главным образом публицистический и художественно-литературный стили, где оценка во многом базируется на критериях идейно-эстетической оправданности.

Многообразный материал, привлеченный авторами книги, определил ее композицию, в основе которой лежит главным образом социолингвистический принцип. При таком подходе наиболее существенным критерием является использование русского языка в той или иной области деятельности. Книга состоит из четырех разделов, соотносящихся с четырьмя сферами: массовой коммуникации и информации национальных республик, включая прессу, радио и телевидение (раздел II); национальной художественной литературы, как русскоязычной, так и переводной (раздел III); преподавания и обучения в национальных школах и вузах (раздел IV); бытового общения (раздел V). В разделе I включены работы, имеющие общий характер и представляющие интерес при исследовании взаимодействия национальных языков с русским языком.

В то же время специфика рассматриваемых фактов во многом зависит от различных видов и форм речи. С этой точки зрения каждая из названных сфер может быть представлена в виде нескольких, более дробных областей. Так, в сфере массовой коммуникации и информации три вида текстов (тексты газет, радиопередач, тексты телепередач) не являются вполне идентичными. С одной стороны, они могут дифференцироваться в аспекте сопоставления устных форм речи (тексты радиопередач и телепередач) и письменных форм речи (тексты газет); с другой стороны, при анализе подобных текстов актуализируются вопросы влияния литературной кодифицированной разновидности и разговорной разновидности языка. Подобным же образом более дробное деление допустимо и в сфере преподавания, где при обучении русскому языку, ориентированном на разные программы, отклонения от нормативных требований русского языка прослеживаются и в речи учащихся национальных средних школ, и в речи студентов национальных вузов разных профилей. Очевидно, что степень и характер интерферентных явлений в свою очередь показательны для конкретного этапа обучения в той или иной среде учащихся. В сфере бытового общения возможна систематизация ситуаций с учетом экстралингвис-

тических условий, в которых осуществляется коммуникация, а также с учетом социологических характеристик лиц, участвующих в коммуникативном акте. Художественная литература позволяет интерпретировать материал в плане взаимодействия национальных языков с русским языком прежде всего в зависимости от прозаических и поэтических форм произведений. Важным моментом при характеристике влияния национальных языков на русский язык является установление индивидуально-авторского отбора национальной лексики, способов ее семантизации и анализ экспрессивно-эмоциональных оттенков, реализующихся в русскоязычном тексте.

Следовательно, специфика каждой сферы по-своему определяет ракурс рассмотрения поставленных вопросов в аспекте культурно-речевой проблематики.

Проблемы культуры русской речи в условиях двуязычия анализируются на многообразном материале, почерпнутом из самых разных источников, которые отражают особенности устной и письменной форм речи, литературную и разговорную разновидности, а также разную степень владения русским языком билингвами. Последний аспект характерен главным образом для работ, обобщающих наблюдения в практике преподавания русского языка учащимся школ и вузов. Именно данной сфере присущи те интерферентные явления, которые квалифицируются с нормативных позиций как неправильности, тогда как интерферентные явления в литературных разновидностях рассматриваются с позиций собственно культуры речи.

Однако по отношению к конкретному акту коммуникации явления первого и второго порядка равнозначны. Неуместное и нецелесообразное словоупотребление из национального языка в русскоязычном художественном или публицистическом тексте "подрывает" коммуникативный акт так же, как и прямое нарушение законов системы и структуры современного русского языка. Вследствие этого факты интерференции, на каком бы уровне они ни наблюдались, не могут разделяться на существенные и несущественные, значительные и незначительные при реализации общения.

Вопросы культуры русской речи в условиях национально-русского двуязычия должны решаться с учетом тех национальных особенностей, с которыми сталкиваются билингвы при овладении литературной нормой русского языка. При этом понятие нормы "остается неизменным как понятие речевого идеала, который должен служить критерием и образом нормативных оценок применительно к разным этапам усвоения неродного языка. Это открывает возможность учесть также и

все явления интерференции в соответствии с задачами конкретного этапа овладения русским языком"[15]. Другими словами, современные задачи повышения культуры речи органически входят в практику обучения русскому языку в национальных условиях различных республик.

Культура русской речи в двуязычной среде продолжает оставаться в центре внимания русистов, педагогов, широких кругов общественности. Строить работу по поднятию уровня владения русской речью среди нерусских можно на основе теоретических разработок, представляющих собой вместе с тем и обобщение практического опыта. Материалы настоящей книги, по замыслу их авторов и редакторов, служат решению этих важных и актуальных задач.

Книга подготовлена к печати сотрудниками сектора изучения русского языка как средства межнационального общения народов СССР Института русского языка АН СССР — доктором филологических наук Н.Г. Михайловской, кандидатами филологических наук Т.А. Бобровой, И.А. Василевской, В.А. Ивановой, В.М. Панькиным, младшими научными сотрудниками М.В. Орешкиной, Т.Ю. Позняковой; техническая подготовка осуществлена сотрудником сектора Е.И. Чариковой.

[15] *Иванов В.В.* Некоторые вопросы русского языка как средства межнационального общения народов СССР. — ВЯ, 1981, N 4, с. 9.

РАЗДЕЛ I

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РУССКОГО И НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ НА УРОВНЕ ЛЕКСИКИ

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СССР В АСПЕКТЕ КУЛЬТУРЫ РУССКОЙ РЕЧИ

В настоящей работе затрагиваются некоторые проблемы изучения инонациональных лексических единиц в русском языке советской эпохи с ортологической точки зрения. Всесторонний и тщательный анализ имеющихся в русском языке заимствований из языков народов нашей страны является одной из важнейших задач русистов, которые занимаются исследованием русского языка как средства межнационального общения народов Советского Союза. Это определяется тем обстоятельством, что такой анализ органически связан и со всесторонним изучением взаимодействия русского языка и языков народов СССР, и с более глубоким познанием процесса функционирования русского языка в различных условиях национально-русского билингвизма, и с исследованием вопросов культуры русской речи в национальных республиках, и с анализом взаимовлияния национальных культур разных регионов страны. В силу этого он имеет не только большое стимулирующее значение для развития лингвистической теории и русского языкознания, но и не менее важное значение для общественной практики, что в первую очередь проявляется в культуре речи (для научно обоснованной оценки результатов взаимодействия с точки зрения нормы и для выработки соответствующих рекомендаций) и в лингводидактике (для дальнейшего совершенствования преподавания русского языка в национальной школе и вузе).

В эпоху развитого социализма в межъязыковых отношениях, существующих в нашей стране, наступает новый этап. Он характеризуется интенсивной интернационализацией всех сторон нашей жизни, что стимулирует процессы расцвета и обогащения национальных языков, с одной стороны, и одновременно способствует все более широкому распространению русского языка в качестве средства межнационального обще-

ния — с другой. Связь и взаимодействие русского языка в качестве языка межнационального общения с национальными языками на современном этапе выступает как лингвистическое проявление диалектического единства интернационального и национального. В активном процессе языковой интернационализации, интенсивно обогащая братские языки народов Советского Союза все новыми и новыми словами, русский язык одновременно свободно вбирает в себя лексические элементы других языков нашей страны[1]. Это явление имеет огромное социальное и лингвистическое значение, так как значительная часть подобной лексики при посредстве русского языка становится в свою очередь достоянием всего советского народа.

Лексические заимствования из русского языка в другие языки народов СССР изучались постоянно и довольно активно. Обратный же процесс влияния словарного состава языков народов СССР на русский язык освещался пока еще недостаточно. Не проведена предварительная инвентаризация лексических заимствований, не установлены характер и особенности их функционирования, не определены степень их распространенности, сферы употребления, характер и специфика их коммуникативной и эстетической ценности, меры нормативности и оправданности в различных языковых контекстах и речевых ситуациях, не показано их место в русской лексической системе и т.д.

Между тем даже немногочисленные работы, которые были посвящены лексическим заимствованиям из языков народов СССР в русский (например, работы З.С. Блягоза, И.Е. Гальченко, Г.Г. Голетиани, Э.Н. Кушлиной, А.Е. Супруна, Ю.И. Чернышовой, О.Н. Назарова и др.), свидетельствуют о том, что после Октября русская лексика интенсивно обогащается не только за счет западноевропейских и прочих иностранных языков.

Существенное влияние лексики народов СССР на русский, особенно касающееся его функционально-стилистической периферии, доказывать не приходится. Чтобы это увидеть, достаточно обратиться к художественному или публицистическому тексту, отражающему жизнь той или иной республики. Здесь мы ограничимся лишь несколькими примерами из центральных газет: Все кто имел фотоаппарат, стремились снять ярангу и ее хозяйку: уж очень симпатично выглядела Наташа в своем женском меховом комбинезоне-*керкере* (Комс. правда, 1982,

[1] См.: *Боброва Т.А.* Словарный состав русского языка и языки народов СССР. — РЯШ, 1982, N 6, с. 16—25.

12 янв.); За *пиалой* душистого *кок-чая* в тени *чинары* встретились старейшины колхозов... (Правда, 1982, 11 мая); Мыслимое ли дело? — качали головами *аксакалы аула* (Известия, 1983, 25 февр.); Но все трудности остались позади, к полю был протянут бетонный *арык*... (Правда, 1983, 7 февр.); Искусно вылепленные *ляганы, пиалы* и чайники проходят длинный путь от первого до конечного цеха (там же, 4 мар.); Мастерицы... ныне славятся умением плести из камыша старинные *арджены* (настенные ковры), корзины. Другая группа специалистов в горных селениях нашла тех, кто искусно делает *кийизы* (балкарские ковры) (там же, 2 мар.); Пластична по силуэту посуда для *хаша, чанаха, мацуна* (там же, 1982, 16 дек.); Дангаринская степь весной — зеленый ковер, на котором костром горят поляны тюльпанов и маков. Но зато летом — прямо-таки *тандыр*, в коем пекут лепешки (там же, 1983, 1 апр.); Она поклонилась им, взяла *дутар* и запела; Но на дне двора, окруженного высоким *дувалом*, никто не слышал ее рыданий (Известия, 1983, 7 мар.).

Включение в порождаемый русский текст лексических элементов национального языка может носить двоякий характер. С одной стороны, это может быть отражением интерференции родного языка, с другой — являться осознанным и сознательным употреблением в русской речи единиц национального языка в определенных номинативно-стилистических целях. В первом случае имеет место нарушение норм русского литературного языка, обусловленное недостаточным его владением, во втором — дело обстоит сложнее. Правильное употребление уже усвоенных русским языком слов будет, естественно, нормативным. Что касается использования инноваций, то его оценка может быть разной. Оправданное коммуникативными и прагматическими задачами употребление таких слов будет выступать как реализация динамической нормы развивающегося языка[2]. Однако при этом обязательно соблюдение по крайней мере двух условий. Во-первых, важно, чтобы включение в текст таких лексических единиц соответствовало общему стилистическому характеру данного речевого произведения (как письменного, так, естественно, и устного). Во-вторых, необходимо, чтобы подобные лексические единицы включались в русский текст в соответствии с нормами современного русского литературного языка.

Намеренное и сознательное использование в русской речи лексики из того или иного национального языка может быть

[2] См. об этом: *Скворцов Л.И.* Теоретические основы культуры речи. М., 1980, с. 9.

мотивировано двояко: целями передачи информации (при наименованиях специфических явлений и предметов национального быта) или эстетическими соображениями (при национальной лексической форме обозначения предметов и понятий интернационального характера). В первом случае лексические единицы квалифицируются как экзотизмы. Во втором случае мы имеем дело уже со своеобразными синонимами, порожденными национально-русским билингвизмом.

В качестве обозначений "одного и того же" в русской речи могут, естественно, выступать разные лексические элементы из национальных языков: и такие, которые уже усвоены русским языком, и такие, которые выступают в нем как недавние и контекстуальные вкрапления. Следует отметить, что "китайской стены" между этими двумя разрядами лексических заимствований из языков народов СССР в русском языке не существует. Целый ряд экзотизмов в процессе употребления теряет свою обязательную конкретную прикрепленность к определенному национальному явлению, приобретает способность заменяться другими словами и, входя в синонимические отношения с семантически близкими лексическими единицами той же тематической группы, превращается в обычные синонимы лингвистически гетерогенного характера.

Такие процессы протекают с разной степенью интенсивности и в разной степени отражаются в различных функционально-стилистических условиях и сферах общения. Семантические различия стираются или растворяются в основной (родовой) семе слова, лексические единицы из языков народов СССР начинают функционировать рядом с существующими, свободно заменяя друг друга в зависимости от тех или иных прагматических задач говорящего и/или пищущего.

Другая группа экзотизмов перестает быть таковой по другим, уже экстралингвистическим, причинам. Эта группа лексики, пожалуй, значительно больше. Превращение такого рода лексических единиц из экзотизмов в общеупотребительные слова русского литературного эталона объясняется тем, что становится общесоветским, интернациональным тот предмет, явление, понятие, которое они обозначают. В таком случае воочию наблюдается вклад народов СССР не только в язык межнационального общения, но и в другие языки, не только в язык, но и в нашу социалистическую культуру и быт.

Инонациональные вкрапления встречаются в русской речи во всех союзных и автономных республиках. Они многочисленны в русских текстах школьников, немало их в речи студентов. Между разными национальными регионами не наблюдается существенных различий. С точки зрения же координативного

79999

www.ruslang.ru

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
КН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ

билингвизма, когда "родимые пятна" родного языка появляются как исключение, здесь дело обстоит несколько иначе (особняксм стоят лишь устойчивые факты акцента).

Сознательное использование лексических фактов родного языка в номинативно-стилистических целях, в публицистике и в художественной литературе (по предварительным наблюдениям) имеет вполне очерченную дистрибуцию по разным республикам. В русской публицистической и художественной литературе Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении, Грузии, Молдавии данные явления наблюдаются довольно часто и постоянно. Особенно много их в русской письменной речи в среднеазиатских республиках и значительно меньше в книжной русской речи в Азербайджане, Армении, Белоруссии и на Украине. Исключительно редки они в периодике и в художественных произведениях в республиках Советской Прибалтики и РСФСР. Причины этого, вероятно, разные (в основном экстралингвистического плана) и носят комплексный характер. Точное же их определение представляется пока делом будущего. Несомненно, однако, что немалую роль здесь играют как особенности культурно-исторического плана и природные условия, характерные для разных республик, так и существующие в них литературно-стилистические традиции. Заметим, что такая же картина наблюдается и в русской художественно-публицистической речи при отражении жизни соответствующих республик.

В подавляющем большинстве работ, так или иначе касающихся конкретного состава данного разряда лексики в современном русском языке, недифференцированно рассматриваются как те слова, которые вошли в нашу речь после Октября, так и те лексические единицы, которые были усвоены русским языком ранее. Нередко в один ряд с послереволюционными заимствованиями ставятся старые заимствования, получившие известность еще задолго до революции, иногда даже в древнерусскую эпоху. Между тем их надо четко разграничивать.

Послереволюционный вклад языков народов СССР в лексику русского языка может быть определен только в том случае, если будет проведен всесторонний и глубокий историко-лексикологический, словообразовательный и этимологический анализ всех относящихся сюда фактов (при строгом и последовательном различии как окказиональных и локальных вкраплений, так и случаев узуального и общеупотребительного характера с обязательным учетом фактов неоднократного и разновременного заимствования, зачастую из разных языковых источников).

В аспекте языковой хронологии особенно важным в сложном процессе заимствования представляется четкое разграничение процессов проникновения, с одной стороны, и освоения — с другой, и тем самым неустойчивого и спорадического употребления инонационального слова в русском тексте ограниченной функционально-стилистической сферы и устоявшегося использования его как лексической единицы общеупотребительного характера.

Многие лексические элементы появились на "окраине" русской номинативной системы до Великой Октябрьской социалистической революции, однако живой реальностью, известной всем владеющим русской литературной речью, они стали только в советскую эпоху. Лингвистическая "молодость" такого рода слов в русском языке порождает немало ортологических вопросов и затруднений (см. некоторые примеры ниже).

Изучение лексических заимствований из языков народов СССР в русский язык советской эпохи в качестве основных задач, по нашему мнению, должно включать следующее: 1) лексические заимствования из национальных языков в русском языке прежде всего нужно собрать и лексикографически обработать (заметим, что лексикографическая обработка окказионализмов и слов, прочно вошедших в общее употребление, может быть раздельной); 2) необходимо тщательно изучить их реальное и конкретное функционирование в русской речи; 3) требуется внимательно проследить процесс проникновения и освоения лексики из языков народов СССР в русский язык, сопровождающийся, естественно, лингвистической адаптацией (особенно, конечно, процесс их движения от словарной периферии к лексическому ядру); 4) в нормативном аспекте чрезвычайно важно с помощью синхронно-диахронического анализа определить хотя бы предварительно наиболее предпочтительный с точки зрения русского литературного эталона вариант каждого слова; 5) следует установить изменения, происшедшие и происходящие в лексической системе русского языка в результате появления в нем этих слов.

Сформулированные задачи можно решить, конечно, только с привлечением исторических и сопоставительных данных, дифференцируя окказиональное и узуальное употребление слова и его номинативно-стилистические свойства, учитывая возможность повторных и обратных заимствований, изменения в семантике иноязычных слов, конкретную историю их заимствования, поэтапный характер вхождения и усвоения их лексической системой русского литературного языка. Здесь необходимо изучить историю и функционирование каждой конкретной словарной единицы во всех формах и проявлениях.

Сложность, многоаспектность, деликатность (не только лингвистического характера) в решении затронутых проблем можно показать на анализе нескольких лексем, самых различных по своему происхождению и тематической принадлежности. Начнем со слова *джайляу,* употребление и история которого в русской речи различных республик весьма примечательны и поучительны.

Слово *джайляу* пришло в русский язык из казахского совсем недавно. В наших словарях оно отмечается только с 1954 г. (ССРЛЯ, т. 3, с. 763). По своему значению *джайляу* — высокогорное летнее пастбище (у казахов и киргизов). Уточнение ("казахов и киргизов"), которым сопровождает толкование этого слова Е.Н. Шипова[3], как будет показано далее, является неверным. Не приняты в речевой практике сейчас и указываемые ею нормативные варианты *джайлау* и *джейлау*. Несомненно, казахский (а не киргизский или какой-нибудь другой) источник этого слова ясен из его орфографического и фонетического сопоставления в родственных языках: в киргизском оно пишется *жайлоо* (в русской речи — *джайлоо*), а в казахском — *жайлау* (произносится приблизительно *джайляу*). Именно поэтому в последнее время в речевой практике не находим отмеченного академическим словарем написания этого слова с *е* в первом слоге и *а* — во втором (*джейлау* и *джайлау*), везде — *джайляу*: От зимовья Нурмаганбег до *джайляу* Кен — добрая сотня километров (Правда, 1981, 22 февр.); Один конец *джайляу* упирался в речку Саркырама, другой конец выходил на такыры; Внизу расстилалось необъятное *джайляу* куленских аулов (Б. Тлегенов, Белый простор. М., 1980, с. 44, 62); А он ... тут же уехал на *джайляу* к дяде-табунщику (Р. Сейсенбаев, Всего одна ночь. М., 1980, с. 231).

В казахском языке слово *джайляу* прозрачно по составу и образованию. Оно выступает в нем как суффиксальное производное от *джай* 'лето'. Так что *джайляу* буквально значит 'место, где проводят лето', 'летнее пастбище'. Именно поэтому очень часто *джайляу* употребляется как синоним существительного *летовка,* возникшего, вероятно, в русском языке (ср. *летовище* в словаре Даля) по модели *зимовка* и не без известного влияния внутренней формы существительного *джайляу.*

Слово *джайляу* зафиксировано "Словарем современного русского литературного языка" с опозданием. Оно появилось в нашем языке еще до 40-х годов. В частности, это существительное встречается в книге "Родина", вышедшей под редак-

[3] *Шипова Е.Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976, с. 121.

цией акад. В.Л. Комарова еще в 1939 г., а еще раньше — в переводе стихотворения Джамбула "На джайляу" (1935). Этимологически это слово, восходящее к древнетюркскому *jailay* (от *jai* 'лето')[4], с тем же значением встречается у нас и в других фонетико-орфографических вариантах. Это объясняется тем, что оно входило в русский язык в разное время и из разных языков.

В русском литературном языке еще с XIX в. известно слово *яйла,* представляющее собой общее название летних пастбищ в Крыму (БСЭ. 3-е изд., т. 30, с. 476). В этом виде оно пришло к нам от крымских татар, у которых оно является суффиксальным производным, соотносительным с *яй* 'лето' (М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. М., 1973, т. 4, с. 552).

В огласовке, наиболее близкой к древнетюркскому праслову, это существительное употребляется в русской речи Азербайджанской ССР, ср.: Высшее счастье кавказского животновода — *яйлаг,* пастушеский рай... *Яйлаг* — это высокогорное пастбище... По многу часов подряд на *яйлагах* звучат голоса бродячих ашугов (Родина. М., 1939, с. 434); [Он] взял у Эльдара стакан с чаем, поднес к носу, с удовольствием понюхал и обронил: "*Эйлагом-то* как пахнет!" (А. Муганлы, Чабанбаяты. — Лит. Азербайджан, 1982, N 2, с. 38); Он постепенно становился героем *эйлагов* (там же, с. 40). Скорее всего, из азербайджанского, а не из турецкого это слово было заимствовано армянским языком и затем (в форме *эйлаг*) стало широкоупотребительным в русской речи Армении, ср.: Коров выводят на *эйлаги* на три месяца (Коммунист, Ереван, 1982, 14 янв.); Сейчас наши животноводы готовятся к зимовке — переводу скота с *эйлагов* на стойловое содержание (там же, 1981, 26 сент.); До конца мая все 15-тысячное поголовье овец района поднимается на *эйлаги* (заголовок "Сезон альпийских пастбищ"; там же, 1982, 14 мая).

Графический и звуковой облик лексикографированного слова (*джайляу*) исключает толкование этого слова как заимствования из узбекского языка. Между тем такое толкование встречается в лингвистической литературе. Так, в книге "Русский язык в Узбекистане в условиях развитого социализма" (Ташкент, 1982) в число заимствованных русским языком узбекских слов И.У. Асфандияров, в частности, включает: "... е) названия, связанные с животноводством: *чабан, каракуль, джайляу* и др." (с. 63), хотя джайляу по-узбекски называется *яйлов* или *яйлау* (ср.: Анабиби прибегала на

[4] Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 226—227.

айлау днем под предлогом помочь мужу по хозяйству. — А. Мухтар, Чинара. М., 1972, с. 14; Я его никогда не встречал на *яйлау*, но он сказал, что меня знает. — Там же, с. 19).

В русской речи Киргизии сейчас это слово нередко встречается в своей киргизской форме — *джайлоо*. Как заимствование из киргизского оно справедливо толкуется в книге "Могучий фактор национально-языкового развития" А.О. Орусбаевым (Фрунзе, 1981, с. 231). В качестве примера можно привести иллюстрацию из статьи Е. Григорьева и В. Широкова "Эти упрямые яки": Вместе с ними кочует с зимовки на *джайлоо* и обратно (Правда, 1982, 15 мая). Если учитывать речевую практику довоенных лет, то становится совершенно ясной тенденция при обозначении альпийских лугов Киргизии в русском тексте использовать сейчас слово в киргизской огласовке. В уже упоминавшейся книге "Родина" при описании Киргизии мы наблюдаем еще, если так можно выразиться, казахскую форму, ср.: *Джайлау* — особая страна, страна самых почетных, самых знаменитых в республике людей — колхозных табунщиков и гуртоправов (с. 546). Как видим, древнетюркское *jailay*, имея одну и ту же семантику — 'летнее высокогорное пастбище', функционирует в русской речи в разных национальных республиках то как *джайляу* (*джейлау, джайлау*), то как *джайлоо*, то как *яйла*, то как *яйлаг* и *эйлаг*.

Дистрибуция в употреблении этих форм связана с экстралингвистическими факторами: описанием данной реалии в той или иной республике. По существу одно и то же слово выступает в своих различных манифестациях, обусловленных спецификой того или другого языка, причем все это происходит в пределах единого русского литературного языка. Такой факт — явление (с точки зрения рефлексации, допустим, какого-либо праславянского слова) совершенно невозможное и удивительное. Ведь в русском языке рядом, скажем, со словосочетанием *город Москва* мы не говорим и не пишем *град Прага, град София, груд Варшава*, а используем единственную, свою собственную полногласную форму (автономное стилистически маркированное употребление старославянизма *град* принимать в расчет нельзя).

Фонетико-орфографическая вариативность *джайляу*, этимологически одного и того же праслова с одинаковой исходной этимологической семантикой, поднимает целый ряд важных нормативных проблем, связанных с культурой русской речи в целом и в ее реальном выражении (в том или ином национальном регионе, функциональных стилях речи, языке

художественной литературы и т.д.). Что делать с таким разнообразием вариантов? Оправданно ли их введение в порождаемый русский текст в публицистике? Насколько, каким образом и где целесообразно использование их в оригинальной и переводной художественной литературе на русском языке? В каких отношениях нелексикографированные варианты слов находятся с формами, уже зарегистрированными толковыми словарями? Вопросы сложные и трудные, однако требующие своего оптимального решения и в аспекте заботы о правильности и чистоте русского языка как средства межнационального общения народов СССР,и в аспекте активного взаимодействия в нашей стране языков в различных условиях национально-русского билингвизма.

Разумная унификация подобных фактов в литературном русском языке, думается, совершенно необходима, но проводиться она должна научно обоснованно, после серьезных исследований социолингвистического, лингвистического и стилистического характера. В качестве поспешной и научно не оправданной попытки кодифицирования можно назвать, например, нормативную оценку слова *сель* Э.Н. Кушлиной. Опираясь на будто существующую в языке тенденцию к устранению омонимов (это было убедительно опровергнуто В.В. Виноградовым), Э.Н. Кушлина предлагала в качестве правильной канонизировать форму *силь,* «чтобы избежать омонимии со словом "село", в сложном образовании селеопасный»[5]. Заметим, что тут же она делает немаловажное замечание: «В 17-томном словаре русского языка АН СССР отмечено „сель", которым, тем самым, подтверждается уже достаточная освоенность этого слова в русском языке». Вероятно, именно поэтому несколько позже Э.Н. Кушлина, учитывая сложившуюся традицию употребления слова (а этот фактор она правильно считает одним из самых важных при выборе орфографического варианта), рекомендует в качестве основной для обозначения грязекаменного потока уже форму *сель.* Убедительно при этом выглядят и приводимые автором производные: *селевой, противоселевой, селеопасный*[6].

Необходимость в разумных пределах оперативной кодификации в области лексических заимствований из языков народов СССР в русском языке (помимо социальной и коммуникативной важности этого) настоятельно диктуется также

[5] *Кушлина Э.Н.* Орфографирование среднеазиатских слов в русском языке. — Вопросы русского и общего языкознания/Учен. зап., сер. филол. Душанбе, 1965, т. 33, вып. 18, с. 43.

[6] *Кушлина Э.Н.* Таджикские и узбекские слова в русском языке. Душанбе, 1968, с 35.

активным процессом появления вариативности там, где еще недавно ее не существовало и в литературном эталоне, и в русской речи в национальных республиках. Ярким примером может здесь служить слово *аул*: В маленьком *ауле* Мурдук, где я родился, жизнь текла медленно, без особых событий... Ранней вьюжной весной в поселок въехал отряд тракторов с прицепными вагончиками... *Аул* заговорил на разных языках: украинском, белорусском, татарском... (Е. Кадралин, КазССР, Комс. правда, 1982, 31 мар.); *Аульчане* заговорили, заметались (Д. Досжанов, Полынь и цветы. М., 1971, с. 179, КазССР); До войны и в городе, и в *ауле* так работали (И. Черепанова, ТССР, Лит. газета, 1981, 30 сент.); Заночевали в машинах, а утром решили добраться до ближайшего *аула* пешком (корреспонденция из Бухары УзССР, Правда, 1982, 11 апр.); Любил он с этих гор смотреть на свой *аул;* На земле Жетысу — и знаменитый *аул* Чубар; Сейчас здесь три *аула* объединены в одно хозяйство; Председатель *аульного* Совета (А. Алимжанов, КазССР, Правда, 1982, 26 мар.).

В русском литературном языке данное слово хорошо известно с первой половины XIX в. Сейчас рядом с ним (стилистически и номинативно совершенно не мотивированные) в письменной русской речи, отражающей жизнь киргизов и тувинцев, появились национальные варианты *аил* и *аал*.

Распределение различных вариантов слова с идентичным значением 'селение' (в том числе и 'кочевье, стоянка кочевников'), по нашим наблюдениям, оказывается следующим. В большинстве случаев в русской речи народов Северного Кавказа, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана (в Средней Азии иногда рядом с более частотным существительным *кишлак*) употребляется форма *аул*: Тут он увидел всадника, спешившего к *аулу* (Б. Тлегенов, Белый простор, с. 4); После откочевки *аула* на джайляу саманки опустели (там же, с. 91); Ехал Кудайберген на место прежней стоянки *аула* (Р. Сейсенбаев, Всего одна ночь, с. 57); Ее муж Балаш в 30-х годах приехал из *аула* в Баку (М. Ибрагимов, Сердце Мединэ. М., 1981, с. 42); В *ауле* пир шел горой, доносились отовсюду песни, смех, голоса молодых, игры и забавы (Ч. Айтматов, Буранный полустанок. — Роман-газета, 1982, N 3, с. 90).

Но как только мы обращаемся к различным текстам на русском языке, посвященным Киргизии, мы встречаем слово *аил*. Особенно ярко данная вариативность проявилась в указанном издании романа Ч. Айтматова "Буранный полустанок". В тексте романа, в котором действие происходит в Казахстане, мы встречаемся только с формой *аул*. Но на обороте

обложки, где рассказывается об авторе, читаем, что он работал секретарем *аилсовета* (кстати, выше говорится, что он родился в *кишлаке* Шекер!).

В русской письменной речи тувинцев употребляется уже форма *аал*. Так, в переводах произведений С. Сарыг-оола мы находим: Близлежащим *аалам* предстояло обеспечить всю массу чиновников жильем и пищей (С. Сарыг-оол, Повесть о светлом мальчике. М., 1974, с. 140); Вместе с правдивыми вестями доходили до нашего затерявшегося в горах *аала* какие-то странные слухи (с. 179); Стрижка волос ребенка — это одно из празднеств, на которое зовут весь *аал* (с. 13); С этой песней мы въехали в *аал* (с. 130); Из *аала* выбежали люди (с. 132) и т.д.

И здесь, как в предыдущих случаях, возникает вопрос о статусе наблюдаемых фонетико-орфографических вариантов одного и того же слова в русской литературной речи и о выборе предпочтительного (если не единственного). С нашей точки зрения, разнозвучащие и разнонаписанные обозначения одного и того же понятия (речь не идет о словах типа *кишлак, село, селенье, деревня* и т.д.) ни лингвистически, ни социально здесь не оправданны потому, что в русском литературном языке давно существует освященная временем и узусом форма *аул,* введенная в русскую художественную речь классиками, стоявшими у истоков современного русского литературного языка, Пушкиным и Лермонтовым. Ср.:

В ауле, на своих порогах,
Черкесы праздные сидят.
.....
С полей народ идет в аул...

Пушкин, Кавказский пленник

Между Машуком и Бешту, назад
Тому лет тридцать, был аул, горами
Закрыт от бурь и вольностью богат.
.....
В ауле том без ближних и друзей
Когда-то жили два родные брата...

Лермонтов, Аул Бастунджи

Варианты *аил* и *аал* ничего не добавляют в поэтическую сокровищницу русского языка и поэтому не должны включаться в толковые словари. Подобное мнение высказывалось еще А.Е. Супруном, который отмечал, что "общая тенденция, присущая русскому языку в этом отношении, представляется направленной к единообразию, к унификации"[7], и в силу этого приходил к тому же выводу: "Для русского читателя

[7] *Супрун А.Е.* Не просто слово. — Киргизстан, 1956, N 1, с. 69.

более привычны формы *аул* или *кишлак,* и, пожалуй, целесообразно отказаться от форм *аил* и *кыштак* в русском языке... Опыт слова *джигит* ... показывает, что при единообразном употреблении слово лучше закрепляется в нашем языке и, значит, обогащает его"[8].

Проблемы, связанные с языковым развитием и культурой русской речи, возникают и тогда, когда мы рассматриваем значение, содержание и употребление одного и того же слова в разных социальных и национальных сферах коммуникации. Семантическая структура и экспрессивно-стилистические свойства таких слов (если они в словарях уже зафиксированы) в реальной речевой практике нередко осложняются и обрастают новыми фоново-коннотативными оттенками. Последние могут быть самыми разными: и такими, которые обусловлены внутренними семантическими законами русского языка, и такими, которые так или иначе отражают влияние того или иного национального языка или языков. Приведем два примера.

В русском литературном языке слово *джигит* известно с XIX в. и отмечается во всех толковых словарях со значением 'искусный наездник' (отсюда производные — *джигитовать, джигитовка*). *Ср.*: Толпой неистовой и резвой *Джигиты* наши в бой летят (Словарь языка Пушкина. М., 1956, т. 1, с. 641); — Послушай, Казбич, — говорил, ласкаясь к нему, Азамат: — ты добрый человек, ты храбрый *джигит*... (М.Ю. Лермонтов, Собр. соч. М., 1981, т. 4,с. 193);На ипподроме села Лыхны в Абхазии ветеран труда Георгий Гобечия на своем иноходце Алмас лихо проскакал 2-х километровую дистанцию и завоевал приз "Симпатии зрителей". Этому *джигиту*... 100 лет (Правда, 1982, 22 февр.); Татарский национальный праздник сабантуй... начался на лугах и полянах состязаниями *джигитов,* скачками, всеобщим искрометным весельем (там же, 18 июня); Туркменские *джигиты* на ахалтекинских лошадях за 83 дня успешно преодолели 4300 км (там же, 2 окт.). С указанным значением слово было усвоено русским языком из языков народов Кавказа.

В наше время рядом с ним в русском языке появилось новое существительное *джигит* — как вторичное заимствование из тюркских языков со значением 'парень' или 'мужчина': Юная красавица, восседавшая на головном верблюде, приподняла край плюшевой шали и окинула веселого *джигита* (речь идет о пешем молодом парне. — *Т.Б.*) насмешливым взглядом (Д. Досжанов, Полынь и цветы, с. 68); Теперь ты не мальчик — *джигит* (А. Алимжанов, КазССР, Прав-

[8] Там же.

да, 1982, 26 мар.); Постарел, пополнел *джигит,* и морщинки на лбу, и нет того блеска в глубине глаз. Время, *джигит!* (при встрече герою говорит его бывшая возлюбленная спустя 15 лет) (Р. Сейсенбаев, Всего одна ночь, с. 239); ...Да о чем ты говоришь? — Нуржанал даже всплеснула руками. Парень как парень. *Джигит* как *джигит;* Разве может *джигит* так распускаться! (там же, с. 32); Эй, *джигит,* ты это брось... Нечего так горевать (речь идет о многодетном отце, пожилом человеке и не наезднике. — *Т.Б.*) (С. Муратбеков, Лес в степи (Казахстан), Лит. газета, 1982, 14 апр.). В этом значении слово *джигит* выступает как синоним к словам *парень* или *мужчина,* что делает его лингвистически избыточным; более того, в ряде контекстов оно оказывается семантически недостаточно маркированным и создает двусмысленность (см. выше).

Отмеченные факты позволяют считать, что слово *джигит* в значении 'парень, мужчина' вряд ли обогащает наш язык. Поэтому нельзя согласиться с тем, что "такое употребление слова *джигит* не вызывает возражений, ибо расширение значения слова происходит по всему фронту русского языка, не нарушает утвердившихся в нем норм"[9].

Ведь на самом деле здесь наблюдается не семантическое развитие слова *джигит* по внутренним законам русского языка, а появление у него в русской речи в пределах отдельных национальных республик семантики, свойственной этому слову соответственного национального языка. Такое проявление варьирования в области семантики по отношению к данному слову, по нашему мнению, не нормативно (даже в перспективе), поскольку оно в качестве полностью освоенной лексической единицы имеет закрепленную и словарно освященную семантику, которая присуща ему как общеупотребительному слову современного русского литературного эталона.

По-иному приходится оценивать семантические инновации слова *дастархан.* Это существительное вошло в словарный состав русского языка после Октября и отмечено уже словарем Д.Н. Ушакова. В нем оно толкуется следующим образом: "угощение, блюдо из различных восточных сластей". Как показывает существующая речевая практика, с этой семантикой слово *дастархан* сейчас не употребляется. В настоящее время ему свойственны иные значения: 'скатерть', 'накрытый стол', 'праздничный стол': Мать заворачивает в скатерть-*дастархан* теплые лепешки... (Р. Фархади, Узбекистан, Комс. правда, 1982, 12 окт.); Она расстилает *дастархан,* вносит пышущие жаром лепешки (О. Латифи, Таджикская ССР,

[9] *Супрун А.Е.* Указ. соч., с. 69.

Правда, 1982, 21 апр.); Шофер убрал *дастархан* (А. Мухтар, Чинара, с. 22); Да и праздничный стол — *достархан* невозможно представить без конины и кумыса (В. Лесничев, В. Широков, КиргССР, Правда, 1981, 9 окт.); *Дасторхон* 1. скатерть; 2. *дастархан,* стол с яствами (К.К. Юдахин, Киргизско-русский словарь. М., 1965, с. 187); *Дастархан* то же, что *дасторхон* (там же.); ...блюдо с дымящимся душистым пловом водружается в центре *достархана* и становится гвоздем и украшением застолья (Ю. Романов, Киргизия, Правда, 1983, 16 мая).

Происхождение указанных значений объясняется процессом семантической деривации, развитием у слова на основе прямого номинативного значения различных переносных значений, в данном случае — переносом номинации с одного предмета на другой по смежности. Этот процесс скорее всего имел место уже в языке-источнике, каковым в данном случае, очевидно, является таджикский язык.

Ортологические проблемы возникают и при анализе употребления в русской речи слов *сель* и *джайляу* с их вариантами (выше они рассматривались лишь в фонетико-орфографическом плане) при обращении к их синтагматике. В русских текстах эти слова нередко встречаются в сочетаниях, содержащих такие лексические единицы, значение которых уже присутствует в их первоначальной семантике. Возникает своеобразная смысловая тавтология. *Джайляу* и его варианты — это высокогорные пастбища. *Сель* — бурный поток. Однако в русской речи неожиданно появляются словосочетания *высокогорный эйлаг, селевой поток*: Наши *высокогорные эйлаги* расположены очень далеко и, главное, на большой крутизне (Коммунист, Ереван, 1982, 11 июня); На город, поля, сады хлынуло несколько *селевых потоков* (Узбекистан) (Правда,1982, 2 янв.); Деревья "усмиряли" *селевые потоки* (Туркмения) (Правда, 1982, 14 апр.).

Подобные явления можно отметить относительно слов *дувал, отара* и др. Ср. сочетания *глинобитные дувалы, овечьи отары,* хотя изначально существительное *дувал* значит 'глинобитный забор, стена', *отара* — 'стадо овец': Через *глинобитные дувалы* свешивались на улицу усеянные гроздьями виноградные лозы (Узбекистан) (А. Мухтар, Чинара, с. 29); Госкомитет по лесному хозяйству республики добивается, чтобы на территории, где посажены деревья, где крепнут саженцы, полностью прекратили пасти *овечьи отары* (Таджикистан) (Правда, 1982, 15 апр.).

В ортологическом отношении такого рода факты на современном этапе могут восприниматься и иногда квалифицируются

как ненормативные, хотя, если иметь в виду динамику языка, диахроническое расширение или сужение значения слова, его отрыв от этимологического значения (иногда вплоть до энантиосемии) — это семасиологическое явление, представляющее собой лингвистическую закономерность.

Затронутые вопросы культуры русской речи тесно связаны также и с презентацией иноязычных лексических инноваций в пределах того или иного письменного текста (как публицистического, так и художественного). Здесь часто наблюдается и чрезмерное, и совершенно неоправданное использование лексики из языков народов СССР в случаях, когда соответствующие реалии легко обозначаются существующими в русском языке средствами, и введение их в русскую речь без толкования, и разное по степени удачности и точности толкование (путем синонимизации, перифрастического описания, с помощью контекста и этимологизации и т.д.).

Осторожное, тактичное и лингвистически обоснованное вмешательство в процесс и приемы употребления лексических единиц (особенно окказиональных) представляется совершенно необходимым. Неумеренное использование такого рода слов (так же как и русских диалектизмов, узкопрофессиональных слов и арготизмов) засоряет образуемый русский текст, затрудняет коммуникацию, резко снижает прагматическую и эстетическую ценность сообщаемой информации, ведет к все большему и большему варьированию письменной русской речи в союзных и автономных республиках (об устной речи мы уже и не говорим, поскольку там действует также очень сильная межъязыковая интерференция, а не только сознательное использование фактов родного языка).

Лексические инновации, появляющиеся в русском языке как следствие влияния на него лексики языков народов СССР, ставит перед русистами в плане борьбы за культуру русской речи также и ряд других проблем. Они связаны, в частности, с кодификацией их фонетического и графического облика в русском языке, характером грамматического и словообразовательного оформления, границами их деривативных способностей и т.д.

Во всех этих проблемах многое пока еще в нормативном аспекте неясно, а значит, требует дальнейших научных изысканий, основанных на глубоком и всестороннем анализе соответствующих явлений в большом языковом контексте и на широком диахроническом и синхронно-сопоставительном фоне, с оценкой разбираемых фактов и как отдельных лексических единиц, и как элементов определенных номинативных микросистем.

РУССКАЯ РЕЧЬ В УКРАИНСКОМ ЯЗЫКОВОМ ОКРУЖЕНИИ (ЛЕКСИКА)

На территории Украинской ССР проживает около 100 различных национальностей. Здесь широко распространено двуязычие и многоязычие. В некоторых районах республики (например, в Измаильской области, в Закарпатье) представители ряда народов, расселенных в полосе этнического смешения, достаточно свободно говорят на нескольких языках, чаще всего — на языке своей национальности, украинском и русском[1]. Подобного рода языковая ситуация благоприятствует расширению сфер действия русского и украинского языков.

Двуязычие на Украине носит двусторонний и преимущественно массовый характер. Эта двусторонность и массовость определяются прежде всего внешнелингвистическими факторами — историческими, социологическими, демографическими, а также структурно-типологической близостью русского и украинского языков и высокой степенью их взаимных контактов, активизирующих процессы взаимодействия этих языков.

Функционирование русского языка в близкородственном окружении имеет ряд особенностей лингвистического плана. Основные из них заключаются в том, что в результате взаимодействия близкородственных языков появляются прямые, непосредственные двусторонние заимствования, а главное — возникает фактор творческого возбуждения и активизации собственных внутренних возможностей в одном из языков под воздействием другого. На эти потенциальные способности языков к дальнейшему развитию их структуры и стилистических средств указывали в свое время А.А. Потебня, Л.А. Булаховский и другие исследователи. Однако "влияние внешних факторов (территориальные диалекты, контакты с другими языками и др.) результативно сейчас уже только в тех случаях, когда они действуют в направлениях, совпадающих с внутренними устремлениями литературного языка"[2].

К особенностям взаимодействия близкородственных языковых систем относится также большая или меньшая, зависящая от ряда внутренних и внешних факторов, проницаемость практически всех их уровней. Наиболее выразительно эта проницаемость проявляется в устных формах речи. Так,

[1] См.: *Наулко В.И.* Развитие межэтнических связей на Украине. Киев, 1975, с. 144.

[2] *Горбачевич К.С.* Русское ударение. — Рус. речь, 1979, N 1, с. 81.

при частом переключении с одного языка на другой в речи лиц, недостаточно твердо и совершенно владеющих языковыми нормами, обычно возникает явление, которое в языкознании получило название интерференции. Наиболее простым проявлением интерференции оказывается отклонение от норм данного языка, вызванное воздействием на него другого языка.

Одной из наиболее важных проблем исследования функционирования русского языка в близкородственном языковом окружении является изучение процессов воздействия этого окружения как на письменную, так и на устную русскую речь. Механизм этого воздействия наиболее отчетливо выступает на фоне сравнительно-сопоставительного анализа лексико-семантического уровня русского и украинского языков. Сопоставительное изучение основных лексико-семантических и тематических групп слов русского и украинского языков позволяет выделить весьма значительный общий лексический фонд этих языков. К нему обычно относят не только идентичные слова, но и слова с общими корнями (или основами) и специфическим фонетическим и словообразовательным оформлением.

Общий лексический фонд русского и украинского языков включает в свой состав многие слова, употребляемые для наименования жизненно важных реалий, действий, явлений, признаков и т.д., например названия реалий неживой природы (*земля, вода, река — ріка*), атмосферных явлений (*дождь — дощ, снег — сніг*), небесных светил (*Марс, Меркурий — Меркурій*), деревьев, овощей, злаков (*дуб, яблоня — яблуня, ячмень — ячмінь*), домашних животных и зверей (*конь — кінь, коза, лиса — лисиця, заяц — заець*), птиц (*орел, синица — синиця, дятел*), насекомых (*муха, оса, комар*), рыб и земноводных (*карась, жаба*), отношений родства и свойства (*мать, дед — дід, теща, невестка — невістка*), внутренних органов и частей человеческого тела (*голова, нос — ніс, живот — живіт*), болезней (*оспа — віспа, кашель*), реалий и явлений из общественно-хозяйственной и экономико-производственной сфер жизни людей (*село, мост — міст, завод, фабрика, станок*), предметов домашнего обихода (*стол — стіл, ведро — відро*), еды (*сало, каша, мясо — м'ясо*), одежды, головных уборов, обуви (*шапка, плащ, штаны — штани*), людей, предметов, помещений и т.д., связанных с промышленным и ремесленным производством (*токарь — токар, столяр, рудник*), и т.д.

Общий лексический фонд русского и украинского языков содержит также большое количество общих глаголов и прилагательных, употребляемых для наименования жизненно необхо-

димых действий, процессов (*ходить — ходити, спать — спати, дышать — дихати*), духовных и физических качеств людей и животных (*добрый — добрий, гордый — гордий, худой — худий*), цвета (*белый — білий, зеленый — зелений*) и т.д.

К русско-украинскому общему лексическому фонду относятся также количественные и порядковые числительные, многие местоимения, наречия, большинство непроизводных предметов и союзов. Подобные словесные ряды свидетельствуют о большом удельном весе слов, принадлежащих к общему фонду в лексическом составе каждого из языков. По своему происхождению они в большинстве случаев относятся к общеславянскому и общевосточнославянскому лексическим фондам. Однако лексическая общность в братских языках часто возникала в результате общих словообразовательных, семантических и других процессов, характер которых определялся большой близостью внутрённих структур восточнославянских языков, и стимулировалась тем, что оба языка унаследовали из древнерусского не только слова, но и тенденции развития их семантики, словообразования, лексической сочетаемости и т.д.

Большую роль в формировании общего лексического фонда русского и украинского языков сыграли процессы их творческого взаимодействия на протяжении всего исторического развития.

Значительное место в составе общего лексического фонда русского и украинского языков занимают слова, возникшие или активизировавшиеся в этих языках в советское время. Большинство из них входит в состав общего лексического фонда языков народов СССР. В основном это лексика наименований социально-политического и экономического характера, новых общественных отношений, понятий марксистско-ленинской идеологии (*ленинизм — ленінізм, большевик — більшовик, парторг, райком, комсомол, ударник, комсорг, передовик* и т.д.).

Наряду с общим русско-украинским лексическим фондом лексика каждого из этих языков содержит большое количество свойственных только ему слов. Среди так называемой дифференциальной лексики в трудах по восточнославянской исторической лексикологии обычно устанавливаются три категории слов: 1) слова, возникшие на базе наличных в словаре языка-источника слов, различных по семантическому объему и другим характеристикам, обусловленным его диалектным членением и некоторыми другими факторами; 2) слова как результат неравномерной утраты и видоизменения слов языка-

источника и их значений в истории отдельных языков; 3) слова, появившиеся в результате новообразований и заимствований в каждом из языков.

Семантические расхождения весьма выразительно прослеживаются в отдельных лексико-семантических группах слов. Так, например, основная тенденция развития лексико-семантической группы наименований одежды и головных уборов проявилась в уменьшении количества общих наименований одежды, в семантической и частично стилистической дифференциации старых и новых наименований. В результате этих процессов резко изменилась структура этой лексико-семантической группы в сторону дифференциации в русском и украинском языках названий одежды и материалов. Ср.: рус. *платье,* укр. *одяг;* рус. *платье,* укр. *сукня;* рус. *юбка,* укр. *спідниця;* рус. *рубаха, рубашка* (и *сорочка*), укр. *сорочка;* рус. *шляпа,* укр. *капелюх, бриль* (и *шляпа*).

Специфические наименования в русском и украинском языках имеют разновидности национальной одежды, например: рус. *сарафан,* укр. *плахта,кептар* и т.д. Ср. также наименования национальных блюд: рус. *щи, кулебяка,* укр. *вареники, галушки, перепічка, затірка* и т.д. Заметные расхождения наблюдаются и в лексико-семантической группе наименований месяцев: рус. *январь,*укр. *січень;* рус. *февраль,* укр. *лютий;* рус. *март,* укр. *березень* и т.д. Эти расхождения объясняются тем, что русский литературный язык воспринял латинскую традицию, а украинский (как и белорусский) — древнейшие славянские наименования.

Кроме того, в украинском языке имеется целый ряд слов, отсутствующих в русском, например: *бентежити, віхола, вовтузитися, глузд, глузувати, гребувати, достеменний, дошкуляти, загалом, зайвий, захаращувати, кліпати, копирсати, корж* и мн. др. Л.А. Булаховский отмечал, что "с точки зрения лексической — лицо украинского языка очень выразительное в сравнении с другими славянскими языками"[3].

К специфически русской лексике, отсутствующей в украинском языке, следует отнести слова: *отличие, отлично, искать, крепкий, желать, желание, позор, сторонник, ружье, зрение, зритель, одушевленный, жечь, ожечь, ожесточить, уединение, ужас, уживчивый, узы, уйма* и мн. др.

Однако большинство компонентов лексики русского и украинского языков имеет общие корни и различается лишь фонетическим и словообразовательным оформлением.

---

[3] *Булаховський Л.А.* Виникнення українсько мовиіта ii положення серед інших слов'янських. Київ, 1948, с. 10.

Функционируя на Украине параллельно с национальным языком республики[4] и находясь с ним в тесных творческих контактах, русский язык подвергается здесь интенсивному воздействию украинского языка, свободно заимствуя из него различные элементы. "Заимствованные из таких родственных языков слова, — отмечал С. Булич, — близости родства между языками заимствующим и дающим прекрасно укладываются в систему языка заимствующего и, не противоречивя сильно его фонетическим и морфологическим особенностям, но в то же время представляя некоторые отличия, дают богатый материал для семасиологического развития языков"[5].

Украинские лексические элементы, активно проникая в различные функциональные стили и формы русской речи, наиболее интенсивно воздействуют на устную русскую речь (особенно устно-разговорную ее разновидность) и художественно-беллетристический, несколько менее — публицистический (в частности, язык периодики) функциональные стили.

В функциональном плане[6] в русской устной и письменной речи на Украине обычно выделяют три группы украинизмов:

Первая группа лексических украинизмов включает украинские по происхождению экспрессивно-нейтральные слова, употребляющиеся для создания украинского локального колорита и в большинстве своем вошедшие и закрепившиеся в русском литературном языке с соответствующими литературными пометами[7]. Это, например, слова, отображающие понятия и реалии из истории украинского народа (*запорожец, булава, гетман*), его культуры (*трембита, кобза, кобзарь*), быта (*плахта, паляница, вареники, галушки, очипок*) и др. В советское время в русский литературный язык вошли и закрепились в нем такие украинские слова, как *хата-лаборатория, пятисотенница, тысячница, хлебороб, селянин,* а также созданные по этой модели *землероб, хлопкороб.*

[4] См.: *Ижакевич Г.П.* Роль русского языка в общественной, культурной и языковой жизни Украинской ССР. — В кн.: Русский язык как средство межнационального общения. М., 1977, с. 41—58.

[5] *Булич С.* Заимствованные слова и их значение для развития языка. — Рус. филол. вестн., Варшава, 1886, N 2, с. 435.

[6] *Коробчинская Л.А.* Культура русской речи на Украине. — В кн.: Про культуру мови. Київ, 1964, с. 35.

[7] Поскольку вопросы стилистического использования украинской лексики в русских произведениях художественно-публицистического и публицистического стилей на Украине исследовались в книге "Культура русской речи на Украине" (Киев, 1976), здесь освещаются лишь отдельные факты проникновения украинской лексики в русские художественные произведения последних лет. Основное внимание уделено украинской лексике в устно-разговорной форме русской речи на Украине.

Употребление данной категории украинских по происхождению слов широко распространено не только в русской речи на Украине, но и в русском литературном языке в целом, где данная категория лексических украинизмов выступает как средство создания украинского исторического и локального колорита. Ср.: Выходит, мы с вами *единомышленники,* или, как говорят на Украине, *однодумцы...* (К. Кожевникова, Куда течет жизнь. — Лит. газета, 1979, 13 июня, с. 10); На низинных луговинах еще можно увидеть *лелеку* — так называют на Украине *аиста* (там же); ...А построить тут ферму, то есть создать перспективу для нормальной жизни *селянина,* чьи деды и прадеды сеяли на этой земле хлеб, разводили скот, устраивали рождественские *колядки,* варили отменный *борщ с пампушками* да *вареники,* которые нигде, кажется, не умеют делать так, как на *хуторах* в окрестностях Диканьки (там же).

Вполне естественно, что в русской письменной и устной речи на Украине эти лексические украинизмы представлены значительно шире и семантически более многообразно, чем это наблюдается в русской речи других регионов. Ср. в русской художественной литературе Украины: Я знал тебя по песням *Кобзаря,* /Дошедшим к нам по горным перевалам (Н.А. Постников, Глоток из родника. Киев, 1976); И сам вручал я партбилеты позднее *хлопцам* молодым (там же); Он худ, но ростом не обижен и *рушниками* перевязан (Э.И. Январев, Корабельные баллады. Киев, 1977); Курил *цигарку,* горбясь хмуро (Б.Д. Палийчук, Рубежи. Киев, 1976).

Среди лексических украинизмов данной группы следует особо выделить украинские слова диалектного происхождения, часть из которых вошла в русский литературный язык и фиксируется его словарями в качестве наименований реалий локального характера. Этого рода украинизмы особенно распространены в русской художественной литературе Украины, тематически связанной с отдельными ее территориальными ареалами. Ср.: Отчий край, простые хаты,/ Звук встревоженных *трембит* (С.И. Панько, Утренняя мелодия. Ужгород, 1977); Шагал *верховинец* тропинкой тернистой /Да к счастью дорогу искал (там же); Повзрослел в беде *хлопчина,* надевать *крисаню*[8] стал (там же); Вновь прячет солнышко лицо /За *смерековым* частоколом (там же).

Лексические украинизмы, создающие украинский колорит, весьма широко распространены и в русской устной речи на Украине. Практически они проникают во все ее разновидности,

[8] *Крисаня* — шляпа с широкими полями.

начиная от устных стилей массовой коммуникации, лекционной пропаганды, уроков в школе и кончая разговорно-бытовыми сферами, например: Чтобы ярче противопоставить народ тем, кто его угнетает, *панам,* в картине "Богдан Хмельницкий" показаны их *маетки,* залы, крепости (из беседы на киностудии); Немало женщин в первые послевоенные годы привлекались к работе в так называемых комитетах бедноты, комбедах, а по-украински они тогда назывались *комнезамы* (из выступления по радио); А вот эту *сорочку* мне моя *жинка* вышила в подарок; Сегодня так холодно, что пришлось свой старый *кожушок* доставать (из беседы).

К лексическим элементам украинского языка, при помощи которых обычно создается украинский колорит в русской речи, относится весьма разнообразный украинский ономастикон: географические наименования, имена людей, названия литературных произведений, учреждений, магазинов, кафе и т.д., например: Бурлит *Днепро*, вдали синеют горы (Б.Д. Палийчук, Рубежи); Леша, бери весло... И ты, *Сашко,* очнись! (В.И. Сиченко, Жажда высоты. Киев, 1976); Зал для свадьбы родители Сергея заказали через объединение "*Веселка*", и свадьбу теперь будем справлять в кафе "*Троянда*" (из беседы).

В русской устной речи украинские ономастические наименования, как правило, на русский язык не переводятся, ср.: Завтра гости поедут осматривать молочную ферму лучшего в нашем районе колхоза "*Шлях до комунизму*" (беседа в райисполкоме); По дороге заедем в кафе "*Хвылынка*" и там что-нибудь перекусим (из беседы).

В русской устной речи Украины и особенно в разговорно-бытовой ее разновидности, которая является наиболее проницаемой для украинских речевых элементов, локализуются и приобретают значительное распространение украинизмы, связанные с реалиями быта, этнографическими и национально-культурными особенностями народа, например названия украинских национальных блюд (*лемешка, затирка, медяники, галушки, печеня*), огородных и полевых растений, цветов, деревьев, овощей и т.д. (*бульба, гарбуз, кавун, рожа, мальва, пивники, красульки* и т.д.), музыкальных инструментов (*кобза, бандура*) и т.д.

Та украинская лексика, которая в письменной речи, в частности в художественной литературе, выступает как средство создания местного колорита, в разговорно-бытовой речи на Украине сама является как бы результатом, порождением этого колорита, т.е. окружающей украинскоязычной среды. В функциональном плане украинские слова здесь употребляются для более полного взаимопонимания между носителями русского

и украинского языков. Иногда в процессе живой, спонтанной речи для наименования одной и той же реалии или понятия одновременно употребляются и русские и украинские слова. При этом одно из них как бы раскрывает, уточняет содержание, выраженное другим, ср.: Дайте мне, пожалуйста, семена Анютиных глазок, *братки*, кажется, по-украински эти цветы называются (из разговора в магазине); Такая уж у нас *доля* сложилась, ничего не поделаешь, как в народе говорят, от судьбы никуда не уйдешь (из частной беседы).

В русской устно-разговорной речи на Украине фиксируются и некоторые украинские слова из производственно-экономической сферы. Это прежде всего украинизмы типа *радгосп, колгосп, колгоспник, шахтар, шахтарка, будова, будивельник, комора* и т.д., например: Наши *будивельники* последнее время значительно лучше дома строить стали (из выступления на собрании колхозников); Брату моему одна *шахтарочка* молоденькая приглянулась было, да чем-то он ей не подошел, так свадьба и не состоялась (из частной беседы); Наши *колгоспники* сейчас в домах и мебелью современной пообзаводились, и телевизоры цветные приобрели (из беседы в правлении колхоза).

Большинство украинских лексических элементов первой группы обычно фиксируется главным образом в русской речи украинцев. Однако встречаются они и в речи русского населения Украины, которое в подавляющем большинстве в той или иной степени владеет украинским языком и находится в постоянных контактах с украинскоязычным населением республики. Из речи русского населения Украины (как, впрочем, и из русской речи украинцев) украинские лексические элементы проникают в русскую речь основного ареала ее распространения. Таким образом в советское время определенное количество украинских слов, связанных преимущественно со сферой сельскохозяйственного производства, проникло в русский литературный язык и закрепилось в нем, нередко утратив украинский локальный колорит.

Ко второй группе лексических украинизмов, активно функционирующих в русской речи на Украине, а также и за ее пределами, относятся украинские слова, приобретающие в письменной и устной речи экспрессивно-эмоциональную окраску и выступающие синонимами нейтральных русских соответствий. Часть этих лексических украинизмов в то же время входит в состав русских диалектов или разговорно-просторечных сфер русской речи. В русской речи, в том числе и художественной, за пределами Украины эта категория слов, общих для украинского и периферийных сфер русского языка, часто

теряет свой украинский колорит. Утрата украинского колорита этими словами, очевидно, и объясняется их функционированием в составе периферийных пластов русской лексики, ср.: *Хлопцев* много... Слыхали небось: в нерабочее время экскаватор сделали фестивалю в подарок (В. М. Песков, Шаги по росе. М., 1964).

В русской же речи Украины, как в письменной, так и в устной, эти общие для украинского и периферийных сфер русского языка слова, как правило, не утрачивают украинского колорита, сохраняя при этом и свой эмоционально-экспрессивный заряд, ср.: И песни утренний привет — Как шелест ветра у *криницы* (Н.А. Постников, Глоток из родника); Где-то здесь по прямой (от аптеки) /Поселились когда-то *лелеки* (Ю. Каминский, Пора ледохода. — Весенняя радуга. Киев, 1976); А село свое *Лелековкой* назвали (там же); И пошли по свету сестры /*Долю-доленьку* искать (С.И. Панько. Утренняя мелодия); *Ставок* дымится — так вода тепла (В.В. Митрохин, Дорога. Симферополь, 1976); Ливень пляшет, лихо пляшет... /Он в *сорочке-вышиванке,* /Подпоясан кушаком, /Пляшет звонко, будто склянки/ У него под каблуком (Н.Д. Мирошниченко, Отцовское крыльцо. Донецк, 1977); Мой дед стучал в замерзшее окно: /Мороз, Мороз, иди же к нам *вечерять* (там же); *Байки,* шутки — в полной норме, будто прибыли на бал (Ю.В. Петров, Светлогорская тетрадь, Киев, 1976); И дамы иностранные (и *парубок* с комбайна) довольно-таки странная подобралась компания! (Н.Ф. Тарасенко, Солнцеворот. Симферополь, 1977).

Большинство вышеприведенных лексических украинизмов включается русскими поэтами Украины в художественные произведения сознательно и целенаправленно. Создавая украинский локальный колорит, эти слова вместе с тем выступают стилистически маркированными элементами и являются средством речевой экспрессии. "В некоторых семантических сферах, — отмечает У. Вайнрайх, — имеется общая потребность в синонимах, в особенности когда речь идет об экспрессивной лексике, призванной заменить слова, утратившие свою экспрессивность"[9].

Именно потребностью в средствах синонимического выражения, очевидно, объясняется и весьма широкое употребление экспрессивно маркированных украинизмов в русской устно-разговорной речи Украины. "Речь устно-разговорной разновидности как речь коммуникативная и как речь устная всегда адресована. С этим связана высокая степень ее эмоциональ-

[9] *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие. — В кн.: Новое в лингвистике. М., 1972, вып. 6. Языковые контакты, с. 42.

ности и экспрессивности. Поэтому наряду со свойством автоматичности ей присуще и противоположное свойство — богатые возможности выбора стилистически необходимого варианта"[10]. Вместе с тем устной речи в отличие от письменной присущи спонтанность и непринужденность, влияющие на выбор речевых средств. Поэтому если в письменную речь стилистически маркированные украинизмы, как правило, включаются сознательно, целенаправленно, для достижения определенного стилистического эффекта, то в устно-разговорную речь эти украинизмы в большинстве своем проникают спонтанно, непреднамеренно, сохраняя при этом колорит экспрессии.

"Разговорная речь — это речь, тесно связанная с ситуацией говорения, т.е. с нелингвистическим окружением. Условия общения говорящих, прямой контакт со слушателем, поддержка языковых кодовых знаков другими кодами — жестом, мимикой, — все это вместе взятое определяет своеобразие выбора слов и моделей построения речи"[11]. Именно этой особенностью разговорной речи обусловлено включение в ее состав лексических элементов украинской речи, которые нередко здесь приобретают характер своеобразных актуализаторов определенных компонентов высказывания, ср.: А когда этот тип меня в окно увидал, то очень испугался и так *чкурнул,* что аж пятки засверкали (из частной беседы); Сейчас за стол сядем, вы же к нам в гости пришли, а не только на *розгляданы* квартиры нашей новой (там же); Все хорошо здесь: и окна большие, света много, *закапелочек* этот только *трошки* маловат (там же).

К третьей группе лексических украинизмов относятся слова, включаемые в устно-разговорную, а иногда и в письменную (в том числе и художественную) русскую речь на Украине без какой бы то ни было семантико-стилистической целевой установки. Такого рода включение в русскую речь элементов украинской речи является показателем невысокой речевой культуры говорящего или пищущего. Украинизмы, лишенные семантико-стилистической маркированности встречаются в языке отдельных русских художественных произведений на Украине, снижая их художественно-эстетические качества, например: Растаяла ночная *мряка,* /ее рассеяли огни... (Ю.В. Петров, Светлогорская тетрадь); Свой букетик невеста, *засмутясь,* на цемент положила (Н.Ф. Тарасенко, Солнцеворот); Савельич понял все, поскольку был толков, /и тут же *поскликал* знакомых стариков (Э.И. Ян-

[10] *Лаптева О.А.* Русский разговорный синтаксис. М., 1976, с. 97.
[11] Русская разговорная речь. М., 1973, с. 407.

варев, Корабельные баллады); Танк веду (начать — так с танка), /вдруг *дывлюсь* (слова свои) — /за Сосновкой (точность факта) /фрицы (лексика войны) (там же); По тайге скучаю *часом* /Больше, чем по ласке, /Но струне, ревущей басом, /Не даю огласки (Н.А. Постников, Глоток из родника); Знай, печаткой стукай, стукай, / Повинуйся сам спине (С.И. Панько, Утренняя мелодия).

Письменная форма речи в целом "обязывает к строгому отбору речевых средств[12], и подобное стилистически нецеленаправленное, хаотическое включение элементов украинской лексики в художественные произведения представляется недопустимым. Такие слова засоряют русскую речь, а в ряде случаев создают в русском тексте смысловую двузначность, выступая в виде омонимов по отношению к соответствующим русским речевым эквивалентам, например: Они тянулись без конца, они дышали южным *пылом* (Э.И. Январев, Корабельные баллады) (ср. укр. *пил — пыль*, рус. *пыл* — 1. *сильный жар, пламя;* 2. *сильное внутреннее возбуждение, страстный порыв*); Когда под грозный залп "Авроры" /родился наш *советский свет!*[13] (Д. Даен, Эхо. — Весенняя радуга); Сердце тратит *запал. Световые проблемы*[14] (Н.Ф. Тарасенко, Солнцеворот); Какая грусть подозревать, / какая *смутная* утрата (там же) (ср. укр. *смутний, -а — грустный; -ая*, рус. *смутный — 1. полный смут, беспорядков, мятежей, мятежный;* 2. *полный смятения, волнения, тревожный, беспокойный;* 3. *неясный, неотчетливый, неопределенный*); И голый куст *сдаётся*[15] спрутом (С.И. Панько, Утренняя мелодия).

Близкородственные русский и украинский языки при наличии большого количества общих слов и близости грамматического строя имеют в то же время весьма значительные, хотя порой едва заметные, расхождения в сочетаемости слов[16].

---

[12] *Лаптева О.Л.* Указ. соч., с. 40.

[13] Несмотря на то что основные значения укр. *світ, світло* и рус. *свет* совпадают, лексическая сочетаемость этих слов со словом *советский* (*радянський*) различна. В русском языке употребительно *советский мир*, в украинском — *радянський світ*. Словосочетание *советский свет* не свойственно русскому языку, оно искусственно создано поэтом под воздействием украинского *радянський світ*.

[14] *Световые проблемы* в русском языке неупотребительно; здесь создано искусственно под воздействием укр. *світові проблеми*.

[15] *Сдаётся* здесь транспонировано из украинского языка (*здається—кажется*). В русском языке глагол *сдаваться* этого значения не имеет. Ряд других значений укр. *здаватись* и рус. *сдаваться* действительно совпадает.

[16] *Кочерган М.П.* Изучение лексической сочетаемости слов. — Рус. язык и лит. в школах УССР, 1979, N 1, с. 15—16.

Под воздействием норм украинского словоупотребления в русской речи на Украине, особенно в ее устно-разговорной форме, наблюдается нарушение норм словоупотребления русского литературного языка. В результате этих нарушений некоторые билингвы с недостаточно высокой языковой культурой, в том числе и учащиеся средней школы, твердо не усвоившие еще норм русского литературного словоупотребления, допускают перенос моделей лексической сочетаемости украинского литературного языка в свою русскую речь, например: Очень *много времени* у нас, врачей, *забирают* записи в карточки (из беседы с врачом) (ср. укр. *забирати час* и рус. *отнимать время*); Мне давно уже *в глаза впало,* что Петя по вечерам куда-то надолго отлучаться стал (из беседы) (ср. укр. *впадати в очі* и рус. *бросаться в глаза*); В соревнованиях по волейболу многие ребята из нашего класса будут *брать участие* (из беседы в школе) (ср. укр. *брати участие*); Оля эту теорему тогда правильно *довела,* а учитель ей поставил тройку (там же) (ср. укр. *довести теорему,* рус. *доказать теорему*); *Одолжите мне,* пожалуйста, пятьдесят рублей до зарплаты (из беседы) (ср. укр. *позичити комусь гроші* и *позичити у когось гроші,* рус. *одолжить кому-нибудь деньги,* но *занять у кого-нибудь деньги*) и т.д.

Включение лексических украинизмов в речь билингвов обычно происходит непреднамеренно, спонтанно. Причиной обращения говорящих к подобной лексике является отсутствие в их речевом сознании четкого разграничения лексических единиц русского и украинского языков, что весьма часто приводит к межъязыковому паронимическому словоупотреблению и образованию гибридных, контаминированных форм, например: Развитию литературы у нас *приделяют* (вместо *уделяют. — Г.И.*) много внимания (из сочинения абитуриентов); Когда еще я в школе учился, то *успешность* (вместо *успеваемость. — Г.И.*) у меня всегда была хорошая (из беседы на киностудии); Когда я его стук услыхала, то аж *здрыгнулась* (вместо *содрогнулась. — Г.И.*), так мне страшно стало (из беседы); Я в Киеве *перебуваю* (вместо *пребываю. — Г.И.*) уже две недели, скоро и домой отправляться (из беседы).

Особенно широко в устно-разговорную речь билингвов с невысокой общей речевой культурой механически включаются украинские служебные части речи: междометия, частицы, союзы, предлоги. Ср.: А вы знаете, *що* значит стать на заводе лекальщиком? (из беседы в заводском цехе); В том углу *теж* надо *щось* поставить (из беседы).

Отдельные незнаменательные части речи, особенно частицы,

иногда проникают и в русские художественные произведения, выступая в них средством создания украинского локального колорита, ср.: Завал. Машинам передышка, /А у меня *аж* дым с бровей... (В.Я. Левенко, Когда улыбается солнце. Симферополь, 1977); Вот на балкон выводят деверя/*хай* просвежится голова (Э.И. Январев, Корабельные баллады); Поведет рассказы старый /*Аж* до первых петухов... (С. И. Панько, Утренняя мелодия).

Различного рода бесконтрольное употребление украинских слов в русской речи на Украине наряду с другими нарушениями ее правильности и чистоты должно всячески преодолеваться и изживаться прежде всего в средней школе при внимательном изучении норм современного русского литературного языка с одновременным учетом результатов взаимодействия русского и украинского языков.

Воздействие украинского языка на письменную и устно-разговорную форму русской речи на Украине не является односторонним. В условиях массового русско-украинского и украинско-русского двуязычия, распространенного в республике, процессы русско-украинского языкового взаимодействия, в частности в области лексики, чрезвычайно интенсифицируются и носят взаимный, двусторонний характер. Национальный язык республики — украинский — в свою очередь подвергается активному воздействию русского языка, функционирующего на Украине параллельно с украинским в различных сферах общественно-политической, экономической и культурной жизни. При этом общим критерием допустимости и эффективности использования лексических элементов украинского языка в русской речи и элементов русского языка в украинской письменной и устно-разговорной речи выступает наличие или отсутствие дополнительного семантико-стилистического колорита, который вносит та или иная лексема (словосочетание, высказывание и т.п.) одного языка в речевой контекст другого.

О ТРЕХ ОРТОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В БЕЛОРУССИИ

Характер первоочередных задач белорусской русистики определяется спецификой языковой ситуации в республике. В связи с этим на первый план выдвигаются задачи теоретической разработки проблем взаимодействия близкородственных языков, социолингвистического исследования живых этноязыковых процессов во всей их многоплановости, создания учебников, справочников, практических пособий продвинутого типа, координирования исследований, проводимых кафедрами русского языка вузов республики, подготовки специалистов по проблемам социолингвистики и двуязычия.

Одной из важнейших задач является разработка многоаспектной проблемы культуры русской речи в условиях белорусско-русского и русско-белорусского двуязычия. В данной статье эта проблема рассматривается в трех аспектах: фонетическом, паралексическом и лингвоэстетическом. Выбор данных аспектов обусловлен их особой значимостью для изучения проблемы в целом, а также характером социолингвистической ситуации в республике — широким распространением белорусско-русского и русско-белорусского двуязычия.

1. Фонетический аспект культуры русской речи. В процессе речевой коммуникации в условиях Белоруссии взаимодействуют четыре звуковые системы: фонетика первичного языка билингва (соответствующий сельский или городской диалект), фонетика белорусского литературного языка (школа, радио, телевидение, театр и т.д.), фонетика русского литературного языка (школа, телевидение, кино и т.д.) и фонетический узус русской речи окружения (который зачастую совпадает с первичным языком билингва). Не менее важным является и то обстоятельство, что сейчас даже в сельской местности белорусские дети овладевают русским языком уже в дошкольном возрасте (по крайней мере на перцептивном уровне), и усвоение это происходит естественным прямым методом, что способствует длительному (а чаще вообще постоянному) сохранению белорусских диалектных черт в русском произношении. Если учесть, что в фонетических системах русского и белорусского языков есть много подобных, но не идентичных черт, а безакцетное владение русским языком наблюдается лишь в некоторых сферах коммуникации, то следует признать, что сущность протекающих при близкородственном белорусско-русском билингвизме процессов и орто-

логические проблемы нельзя раскрыть, исходя из известного тезиса У. Вайнрайха о том, что размеры потенциальной сферы интерференции и объем трудностей при обучении второму языку прямо пропорциональны расстоянию между системами контактирующих языков[1]. Данный тезис не отражает того, что на определенном этапе близость языков, в частности фонетическая, становится трудно устранимым препятствием при овладении вторым языком, так как в данном случае речь идет не об устранении отдельных фонетических неправильностей, а о привитии навыка считать существенными те звуковые различия, которые недостаточно осознаются носителем языка.

В условиях массовых контактов близкородственных языков наибольшую трудность для билингвов представляют фонетические черты второго языка, с точки зрения фонологии относительно идентичные соответствующим чертам родного. К числу таких явлений прежде всего следует отнести белорусские переднепалатальные предорсальные, произносимые на месте русских мягких зубных: [с″ат'], [з″има́], [ц″ен'], [дз″ес'ьт'] вместо [с'ат'], [з'има́], [т'ен'], [д'ес'ьт']; сочетания "(долгий) мягкий согласный + гласный" на стыке основы и окончания существительных вместо сочетания "мягкий согласный + j + гласный": [в∧р'е́н'ь], [к∧ло́с̄'ь], [пъдз'и^{e}м'е́л̄'ь] вместо [в∧р'е́н'j̇ь], [к∧ло́с'j̇ь], [пъдз'и^{e}м'е́л'j̇ь] и т.д.; отвердение мягких губных на конце слова: [с'ем], [го́луп]; ослабление или полная утрата йотового элемента в окончаниях [ыі], [иі] в им. падеже прилагательных, порядковых числительных и причастий муж. рода, а также заметное ослабление артикуляции [и], [й] в окончаниях существительных мн. числа в им. и род. падежах: [ста́нцы] вместо [ста́нцыи] и [ста́нцыі]; недостаточное смягчение согласных [ч'], [р'], иногда их чрезмерная веляризация: [час], [рыс]; произношение [ш̄'] как сочетания звуков [ш] и [ч] с различной степенью мягкости: [ш'ч'ас'т'j̇ь] или [ш ч ас'т'j̇ь] вместо [ш̄'ас'т'j̇ь]; произношение губно-губного сонанта [ω] после гласных на конце слова на месте [ф]:[д∧мо́ω] вместо [д∧мо́ф]; непоследовательная реализация противопоставления [г] : [к]: [с'нех] при взрывном [г] в форме [с'н'и^{e}га]; произнесение [ж'] как твердого долгого [ж̄]: [во́ж̄ы], [в'иж̄ыт].

Вместе с тем в результате взаимодействия нескольких близкородственных фонетических систем у белорусов, говорящих по-русски, наблюдаются черты, не представленные ни в одном из контактирующих языков. К таким чертам относятся спорадические явления: еканье после мягких согласных в преду-

[1] *Weinreich U.* Languages in contact. The Hague; Paris: Mouton, 1970, p. 1.

дарных слогах: [в'есна́], [б'ер'ега́]; оканье после губных согласных в абсолютном начале слова, в отдельных словах: [пото́м], [мор'ак], [вокру́г], [боло́ть], [она́], [оп'а́т'], [по] в сочетаниях с другими словами; смягчение [ж], [ш] перед гласными переднего ряда: [ж'е"на́], [ш'ес'т']; смягчение [р] перед гласными непереднего ряда: [р'ы́бъ], [к'р'ы́шъ] (главным образом в устной речи, реже при чтении) и др. Подобные отклонения от русских орфоэпических норм вызываются различными причинами. Случаи еканья [в'есна́] обычно объясняют влиянием написания, однако такое объяснение не представляется бесспорным. Дело в том, что еканье в русской речи белорусов наблюдается иногда и в словах, где *е* на письме отсутствует: [с'ер'ён'], [жэл'ёт], [бр'ек'ёт] вместо [с'ир'ён'], [жыл'ёт], [бр'ик'ёт].

Аналогичное явление засвидетельствовано и при произнесении [о] в словах, где оно не пишется: [пу́к], [отл'ёт'икъ], [кото́к] и т.д., что также ставит под сомнение влияние написания на произношение.

Спорадическое оканье встречается обычно после губных согласных перед ударным [о], в абсолютном начале слова, предлоге и приставке *по*, так что оно вызывается причинами фонетического характера. Смягчение [ж], [ш] перед гласными непереднего ряда объясняется, вероятно, двумя обстоятельствами. Во-первых, русские [ж], [ш] по сравнению с белорусскими являются менее веляризованными и воспринимаются белорусами как смягченные, что обусловливает их соответствующую артикуляцию в русской речи. Во-вторых, шипящие [ж], [ш] могут ассоциироваться с другими русскими шипящими — [ч'], [ш'], которые являются действительно мягкими. Как правило, в школьном курсе русского языка шипящие фигурируют в основном в разделе орфографии, на их произношение обычно обращается меньше внимания. Смягчение [р] перед гласными непереднего ряда (чаще перед [ы]) носит в известной мере лексикализованный характер. Такое гипернормальное "русское" произношение встречается чаще в словах *рыба, крыша, который, рычит, обрыв, пионеры, зарыть* и нек. др. Иногда смягчение [р] перед [ы] происходит не в полной мере, т.е. [р] произносится только без типичного огубления и веляризации, благодаря чему создается эффект смягчения даже при положении языка, свойственном артикуляции твердого [р].

Особое место среди фонетических явлений, обусловленных белорусско-русским двуязычием, занимает процесс отвердения мягкого согласного перед последующим мягким. В белорусском литературном языке и диалектах ассимилятивное смягчение происходит регулярно (за исключением позиции перед

мягкими заднеязычными [г'], [к'], [х']), что, казалось бы, должно было обусловить преобладание ассимилятивного варианта в русской речи белорусов-билингвов. Однако на практике наблюдается обратное: подавляющее большинство белорусов, особенно те, культура речи которых в целом стоит на довольно высоком уровне, переориентируется исключительно на твердое произношение согласного перед последующим мягким во всех видах речевой деятельности. Исключение составляет произношение сочетания "*н* + мягкий согласный", в котором первый согласный произносится преимущественно твердо. Примечательно, что в сочетаниях "переднеязычный + переднеязычный" твердый вариант произношения встречается при чтении несколько чаще, чем в спонтанной речи. В русской речи белорусов на распределение мягкого/твердого вариантов место стыка согласных и стиль произношения не оказывают столь значительного влияния, как в русском языке, где предшествующий согласный смягчается полнее внутри корня и суффикса, преимущественно в обиходно-бытовой речи[2], и "сам факт воздействия морфемного стыка на распределение рассматриваемых вариантов не вызывает сомнения"[3].

Естественно, что не все из перечисленных особенностей произношения одинаково распределяются в речи лиц, различно владеющих русским языком. Например, смягчение [р] перед гласными непереднего ряда (к[р']иша, кото[р']ый) встречается обычно у лиц с недостаточно высокой культурой речи. В то же время лица, достаточно хорошо владеющие русским языком, могут сказать [во́ж̄ы], [ш'ч'а́с'т'j̇е] или [j̇агн'о́нък], [ч'асы́].

Оценивая перспективу развития фонетической системы русской речи белорусов и разрабатывая методику преподавания фонетики, необходимо учитывать дополнительно еще два обстоятельства.

Во-первых, фонетические процессы, наблюдаемые в русской речи белорусов-билингвов, во многом совпадают с тенденциями развития фонетики современного русского просторечия, а во многих случаях даже опережают их, что способствует более длительному сохранению смешанного двуязычия на фонетическом уровне.

Во-вторых, психолингвистические эксперименты показывают, что в условиях близкородственного белорусско-русского двуязычия часто наблюдается лишь частичная выраженность в речи некоторых дифференциальных признаков звуков (на-

[2] *Аванесов Р.И.* Русское литературное произношение. М., 1972, с. 108.
[3] Русский язык по данным массового обследования. М., 1974, с. 83.

пример, мягкости согласных). При восприятии таких звуков белорусами и русскими наблюдается различная оценка их фонологического статуса; так, слово [р'ад], произнесенное с недостаточно смягченным [р], будет воспринято, как показала проверка, белорусом как *ряд*, а русским как *рад*. Если учесть, что большинство людей, хорошо владеющих русским языком, и учителей русского языка в Белоруссии — белорусы или русские, выросшие в указанном языковом окружении, то ясно, что такое "полунормативное" смягчение — явление широко распространенное и основательно укоренившееся. То же можно сказать и о случаях, в которых не встречаются пары слов, отличающиеся лишь по мягкости одного согласного. При фонологической нерелевантности на уровне значения (а не экспрессивной фонологии) различия в произношении таких звуков, как [ч] белорусское и [ч'] русское, также представляют собой весьма устойчивое явление.

Таким образом, основная задача повышения культуры русской речи в области фонетики, по нашему мнению, состоит в том, чтобы соединить теорию, содержащуюся в современных контрастивных описаниях фонетических систем русского и белорусского языков, с практикой обучения белорусов русскому литературному произношению.

2. Паралексический аспект культуры русской речи представляется специфичным лишь для близкородственного двуязычия. Иными словами, этот ортологический аспект функционирования русского языка в Белоруссии обнаруживается и актуализируется вследствие близости восточнославянских языков, обусловленной как общностью происхождения этих языков, так и развитием сходных черт в результате контактирования на всех уровнях их систем.

Все это ведет к необходимости тщательного выявления элементов различия между языковыми системами близкородственных языков и делает актуальной разработку проблем культуры русской речи белорусов в паралексическом аспекте.

Паралексами мы называем тождественные по значению и близкие по звучанию слова белорусского и русского языков, для которых характерны различия в деталях их формы. Эти различия базируются на акцентологических, фонетических, морфологических, словообразовательных и иных системных, но регулярно (на множестве однотипных фактов) не прослеживаемых свойствах слов. Паралексами являются такие лексические единицы двух языков, как *дабрадушнасць — добродушие, шчодры — щедрый, лесвіца — лестница, сур"ёзны — серьезный, падаражэць — подорожать, стогн — стон, карабель — корабль, выданне — издание, дровы — дрова, некаторыя —*

некоторые, пабліскваць — поблёскивать, удваіх, удвух, удзвюх — вдвоем, сабака (*м.р.*) — *собака* (*ж.р.*), *дзверы — дверь, двери, акіян — океан* и т.п. Не являются, следовательно, паралексами по определению такие пары лексем, как *бераг — берег, вясна — весна, ноч — ночь, сонца — солнце, перад ім — перед ним, ён смялейшы — он смелее, малады́ — молодой* и т.п., поскольку различия между белорусскими и русскими словами отражают регулярные соотношения элементов двух близкородственных языковых систем (в данном случае это явления аканья и яканья, твердого произношения звуков [р] и [ч], отражение на письме упрощения групп согласных, отсутствие "приставного" *н-* в формах личных местоимений, суф. *-ейш-* в сравнительной степени и флексия *-ы* под ударением у прилагательных в белорусском языке, последовательно противостоящие соответствующим регулярным явлениям русской языковой системы).

Исследование вопросов белорусско-русской паралексии имеет большое значение для разработки проблемы культуры русской речи белорусов. Значительное количество случаев отклонения от русских языковых норм объясняется именно паралексической трансференцией. Этот процесс обнаружился в упрощении соотношений между формами отдельных падежей: *Все это оказалось простей простого* (*просцей простага — проще простого*); *Не всякий проект может стать объектом купли-прóдажи* (*прóдаж* (*м.р.*) — *прода́жа* (*ж.р.*); *Делать это, мне кажется, теперь залишне* (*залі́шне — изли́шне*); *Если одну сторону осветлить, а вторую затемнить, то можно увидеть изображение* (*асвятлі́ць — осветѝть*); *Он мне не помочник* (*памóчнік — помóщник*); *Всегда все раздóривает, а потом плачет* (*раздóрваць — раздáривать*); *Не волнуйся, потиху делай, и все будет хорошо* (*паціху — потихоньку*).

Один из основных и наиболее рациональных путей воздействия на массовую речевую практику в целях повышения культуры русской речи и достижения несмешанного русско-белорусского и белорусско-русского двуязычия — это лексикографическая обработка белорусско-русских паралекс и создание паралексических словарей-справочников, представляющих собой разновидность так называемых словарей трудностей, но отличающихся узкопрактической направленностью в отборе языкового материала.

Весьма существенной представляется также дальнейшая теоретическая разработка вопросов белорусско-русской паралексии, находящая прямой выход в сравнительно-сопоставительное и типологическое описание близкородственных языков. С учетом явления паралексии может быть построена типо-

логия различий между белорусским и русским языками, необходимая для выбора рациональной методики сравнительно-сопоставительного и типологического описания двух близкородственных языков. Представляется возможным и существенным выделить предварительно три типа различий между белорусским и русским языками: регулярные фонетико-морфологические различия (тип *трашчыць — трещит, кроў — кровь, дамы́ — дома́, тупы́ — тупо́й* и т.д.), нерегулярные лексические (тип *глеба — почва, араць — пахать, блакітны — голубой, раптам — вдруг* и т.д.) и нерегулярные паралексические различия (тип *мо́рква—морковь, пагража́льны — угрожающий, увечары — вечером, колькі — сколько* и т.д.).

Исследование паралекс позволит расширить и углубить существующие представления о моментах относительно регулярного сходства/различия между двумя языками, поскольку анализ паралексических, т.е. в принципе нерегулярных, соотношений между фактами близкородственных языков во многих случаях приводит к обнаружению незамеченных и незафиксированных закономерностей. Так, паралексы *шэ́ры — серый* остаются паралексами при рассмотрении их в плане межъязыковой интерференции и связанных с ней вопросов культуры русской речи в условиях двуязычия. Но вместе с тем они позволяют поставить вопрос об особом фонетическом явлении в белорусском языке, если оказываются в ряду однотипных паралекс (*шабля — сабля, шызы — сизый,* а также *шкло — стекло, шкілет — скелет, шкарлятына — скарлатина* и т.п.). Для выявления закономерностей подобного рода необходимы всесторонний анализ и тщательная классификация паралексического материала.

Многочисленность и многообразие паралексических ошибок подтверждают сомнение в правомерности тезиса о том, что размеры потенциальной сферы интерференции и объем трудностей при обучении второму языку прямо пропорциональны расстоянию между системами контактирующих языков. Психолингвистическая подоплека речевых недочетов, вызываемых неразличением паралекс, по-видимому, иная, чем в случаях смешения полностью различных лексем или трансференции регулярно соотносимых языковых явлений. Это предполагает возможность психолингвистического обоснования переноса в русскую речь паралексических различий с целью создания методики, позволяющей, как говорилось, прививать говорящим навык считать "несущественные" различия (якобы не препятствующие взаимопониманию) ортологически существенными.

Внимания заслуживают акцентуационные, семантические и стилистические паралексические явления в белорусском и рус-

ском языках. Так, за частными различиями в ударении (особенно в парадигмах склонения и спряжения) во многих случаях могут быть обнаружены внутриязыковые закономерности, не изученные до сих пор из-за отсутствия разработанной акцентологии белорусского языка и сопоставительной акцентологии восточнославянских языков; то же самое правомерно для семантики и стилистики.

Сопоставление паралекс, таким образом, может служить удобным отправным пунктом для углубления фонетических, морфологических, морфонологических, словообразовательных и иных характеристик близкородственных языков и имеет непосредственную ортологическую значимость.

3. Лингвоэстетический аспект разработки вопросов культуры русской речи в Белоруссии тесно связан с языковыми особенностями обширной русскоязычной (оригинальной и переводной) литературы. Важность исследования языка русскоязычной литературы в ортологическом аспекте определяется не только значительностью ее объема, но и тем, что сочетающиеся в художественном произведении различные функциональные стили делают его язык более проницаемым для влияния другого языка. Художественная литература охватывает очень большое количество читателей, а следовательно, и языковое влияние ее весьма широко и значительно в связи с престижностью печатного слова и обработанностью его мастерами в сравнении с устной речью.

Известно, что в художественном произведении язык отражен "как живая речь, как литературная норма и как произведение искусства"[4]. Из этого следует, что белорусские языковые элементы в русской художественной речи необходимо рассматривать в трех аспектах: так говорят или не говорят, и если говорят, то где; правильная или неправильная речь с точки зрения русской литературной нормы; выполняют или не выполняют белорусизмы художественно выразительные функции, и если выполняют, то какие. При таком подходе станет очевидным, что не всякое появление белорусского языкового элемента в тексте художественного произведения на русском языке будет представлять собой отклонение от нормы.

Появление белорусизмов в художественном тексте, созданном в условиях белорусско-русского двуязычия, может быть обусловлено тремя причинами: не осознаваемым автором переносом норм белорусского языка в русскую речь; межъязыковой интерференцией; использованием автором (перевод-

[4] *Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959, с. 257.

чиком) белорусских языковых элементов в художественных целях. Употребление белорусизмов в художественных целях не может быть отнесено к отклонениям от норм русского языка, поскольку они используются подобно элементам любого другого языка, встречающимся в текстах русской художественной литературы. Таким образом, только два первых случая употребления белорусизмов в русскоязычных художественных текстах представляют собой отклонения от речевой нормы русского языка.

Первый случай отклонений от речевой нормы, представляющий собой речевую ошибку, некоторые лингвисты называют термином "трансференция". Если принять такое разграничение, то интерференцию (второй случай) можно определить как функционально не обусловленные отклонения от речевой нормы русского языка под влиянием белорусского. Ясно, что и трансференция представляет собой функционально не обусловленное отклонение от нормы. Однако ее отличие от интерференции заключается в том, что трансференция определяется только психолингвистическими факторами и всегда представляет собой речевые ошибки, вызванные воздействием другого языка. Интерференция же определяется как языковой компетенцией автора (переводчика), так и его пониманием языковой культуры, отношением к кодификации речи, к взаимодействию национального и русского языков и т.д. Факты интерференции в отличие от фактов трансференции не всегда прямо могут быть отнесены к речевым ошибкам, что в особенности характерно для взаимодействия языков на лексическом уровне.

Трансференция не характерна для русскоязычной художественной литературы Белоруссии, что свидетельствует, с одной стороны, о высокой речевой культуре авторов, а с другой — о хорошей редакторской и корректорской обработке. Поэтому представляется целесообразным белорусизмы, используемые в русскоязычной художественной литературе, делить не на три, а на две группы: интерференмы и неинтерференмы.

Интерферема — это, по определению М. Затовканюка, сдвинутая под влиянием интерференции форма или значение[5]. Однако это определение представляется недостаточным, поскольку оно не учитывает лингвистических функций языкового элемента. Под влиянием интерференции может "сдвигаться", например, отнесенность слова к функциональному стилю, его синтаксическая функция, при этом форма и/или

[5] *Затовканюк М.* Интердисциплинарные связи языковой интерференции. — В кн.: Mezijazykova a vnitrojazykova interference. Praha, 1976, с. 6.

значение могут оказаться несдвинутыми. В связи с этим интерферему можно определить как сдвинутую форму, и/или значение, и/или функцию (грамматическую или стилистическую) языкового элемента.

Однако, как уже отмечалось, в художественном произведении тот или иной языковой элемент может выполнять и художественно выразительные функции. Неинтерферема — это форма, и/или значение, и/или функция элемента одного языка, употребленного в речи на другом языке в художественно выразительной функции.

Основными художественно выразительными функциями, выступая в которых белорусизмы не представляют собой отклонений от норм русского языка, являются следующие: создание дополнительной смысловой (эмоциональной, экспрессивной и т.д.) характеристики художественного образа; речевая характеристика персонажа; создание национального (исторического, профессионального, бытового и т.д.) колорита; создание звукописи, каламбуров, а также некоторых иных композиционных особенностей стиха.

Употребление неинтерферем может также рассматриваться в ортологическом аспекте, но это в большей степени связано с общей проблемой языковой культуры художественного творчества, чем с проблемой культуры речи в условиях художественно-литературного двуязычия. Сказанное в полной мере относится и к художественным переводам с белорусского языка на русский, поскольку перевод, по мнению ряда исследователей, является разновидностью билингвизма[6].

Фонетическая интерференция не характерна для поэтических переводов с белорусского языка на русский. Наиболее ощутимые проявления фонетической интерференции, свойственные большинству носителей белорусско-русского двуязычия, не отражаются в письменной речи, хотя звуки имеют количественные и качественные различия. Так, например, русский звук [г] взрывной и белорусский [γ] фрикативный, белорусское и русское [ч], различающиеся в произношении по твердости/мягкости, на письме обозначаются одинаково. Не находят отражения на письме и такие особенности белорусского произношения в русскóй речи билингвов, как [дз'] на месте русского [д'], [ц'] на месте рус-

[6] *Щерба Л.В.* Преподавание иностранных языков в средней школе: Общие вопросы методики. М.; Л., 1947, с. 54—55; *Ларин Б.А.* Наши задачи. — В кн.: Теория и практика перевода. Л., 1962, с. 6; *Мунэн Ж.* Теоретические проблемы перевода. — В кн.: Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978, с. 37.

ского [т], [ў] вместо русского [в] в конце слова или слога и в некоторых случаях на месте русского [л].

Существенное влияние на наличие фонетической интерференции в поэтических переводах оказывают и особенности жанра. Для поэзии характерно "совмещение" речи автора и лирического героя, поэтому в отличие от прозы факты интерференции реже выступают в качестве средства речевой характеристики персонажа. Это же относится к проявлениям морфологической и синтаксической интерференции в поэтических переводах.

Жанровые особенности оказывают обратное воздействие на лексическую интерференцию. Известно, что стихотворный язык стоит особо, "и не с точки зрения его собственно поэтической функции, а с узколингвистической: он традиционно допускает такие слова, которые вовсе невозможны в обыкновенной речи"[7]. Учитывая, что поэтический перевод — это в значительной степени интерпретация оригинала, переводчики в поисках эквивалента зачастую используют белорусизмы, исходя именно из этой особой лингвистической функции стихотворного языка, поскольку такое словоупотребление, как правило, не может быть прямо отнесено к речевой ошибке (в отличие от фактов фонетической или грамматической интерференции).

Широкое распространение лексической интерференции в поэтических переводах обусловлено, на наш взгляд, еще двумя факторами. Во-первых, близостью систем белорусского и русского языков. Даже в лексике, где различия проявляются с наибольшей силой, исследователи отмечают, что лишь 10—20% слов в белорусском тексте полностью отличаются от слов русского языка[8]. Следовательно, часть перенесенных лексем, даже не подвергаясь фонологическим (и графическим) изменениям, не будет выделяться на фоне русских слов; другая же часть если и будет выделяться, то не резко. Близость фонологических систем (и графики) белорусского и русского языков является, таким образом, катализатором лексической интерференции при поэтическом переводе.

На механизм лексической интерференции оказывают влияние и грамматические факторы. Языки, обладающие сходными грамматическими характеристиками, легче подвергаются лексическому взаимовлиянию в силу того, что слова не нуждаются в больших изменениях для приведения их в соот-

[7] *Щерба Л.В.* Современный русский литературный язык. — РЯШ, 1939, N 4, с. 24.

[8] *Супрун А.Е.* Некоторые особенности белорусско-русского двуязычия. — В кн.: Русский язык как средство межнационального общения. М., 1977, с. 142.

ветствие с синтагматическими и парадигматическими правилами другой языковой системы (особенно если учесть фонологическую близость белорусского и русского языков).

Решительное сопротивление, оказываемое в ряде случаев перенесению из одного языка в другой лексических единиц, обусловливается соображениями социокультурного, а не грамматического порядка[9]. Социокультурные отношения, сложившиеся в нашей стране: расцвет и сближение наций, развитие единой по содержанию и национальной по форме социалистической культуры, языковая политика государства, направленная на развитие языков всех наций и народностей СССР, распространение русского языка как средства межнационального общения и т.д. — не препятствуют использованию белорусских лексических элементов в речи на русском языке.

Как свидетельствуют данные исследования, интерференция шире представлена у русских переводчиков, чем у белорусских[10]. Это связано с тем, что у белорусских переводчиков, очевидно, имеет место установка на гиперкорректность. Испытывая в повседневной жизни постоянное воздействие белорусского языка, они более тщательно контролируют себя, полагая, что влияние белорусского языка может сказаться и на переводах. С другой стороны, можно предположить, что белорусские переводчики в некоторых случаях более тонко чувствуют художественно выразительные оттенки белорусского языка и это не позволяет им использовать белорусские языковые элементы в переводах на русский язык как не эквивалентные русским. Возможно, что определенное воздействие на различие в количестве интерферем оказывает и материал, выбранный для перевода.

В сущности установка на гиперкорректность, языковое чутье, отбор материала для перевода и многое другое связано с индивидуальностью переводчика и являются ее составляющими. Взятые в отдельности, эти составляющие могут и не отражать закономерности, определяющей интерференцию и свойственной всем переводчикам. Но вместе они создают

---

[9] См.: *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие. — В кн.: Новое в лингвистике. М., 1972, вып. 6, с. 45.

[10] Здесь предпринята попытка определить влияние на интерференцию при поэтическом переводе такого фактора, как белорусское языковое окружение. Переводчики, которые живут и работают в России, отнесены к русским переводчикам, живущие в Белоруссии — к белорусским, при этом в обеих группах приблизительно равное количество переводчиков, для которых белорусский язык является родным с детства. Анализировалось примерно равное количество условных страниц текстов переводов.

в сознании переводчика те особые отношения языковых систем, которые обнаруживаются в переведенных им текстах (в интерференции, в калькировании, в использовании цитат на языке оригинала и т.д.) и лежат в основе индивидуального стиля переводчика, оказывающего существенное влияние на степень интерференции.

Поскольку интерференция шире представлена в переводах, чем в русскоязычной художественной литературе, рассмотрение языка переводов в ортологическом аспекте представляется наиболее продуктивным.

Белорусские переводчики, являющиеся русскоязычными поэтами, шире употребляют белорусские языковые элементы в переводах, чем в своих оригинальных произведениях. Это объясняется, с одной стороны, рядом перечисленных выше факторов, а с другой — требованиями избранного метра и ритма стиха перевода. Соотношение интерференции в оригинальных русскоязычных и переводных прозаических произведениях будет иное, чем в поэтических, поскольку в них отсутствует зависимость выбора слова от ритма, метра и рифмы. Однако это не снимает самой проблемы интерференции и необходимости исследования языка русскоязычной и переводной прозы в ортологическом аспекте.

Таким образом, уже предварительное рассмотрение функционирования русского языка в условиях белорусско-русского и русско-белорусского двуязычия в ортологической перспективе свидетельствует о многоплановости этой проблематики и важности ее теоретической и практической разработки.

РАЗДЕЛ II

ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ РЕЧИ В СФЕРЕ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ И ИНФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК СССР

ВАРИАНТНОСТЬ И НОРМА В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ

(на материале русскоязычных газет национальных республик)

Двуязычие в национальных республиках создает набор вариантных явлений русской речи, с одной стороны отличающих ее от русской речи в иных национальных регионах, а с другой — от общепринятых норм национального русского языка. Исследование проблем речевой культуры в условиях национально-русского двуязычия ставит конечной целью выработку теоретических критериев оценки существующих явлений вариантности и определение программы деятельности в области нормализации русской речи в национальных республиках.

Нельзя не согласиться с существующим мнением, что "мы пока не имеем такого учения о двуязычии, которое охватывало бы его распространение во всем мире, учитывало его бесконечно разнообразные формы и в то же время устанавливало общие типы и закономерности развития применительно к разным языкам"[1]. Двуязычие социалистического общества должно рассматриваться в связи с его историей. Несомненно, что "изменение общественных функций языка не безразлично и для самой структуры языка, хотя между прогрессом общественных функций языка и прогрессом языковой структуры нет тождества"[2].

Контактное двуязычие приводит к разнородным формам типологических схождений, существенно различающимся в области кодифицированных сфер языка (письменные стили речи, язык массовых коммуникаций) и в области некодифицированной речи (например, в разных формах городской речи, устном

[1] *Филин Ф.П.* История общества и развитие двуязычия. — Изв. АН СССР сер. лит. и яз., 1970, т. 29, вып. 3, с. 193.

[2] Там же, с. 194.

бытовом диалоге, выступлении и т.п.)[3]. В некодифицированных сферах в процессе двуязычия межъязыковая интерференция обусловливает появление массовых отклонений от литературной нормы; влияние языка республики оказывается особенно сильным в области орфоэпии, лексики, в стилистико-грамматическом употреблении языковых единиц[4]. Напротив, в кодифицированных сферах языка (в газете, деловой и научной речи, языке художественной литературы) характер варьирования становится качественно иным, а само направление влияний в известной мере предопределено состоянием норм общелитературного языка. Решающую роль в этом случае играет тот факт, что в системе стилистических норм русского языка имеются значительные зоны вариантности[5]. В условиях двуязычия происходит видоизменение существующих зон — продление и расширение одних, сокращение или редукция других. Меняется и характер функционирования вариантов, и соотношение в употреблении варьирующихся единиц. С этой точки зрения интересный материал для наблюдений дает газетная речь в национальных республиках. Республиканская газета отражает нормированную русскую речь так же, как и газетная речь центральной прессы. Общим для всех газет на русском языке является кодифицированный литературный язык, характеризующийся наличием вариантов слов на всех уровнях языковой системы, кроме орфоэпического, т.е. и в области лексики, и в области словообразования, морфологии, синтаксиса.

Бесспорно положение о том, что общенациональные нормы литературного языка, сложившиеся в результате длительного исторического развития русского языка, едины и универсальны[6]. Вместе с тем понятие нормы включает представление о вариантности, синонимии языковых средств, составляющих сердцевину нормы. Норма создается путем отбора языковых средств из числа сосуществующих параллельных тождественных

---

[3] Описание общественных функций сосуществующих в республиках языков дано в работах Ю.Д. Дешериева, см. в частности: *Дешериев Ю.Д.* Введение. Цели и задачи исследования. — В кн.: Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1969.

[4] Возникновение вариативности языковых явлений в условиях двуязычия на материале европейских языков подробно рассматривается в кн.: Варианты полинациональных литературных языков. Киев, 1981. В работе подчеркивается признание за устной формой речи ведущей роли в общем процессе формирования местных вариантов языка (с. 12).

[5] Соображения о слабых и сильных зонах вариантности высказаны в кн.: *Горбачевич К.С.* Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978, с. 24.

[6] *Филин Ф.П.* О нормах и стилях литературного языка. — В кн.: Проблема нормы и социальная дифференциация языка: Тезисы докладов. М., 1967.

или близких по значению единиц речи[7]. Задачу настоящей работы авторы видят в том, чтобы показать, каким образом и в каком направлении двуязычие оказывает влияние на систему вариантности, какие из явлений, обусловленных этим влиянием, проникают в газетную речь. При более широкой постановке вопроса речь идет о социально обусловленной тенденции развития норм русского языка в условиях национально-русского двуязычия. В этом случае становится особенно актуальным изучение вопроса о воздействии интерференции на категорию вариантности в ее отношении к норме. В первую очередь заслуживает внимания тот факт, что различается и степень освоенности нормой тех вариантов, которые постоянно возникают в речи, и характер их закрепления в письменных стилях языка. Некоторые из местных вариантов упрочиваются в литературных модификациях русской речи национальных республик, тогда как многие из варьирующихся единиц должны квалифицироваться как ошибочные, неправильные, отклоняющиеся от существующих норм общелитературного языка.

Таким образом, разные типы варьирования нормы обусловливают существенные различия в характере нормативных оценок этих явлений. Некоторые варианты не выходят за пределы литературной нормы. Поэтому их нормативная оценка не может носить характера запрета (ниже приводятся подобные примеры стилистически обоснованных национальных вкраплений отдельных слов (их значений) и сочетаний). В других же случаях (они специально оговариваются) в речи появляются нежелательные отступления от литературной нормы, которые требуют более строгих нормативных квалификаций.

Как уже сказано, в условиях двуязычия система вариантности в определенной мере отличается от того состояния, в котором она находится в собственно русском языке. Если основные зоны вариантности в языке печати, центральной и республиканской, совпадают, то "пучки" вариантов, их материальный состав, заметно различаются.

Характер национального "преломления" вариантных норм на территории разных республик определяется не только экстралингвистическими факторами, но и структурно-типологическими чертами двуязычия. Так, в контактирующих языках, относящихся к разным языковым группам (например, кавказско-русское двуязычие, балто-русское двуязычие), заметно

---

[7] См. определения нормы в работах: *Ожегов С.И.* Очередные вопросы культуры речи. — В кн.: Вопросы культуры речи. М., 1955, вып. 1, с. 15; *Скворцов Л.И.* Теоретические основы культуры речи. М., 1980, с. 16—38.

обостряется действующая в русском языке тенденция к более усиленной конкуренции синтетических и аналитических структур. Это проявляется, в частности, в области употребления терминов топонимической и топографической номенклатуры, в составе которой особенно ярко обнаруживается влияние национальных элементов[8]. В газетах на Кавказе ("Заря Востока", "Советская Абхазия" и др.), как правило, употребляются в неизменяемом виде топонимы на *-а, -ия* типа *Эшера, Дранда, Анухва, Джгерда, Бетания* и под.: Гости, прибывшие в Абхазию, с теплотой и радушием были встречены в Ткварчели, *Очамчира, Гагра, Гудаута,* Гульрипши, в Сухумском районе (Заря Востока, 1980, 20 авг.); ...Тропинка... привела нас к вершине горы, и мы увидели *Бетания* (там же, 21 авг.); На пластинке будут записаны симфонические произведения *Р. Гумба, А. Чичба, К. Ченгелия, Т. Аджапуа,* Л. Чепелянского... (там же). Существенно, что само соотношение этих варьирующихся единиц в языке союзной печати и в русских газетах, издающихся в Грузии, качественно меняется. По данным частотно-стилистического словаря вариантов, в газетной речи общесоюзной печати фамилии на *-а* по числу склоняемых и несклоняемых вариантов равновероятны (50, 92 и 49,08% соответственно)[9], тогда как в грузинских газетах практически не встретились склоняемые варианты. В Грузии сложилась устойчивая норма употреблять грузинские и абхазские фамилии на *-а* в неизменяемой форме.

В Прибалтике топонимические названия также нередко употребляются в несклоняемом варианте: *Кохтла, Сиргала, Иецава, Таденава* и под., ср.: ... не затягивать на годы реставрацию крепостной стены на улице Трокшня, Дома Даненштерна... фрагмента Доминиканского монастыря в *Яня сета* и других объектов, за возрождение которых ответственно Министерство культуры республики (Ригас Балсс, 1981, 3 июля). Правда, в отличие от Грузии в Латвии фамилии на *-а* склоняются, однако встречаются и неизменяемые варианты: На страницах книги мы встречаемся не только с прославленными земляками "Капитана" — Янисом Райнисом, Яковом Ковалевским, Давидом *Бейка,* Яковом Петерсом, Юлием Данишевским, но и с выдающимися соратниками В.И. Ленина... (Ригас Балсс, 1981, 30 июня).

---

[8] Колебания нормы здесь не случайны, см. следующее высказывание: "Количество топонимов и антропонимов в текстах массовой коммуникации составляет примерно 12% всего состава лексики" (*Трескова С.И.* Методы и методические приемы социолингвистического изучения массовой коммуникации. — В кн.: Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981, с. 197).

[9] Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976, с. 164.

В то же время на территории распространения украинско-русского двуязычия вариативность собственных имен резко усиливается в противоположном направлении. По сравнению с общелитературными нормами заметно учащается употребление вариантов фамилий в склоняемой форме. В радиоречи зарегистрированы формы: театр имени *Ивана Франка*, из оперы *Монюшки* "Галька", стихи Тараса *Шевченки*. Все украинские топонимы на *-а* употребляются в единственно нормативном варианте: *из Боярки, в Новоселицу, под Лохвицей, в Ольшане, за Славутой* и т.д. Точно так же не встретилось ни одного случая несклоняемости фамилий на *-а*: Для Виктора Коваля, Эдуарда Духопыльникова... Надежды *Рабахи* и других все тут знакомо (Комс. знамя, 1980, 11 мар.); Взять... токаря-полуавтоматчика *Л.А. Нетребу* (Соц. родина, 1980, 5 июня); При воспоминании об этой встрече с Володей *Сулимой* у меня перед глазами всплывает одна и та же картина (Крымский комсомолец, 1980, 3 июня).

В этом случае особенно ярко видно, как взаимодействие тенденций, которые определяют процесс становления и динамики нормы в области вариантности в русском языке, находит контрастные формы выражения на территории национальных республик. Так, в условиях кавказско-русского и балто-русского двуязычия увеличиваются аналитические варианты, тогда как на территории славяно-русского двуязычия, напротив, количественно возрастают традиционно-синтетические. Приведенный пример показывает, как некоторые нормы оказываются особенно неустойчивыми под влиянием процессов интерференции. Обычно такие явления связаны не только с воздействием языка республики, но и с тем обстоятельством, что вариативность возникает в открытых влияниям местах языковой системы русского языка, когда наблюдаются колебания и динамика собственных общелитературных норм. Отсутствие исчерпывающей кодификации в грамматиках и словарях (как в случаях употребления национальных топонимов) в немалой степени способствует вариабельности языковых явлений. Если нет твердой нормативной оценки вариантов, вероятность колебаний заметно возрастает. За неимением места нельзя изложить все наблюдения, касающиеся процессов образования вариантов слов в сравнительно-сопоставительном плане.

Можно привести еще один пример различий, которые возникают в функционировании вариантных названий местных жителей. В грузинских газетах предпочитается описательный предложный вариант названия жителей типа *житель из Кумиси, из Кобулети, из Кутаиси, из Зугдиди* и под.: С тревогой пишут в газету о медлительности строителей, сооружающих школы,

жители из Самтредиа, Тержольского, Цалкского и других районов (Заря Востока, 1980, 19 авг.). В тех немногих случаях, когда используются суффиксальные варианты, варианты с суф. *-ец* преобладают, тогда как варианты с суф. *-анин, -ане* в нашей выборке не отмечены. *Кобулетец, хуцубанец, тбилисец, кумисец* — именно эти варианты употребляются в языке газет на территории Грузинской ССР: Трудно найти *тбилисца,* который бы не любил свой город (Заря Востока, 1980, 28 авг.); Не стоим в стороне от этой борьбы и мы, *кобулетцы.* В частности, наши соседи *хуцубанцы* выступили одними из инициаторов движения за полную ликвидацию в своем селе всякого рода нарушений (там же, 16 авг.).

Интересно, что, по свидетельству исследователей, на территории Литвы для наименования жителей также предпочитается предложная конструкция по модели *житель из...*: "Связь человека с той или иной местностью (откуда родом, житель какого места) выражается в русском языке разными способами. В письменных работах учащихся-литовцев встречался главным образом описательный способ: указывался житель, а дальше — географическое название в родительном падеже, например *житель Москвы.* Это соответствует нормам родного языка. Очень редко встречаются суффиксальные образования (типа *псковичи, псковитяне*). Очевидно, из-за обилия суффиксов в русском языке учащимся трудно догадаться, как образовать название жителей того или иного места"[10]. В латышских газетах только для названий столицы или относительно крупных городов используются суффиксальные варианты: *рижане, лиепайчане, алуксненцы.* В качестве универсальной конструкции, пригодной для названия жителей любого населенного пункта, предпочитается описательная: *жители Юрмалы, Вентспилса, Екабпилса, Эргли* и т.д.

На Украине норма употребления вариантных названий жителей коренным образом меняется. В языке русской газеты УССР преобладают суффиксальные варианты на *-анин, -ане* типа *полтавчане, керчане, сумчане, иловайчане*: В первом тайме *полтавчане* имели преимущество по голевым моментам (Стахановское знамя, 1980, 7 мая); *Керчане* полны желания достойно встретить... годовщину (Комс. знамя, 1980, 2 мар.); Светлана выделила несколько стилей образования названий жителей населенных пунктов — романтический, героический, иронический, поэтический (к последнему, например, относится слово *васильковяне* — название жителей села Васильковое)

[10] *Корсакас Ю.* Функционирование родного и русского языков в школах советской Литвы. — Socialinės lingvistikos problemos, Vilnius, 1979, t. 19, c. 41.

(Крымский комсомолец, 1980, 10 июня). По этой же модели называют игроков команды: В матче 8-го тура 4 мая соперником "Стахановца" были торпедовцы г. Луцка. В роли хозяев поля *стахановчане* и в этой игре победили со счетом 1:0 (Стахановское знамя, 1980, 7 мая).

Отмеченная тенденция к избирательности в кругу аналитических и синтетических вариантов охватывает широкий спектр явлений. В отдельных случаях можно предсказать характер варьирования и норму общественного выбора. Например, в собирательных названиях местности на Украине предпочитаются варианты с суф. *-щина* типа *Одесщина, Сумщина, Киевщина, Винничина, Николаевщина, Ивано-Франковщина, Тернопольщина* и под.: Она родилась и выросла на *Николаевщине* (Комс. знамя, 1980, 1 мар.); Нам, представителям *Ворошиловградщины,* большое внимание уделил секретарь Волгоградского обкома комсомола (Стахановское знамя, 1980, 7 мая); В колхозе... на *Винничине,* например, в минувшем году получили с гектара по 20,9 центнера зерновых (Правда Украины,, 1980, 6 мар.)[11].

В аналогичных контекстах кавказских и прибалтийских газет используются описательные предложные конструкции типа *Ахметский, Телавский, Кварельский, Даугавпилсский и Лиепайский, Цесисский район* и т.д. Норма выбора легко объясняется. Славяно-русское двуязычие поддерживает традиционные исторически закрепившиеся варианты, общие для русского, украинского и белорусского языков. Осуществление языковых контактов в более отдаленных, неродственных языках активизирует более книжные, но зато и более универсальные описательные варианты, с помощью которых легко преодолеваются все языковые трудности, связанные с непривычностью звучания неславянских названий, будь то названия сел, городов, районов или областей.

Употребление вариантов в языке республиканской печати характеризуется некоторыми особенностями и в способах введения их в текст, и в характере стилистико-семантического функционирования. Поскольку вариантность представляет собой случай синонимии, авторы сочли возможным рассматривать явления вариантности в тесной связи с явлением синонимии[12].

[11] По поводу этих вариантов высказываются следующие соображения: "Не без воздействия украинского и белорусского языков в русском языке послевоенного периода активизировались географические наименования с суффиксом *-щин(а)* типа *Смоленщина, Орловщина* и т.д." (Функционирование русского языка в близкородственном языковом окружении. Киев, 1981, с. 15).

[12] О разных оценках вариантности в ее отношении к явлению синонимии см. в кн.: Литературная норма и вариантность. М., 1981.

Когда речь идет о заимствованиях из национальных языков, исследователь имеет дело с варьированием смысловой стороны слова. В этом отношении можно отметить некоторые закономерности, типичные для языка республиканской газеты.

Влияние местной речи сказывается прежде всего в характере стилистики газетного текста. Так, нередко наблюдается прямое включение местного слова и словосочетания в русский текст. Это правило действует преимущественно в тех случаях, когда употребляются названия колхозов, заводов, фирм, комбинатов, производственных объединений, издательств, журналов и т.п. Например, в газетах Украины: Недавно в издательстве "Веселка" вышел мой сборник стихов "*Сива ластівка*", куда вошло и это стихотворение (Правда Украины, 1980, 8 мар.); Главный приз газеты "*Вечірній Київ*" обрел своего хозяина (Комс. знамя, 1980, 1 мар.); Среди них можно назвать колхозы — полтавский "*Більшовицька* правда" и донецкий "Октябрь"... черкасский "*Дніпро*", херсонский совхоз "*Більшовицький наступ*" и совхоз "Ужгородский" на Закарпатье (Правда Украины, 1980, 11 мар.); Многотиражная газета "*Червоний взуттьовик*" поздравила коллектив... (Комс. знамя, 1980, 1 мар.); Плывут в танце "*Чарівниці*"... (Крымский комсомолец, 1980, 3 июля).

Интересно, что в газетах Абхазии, Грузии, Латвии сохраняется русская орфография, но национальное название не переводится: Нескольких "трудных" ребят отдали под опеку тренера юношеской футбольной команды "*Вензисели*" (Заря Востока, 1980, 28 авг.); Сборку мебели или обивку дверей доверьте мастерам "*Ригас экспресис*" (Ригас Балсс, 1981, 11 июня); По просьбе читателей "*Ригас Балсс*" мы попросили подробнее рассказать... (там же). Из примеров видно, как функциональная подстановка местных языковых элементов вызывает некоторое преобразование контекста. Узуальное заимствование придает определенную стилистическую тональность фразе. Создается психологическая возможность несклоняемости иноязычного элемента, и в этом случае "нарушение нормы означает и нарушение реализации системных отношений"[13]. Разнобой в грамматическом оформлении национального материала в русском тексте очевиден — в одних случаях такие названия склоняются, в других — нет: у читателей "*Ригас Балсс*", но в номере нелегальной "*Цини*"; обратиться к "*Ригас экспресис*", в жилмассиве "*Пурвциемс*", но художники "*Макслы*", рижане встретятся с лиепайским "*Звейниексом*" и т.д.

Национальные фразеологизмы, пословицы и поговорки

[13] *Иванов В.В.* Наука о русском языке и русский язык в национальной школе. — Рус. речь, 1977, N 4, с. 6.

нередко употребляются журналистами в качестве особого стилистического приема, используемого для воссоздания местного колорита: Трудился в поте лица, чтобы не помереть голодной смертью да новый, обещанный хозяином зипунишко заработать. "*Казав пан — кожух дам, та слово його тепле*", — говорили в народе. Так и тут (Правда Украины, 1980, 4 мар.). Использование национальных вкраплений в русской речи в тех случаях, когда целесообразность таких стилистических инкрустаций ни у кого не вызывает сомнений, ни в какой степени не противоречит литературной норме. Однако нередко встречаются и более сложные случаи, когда трудно определить, насколько нормативно употребление национальных "экзотизмов" в местной русской печати[14]. Приведем один пример. В грузинских газетах общеупотребительно слово *ртвели* 'сбор урожая на виноградниках'. В русском языке этого слова нет, тогда как жителям Кавказа оно понятно и не требует перевода или пояснения. Многочисленные контексты его употребления свидетельствуют о том, что оно полностью освоено в значении 'уборка урожая': За весь *ртвели* не было зарегистрировано ни одного автодорожного происшествия... (Заря Востока, 1980, 28 авг.); К массовому *ртвели* все готово... (там же, 31 авг.); Перед началом *ртвели* с водителями побеседовали в районном комитете партии (там же, 28 авг.); Решаются вопросы создания командированным *на ртвели* водителям надлежащих условий для труда и отдыха (там же).

Стало привычным популярное в публицистике сочетание с постпозитивным количественным числительным, применяющееся в роли броского "шифрованного" названия. По типу *Салют-6, Олимпиада-80,* первенство *Европы-84, страда-81* употребляется и *ртвели-80, ртвели-81*: Свое веское слово скажет и внедряемая во всех районах Кахетии АСУ "*Ртвели-80*" (Заря Востока, 1980, 31 авг.). Строго говоря, если какого-либо слова или термина нельзя найти ни в одном толковом или орфографическом словаре русского литературного языка, как в примере со словом *ртвели,* то оно не может быть рекомендовано. Однако нет правил без исключений. В данных примерах слову *ртвели* свойствен не только национальный стилистический колорит, как в случаях со словами типа *кацо, генацвали, чохохбили,* оно обладает и специфическим суженным местным значением. Для подобных общеупотребительных национальных слов и речений,

[14] О вариантах "экзотической" лексики, используемой в языке национальной художественной литературе, см. статью: *Михайловская Н.Г.* Варианты "безэквивалентной" ("экзотической") лексики. — В кн.: Литературная норма в лексике и фразеологии. М., 1983.

использующихся в местной русской речи, могут быть созданы специальные местные словари[15].

Слово слову рознь. Вряд ли следует одобрять и нормативно закреплять диалектные варианты и речения. Характеризуя локально ограниченные языковые коллективы, областные и диалектные названия остаются за пределами общелитературной нормы. В тех случаях, когда они непонятны читателю, местные областные словечки должны быть заменены их общелитературными эквивалентами. Можно привести один пример: На заре туманной юности Грицко Ткачук батрачил у одного *заможного* хозяина (Правда Украины, 1980, 4 мар.). В словаре Даля слово *заможный* помечено как областное, свойственное южным говорам в значении 'зажиточный'. В белорусском языке оно известно в значении 'богатый'. Однако в русском литературном языке это слово неизвестно: в толковых словарях литературного языка оно не значится. Поэтому его судьба достаточно определенна: в общелитературный обиход для массового и нейтрального употребления вводить диалектные варианты не рекомендуется.

Иное дело такие слова, как *хата, хлопец, думка, пан, панский, землероб* и под. Их употребление в газетной речи на Украине объясняется прежде всего влиянием украинского языка: Так что Грицко Ткачук успел испытать и *панскую* "ласку", и горечь заработанного батрацким трудом куска хлеба, и холод нетопленой *хаты*... (Правда Украины, 1980, 4 мар.); Представляете — второе место в республике! Вот это *хлопцы*! (Комс. знамя, 1980, 11 мар.); К красноармейцам своим пошел, *думками* поделился... (Сов. Молдавия, 1979, 1 янв.).

Хотя подобные контексты практически не встречаются в центральной русской газете, все же каждое из этих слов известно любому русскому читателю. С особыми стилистическими пометами они включены в состав "Словаря современного русского литературного языка". Можно ставить лишь вопрос о стилистической целесообразности использования просторечных элементов в авторской речи журналиста. Однако нормативность употребления всех этих слов сомнений не вызывает.

Если понимать под лексической интерференцией изменения не только в составе лексического словаря, но и в функции, и в стилистическом употреблении слов, то такого рода интерференция особенно ярко проявляется в русских газетах на Украине. Влияние славяно-русского двуязычия здесь принимает своеоб-

[15] Как известно, составлен "Справочник личных имен народов РСФСР" (М., 1979). Ведется работа над составлением словаря вариантной лексики в Дагестанской АССР.

разные формы. Можно отметить целый пласт слов, общих для русского и украинского языков. История этих слов в каждом из языков складывалась по-разному, и они вошли в состав литературной лексики украинского и русского языков с разной стилистической окраской. Так, если в словаре украинского языка слова *око, очи* закрепились в качестве нейтральных и общеупотребительных, то в русском языке они свойственны, как правило, поэтической речи и характеризуются высокой окраской или употребляются в составе фразеологизмов типа *видит око, да зуб неймет; беречь как зеницу ока.* Такая стилистическая окраска мешает журналисту, владеющему только русским языком, пользоваться словами типа *око, селяне* в качестве нейтральных в центральной газете. Однако если журналист активно владеет и русским, и украинским языками и работает на Украине, он нередко смешивает лексику разных стилистических пластов. Слова, имеющие разную стилистическую окраску в русском и украинском языках, в условиях украинско-русского двуязычия теряют свою "высокую" маркированность, свойственную им в русской речи. Можно привести несколько примеров подобного рода: Поэтому надо еще и еще раз посмотреть хозяйским *оком* — как хранят в амбарах посевной фонд, достаточен ли запас... (Правда Украины, 1980, 6 мар.); Взрывная волна отшвырнула Григория. Нашли его, контуженного, призбручанские *селяне.* Спасли, выходили. И *стежку* к партизанам показали (там же, 4 мар.); Увидели меня *девчата,* вспыхнули, как алые маки (там же, 8 мар.); ...Крестьянский университет, который "будет пролетариату села *запорукой* счастья" (из письма украинских крестьян Ленину, цит. по: Правда Украины, 1980, 11 мар.).

Контактное двуязычие близкородственных языков приводит к заимствованию отдельных значений: некоторые русские слова на украинской почве увеличивают свои семантические потенции и видоизменяют круг значений, употребляясь аналогично тому, как они используются в украинском языке. Можно привести пример подобной семантической интерференции[16]. Прилагательное *добрый* широко употребляется в украинском языке и в одном из значений соответствует русскому прилагательному *хороший.* В тексте русских газет на Украине нередко можно встретить примеры употребления ненормати-

[16] С теоретической точки зрения это явление рассматривается в работе: *Семчинский С.В.* Семантическая интерференция языков (на материале славяно-восточнороманских языковых контактов). Автореф. докт. дис. Киев, 1973; об украинизмах в системе нормативных средств см. в кн.: Культура русской речи в национальных республиках. Киев, 1984.

ного для русской речи прилагательного *добрый* в расширительном значении: *Добрый пример* в этом деле показывают работники участка Колчино-Свалява Львовской дороги (Правда Украины, 1980, 11 мар.); *Добрым советом* он подсказывает Ольге Дмитриевне, как лучше организовать труд штукатуров (Соц. родина, 1980, 15 мая); Дружеская поддержка помогает... держать *добрый* рабочий *настой* (там же, 22 мая).

Даже уменьшительные формы имен предпочитаются в украинском, а не в русском варианте: Мария Стефьюк выросла в одном из предгорных сел Ивано-Франковщины... С детства пела *Маричка* (Правда Украины, 1980, 8 мар.). Аналогична норма употребления уменьшительных имен в Латвии: *Маленькой Гунте* нелегко было выбрать правильный маршрут в соревнованиях по ориентированию... Янитис и Эвия уже повязали красные пионерские галстуки, а *Гунтине* (исходная форма — *Гу́нтиня*) придется ждать еще долго... (Ригас Балсс, 1981, 17 июня).

Употребления такого рода еще не переходят границ допускаемого нормой и возможного стилистического варьирования. Но журналистами заимствуются и такие варианты, которые не могут быть рекомендованы в качестве общелитературной письменной нормы. Таковы сочетания топонимов с предлогами. В тех случаях, когда русская традиция требует употребления предлога *в* или *из*, на украинском используются другие предлоги — *на, с* (ср. разговорные украинизмы: приехал *с Киева, с Одессы, с Винницы*). Механический перенос в русский текст украинских предложных сочетаний нежелателен. Приведем примеры подобных отклонений от литературной нормы: Два года назад *на Запорожье* была создана Украинская опытная станция масличных культур (Правда Украины, 1980, 11 мар.). И таких столовых *на Донбассе* очень много (Крымский комсомолец, 1980, 3 июля); Опубликовав послания Владимиру Ильичу *с Сумщины*, редакция газеты решила пойти по следам тех памятных событий (Правда Украины, 1980, 11 мар.). Здесь, как и в других случаях, синонимия предлогов создает обширную зону вариантов. Трудности употребления предлогов *в — на, с — из, к — на* в русском литературном языке, широко комментирующиеся в ортологических словарях и справочниках[17], в условиях двуязычия усугубляются влиянием национальных форм речи.

Иногда возникает впечатление, что навыки родного языка, украинского или белорусского, создают дополнительные труд-

[17] Трудности русского языка: Словарь-справочник журналиста. М., 1974; Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка: Словарь-справочник. Л., 1973; Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов.

ности при освоении стилистических норм правильной русской речи. Не случайно обучающиеся языку считают, что язык другой системы легче освоить, чем близкородственный. Так, в статье, написанной председателем украинского колхоза, встречаем следующий контекст: Думаю, что будет большая польза, если бричанский девиз: "*ферма — лицо председателя* колхоза" — найдет широкое распространение во всех хозяйствах республики (Сов. Молдавия, 1979, 5 янв.). В той же статье автор обнаруживает еще одну типичную ошибку, свойственную лицам, недостаточно овладевшим нормами употребления видовых форм глагола: На мой взгляд, возделывать эту культуру на богаре то же самое, что *садить* виноградники без плантажа или вести садоводство без обрезки деревьев (там же). Аналогичные ошибки встречаются и в газетах других республик: В то время *начинали усовершенствовать* централизацию управления стрелками... (Ригас Балсс, 1981, 16 июня).

Нормативное вмешательство наиболее эффективно в области кодификации терминологии, ономастики и топонимии, в кругу лексических заимствований. С трудом поддаются нормированию многочисленные способы комбинации языковых элементов: синтаксические построения речи, отдельные элементы ее стилистической организации. Так, сдвиги в стилистической окраске слов, так же как и видоизменения в их семантических оттенках, проявляются лишь в непривычном контекстном окружении, которое возникает в результате взаимодействия иноязычных речевых навыков в среде контактного двуязычия. Трудно представить все возможные вариации контекстов и все нарушения норм семантико-синтаксической и стилистической сочетаемости лексических компонентов. Проблема типологии контекстных отклонений от нормы заслуживает особого и пристального изучения.

ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ГРУПП НА ОСНОВЕ ПОНЯТИЙНОЙ ОБЩНОСТИ

(на материале русскоязычных газет национальных республик)

Объектом исследования является функционирование и формирование лексико-фразеологической группы слов, соотносимых с одним понятием, в языке русскоязычных газет национальных республик. Указанная группа неоднократно привлекала внимание исследователей как характерная для русской газетной речи внутристилевая организация средств выражения, обусловленная конструктивными принципами объединения языкового материала в конкретной функциональной сфере словоупотребления — в языке газеты[1]. Постановка вопроса о реализации газетной лексико-фразеологической группы в условиях национально-русского двуязычия требует: 1) рассмотрения условий формирования этой группы в языке газеты, что позволит выявить соотношения семантических структур компонентов, входящих в состав данной группы, и экспрессивно-эмоциональные дифференциации, обусловленные стилистическими задачами газетных текстов; 2) выбора определенных лексико-фразеологических групп в языке русскоязычной газеты, что позволит сопоставить функциональные возможности избранной группы в текстах центральной и республиканской печати, проследить пути ее формирования в условиях национально-русского двуязычия не только за счет национальных заимствований, но и в результате контекстуальных переосмыслений средств выражения, постоянных в языке центральных газет; 3) анализа воспроизводимых средств выражения, входящих в состав избранной группы, с точки зрения их употребления, в плане их нормативных характеристик.

В работах, посвященных изучению языка газеты, объект исследования определяется как весьма сложная языковая структура, характеризуемая воспроизводимостью элементов разной синтаксической сложности. Воспроизводимость средств выражения является основной стилеобразующей чертой русской газетной речи. Разделяя мысль Г.О. Винокура о тематически

[1] См.: *Костомаров В.Г.* Русский язык на газетной полосе. М.,1971; *Богуславский В.М.* Семантико-стилистические группы слов, соотносимых с одним понятием. — В кн.: Синонимы русского языка и их особенности. Л., 1972, с. 154—184; *Вовчок Д.П.* Типы и функции метафорических устойчивых словосочетаний в современной газете. Пермь, 1973; *Горбунов А.П.* Образные средства языка газеты. М., 1969.

ограниченном объеме газетного словаря и наличии в языке газеты готовых речевых форм, близких к фразеологизмам[2], ряд исследователей видит причину этого явления в том, что массовая коммуникация породила тенденцию языкового развития, типичную для многих современных языков, — "концентрирование и систематизирование средств выражения, соотносимых с определенным понятием или ситуацией"[3]. "Массовая коммуникация и газетный язык как часть ее предстает действительно в виде всего языка"-подчеркивает В.Г. Костомаров, только "специфически прикрепленного, деформированного или видоизменяемого особым принципом функционально-стилевой конструкции... Происходит систематизация, организация общеязыковых средств в ... набор типовых реализаций, с одной стороны, и серийное упорядочение актуализованных средств выражения — с другой"[4]. Системная организация воспроизводимых средств выражения, определяемая их соотносимостью с жанровыми формами газеты, предполагает воспроизводимый и системный характер словоупотребления.

Определенное понятие, являющееся целевой и тематической установкой газетного сообщения, может иметь несколько воспроизводимых речевых единиц, выражающих это понятие различными способами — номинативно или путем логического и ассоциативного соотнесения с ним. Например, понятие "люди, занимающиеся обработкой земли с целью выращивания сельскохозяйственных растений", обозначается в условиях газетного текста следующими единицами: *колхозники, земледельцы; труженики полей; участники битвы за урожай; капитаны полей, гвардейцы полей; участники* (*весенней, летней, осенней, зимней*) *страды*. Совокупность воспроизводимых средств выражения, соотносимых с каким-либо понятием, образует тематическую микросистему, состоящую из вариантных лексических единиц, грамматически однотипных и при различной степени контекстуальной обусловленности способных высту-

---

[2] "Расчет на максимальное потребление и, следовательно, на исключительно быстрый темп самого производства... неизбежно механизует, автоматизует газетный язык... Словарь газеты всегда носит характер фразеологии, т.е. суммы фиксированных условных формул с заранее известным и точно установленным механизированным значением" (*Винокур Г.О.* Язык газеты. — В кн.: Культура языка. М., 1928, с. 180—183).

[3] *Богуславский В.М.* Семантико-стилистические группы слов в языке газеты. Автореф. канд. дис. Харьков, 1969; *Костомаров В.Г.* Указ. соч.; *Панфилов А.К.* Речевые штампы и фразеология публицистического стиля. — Учен. зап. МГПИ им. В.И. Ленина, 1970, N 353, с. 315—340; *Солганик Г.Я.* Лексика газеты. М., 1981.

[4] *Костомаров В.Г.* Указ. соч., с. 246.

пать в газетной речи как эквиваленты соответствующего понятия.

Основным признаком, по которому происходит объединение средств выражения в тематическую микросистему, является способность слова или словосочетания передавать содержание понятия полно или частично. Подобное варьирование способов обозначения определяет возможность их контекстуально обусловленной взаимозамены. В.Г. Гак, называя типы семантической субституции, основанные на формальных и логических отношениях между основным обозначением понятия и его субститутом (отношения равнозначности, включения, местоименной репрезентации, различного рода метонимические и метафорические замены), выделяет номинации, отражающие различные аспекты одной и той же реальности[5]. "Такие обозначения связаны друг с другом не потому, что они структурно преобразуются одно в другое и что обозначаемые ими понятия связаны между собой, но потому, что они соотносятся с одним и тем же объектом, с одним и тем же денотатом. Такие обозначения можно назвать разноаспектными, ибо они отражают различные аспекты одной и той же реальности. Вне связи с данной реальностью они несоотносимы друг с другом и парадигматически не являются равнозначными"[6], — отмечают В.Г. Гак и В.М. Лейчик, называя этот тип замещения денотативной субституцией и подчеркивая, что в синтагматике обозначения такого рода выступают как контекстуальные субституты.

На характер контекста как условия эквивалентной замены, при которой синонимы наряду с другими лексическими знаками, используемыми для выражения какого-либо понятия, могут выступать в качестве эквивалентных единиц, указывают специалисты, изучающие, систематизирующие структурно организованные совокупности слов газетного языка как "функционально-стилевого единства"[7]. В.М. Богуславский пишет: "Синонимические отношения присущи лишь некоторым совокупностям слов семантико-стилистической группы (идеографическим синонимам и — частично — словам видо-родового соотношения, окказиональным синонимам), т.е. словам, связанным некоторыми сходными семантическими признаками. Слова, выражающие данное понятие путем логически обуслов-

[5] *Гак В.Г.* Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания. — В кн.: Семантическая структура слова: Психолингвистические исследования. М., 1971, с. 83—85.

[6] *Гак В.Г., Лейчик В.М.* Субституция терминов в синтагматическом аспекте. — В кн.: Терминология и культура речи. М., 1981, с. 51.

[7] *Костомаров В.Г.* Указ. соч., с. 18.

ленной контекстуальной замены, контекстуального соотнесения и метафорически-образно, представляют собой контекстуальные эквивалентные единицы данного понятия. Причем эквивалентность как свойство этих единиц заменять друг друга в контекстах, сходных по содержанию и стилистическому оформлению, проявляется лишь в функции стилистического разнообразия речи, позволяющей учитывать некоторые семантические оттенки, по которым различаются слова одной понятийной темы"[8]. Предложенная В.М. Богуславским[9] систематизация воспроизводимых средств выражения одного понятия в языке газеты путем вычленения двух подчиненных структур, составляющих одну семантико-стилистическую группу, — структуры, характеризующейся узуальными и окказиональными синонимичными отношениями (семантическое поле одного понятия), и структуры, характеризующейся ситуативно-контекстуальными отношениями (стилистическая группа слов), — дает возможность проследить пути и средства формирования лексико-фразеологических групп слов, соотносимых с одним понятием и составляющих особенность языка газеты в условиях национально-русского двуязычия.

Анализ текстов республиканских русскоязычных газет показывает, что в условиях национально-русского двуязычия происходит увеличение числа единиц выражения, соотносимых с одним понятием в определенном контексте. Изменение суммы обозначений происходит, во-первых, за счет расширения совокупности слоев, характеризующих данное понятие или служащих образной формой его выражения; во-вторых, в отношения контекстуального варьирования втягиваются национальные слов, полностью или в условиях контекстуального окружения выражающие содержание понятия. Причем условия их употребления отличаются от использования национальных номинаций в текстах с экспрессивно-эмоциональной характеристикой главным образом для выражения понятий, обозначения которых нет в русском языке. Это проявляется в первую очередь в отсутствии толкования иноязычных слов в характерных для газетных жанров формах — в ссылке или в постпозитивном или препозитивном несогласованном приложении, включенном в текст. Ср.: Народная песня и музыка вошли в жизнь Айно с детства — отец славился на всю округу как мастер сочинять *"леэло" — народные песни-сказания* (Веч. Таллин, 1980, 28 дек.); И если бы по киргизскому обычаю *за добрую весть* —

[8] *Богуславский В.М.* Семантико-стилистические группы слов, соотносимых с одним понятием, с. 79—81.
[9] Там же, с. 154—184.

суюнчу — его одаривали подарками, то никакая лошадь их не увезла бы... (Сов. Киргизия, 1980, 26 дек.).

Кроме того, рассмотренный материал дает основание предположить, что число единиц выражения способно меняться в зависимости от того, насколько важным представляется обозначаемая реалия той или иной национальной общности. Специфика отраслей народного хозяйства, характерных для определенной республики или региона, выступает в качестве экстралингвистического фактора: более важные понятия получают и большее число единиц выражения. Сопоставление способа обозначения реалии "хлопок" в текстах центральной прессы (газеты "Правда", "Известия") и в газетах среднеазиатских республик и Эстонии показывает, что регулярно употребляющиеся в информационных текстах центральных и эстонских газет средства выражения этого понятия составляют ограниченный ряд вариантов: *хлопок — хлопчатник — сырец — ценное сырье;* образный стереотип *белое золото* отмечен только на страницах газет "Известия" и "Правда". Повторяющаяся тематика информационных заметок о сборе хлопка, составляющих примерно 40% газетного текста среднеазиатских республиканских газет, обусловливает использование кроме названных вариантных единиц выражения: *коробочки — белые коробочки — белоснежный сырец — белоснежное волокно — белые горы — белоснежные бунты* — при регулярном и высокочастотном употреблении образного стереотипа *белое золото* (условия контекстуальной замены будут рассмотрены ниже). Аналогичным образом в текстах эстонских газет, содержащих информацию о лесной промышленности, реализуется ряд обозначений понятия "рабочий, занимающийся рубкой и заготовкой древесины", не отмеченных в газетах среднеазиатских республик в текстах со сходной тематической установкой: *лесоруб — мастер заготовок леса* (*древесины*) *— мастер лесосплава — труженик лесосеки — ас лесорубного дела*; в условиях контекстуально обусловленной взаимозамены часто используются слова, находящиеся в родовидовых отношениях с данным понятием: *лесорубы — вальщики леса, пильщики леса, раскряжовщики* и *распиловщики стволов.*

И наконец, тематическая установка газетного текста, не отражающая особенностей быта, географии и экономики республики, формирует совпадающий не только по содержанию, но и по количеству членов ряд лексических вариантов. Примером может служить сопоставление информационных заметок газет "Советская Киргизия" и "Молодежь Эстонии" о выставке миниатюрных книг. Тексты отличаются степенью экспрессивности заголовка ("Манускрипт в ореховой скорлу-

пе" — Сов. Киргизия, 1981, 3 янв. и "Миниатюрные книги" — Молодежь Эстонии, 1981, 27 янв.), но содержат одинаковый набор обозначений данного понятия: *миниатюрные книги — книжечки — книги-малютки — миниатюрные издания — мини-книга — мини-литература* (Сов. Киргизия, 1981, 3 янв.), *мини-книга — книжка-малютка — книжки-дюймовочки — миниатюрные книги* (*книжки*) — *мини-издания — мини-литература* (Молодежь Эстонии, 1981, 27 янв.).

Сравнение набора воспроизводимых средств выражения идентичного объекта, реализующегося в текстах со сходной целевой и тематической установкой на страницах центральных и республиканских газет, показывает, что увеличение суммы номинаций в русскоязычных текстах республиканских газет касается в первую очередь той части микросистемы газетной лексики, которая обозначает данный объект на основании логического и ассоциативного соотнесения с ним. Расширение группы воспроизводимых средств ассоциативно-образного обозначения находится в прямой зависимости от национального культурного контекста: ориентация на характерность и распространенность обозначаемой реалии в жизни национальной общности определяет, во-первых, устойчивость ассоциаций и те "существенные и менее существенные признаки, по сходству с которыми и создаются метафоры"[10] и метонимические средства выражения, во-вторых, многократную повторяемость, воспроизводимость этих образных средств в газетных текстах со сходной тематической установкой.

Постоянная потребность в экспрессивных средствах выражения, в новом обозначении уже названного понятия, являющаяся одной из особенностей языка газеты, обусловливает появление на страницах республиканских газет новых стереотипных единиц выражения, для воспроизведения которых порождающей моделью служат наиболее употребительные в языке центральной периодики структурно-однотипные сочетания слов. Так, информация о выращивании риса, составляющая содержание многих корреспонденций, информационных заметок газет Узбекистана, реализуется через ряд воспроизводимых единиц, замещающих слово *рис*: *жемчужное зерно — жемчужное богатство* (*республики*) — *"жемчужные" реки*. Основанием для образования этого тематического ряда являются ассоциативные связи: "зерно белого цвета — жемчуг". Ср.: "Быть *жемчужным рекам"* (заголовок информационной заметки — Комсомолец Узбекистана, 1981, 24 мар.); Сев риса начали рисоводы специализированного совхоза "Искра"... хозяйство

[10] Там же, с 172.

www.ruslang.ru

намерено продать государству свыше 20 тысяч тонн *"жемчужного" зерна* (там же, 21 апр.); Бригада сдала государству столько *"жемчужного" зерна,* сколько весь совхоз сдавал за год... Нет важнее и благороднее цели, чем увеличить *"жемчужное" богатство республики* (там же, 24 мар.). Такая же идея образности — "зерно желтого цвета — янтарь" — мотивирует образование и постоянное использование в газетных текстах образного словосочетания *янтарное зерно,* замещающего слово *кукуруза* (при параллельном использовании "традиционных" для центральной периодики обозначений — *королева полей, царица полей*): Бригада известного на всю страну мастера по выращиванию *"янтарного" зерна* Кумри Хасеновой... (Комсомолец Узбекистана, 1980, 29 окт.); ...бригада получила по 125 центнеров *"янтарного" зерна* с гектара (там же, 4 июня); Кукурузоводы совхоза в честь 60-летия образования СССР решили получить по 100 центнеров *"янтарного зерна"* с каждого гектара (там же, 1982, 20 апр.).

Близость идеи образности предполагает развитие пределов фразеологической сочетаемости у определения *янтарный;* образования *янтарные реки, янтарное богатство республики* потенциально возможны, но в текстах не отмечены. Такое отсутствие или, наоборот, заполнение потенциально возможного звена в ряду вариантных средств выражения говорит о том, что тенденция формирования газетной лексической микросистемы обусловлена ситуативным выделением эмоционально-экспрессивных признаков понятия, которые представляют собой основные стилистические ресурсы пишущего в газету и реализация которых регулируется целью высказывания, с одной стороны, и частотой употребления единиц выражения в контекстах однотипного содержания — с другой.

Широкое и регулярное употребление воспроизводимых метафорических и метонимических оборотов с закрепленным переносным значением со структурной основой "определение — прилагательное" и "определяемое — существительное" является характерной чертой языка республиканских газет и привлекает внимание даже при самом поверхностном сопоставлении текстов центральной и республиканской прессы. Приведем еще примеры образования и использования образных стереотипов, употребление которых не отмечено в текстах центральных газет. Поиски экспрессивных наименований, замен одного и того же слова в текстах с одинаковой тематической установкой приводят к появлению замещений "табак — ароматический лист, желтый лист" на страницах газет Грузии и Киргизии, ср.: Отличную рассаду *ароматического листа* вырастили табаководы совхоза "Октябрь" (Сов. Киргизия, 1981, 26 мар.); В минувшем году...

вместо 22 центнеров *ароматического листа* по плану получено 48 центнеров (Заря Востока, 1980, 10 сент.); Табаководы... заготовили *желтый лист* в количестве, достаточном для выполнения годового плана (Сов. Киргизия, 1980, 13 нояб.); Отправив на приемные пункты более 11 тысяч центнеров *желтого листа,* коллектив совхоза "Октябрь"... первым выполнил план продажи *табака* государству. В течение последних 10 лет... звено получает с гектара не менее 40 центнеров *табачного листа* (там же, 1982, 18 февр.). Замещения "рыба — живое серебро, серебристая продукция" характерны для информационных заметок газет Эстонии: Пятилетний план по улову *"живого серебра"* выполнен... Сдача *рыбы* государству продолжается... (Веч. Таллин, 1980, 24 окт.); Рыбаки выходят в море... В магазины поступит *"серебристая продукция"* (там же, 20 февр.) Замещения "виноград — солнечные ягоды, янтарные ягоды, янтарная гроздь — золотая гроздь, лоза плодородия и жизнерадостности" регулярно употребляются на страницах русскоязычных газет Армении: Не случайно *виноградная гроздь* запечатлена на гербе нашей республики как символ трудолюбия армянского народа, на скудной каменистой почве выращивающего *лозу плодородия и жизнерадостности* (Коммунист, 1981, 19 янв.); *"Золотая гроздь"* (заголовок информационной заметки — там же, 26 апр.); Мы идем по *виноградному полю... Солнечные ягоды* давно уже собраны (там же, 1982, 9 февр.); В минувшем году мы получили по 200 центнеров *"янтарных гроздьев"* вместо предусмотренных ста... подруги решили собрать с каждого гектара в среднем 280 центнеров *винограда* там же, 3 апр.)[11].

В рассматриваемом употреблении номинативное содержание этих образных стереотипов определяется контекстом. При этом условием эквивалентной замены является их включение во фразеологические связи заменяемого слова. Лексическое окру-

[11] Колебания в расстановке кавычек при использовании воспроизводимых метафорических и метонимических оборотов на страницах республиканских газет могут быть истолкованы как специфика факультативных случаев употребления данного знака. Б.С. Шварцкопф выделяет два принципиально различных типа кодификации употребления кавычек: "Первый тип характеризуется четкостью очерченных границ, обязательностью предписаний и общепризнанностью (его выполнение не вызывает сомнений у пишущих)... Второй тип кодификации характеризуется нечеткостью (или значительной размытостью) очерченных границ, необязательностью предписаний (возможностью выбора — выполнять или нет) и необщепризнанностью (необходимость постановки знака может вызвать сомнения)" (*Шварцкопф Б.С.* О факультативных случаях употребления кавычек. — В кн.: Нерешенные вопросы русского правописания. М., 1974, с. 192—193).

жение метафорических стереотипов — *"янтарное зерно"* (кукуруза), *"жемчужное зерно"* (рис), *желтый (ароматический) лист* (табак), *"живое серебро"* (рыба) — должно называть виды работ: "выращивать", "собирать урожай", "сеять", содержать количественную оценку: "125 центнеров с гектара", "20 тысяч тонн" и т.д.

Длительное употребление газетной метафоры со структурой "определение + определяемое" в контекстах однотипного содержания приводит к тому, что семантический признак заменяемого понятия, содержащийся в определении, становится доминирующим в словосочетании, при этом значение словосочетания выводится из семантики определения как слова, выражающего основную идею образности. Приведенный выше ряд вариантов обозначения понятия "хлопок" состоит в основном из образных словосочетаний, основанных на цветовой метонимии — белом цвете волокна хлопка, и является основным средством замещения в газетной информации о сборе и выращивании хлопка. Определение *белый* (вариант — *белоснежный*) вступает в особое взаимодействие с определяемым существительным, отличное от его взаимодействия в словосочетаниях *белый платок, белоснежная скатерть,* что проявляется прежде всего в отсутствии оппозиции: при оппозиции *"белый платок — черный платок"* невозможно аналогичное противопоставление *"белые коробочки — черные коробочки", "белые горы — черные горы".* Приведем наиболее типичные случаи употребления образных стереотипов с семантическим центром *белый,* замещающих слово *хлопковый* в газетах Узбекистана, Киргизии, Таджикистана: Первая партия высокосортного *белоснежного волокна* нового урожая отправлена с Ошского хлопкозавода в Японию (Сов. Киргизия, 1980, 10 окт.); Все готово к сбору *белоснежного сырца* (там же, 22 февр.); А на кромке поля, которое бороздили "голубые" корабли, девчата собирали *белые коробочки* (Комсомолец Узбекистана, 1980, 31 окт.); Высоко поднялись рукотворные *белые горы* на заготовительных хлопкопунктах Сырдарьинской области. Более 410 тысяч тонн *"белого золота"* — таков нынешний хирман Голодностепья. Но *хлопок* еще продолжает поступать с полей... Не первый год укладывает *белоснежные бунты* Гани Халимов... (Правда Востока, 1980, 31 окт.); ... в колхозе было немало мастеров *"белых плантаций"* (Веч. Баку, 1982, 1 янв.).

Важно отметить, что возникновение дополнительного контекстуально обусловленного значения у определения *белый* (*белоснежный*), синонимичного в данных контекстах слову *хлопковый,* поддерживается регулярным использованием на страницах республиканских газет "традиционного" метафори-

ческого оборота *белое золото*, до недавнего времени являвшегося основным средством образного выражения в текстах центральной прессы и вошедшего в связи с этим в качестве иллюстрации во все исследования, посвященные газетной фразеологии[12]. Показателем развития дополнительного значения у определения *белый* является его широкое употребление в сочетании со словами *жатва, страда*, не отмеченное в текстах центральных газет, но, по-видимому, обусловленное появлением и частым употреблением параллельных конструкций — *зеленая жатва, зеленая страда* в тех же текстах: 600 тонн хлопка... явилось хорошим вкладом в *"белую страду"* совхоза (Комсомолец Узбекистана, 1980, 24 окт.); *"Белая страда"* на юге республики перешагнула свой зенит (Сов. Киргизия, 1980, 11 окт).; Высокие темпы *"белой жатвы"* определяются уровнем механизации уборочных работ (Комсомолец Киргизии, 1980, 18 окт.). Интенсивность формирования контекстуально обусловленного значения у определения *белый* подтверждается наращиванием фразеологических сочетаний, нередко неправомерных с точки зрения логики языка, — употреблением определения *белый* со словом *пятилетка*: Они обязались свою *"белую" хлопковую пятилетку* завершить за 4 года (Комсомолец Узбекистана, 1981, 16 мая).

Специфика содержания информационных текстов республиканских газет и находящаяся в прямой зависимости от этого частотность употребления газетного метафорического оборота "определение + определяемое", эквивалентно замещающего понятие, обусловливают не только возникновение переносного значения у определения, но и вызывают расширение пределов сочетаемости у постоянной метафоры в данной номинативной функции. При этом замещающая образная единица выражения испытывает влияние лексико-семантической валентности заменяемого слова и, наоборот, у заменяемого слова возникают новые семантические и синтаксические отношения, детерминированные лексико-семантической валентностью замещающей единицы выражения. Так, воспроизводимый метафорический оборот *белое золото* с закрепленным переносным значением "хлопок" проявляет особенности сочетаемости лексемы *хлопок*:

[12] В.Г. Костомаров, рассматривая такого рода колебания в употреблении слов, в частности *земледелец* (1964—1965), *землероб* (1967), *пахарь* (1965), *герои нивы* (1968), *мастера хлебного поля* (1968), замечает по этому поводу: "В каждый данный момент преобладает одна какая-то актуализируемая единица, выступающая своеобразным родовым репрезентантом всей имеющейся серии. Самое обновление протекает в струе отработанных приемов, освоенной уже образности, в ограниченных или заданных фразеологических рамках" (*Костомаров В.Г.* Указ. соч., с. 237).

На государственный хирман отправлено *340 тысяч тонн джизакского "белого золота"* (Правда Востока, 1980, 26 окт.); С каждого гектара получено в среднем по *31,3 центнера "белого золота"* (Комсомолец Киргизии, 1980, 11 дек.); *Мощные производства "белого золота"*... (Правда Востока, 1980, 26 мая); ...бригада взяла повышенные социалистические обязательства *по выращиванию "белого золота"* (Комсомолец Киргизии, 1980, 26 окт.).

Слово *хлопок,* постоянно вступая в отношения замещения с метафорой *белое золото,* которая в силу своей частой повторяемости в условиях текста русскоязычной газеты наращивает число фразеологических сочетаний (ср.: Девушки продолжают борьбу *за каждый грамм "белого золота"* (Комсомолец Киргизии, 1980, 18 окт.) — при параллельном употреблении "борьба за каждый килограмм хлопка"), под влиянием лексико-семантической валентности структурного центра метафоры — *золото* — приобретает его лексическое окружение. Ср. параллельные взаимообусловленные употребления в однотипных контекстах: На областной хирман сдали *"белое золото" самой высокой пробы* (Правда Востока, 1980, 26 окт.); ...государству отправлен *хлопок высокой пробы* (Коммунист Таджикистана, 1980, 16 нояб.; Комсомолец Киргизии, 1980, 10 нояб.).

Совмещение фразеологических связей вызвано превращением образного стереотипа *белое золото* в ходовую номинативную единицу газетного языка и автоматическим использованием его в любом контексте, в том числе и "неразрешающем". Создание немотивированных оборотов и словоупотреблений вызвано императивным для газетного языка "серийным" приложением образа ко все новым и новым явлениям и приводит к появлению словесно-фразеологических единиц, явно отличающихся от традиционно-метафорических дифференциаций.

Рассмотренный материал дает основание для суждения об интенсивности процесса формирования в условиях текста русскоязычной республиканской газеты совокупности словесно-фразеологических единиц, образно выражающих какое-либо понятие. Причем как положительные, так и отрицательные с точки зрения целесообразности высказывания стороны этого процесса определяются конструктивным принципом языка газеты — "воплощением прямолинейности единой конструктивной идеи"[13].

Функционируя в условиях двуязычия, язык газеты не только отражает процессы усвоения национальной лексики, но как

[13] *Костомаров В.Г.* Указ. соч., с. 173.

"функционально-стилевое единство"[14] определяет воспроизводимый и системный характер употребления национальной лексемы. Использование единицы национального языка в условиях газетного текста, включение ее в совокупность системно организованных воспроизводимых средств выражения регулируется не только лексико-семантической структурой национального слова, но и ориентацией на языковую систему русского языка в его функциональной реализации — языке массовой коммуникации.

Наблюдения над характером употребления и способами организации национальной лексики в языке русскоязычной публицистики позволяют предположить, что функциональная разновидность "язык газеты" определяет и характер употребления национального слова, которое используется в основном в качестве варианта обозначения одного понятия, выступая, таким образом, как "звено" серии воспроизводимых речевых единиц, соотносимых с этим понятием. Пример газетной статьи, содержащей серию обозначений понятия "место, где пасется скот"[15]: *Пастбища* нашей республики — это склоны гор... заоблачные *долины*... Все эти *выпасы* служат... *основным источником кормов*... Предусматриваются большие работы, связанные с повышением продуктивности *естественных кормовых угодий*. В нашей республике намечено укрепить кормовую базу животноводства за счет освоения *высокогорных пастбищ*... Но вследствие многолетней бессистемной эксплуатации и чрезмерной нагрузки (по две условной овцы на гектар) в последнее время *сыртовые пастбища* снизили урожайность. Усиливается процесс обеднения *сыртов*, ухудшается ботанический состав травостоя... Чтобы справиться с таким объемом работ, необходимо укрепить организации, призванные заниматься этим, пополнить их квалифицированными кадрами... Следует расширить сеть консультационных пунктов на *джайлоо* (Сов. Киргизия, 1981, 25 янв.). Слово *пастбища* в пределах данного текста многократно замещается синонимом *выпасы*, перифрастическими оборотами *основные источники кормов, естественные кормовые угодья*, сочетанием с видовыми определениями, одно из которых образовано от национальной номинации *сырт*, — *высокогорные пастбища, сыртовые пастбища*, национальными лексемами *сырт, джайлоо*. Понятия, обозначенные национальными словами и средствами русской лексической системы (*пастбища, выпасы*), не совпадают в объеме содержания и находятся в родовидовых отношениях.

[14] Там же, с. 256.
[15] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 13-е изд. М., 1981, с. 437.

Соответственно национальная номинация и параллель из русского языка выступают как обозначения рода и вида. Номинации *сырт, джайлоо* обладают дифференцирующим признаком — "высокогорное пастбище", "летнее пастбище", отраженным в лексикографическом толковании большинства толковых словарей: "Сырт, -а, м. (тюрк.) — Название широких плоских возвышенностей в Заволжье, а также высокогорных пастбищ на Тянь-Шане" (Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1954, т. 14, с. 573); "Сырт — название отлогих возвышенностей на юге Урала и высокогорных пастбищ Тянь-Шаня" (Словарь русского языка. М., 1961, т. 4, с. 447); "Джайлоо (джайлау, джайляу, джейлау) — летнее пастбище у казахов и киргизов" (Словарь современного русского литературного языка. М., 1954, т. 3, с. 763). Советский энциклопедический словарь (М., 1980) дает толкование национального слова через другое национальное слово: "Сырты (тюрк. сырт — возвышение): 1) ровные или слегка волнистые поверхности в горах Ср. Азии или Казахстана. Летние пастбища (джайляу), 2) широкие пологие водоразделы в Заволжье" (с. 1306).

Использование видовых обозначений для замены родовых обусловлено характерным для газеты требованием стилистического разнообразия речи, где в связи с этим некоторое отклонение от прямой номинации восполняется за счет контекста, лексического окружения родового слова, содержащего уточняющий признак. Проследим контекстуальную обусловленность таких взаимозамен в данном тексте: пастбища республики — склоны гор, заоблачные долины → высокогорные пастбища — сыртовые пастбища → сырты, джайлоо. Таким образом, слова *сырт* и *джайлоо* являются контекстуально обусловленными речевыми эквивалентами понятия "пастбище". Ср. наиболее типичные употребления: ...Но разве покинет чабана мысль о *джайлоо*. Он читает пастбище, как раскрытую книгу (Сов. Киргизия, 1980, 20 нояб.); *На выпасе* — отара овец. Чабаны колхоза "Победа" ...выгнали свою отару на *джайлоо* (там же, 25 июня). Расширение совокупности обозначений понятия "место, где пасут скот" под влиянием двуязычного окружения отмечено и в русскоязычных газетах Армении: в ряд вариаций *пастбище — пастьба — выпас* входит национальная номинация *эйлаг*: "Вести с пастбищ"... Первые отары овец подняли на *высокогорные пастбища* хозяйства сел Идеванского района. До конца мая все пятнадцатитысячное поголовье овец поднимается на *эйлаги* (Коммунист, 1981, 14 мая); На *высокогорном пастбище* совхоза Маргасвит Гугаркского района недавно побывала кинопередвижка... Работники Гугаркской киносети поднимутся с кинопередвижкой на *эйлаги* к животноводам... (там же, 1982, 18 авг.);

"Сегодня на *эйлаге*". На *эйлаги* вместе с председателем колхоза села... мы добирались долго... Солнце здесь, на *пастбищах*, восходит необычайно рано (там же, 4 авг.).

Подтверждением универсального характера процесса обобщенного восприятия национальных слов в значении, выраженном средствами русской лексической системы, служат наблюдения над употреблением в газетном тексте национальных номинаций, обозначающих понятие "национальный хлеб". Включение их в ряд вариаций вызывает нейтрализацию их дифференцирующих признаков, усиливает их общее с русским соответствием значение. Репортаж под заголовком "Лепешка — царь киргизского стола" содержит следующие случаи замещения: *лепешка — токочи — хлеб — царь киргизской пищи,* например: ...Может быть оттого, что вырос в деревне, они (лепешки. — *Т. П.*) очень напоминают мне своим вкусом мамины *токочи,* только что вынутые из пышущего жаром дандыра... Приходилось ли вам когда-нибудь бывать в гостях у деревенских киргизов? У них существует традиция: перед едой сперва надо попробовать *лепешку.* Всякий киргиз будет обижаться, если вы захотите выйти из дома, не отведав *хлеба*... Вы замечали, что *лепешку* не режут ножом? Это тоже от уважения к ней — *царю киргизской пищи* (Веч. Фрунзе, 1981, 2 янв.). Еще пример корреспонденции под заголовком "Фирменный чурек": В Баку нельзя не попробовать *национального чурека.* В фирменном магазине Бакинского хлебозавода N 2 всегда в продаже ароматный, только что испеченный *азербайджанский хлеб* (Веч. Баку, 1979, 22 июня).

Необходимо заметить, что способность национальных номинаций и их русских соответствий, находящихся в родовидовом подчинении, быть эквивалентными и выступать в речи с целью разнообразить высказывание зависит от целевой установки текста. Цель газетного высказывания формирует то "необходимое лексическое окружение, в котором бы полностью реализовалось необходимое понятийное содержание"[16], но она же требует учета нормативных характеристик слов, включаемых в восполняющий контекст. Так, установка на обобщенное восприятие *лепешка — токочи — хлеб → царь киргизской пищи* (*стола*) привела к нарушению норм русского литературного языка: перифраза к слову *лепешка* требует согласования в жен. роде (царица киргизской пищи, стола), тем более что в текстах киргизских газет часто употребляются взаимозамены *кукуруза — королева полей, царица полей.*

Если же текст ориентирован на выявление национальной

[16] *Богуславский В. М.* Семантико-стилистические группы слов..., с. 157.

специфики обозначаемого понятия, национальная лексика выступает в лексическом окружении, закрепляющем за ней строго определенные дифференцирующие признаки, препятствующие возникновению взаимозаменяющих отношений между родовым и видовым наименованиями, ср.: Он родился летом на *джайлоо-летовке,* где травы доходили коню до стремнины (Сов. Киргизия, 1981, 11 янв.); За 500 км от родного села Чон-Кызыл-Суу на сыртах Ак-Шийрака пасет колхозные *отары* горсточка отважных *чабанов* из колхоза "Победа" (там же, 1980, 25 февр.); В нашем объединении... более 30 *тандырных цехов* по выпечке национальных лепешек (Веч. Фрунзе, 1981, 19 февр.); Хорошо готовит национальные блюда: *бешбармак, лепешки обинон...* (там же, 7 мар.); ...провел меня в национальный цех, где пекут лепешки... их выпускают под названием *сдобный патыр* (там же, 2 янв.).

Целенаправленность в использовании национальной лексики, регулирующую ее употребление в текстах республиканских газет, определяет тот факт, что в языке центральной периодики национальные номинации, отражая национальную специфику, выступают как видовые обозначения родового понятия, обозначенного русским словом: Перегон скота *на высокогорные пастбища — джайлоо* был завершен, окот овец тоже... На *высокогорных пастбищах — сыртах* пасут колхозные отары молодые чабаны... (Дружба народов, 1981, N 1, с. 190—192); В праздники или в будни — что главное на столе? *Хлеб.* Будь то армянский *лаваш, украинская паляница, русский каравай,* все равно — помните пословицу: *хлеб* — всему голова (Работница, 1979, N 7, с. 11).

Национальные слова, постоянно вступая в отношения контекстуально обусловленной замены родового понятия, обозначенного русским словом, не только увеличивают сумму воспроизводимых средств выражения, но через контекстуальные переосмысления развивают переносные значения. Такой процесс выделения добавочного значения, соотнесенного с определенным контекстом, наблюдается у слова *хирман,* часто употребляющегося в информациях о сборе хлопка в газетах среднеазиатских республик. «У слова "хирман", — отмечает Э.Н. Кушлина, — в русском языке большая история. Это слово встречается в русских газетах Туркестана с конца 70-х годов прошлого столетия. В соответствии с тем значением, которое имеет слово "хирман" в языках народов Средней Азии, в русском тексте оно использовалось для обозначения площадки, на которую складывается только что убранный урожай зерна или хлопка...

В дальнейшем это слово связывается только с новой для русских культурой — хлопчатником, а для пшеницы, ячменя и

прочих зерновых культур употребляются в русских газетах Средней Азии слова "ток", "гумно"»[17].

Анализ современных газетных текстов показывает, что национальная лексема *хирман* употребляется в конструкциях, являющихся вариантом устойчивого газетного сочетания *засыпать* (*сдать*) *в закрома Родины* (*области, хозяйства*), характерного для русских газет, например: В нынешнем году хлопкоробы колхоза решили *сдать на государственный хирман* не менее 6 тысяч тонн хлопка (Комсомолец Киргизии, 1980, 18 окт.); ... хлопкоробы республики *сдадут на большой хирман Родины* тридцать миллионов тонн "белого золота" (Комсомолец Узбекистана, 1981, 19 мая); ... *на областной хирман* сдано 56880 тонн "белого золота" (Правда Востока, 1980, 26 окт.); Хлопкоробы района борются за то, чтобы уложить *на республиканский хирман* еще 1000 тонн "белого золота" (Сов. Киргизия, 1980, 29 окт.).

Переносное значение у национального слова *хирман* возникает, как показывают приведенные примеры, в устойчивом "газетном" словосочетании и присуще всей конструкции в целом. Структурно-однотипные модели *сдать* (*уложить*) *на хирман Родины* (*государства, области*) и *сдать* (*засыпать*) *в закрома Родины* (*государства, области*) синонимичны устойчивому газетному сочетанию *сдать государству* и являются вариантам данного сочетания в рамках газетного текста, ср.: Зерноводы республики *засыпали в закрома Родины*... Хлопкоробы *сдали на государственный хирман*... (Комсомолец Узбекистана, 1980, 24 окт.); *На большой хирман Родины* поступило более 340 тысяч тонн "белого золота". В счет одиннадцатой пятилетки *сдано государству* более 55 тысяч тонн высококачественного сырца (Правда Востока, 1980, 26 окт.). Выявленные параллельные отношения обусловливают развитие у слова *хирман* переносного и редукцию прямого значений — "1) площадка, навес, где складывается убранный с поля хлопок; 2) приемный пункт, куда сдается собранный хлопок"[18]. Подтверждением этого явления служит замена слова *хирман* описательным оборотом в текстах, требующих проявления его прямого значения: Да и *площадок для складирования хлопка* оказалось недостаточно. Работники пунктов вынуждены складывать сырец *в общие бунты* хозяйства, а не бригад (Сов. Киргизия, 1980, 28 окт.); Хлопкоробы

[17] *Кушлина Э.Н.* Таджикские и узбекские слова в русском языке. Душанбе, 1968, с. 14.

[18] *Кушлина Э.Н.* Словарь местных слов в русской печати Узбекистана и Таджикистана. — В кн.: Кушлина Э.Н. Таджикские и узбекские слова в русском языке, с. 37.

хозяйства *сдали на приемный пункт...* (Коммунист Таджикистана, 1980, 18 окт.).

Аналогичный путь прошло национальное слово *шипан,* употребляющееся сейчас на страницах республиканских газет только в значении "полевой стан". Э.Н. Кушлина в "Словаре местных слов в русской печати Узбекистана и Таджикистана"[19], рекомендуя в качестве основного написания этого слова форму *шипанг,* предлагает следующее толкование: "ШИПАНГ, -а. Беседка, навес. Старик повел нас к шипангу" (Коммунист Таджикистана, 1960, 27 сент.) (тадж. *шипанг* — беседка, навес)". Отмеченные в течение 1979, 1980, 1981 гг. употребления этого слова на страницах русскоязычных газет среднеазиатских республик показывают, что изменилась не только орфография (в русскоязычных газетах Киргизии, Узбекистана и Таджикистана употребляется только одна форма — *шипан*), но и употребление этого слова, регулярно выступающего в качестве контекстуального эквивалента понятия "полевой стан": Долг наш — позаботиться о хлопкоробах. Мои коллеги регулярно бывают *на шипанах.* Это и парикмахеры, и фотографы, и мастера химчистки... *На многих полевых станах* — комнаты отдыха (Правда Востока, 1980, 26 окт.); *На всех шипанах* разместились трудовые десанты заводчан (Сов. Киргизия, 1981, 1 янв.); *Покидая шипан, где жили учащиеся* ПТУ N 4, мы оглянулись. Из-под казана поднимался столб дыма, кто-то по-хозяйски суетился у огня (Комсомолец Узбекистана. 1980, 24 окт.).

На семантический сдвиг указывает развитие у слова *шипан* падежной формы с предлогом *на,* употребляющимся с существительными, обозначающими открытое незамкнутое пространство или место деятельности коллектива (на площади, на факультете, на рынке). Отмечен также случай употребления этой национальной номинации, в котором значения "беседка", "навес" уничтожаются контекстом: ...минеральные удобрения хранятся *на шипанах под навесами...* (Сов. Киргизия, 1980, 27 февр.).

Отмеченные случаи употребления этого слова в текстах центральной периодики показывают, что *шипан* употребляется только в значении "полевой стан": ... вы увидите и *нарядные "шипаны" — полевые станы,* и полевые поликлиники, и кухни-столовые (Сельская молодежь, 1981, N 4, с. 4).

Как показывает иллюстративный материал, в языке республиканской русскоязычной газеты формирование лексико-фразеологических групп происходит на "базе" взаимозаменяемых, специфически газетных речевых единиц, функционирующих в

[19] Там же, с. 23—39.

языке центральной периодики. В условиях национально-русского двуязычия увеличение серийно-типизированных единиц происходит, во-первых, за счет образования метафоризированных конструкций, тематически близких к уже имеющимся образным газетным стереотипам, и, во-вторых, за счет использования национальной лексики. Процесс этот носит не механический характер, а представляет собой сложную трансформацию стилистических качеств слова и обусловлен спецификой газетной речи. "Решающую роль в определении общего направления семантико-стилистических изменений лексики, приходящей в газету, играет сам газетно-публицистический стиль, его внутренние факторы и тенденции, — пишет Г.Я. Солганик. — Попадая в новую лексико-стилистическую среду и подвергаясь действию тенденции газетно-публицистического стиля... оценочности, разнородная в стилистическом отношении лексика приобретает экспрессивно-оценочные свойства, нередко новые семантические оттенки... образуя единый в рамках газетно-публицистической речи разряд газетной лексики"[20].

Интенсивность процесса образования новых комбинаций языкового выражения, включения национальной лексики в лексико-фразеологическую группу слов, соотносимых с одним понятием, позволяет определить их как потенциально возможные речевые единицы общегазетного (по аналогии с общелитературным) языка. Культурно-речевая оценка рассмотренных явлений возможна, таким образом, в аспекте динамической нормы. "Языковая норма, — пишет Л.И. Скворцов, — понимаемая в ее динамическом аспекте, есть обусловленный социально-исторически результат речевой деятельности, закрепляющий традиционные реализации системы или творящий новые языковые факты в условиях их связи как с потенциальными возможностями системы языка, с одной стороны, так и с реализованными образцами — с другой"[21]. В условиях национально-русского двуязычия нормативная оценка газетных новообразований может быть осмыслена, следовательно, как воспроизведение в тематически близких контекстах русскоязычных республиканских газет регулярно повторяющихся речевых единиц, употребление которых является наиболее оптимальным, целесообразным с позиций нормативных требований данной сферы — языка газеты.

[20] *Солганик Г.Я.* Указ. соч., с. 108.

[21] *Скворцов Л.И.* Норма. Литературный язык. Культура речи. — В кн.: Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970, с. 53.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОТРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ В ИНФОРМАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛАХ РАДИО И ТЕЛЕВИДЕНИЯ УЗБЕКИСТАНА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Процесс языковых контактов больших и малых по численности народов нашей страны, интенсивно развивающийся в последние десятилетия, приводит к тому, что русский язык, будучи языком межнационального общения, не только оказывает влияние на языки других народов, но и сам испытывает их воздействие. "Русский язык, функционирующий на определенной территории, — считает Э.Н. Кушлина, — запечатлевает общение его носителей с местными народами в целом ряде особенностей. Эти особенности не приводят к появлению территориального ответвления русского языка, но в области лексики весьма ощутимы"[1]. В этом аспекте чрезвычайно перспективным представляется изучение языковых особенностей радио- и телепередач как наиболее оперативно фиксирующих лексические изменения в языке.

Объектом нашего исследования послужили материалы информационных передач радио и телевидения Узбекистана на русском языке — микрофонные папки "Последних известий" и телевизионная информационная программа "Ахборот". Метод сплошной росписи информационных текстов в 20 тыс. словоформ (10 тыс. — из текстов радиопередач и столько же из телевизионных) позволил установить, что 1,5—2% лексического состава анализируемых текстов образуют узбекизмы[2], используемые журналистами для отображения национальной специфики республики.

В целом отражение национальной специфики республики в рассмотренных нами материалах имеет ряд особенностей. Прежде всего это употребление узбекских заимствований не только в материалах узкоспециального характера, но и в сообщениях на любую тематику. Подтверждением может служить семантическая классификация встречающихся узбекизмов:

---

[1] *Кушлина Э.Н.* Среднеазиатская лексика в русском языке (на материале газет Узбекистана и Таджикистана). Автореф. канд. дис. Душанбе, 1964, с. 20.

[2] В данной работе узбекизмами условно названы заимствования из узбекского языка в русской речи собственно тюркского и восточного происхождения независимо от их этимологии, входящие в словарный состав узбекского литературного языка и активно функционирующие в нем. См. такой подход, например, в работах: *Асфандияров И.У.* Русский язык в Узбекистане в условиях развитого социализма. Ташкент, 1982, с. 57; *Назаров О.Н.* Туркменские слова в русском тексте. Ашхабад, 1984, с. 11—13. — Примеч. ред.

1. Общественно-политические термины: *курултай* 'съезд', *раис* 'председатель' и др.

2. Лексика, отражающая особенности местного промышленного и сельскохозяйственного производства: а) термины хлопководства: *гуза* 'хлопковый кустарник', *гузапая* 'стебли отработанного хлопка', *хирман* 'площадка, где складывается хлопок', *курак* 'не вполне раскрывшаяся коробочка хлопка', *кусак* 'совсем не раскрывшаяся коробочка', *чигит* 'хлопковое семя'; б) термины ирригации: *заур* 'осушительная канава', *ак-арык* 'головной арык', *адыры* 'низкие предгорья', *мираб* 'поливальщик', *шарватный* полив 'полив с внесением удобрений'.

3. Бытовая лексика: а) названия посуды: *ляган, пиала;* б) еды: *лагман, каймак;* в) предметов убранства жилищ: *сюзане, чайшаб;* г) одежды: *чапан;* д) наименования празднеств: *хосил байрами, кызыл каруан.*

4. Наименования предприятий, учреждений, коллективов, газет, журналов: агитпоезд *"Икбол"*, газета *"Илгор"*, театр *"Шердор"*.

5. Антропонимы: бригада *Машраба Халилова,* сборщица хлопка *Ибодат Шамурадова.*

6. Топонимы: город *Янгиер,* поселок *Халкабад.*

7. Названия произведений народного творчества, музыкальных инструментов: *дастан, карнаи, сурнаи.*

Частотность употребления указанных пластов лексики в рассмотренных материалах различна. Наибольшей употребительностью, конечно же, обладают слова, связанные с хлопководством, к которому причастно все население республики. Приведем некоторые примеры: Для заводского уборочно-транспортного отряда администрация приобрела 10 хлопкоуборочных агрегатов, 10 тракторов, 10 *куракоуборочных* машин и другую технику. "Уберем весь сырец до последней дольки. Кончится хлопок — снимем и *курак*", — говорят они (Посл. изв., 2 февр. 1980 г.); С первых дней уборочной страды высокие темпы взяли члены бригад Маматова, Умарова, Кучкарова из колхоза "Москва". Сейчас они ежедневно доставляют на колхозный *хирман* по 3—4% сырца к годовому плану (Посл. изв., 2 сент. 1980 г.); В прессованном виде *гузапая* уменьшается в объеме в шесть раз, хранится в течение длительного времени, является хорошим строительным материалом (Посл. изв., 24 февр. 1980 г.).

Процитированные узбекизмы можно было бы назвать, пользуясь терминологией Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, словами "дважды безэквивалентными": "...сначала они не имели эквивалентов с точки зрения русского языка, и это обусловило их

заимствование, теперь они не имеют эквивалентов уже с точки зрения иностранных языков по отношению к русскому"[3]. Эти слова органически вошли в язык русских жителей Узбекистана. На их основе при помощи словообразовательных элементов русского языка образовались новые слова: *грузокорчеватель, куракоуборочная* машина и др. Отражая основные особенности местного промышленного и сельскохозяйственного производства, они понятны всем жителям республики. Потому-то радио- и тележурналисты Узбекистана используют их без всяких пояснений. Для сравнения приведем примеры, когда журналист употребляет слова, менее известные. Поскольку текст радио- и телепередач должен быть понятен и доступен любому реципиенту, неясное слово обязательно каким-то образом комментируется: Хлопкоробы ведут полив *шарватным* способом — *с одновременной подкормкой растений.* Подсчитано, что вместе с водой на каждый гектар внесено по 15 тонн местных удобрений (Ахб., 6 июня 1979 г.); Сегодня в зале заседаний Ташкентского обкома партии начал свою работу *курултай — съезд* хлопкоробов области (Посл. изв., 31 янв. 1979 г.); Вышел в свет первый номер газеты *"Илгор"* (*"Передовик"*) — органа Ангорского райкома партии и районного Совета народных депутатов (Посл. изв., 1 дек. 1980 г.).

При рассмотрении встречающихся в анализируемых материалах узбекских заимствований в функционально-стилистическом аспекте их можно разделить на три группы: 1) слова, выполняющие в тексте лишь номинативную функцию; 2) слова, играющие роль экспрессивного элемента; 3) слова, совмещающие роль и экспрессивного и информативного элементов. Только номинативную функцию в информационных материалах радио и телевидения Узбекистана выполняют "безэквивалентные слова". Что касается двух следующих функций, то на этом вопросе мы остановимся подробнее.

Хотя жанр информационной заметки и занимает особое место среди публицистических жанров[4], но и он обнаруживает присущую публицистическим произведениям "направленность

---

[3] *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1976, с. 83.

[4] Н.С. Валгина и М.П. Сенкевич, отмечая предельную жанровую неоднородность публицистических произведений, считают, что "некоторые жанры представляют чистую публицистику: репортаж, рецензия, обзор, другие — граничат с художественной литературой: фельетон, очерк, частично памфлет, третьи — с официально-деловыми документами: передовая, газетная информация" (*Валгина Н.С., Сенкевич М.П.* Теория стилей русского языка. М., 1977, с. 62).

на воздействие и убеждение"[5]. Проявляется это в том, что в строгий деловой тон информации непременно вводятся экспрессивно воздействующие элементы. Одним из них являются узбекские заимствования, включаемые в тексты радио- и телепередач в качестве синонимической замены русского слова в пределах одного предложения или абзаца: В том, что хлопчатник здесь в отличном состоянии, большая заслуга *поливальщиков*: зная цену воде в этот маловодный год, опытные *мирабы* Тешабай Тургунов, Турсун Юлдашев взяли на вооружение прогрессивный способ полива малой струей по укороченным бороздам (Ахб., 3 авг. 1979 г.); Старинное ферганское селение Кува издревле славится своими *гранатами*. Узбекское название этих рубиновых осенних даров земли — *"Анор"* — стало названием сельского народного ансамбля песни и танца, искусство которого знакомо не только жителям близлежащих кишлаков (Посл. изв., 27 окт. 1980 г.); Сегодня в городах и *поселках* Узбекистана состоится комсомольский воскресник. Он посвящен 60-й годовщине выступления В.И. Ленина на III съезде комсомола страны. В этот день намечено собрать большое количество металлолома и макулатуры, заняться благоустройством городов и *кишлаков* (Посл. изв., 5 окт. 1980 г.).

Известно, что средства массовой информации и пропаганды выполняют в системе политической организации общества две функции: информационно-содержательную и организующе-воздействующую. Это обстоятельство требует от журналистов умения находить такие средства выражения, которые сочетали бы в себе воздействие как на разум, так и на эмоциональную, чувственную сторону сознания.

Признавая печать, радио, телевидение целостной системой, обладающей едиными общественными функциями, теоретики и практики печати, радиовещания и телевидения обратили внимание на идею контраста как на конструктивный принцип организации языка средств массовой информации и пропаганды: "Любая убеждающе-организующая массовая информация должна быть эмоционально заражающей, а не только содержательно-рационалистической. Предполагая с самого начала совмещение интеллектуального и эмоционального начал, подчиняясь требованиям надежной передачи смысла, массовая коммуникация в целом предстает прагматическим синтезирующим явлением, а ее язык — последовательным соотнесением экспрессии и стандарта. Контраст, свойственный другим стилям и вообще речи, приобретает основополагающее значение именно из-за расчета

[5] *Шмелев Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях: (К постановке проблемы). М., 1977, с. 63.

на массу, то есть на любого реципиента в любом состоянии и настроении"[6].

В рассмотренных материалах встречаются различные системы чередования экспрессии и стандарта. Во-первых, многочисленны чередования стандартного обозначения и метафоры, прочно вошедшей в журналистский арсенал активных средств воздействия на воспринимающую аудиторию. Во-вторых, экспрессивный эффект наблюдается и при чередовании по схеме "стандартный элемент — термин или профессиональное выражение". И наконец, широко распространено здесь и чередование стандартного обозначения и узбекских слов, появляющихся в качестве синонимической замены.

Совмещают роль и экспрессивного и информативного элементов текста слова, относящиеся к так называемой фоновой лексике[7], т.е. названия различных реалий, характеризующих местный быт и связанные с ним понятия: названия посуды, еды, тары, предметов убранства жилищ, наименования одежды, празднеств: У тружеников целинного Элликкалинского района большой праздник — *"Кызыл каруан"*. Песнями, танцами сопровождают машины с новым урожаем на приемные пункты хлопкоробы целины (Посл. изв., 5 сент. 1980 г.); Задание 10-й пятилетки по объему реализации продукции выполнил коллектив Риштанского завода художественно-керамических изделий. Выработано более чем на 13 млн. рублей национальных сервизов, *ляганов,* ваз, декоративных блюд (Посл. изв., 10 окт. 1980 г.); Вместе с земледельцами радость большого праздника, пришедшего на землю Узбекистана, — *"Хосил байрами"* разделяют и горожане (Посл. изв., 8 нояб. 1980 г.).

Несмотря на то что "фоновая лексика" легко переводится на русский язык, журналисты отдают предпочтение узбекизмам, потому что, как справедливо отмечал А.В. Миртов, "от замены пиалы чашкой, кетменя — лопатой или киркой, дувала — забором, арыка — ручьем наша речь проиграет в точности, исказится по содержанию"[8]. Вносимый "фоновой лексикой" локально-колоритный оттенок дополняет собственно смысловую информацию, поэтому такие слова совмещают роль и экспрессивного и информативного элементов текста.

Вторая особенность отражения национальной специфики в информационных материалах радио и телевидения Узбекистана

---

[6] *Костомаров В.Г.* Лингвистический статус массовой коммуникации и проблема "газетного языка" (на материале советской прессы). — В кн.: Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. М., 1974, с. 57—58.

[7] *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Указ. соч., с. 75.

[8] *Миртов А.В.* Лексические заимствования в русском языке в Средней Азии. Ташкент; Самарканд, 1941, с. 9.

состоит в отборе журналистами таких слов, которые позволяют воспитывать у воспринимающей аудитории уважительное отношение к лучшим народным традициям: почтение к старости, взаимопомощь при выполнении каких-то работ и др. Обратимся к следующим примерам: Горячо откликнувшись на обращение партии и правительства республики, бригада *аксакалов* (*аксакал* — старейшина, уважаемый человек), которую возглавляет Каримджон Раззаков, ежедневно доставляет на хирман совхоза "Дустлик" 800—900 килограммов хлопка (Посл. изв., 17 окт. 1980 г.); Помогли строителям и участники народного *хашара* (*хашар* — добровольная общественная взаимопомощь при каких-либо работах) (Посл. изв., 13 авг. 1980 г.).

Таким образом, узбекизмы в информационных материалах радио и телевидения Узбекистана можно условно разделить на три подгруппы: первую составляют различные термины, отражающие особенности местного промышленного и сельскохозяйственного производства и функционирующие лишь в качестве информативного элемента текста; вторая подгруппа — это наименования различных реалий, характеризующих местный быт, совмещающие в тексте роль и информативного и экспрессивно воздействующего элемента, и, наконец, третью подгруппу образуют слова, тесно связанные с духовной культурой народа и отображающие лучшие, достойные подражания народные традиции.

Процесс русско-узбекских языковых контактов, интенсивно развивающийся в последнее время и имеющий тенденцию к дальнейшему распространению в будущем, безусловно требует глубокого научного осмысления.

РАЗДЕЛ III

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛЕКСИКИ ИЗ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СССР В СФЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

О НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ПРОЗАИКОВ

Художественный текст национального писателя, созданный на русском языке, обладает особой стилистикой. Ее своеобразие, отличие от повествования русского автора ощущается при самом поверхностном, "не филологическом" прочтении. При этом лексика национального языка, отражающая специфику трудовой деятельности, быта и духовной культуры народа (так называемая этнографическая или ориентальная), обладает значительным стилистическим разнообразием. Различия в стилистической тональности подобной лексики, ее соотношение с русским текстом определяется рядом обстоятельств: некоторые из таких обозначений давно известны литературному языку и выступают как стилистически не маркированные, другие определены в своем функционировании художественной традицией, известным кругом тем, восходя к давнему употреблению (употреблениям), третьи только начинают входить в писательскую практику. Русская проза "привыкла" к ориентализмам; насыщенность ими разных текстов вариативна и связана с жанром источника, со способами авторской номинации, степенью использования второго языка и проч.

В структуре русского текста ориентальный лексический материал функционировал прежде всего в качестве некоторых обозначений при наличии в языке-приемнике соответствующих лакун. Ориентализмы здесь лишены побочных наслоений и вводятся лишь для предельно точного обозначения вещи, понятий, мыслимых в объеме национальной лексико-семантической системы. Вместе с тем функция ориентального материала в истории русского литературного языка значительно осложнилась. Этнографизмы (ориентализмы) вступили в ассоциации, обусловленные, с одной стороны, традициями сложившегося в художественной литературе словоупотребления, с другой —

деэстетизацией ряда слов, процесса, определившегося со второй половины XIX в. в русских публицистических жанрах.

В процессе адаптации ориентализмы испытали семантическое воздействие заимствующего языка, получили стилистическую окраску в практике их использования в языке-приемнике. Ассоциативные связи, генетически присущие этим словам в языке-источнике, оказались размытыми. В составе заимствующего языка ориентальная лексика в некоторой своей части стала функционировать как особая система слов, потерявшая связь с изначальным денотатом. Слова, называющие внешний фактор — предмет, явление, качество, действие со временем превращаются в элементы художественной системы, становятся символами, образами, знаками.

Этнографизмы в составе художественного текста приобретают свою семантическую и смысловую значимость, что в свою очередь определяет круг данных лексических единиц, используемых национальным писателем. В современной русскоязычной художественной прозе азербайджанских авторов[1] тонко осознаются стилистический статус ориентального материала, его экспрессивно-эмоциональные оттенки.

Азербайджанские прозаики широко используют лингвистический комментарий как известный стилистический прием, использовавшийся и русскими классиками для изображения национальных реалий: А как ты, Джафар-муэллим, уплетал... холодную *довгу* (кислый молочный суп с рисом, горохом и зеленью) в жару (Гусейнов, Магомед, Мамед, Мамиш); Бакинский дед Мамиша исходил город вдоль и поперек, сколько грузов на горбу перетащил: кто скажет *"амбал"* — носильщик, а кто — *"пехлеван"*, богатырь (там же); Скажи честно, неужели все ты сам придумал? *Мен олюм*, честно скажи!; *"мен-олюм* — мол, да умру я", заклинает она, присказка такая (там же); Сегодня выяснялся вопрос, сможет ли Махмуд за один час съесть двадцать *шекер-чуреков*, приторно-сладких жирных пышек, по размерам не уступающих ромовой бабе (Р. Ибрагимбеков, В этом южном городе); *Фарраши* — воины связывают поэта (Мамедзаде, Закат); Это был *"назир"*, т.е. обет: свершить большое добро и благо, если ушедший вернется и сбудутся

[1] Иллюстративный материал взят из следующих изданий: *Гусейнов Ч.* Восточные сюжеты. М., 1980; *Ибрагимбеков Р.* В этом южном городе. М., 1972; *Ибрагимбеков М.* В один прекрасный день. М., 1980; *Мамедзаде С.* Небо. Рассказы. Баку, 1966; *Он же.* Тверской бульвар. М., 1977; *Расул-заде Н.* Картины детства. Баку, 1976; *Он же.* Светлые сумерки. Баку, 1979; *Зохраббеков А.* Страна огней. Баку, 1980. При примерах в скобках указаны названия отдельных рассказов, опубликованных в данных сборниках.

желания (Он же, Тверской бульвар); В одной стороне двора собралась *гумархана* — играющие в кости или в нарды, в другой — *мейхана*: любители и мастера народного рифмованного экспромта (Расул-заде, Женился); Ребята звали его Шайтан гулу, *шайтан* значит черт (там же).

Частным случаем этого стилистического приема оказывается обнажение нарицательной основы, смысловой значимости азербайджанского имени собственного:

— И за мастера Гая!

— Это мы его так прозвали. А зовут его Дашдемир Гамбароглы — Камень Железо, сын Булыжника.

— Гая — это скала, и к имени идет, и облику под стать (Гусейнов, Магомед, Мамед, Мамиш); Ага назвал своего сына Асланом, "львом", а Гейбат... Ширасланом, "львом-тигром", третьему имя тоже было заготовлено еще до того, как родился: Ширали — "тигр Али" (там же); И на пятого было запасено имя у Гейбата; для Гумру он Ширинбала — "сладкое дитя", а для Гейбата, верного традиции, Ширбала — "тигр-дитя", хотя имени такого вообще нет (там же).

Стилистические особенности ярко проявляются в произведениях писателей, склонных к гротесковой манере, "комическому гриму", ср.: Тукезбан мечтательно смотрела на мужа. Под тетивой ее бровей трепетали стрелы ресниц, готовые вонзиться в усталое сердце будущего кандидата. Рубиновые уста таили тридцать одну жемчужину, а тридцать вторую Тукезбан недавно удалила у дантиста (Мамедзаде, Нос Клеопатры). Здесь обыгран не сам ориентальный материал, а прием его использования, при котором "низводится" высокая маркированность.

Существует мнение, что национальная специфика художественного текста, написанного на русском языке, сказывается в сохранении высокой стилистической тональности (отграничивающей в этом смысле текст от современной русской повествовательной нормы). Границы между разговорным и книжным стилями обозначены резче, художественная речь тесно связана с национально-поэтической традицией, ее образно-риторическими средствами, фольклорными мотивами и проч. Такой текст воспринимается русским читателем в другом стилистическом регистре, например: — Спасибо, — сказал Джалил-муаллим, — спасибо, Гусейн, второй бейт меня расстроил, чуть не заплакал я, первый бейт тоже прекрасный, но второй бейт — это жемчужина бесценная, это стих, в котором весь мир как в одном зеркале отражается (М. Ибрагимбеков, И не было лучше брата).

Однако национальная специфика не равна национальной экзотике и не отождествляется с ней. При известном рассмотрении она оказывается не сферой экзотических номинаций, а

системой символов, знаков, аллюзий, ретроспективно обращенных к традициям их употребления в национальном языке, включающих известные стилистические ассоциации, поле "колеблющихся" семантических признаков. Слово может быть прикреплено не к предмету (в его формально-грамматическом отражении), а соотноситься с контекстом прежних употреблений.

"Алиф и лам" (название рассказа Мамедзаде, построенное на акустических сближениях, усиливающих экзотичность) — это не просто обозначение букв арабского алфавита. В повествовании о крупнейшем азербайджанском поэте и мыслителе Имамеддине Насими указанные номинанты семантически раздвинуты. Каллиграфия, согласно догмам исламской религии, представляет видимое тело божества, идеи — буквы в разнообразии их начертаний. Арабская вязь соотносится с растительным орнаментом, связана с символом древа. Хуруфиты обожествляли буквы, материализовали знаки, состоящие якобы из земли, воздуха, огня[2]. Буквы включались в систему пантеистического мировоззрения: они тождественны божеству, миру, человеку, земле[3], ср.: Все тайны разгадал, в суть мира я проник, все буквы — тридцать две — вместил в себя мой лик (Насими, Рубаи/Пер. Н. Гребнева. Баку, 1973).

Алиф и лам (ваф) — знаки противопоставлений в литературной традиции: Я пел любовь и красоту. Но чтобы любить и петь, надо быть свободным. Стан мой был прям, *как алиф*, но сейчас он согнулся, *как ваф*. И нет тростникового пера в руке, и уста обречены на безмолвие (Мамедзаде, Мотылек в горсти); Дервиш увидел две тени — свою, прямую, *как алиф*, и изломанную, *как лам*, — человека из Ширвана (Он же, Алиф и лам).

Восток создал культ звездопоклонничества, или сабеизма. "Арабская поэзия, — писал В. Череванский, — отвела у себя небесному куполу заглавное место, и если конь и женщина почтены также всеми блестками образной речи араба, то все же солнце, луна и звезды пленяют его воображение до степени религиозного экстаза"[4]. Без этих знаний реалий, внешне бессистемных, бесплотных, бесструктурных, а на самом деле входящих в сетку разных семантических и понятийных оппозиций, нельзя адекватно понять текст. Ср.: Дервиш смотрел на звезды, и их таинственный язык навел думы о вездесущем и

[2] См.: *Кули-заде З.* Хуруфизм и его представители в Азербайджане. Баку, 1970, с. 103.

[3] О мистическом смысле, приписываемом буквам в восточной и европейской традициях, см.: *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. с. 206—207.

[4] *Череванский В.* Мир ислама и его пробуждение. СПб., 1901, т. 1, с. 13.

всемогущем, незримом и запредельном. И он чувствовал, как всей душой, всем существом своим окунается в божественную тайну мироздания, и осознавал себя частицей этой великой тайны, и казался себе сильным и непобедимым, как аллах (Мамедзаде, Алиф и лам).

Таким образом, можно принять известное допущение, что в языке билингва проявляется почти пословное семантическое калькирование; проекция на семантику национального содержания далеко не ограничивается символами и метафорами. Только в контексте определенных историко-этнографических реалий, национального смысла знака читается: Много ночей шел караван, от заката до восхода, *от воды до воды* (там же). Если считать, что "элементы действительности кодируются и хранятся в памяти вместе с элементами того языка, сквозь призму которого они были восприняты, и что каждый язык имеет, таким образом, свое особое хранилище следов восприятий"[5], то это обстоятельство в известной степени может объяснить причину тех "языковых неудобств", "несоответствий", которые мы ощущаем иногда при чтении текста, созданного национальным писателем на русском языке. Так, слово *достойный* включает в азербайджанском языке и понятия "ценный, дорогой" (гиймэтли), и "трогательный, захватывающий", и "порядочный, правильный, правдивый". Значение азербайджанского слова, семантически объемного, выявляется в пучке его смысловых признаков, недостаточно детерминированных контекстом, ср.: — Я, конечно, сразу же заступился, говорю, не может быть, все это — *недостойные* сплетни и разговоры (М. Ибрагимбеков, В один прекрасный день); А настоящую беседу, опять же с наиболее *достойными* посетителями, вел он во время мыльного мытья (Он же, И не было лучше брата). Перед нами не отклонение от нормативных правил (хотя в ряде случаев мы имеем дело и с самыми обычными стилистическими ошибками), но явление системы, строящейся по законам речи двуязычного индивида.

Тождественные в русском и азербайджанском языках реалии зачастую не образуют семантической эквивалентности. Слово *жертва* в азербайджанском языке отнюдь не негативное понятие: оно в ритуале восточной вежливости и речевого этикета: — По тебе, по тебе соскучилась, Азер... *Да буду я жертвой твоей!* Да перейдут на меня недуги твои! (Гусейнов, Жена дяди моей бабушки); *Да буду я жертвой уст твоих,* Азер (там же).

Естественно, что при обращении к восточным сюжетам в

[5] *Колерс П.* Межъязыковые словесные ассоциации. — В кн.: Новое в лингвистике. М., 1972, вып. 6, с. 254.

русской литературе выработалась некая общность приемов, которая вошла и в язык переводов. Материал этот мало исследован, а между тем он мог бы дать более широкое представление о своеобразии своего освоения на уровне содержания и стилистических приемов использования. Любопытно в этом смысле обратиться к приему сравнений: В сквере стояли сугробы, белые и пышные, *как плов*. Пальма, укутанная целлофаном, *напоминала женщину в чадре* (Мамедзаде, Тверской бульвар); И считай, что мать родила тебя только что — свеж, *как колодец* (Гусейнов, Магомед, Мамед, Мамиш); Последнее время Хуснийэ при виде родных Хасая вскакивала, *будто в седло джиннова коня* (там же).

Семантика художественного текста, созданного национальным писателем на другом языке, отражает социальный контекст и символические структуры двух разных знаковых систем. Она образует свою сетку смысловых оппозиций и, создавая свой круг ассоциаций, в этом смысле представляется сложнее, объемнее, нуждается в более широких толкованиях и комментариях, нежели собственно русский текст.

Если принять положение Г. Гаузенблаза, что "речевое произведение состоит из одного текста, в который, однако, вставлен отрывок из другого речевого произведения"[6], то в структуре авторского повествования национального писателя эти два текста сосуществуют в проекции на разные языковые системы, которые можно интерпретировать как стилистические варианты. В стилистике авторского монолога легко обнаружить эти "переклички", их чередование и выявление в обращениях, скрытых цитатах, в воспроизведении национальной ситуации с помощью лексики, фразеологических оборотов и других средств.

Обратимся к некоторым примерам: (Сакина): Мустафа, клянусь всеми святыми, сожгу себя сейчас, если не бросишь эти газеты (Р. Ибрагимбеков, На 9-й Хребтовой); (Тофик): Я хочу познакомиться с вами, дорогая... Подождите, поговорим... Ты не хочешь стать невесткой моей матери (там же); (Ибрагим): Мансуру вижу, Солмаз глаз радует, а тебя нет (там же); Не умер же он, чтобы родному сыну пальто не купить (Он же, День рождения).

Таким образом, можно указать в тексте на ситуации, когда пишущий переходит с одного языка на другой: это может быть реплика в диалоге на фоне стилистически нейтрального отрезка либо стилистическая контрастность в самой

[6] *Гаузенблаз Г.* О характеристике и классификации речевых произведений. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978, вып. 8, с. 67.

диалогической речи, отражающей в смене точек зрения своеобразие отбора, синтаксической структуры, сочетаемость единиц другого языка: — А где же тогда ее хвост, позвольте спросить? — язвительно заметил пенсионер. — Хвост ей отрубил всевышний. Как архитектурное излишество, — пошутил инженер. — У нас раковина дала трещину, — сказала женщина. — Эх, мир праху твоего отца! Другого времени не нашла сказать (Мамедзаде, Звени, тар); Валида вошла к нему с карандашом в зубах, скрестив руки, стала на пороге. — Чего тебе, Эльчин ибн Валида? — Не называй меня ибн Валида! — грозно топнул ножкой, сидя за столиком Эльчин. — Я — ибн папа (Расул-заде, Светит, но не греет).

Особенности текста проявляются в дробном, пословном синтаксическом калькировании: в структуре фразы, порядке слов, пословной передаче фразеологизмов: После такого великого стыда все эти стыдишки — одно сотрясение воздуха. Я в такой ливень попал, что дождь мне не страшен (Гусейнов, Магомед, Мамед, Мамиш) — буквальный перевод азербайджанского Яғышдан чыхдыг, яғмура дүшдүк, соответствующего русскому: "Из огня да в полымя". Вместе с тем не всегда эти явления допускают пословный и "поструктурный" анализ: перевод зачастую выявляет смысл целого, а не его элементов.

Своеобразно сложилась структура авторского повествования на национально-исторической основе в романе и других жанрах на этом материале. Для русского исторического романа, имеющего длительную художественную традицию, набор стилизующих языковых средств в известной степени определился, хотя, естественно, он вариативен, как и всякая художественно-изобразительная система, отбирающая материал в динамически подвижном во времени языке. Синтез хронологически разных пластов лексики и фразеологии, фольклорного материала и других средств в историческом повествовании имеет свои закономерности в разные периоды развития языка художественной литературы. Так, в 20-е годы XX в. структура исторического романа осознавалась на фоне своеобразного развития орнаментальной прозы, "ориентированной на особый художественный язык, затрудненный синтаксис"[7] (включавший как один из приемов стилизацию и сказовые формы).

Национально-исторический азербайджанский роман, создан-

[7] *Кожевникова Н.А.* О типах повествования в советской прозе. — В кн.: Вопросы языка современной русской литературы. М., 1971, с. 111.

ный на русском языке, не имел в прошлом таких традиций. Ограничена система средств выражения: разговорно-просторечная и диалектная лексика, естественно входящая в язык русского исторического повествования, не используется в нем. Пласт высоких и архаических слов занимает неизмеримо большее место, нежели все остальные лексические единицы. Он используется для стилизации и в разговорном диалоге, и в авторском повествовании, и в составе внутренней речи. Границы между этими типами построения (с точки зрения наполнения их стилистически определенными разрядами слов) зыбки, размыты, почти неощутимы. Архаика не связана с выбором темы и отнюдь не определяется соотнесенностью с конкретным хронологическим периодом. Язык не подсказан эпохой, он имманентно организован как особая, в известной степени иллюзорная форма. Так мог быть написан исторический роман, отражающий другую историческую эпоху, более раннюю или позднюю. Его образность обусловлена другими системами. Отсутствует второй план повествования, персонажи приближены к архетипам, образ автора сливается с образом рассказчика, нет литературных масок, скрывающих повествователя. Приведем примеры из романа Зохраббекова "Страна огней": — "Менучехр, сын мой, — прошептал он чуть слышно, — чья рука пыталась прикоснуться к тебе? Чья рука готовила моему телу синие одежды, моей душе — черное покрывало?"; "Ахситан знаком подозвал векила и сказал ему негромко: — Пусть Шахмал,облекшийся в цвета дневной лазури, и Абу Сеид, прикрывшийся крылом ночи, скажут, в чем преимущества дня и ночи. — Оба поэта, один в небесно-голубом, другой — в темном, вышитом звездами халате, выступили вперед и преклонили колени перед троном. Им велено было встать"; "— Певец мой, Азери, где отыскал ты мне этого смирного тигра? Что достойней держать ему, меч или калям? Гранить ли самоцветы поэзии, нанизывать жемчуг на кольца дум, слагать ли стихи, светлые, как серебро?

— Мудрейший шахиншах, — торжественно кланяясь, отвечал Мирза, — я выполнил твое повеление. Перед тобой юноша, чистый, как родник. Он журчал и пел на бустане. Но серебро его поэзии станет золотом, когда он вкусит плоды знания из книг и познает мудрость из древних свитков".

Лингвист ощущает условность таких построений, их "сделанность"; для читателя закономерно некое однозначное восприятие материала.

Исторические реминисценции преломляются через чужую культуру. В азербайджанском историческом романе восточная реалия локализована местом и временем, она включена в исторический контекст не только русского, но и своего, национального языка. В литературном языке может реализоваться ее номинативная функция, возникнуть социальная окраска; эстетическую оценку сохраняет только художественный текст. Используя двойную языковую проекцию (современный литературный язык и некий архаический, стилизующий материал), писатели создают свою систему соотношений, не регулируемую понятиями "историзм", "современное" и проч. Генезис безразличен, важна сетка отношений, создавшаяся в процессе освоения этого ряда слов и их функционирования.

Поскольку сюжетное время есть определенная, хронологически воображаемая плоскость, то отбор слов здесь происходит в пределах, мыслимых в объеме этого сюжетного и хронологического пространства.

Л.А. Булаховский отметил, что слог исторического романа "не в его точном соответствии истории, а в некоем создаваемом писателем правдоподобии, воспринимаемом им в определенной языковой оболочке"[8].

В синтезе хронологически разных пластов слов легко обнаруживается стилизующий материал — архаика, отобранная в русском историческом романе вообще. Ср.: В зал влетел *отрок* с кудрями, ниспадавшими на плечи (Зохраббеков, Страна огней); Хмурым облаком легла тень на его *чело* (там же); Что могут разрозненные силы, разбросанные по городам и *весям*? Да, он сознает это. Таригат мог бы стать сжатым кулаком, но мое оружие не меч, а слово, думал дервиш. Я буду бросать пламенный *глагол* в толпу нищих и *сирых*, рабов и слуг, и слово взойдет, как семя, в их душах, и они воспрянут и поймут, какие сокровища они таят в себе (Мамедзаде, Алиф и лам); *Пред очи* властителя предстал сардар. — О владыка миров, — произнес он с истовым поклоном, — всадники привели Молла-Панаха. Какова воля твоя? — Шах вынул мундштук кальяна из рта. — В темницу. Завтра голова его увенчает гору из черепов, и гора *сия* вознесется выше Шамирского минарета (Он же, Мотылек в горсти); Недруги сеяли смуту в *воинстве*, зарясь на его трон (там же).

Связанная с динамикой языка, его асимметрией, архаика в историческом повествовании составляет свой вариативный ряд слов, используемый как знак ситуации.

[8] *Булаховский Л.А.* Русский литературный язык первой половины XIX века. Киев, 1957, с. 309.

Очевидно, в исторической прозе можно выделить и аспект, связанный с коннотативным синтаксисом: отбором определенных синтаксических структур с постпозицией определения, сдвинутым порядком слов и проч.: — Они молча следят медлительный ход воды (Мамедзаде, Закат); — О хан, — сказал он. — Недостойно обращать на пленного скверные речи и слова непотребные. Вашему сану благородство в обращении подобает (Он же, Мотылек в горсти).

Объемен отсылочный аппарат, сопровождающий использование лексики национального языка у А. Зохраббекова: *шамдан* — подсвечник; *фарсах* — мера длины пути, который конь может пройти в один час; *динар* — золотая арабская монета; *ваиз* — проповедник, толкователь ислама; *мунеджим баши* — главный астролог; *мираб* — смотритель водного хозяйства; *мехраб* — зодчий; *чирах* — светильник; *метбах* — кухня; *калямдан* — пенал с чернильницей и др. Толкования в самом тексте редки, они касаются слов, значения которых разошлись с современными, например *дефтер* 'тетрадь', ср.: — Визирь, улучив удобную минуту, положил к ногам шаха дефтер — прошнурованные между двумя дощечками листы с цифровым отчетом о подвозе лесных материалов (Зохраббеков, Страна огней).

В национально-историческом романе поэзия ведет за собой прозу: за первой — устойчивая художественная традиция, сложившаяся система образных средств выражения. Аллюзия может быть не развернута, но она всегда предполагает определенную ситуативную зону. Она настроена на сложившуюся литературную традицию, в этом ее функциональное назначение в тексте. Писатель широко вводит традиционные формулы корана, приветствий, пожеланий, отражающие речевой этикет восточного обихода. Разнообразные функции перифразы в историческом романе национальных писателей ограничиваются стилизацией, в основе которой лежит национальный колорит; ср., например, в романе А. Зохраббекова "Страна огней": "— Пусть птицы твоей души клюют не семена в земле, а звезды в небе, — медленно, с суровой усмешкой отметил Азери"; "Азери усталым голосом сказал юноше: — Иди с этим человеком, он смоет с тебя земную пыль"; "Он пробормотал, отступая: — Откуда ты явился, друг червей, защитник презренных"; "...разогревали яства, приготовленные здесь, в этом храме обоняния и вкуса"; "—...Наложи на свои уста печать молчания и не пускайся в такие разговоры, где может заблудиться твой язык".

Особое место в историческом романе занимает цитация, ориентированная на другие тексты, усвоившая их смысл.

Цитата не всегда приводится полностью, зачастую она создает в тексте только известную ассоциативную зону. Культурологический фон такого рода цитирования, особенно чужого материала, в разные эпохи различен. Цитата сама по себе многозначна и многорядна, если учесть, что со временем она трансформируется и национальным контекстом. Здесь точно так же, как и в слове, можно говорить о множестве смыслов.

Исторический роман с точки зрения представленной в нем лексики являет собой некую систему соположения разностильных и разноокрашенных элементов, которые спроецированы не только на разные языковые эпохи, но и на две национальные языковые системы.

Разумеется, характер использования лексических элементов из национальных языков и традиционных формул во многом зависит и от индивидуального стиля писателя, и от отражения в произведении современной или исторической тематики. Однако именно в историческом романе национальная специфика проявляется наиболее наглядно и очевидно.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛАКСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Одним из своеобразных билингвистических феноменов является русскоязычное художественно-литературное творчество национальных писателей, носителей национально-русского билингвизма. Практическая и научная ценность изучения лингвистической стороны такой литературы обусловливается, в частности, тем, что она отражает наиболее устойчивые, труднопреодолимые случаи интерференции родного языка автора, равно и носителей данного национального языка, на уровне речетворческого акта на русском языке.

Актуальность изучения русскоязычной литературы писателей-билингвов определяется тем, что по мере распространения национально-русского билингвизма число русскоязычных художественных произведений возрастает, что́ начинает играть роль социолингвистического фактора, стимулирующего овладение русским как языком, на котором создается самобытная национальная литература. Изучение указанной литературы в русле социолингвистических исследований билингвизма ориентировано на национальный субстрат с учетом влияния русской этнокультурной стихии.

В предлагаемой работе содержится анализ ряда особен-

ностей русскоязычной художественной литературы Дагестана, не подвергавшейся до настоящего времени специальному исследованию. Для анализа отобраны произведения советского периода, где нашло отражение позитивное и негативное влияние билингвизма на продуктивную речемыслительную деятельность в русской монологической речи билингвов[1].

Прежде всего остановимся на том, какими способами и средствами писатели передают национальный дагестанский этнокультурный фоновый колорит. В исследованных произведениях отражаются культура и быт горцев, их обычаи и нравы, национально-языковая образная система, ономастическая лексика, трансформация эстетических воззрений, пословично-поговорочная специфика, этические нормы, формулы речевого этикета и т.д. Например, волк в эпосе лакцев олицетворяет бесстрашие, смелость, потому что он не страшится более могущественного врага — льва, медведя, тигра. Среди птиц аналогичную эталонную роль по той же причине выполняет не орел, а сокол. В книге Э. Капиева "Поэт" находим напутственные слова начинающему поэту: "Волчий голод и волчья смелость да будут присущи тебе в жизни". В подстрочной сноске читаем примечание автора: "Волк в горском эпосе — синоним бесстрашного героя".

Багдад у горцев Дагестана, согласно религиозным представлениям верующих мусульман, считался городом счастливых. В переносном значении Багдад ассоциируется с родным аулом. Поэтому неудивительно использование этого образа у Э. Капиева с новой коннотативной окраской, например: "У каждого человека есть свой *Багдад*"; "Где ты, *Багдад,* родина счастливых?"; "Я не помню, о чем я пел, должно быть о *Багдаде* моем ненайденном". Иногда данное слово употребляется в более широком значении, ср.: "О Родина, о мой *Багдад,* ты ли это?"

Этот и подобные факты наглядно отражают процесс синтезирования этнокультурных представлений горцев. Овладение ими русской и европейской передовой культурой происхо-

[1] Материалом для исследования послужили следующие произведения: *Капиев Э.* Поэт. М., 1976; *Хуршилов М.* Сулак-свидетель. Махачкала, 1955; *Керимов И.* Разрыв. Махачкала, 1961; *Ибрагимова М.* Туман спустился с гор. Махачкала, 1978; *Она же.* Звенел булат. Махачкала, 1972; *Бутаев Б.* Канатоходцы. Махачкала, 1978; *Адуков Д.* Несхожие судьбы. Махачкала, 1980; *Сфи-буба.* Кавказская крепость. Махачкала, 1978; *Адамов А.* Гривастое солнце. М., 1971; *Бутаев М.* Куркли смеется. Махачкала, 1980. Из указанных авторов шесть — А. Адамов, Б. Бутаев, М. Бутаев, М. Ибрагимова, Э. Капиев, И. Керимов — лакцы, Д. Алуков и М. Хуршилов — аварцы, Сфи-буба - лезгин. Данные анализа произведений нелакских писателей используются для сравнения или дополнительной иллюстрации.

дит не как отрицание, забвение традиционного и переход к новому, а как сложнейшее переосмысление прежних воззрений и представлений. Показательна в этом отношении следующая художественная деталь у Э. Капиева. Среди амулетов и кукол, навешанных над карнизами строящегося дома колхозника, висит изображение "красноармейца-пограничника с длинным ружьем и усами, сделанными из пакли. Вот это сторож! Никакой шайтан не войдет сюда раньше хозяина". Религиозный в своей основе обряд изготовления амулетов, которые должны предостеречь дом от злых духов, переосмысляется.

В творческом арсенале поэтов, пишущих на русском языке, богатое наследие устной народной лирики сочетается с русской поэтической символикой, образностью. И не всегда четко улавливается грань между этими двумя началами, ибо они слились воедино, например: Горянки нрав подобен розе дикой:/тем ярче запах, чем острее иглы (Адамов, Гривастое солнце).

В дагестанскую русскоязычную литературу вошел образ горского *годекана*, места сбора мужчин на досуге для обмена новостями и просто времяпрепровождения. Здесь "создаются и рушатся репутации", как писал Э. Капиев, принимают в общество мужчин повзрослевших, достигших совершеннолетия: В тот час, как впервые пошел к *годекану*,/что горцам трибуною служит веками,/ мое ясноглазное кончилось детство (там же); Что я людям скажу, с каким лицом на *годекан* выйду? (Хуршилов, Сулак-свидетель).

В представлении лакцев самая далекая страна — это Индостан, ср.: Потом он поймал *индостанскую* золотую рыбку (Капиев, Поэт); До *Индостана* дойду, но куплю достойную той (о шапке. — *А.А.*) (там же). Самой редкой диковинкой считается белый верблюд, например: Целый мир объездил, необычайные страны видел, *белых верблюдов* видел, но такой старухи не видел, о люди! Вот горе! (там же). Состояние неподвижности, оцепенения, растерянности, робости и беспомощности у дагестанцев передается через ассоциацию с ишаком, остановившимся на скользком льду: За ним стоит машина нашего завода, как *ишак* на льду (Керимов, Разрыв). Минимальные затраты, прибыль, польза обозначаются с помощью сочетания *слепая копейка* обычно в отрицательном обороте, например: *слепой копейки* лишней не потратили (Хуршилов, Сулак-свидетель).

Своеобразны горские пословично-поговорочные выражения, особенно частотные в языке Э. Капиева: "Гора без зайцев не бывает"; "Хозяин многого неутомим"; "Говорящий сеет,

слушающий жнет"; "Если все герои — соколы, то поэт должен быть орлом"; "Из одного и того же цветка змея добывает яд, пчела добывает мед"; "Караван пройдет, караван-сарай останется"; "Кто соль съел, тот воду пьет"; "Тысячи друзей имеешь — мало, одного врага имеешь — много"; "Если народ захочет, то и войлочный кол войдет в землю"; "Чем больше плодов на дереве, тем ниже его вершина"; "На дно терпения оседает золото"; "Бог дал кому аппетит, кому плов".

Национальный колорит передается также специфической этикетной лексикой в функции обращения, ср.: Печенка моя, зачем ты со мной так разговариваешь?[2] (Капиев, Поэт). В формулах приветствия и благодарности обычно подчеркивается количественный оттенок: Спасибо, *очень* спасибо, Сафарбек! (там же); От меня *много* саламов председателю Дербента (там же). В отдельных произведениях попадаются и проклятия, дословно переведенные на русский язык: Ненавистный! Дай бог, чтобы грудь твою изрешетили пули, чтобы папаху твою, наполненную твоими мозгами, на улице нашли (Ибрагимова, Туман спустился с гор). Фоновый колорит дагестанской сакли воссоздается описанием принадлежностей интерьера: Внизу у стены аккуратно скатанные ковры и запасные матрацы для гостей. Огромные медные тазы и кувшины стоят на полу между столбов и дверью (Капиев, Поэт). Этнокультурную бытовую колоритность передают названия горских кушаний: Мы сидим с Сулейманом одни. Он угощает меня медом, пахнущим чабрецом, и тонкими, истыканными для красоты вилкой лезгинскими чуреками (там же).

В русскоязычной дагестанской литературе наблюдается отображение живого социолингвистического процесса. Так, динамику в семантическом соотношении слов *дом — сакля* можно отметить в такой фразе: Продав старую *саклю*, мать Айши с детьми дочери перешла в новый *дом* (Ибрагимова, Туман спустился с гор). В обиходе дагестанцев слово *сакля* архаизирует, уступая свое место в нейтральной лексике синонимической доминанте *дом*. Это объясняется тем, что *сакля* ассоциируется с примитивной хижиной с плоской крышей и земляным полом и в наши дни используется лишь применительно к старому типу жилья горцев.

Национальную специфику авторы художественных произведений воплощают то в наглядно-описательном повествовании, то в сжатых фразах с этнопсихологическим подтекстом, ср.:

[2] Отметим, что в лакском селении Хосрех самым ласковым обращением к малолетним является *ххюттуй!* (*кишка!*).

К студеной воде спешат разодетые чиркейские девушки. Здесь собираются и парни. Как принято во всех аулах, только тут, на людях и можно полюбоваться нарядными девушками. Как правило, горец не назначал тайных свиданий, первого поцелуя он удостаивался после свадьбы. Кто знает, может, в этом древнем обычае предков была своя мудрость? (Адуков, Несхожие судьбы); Смущенная молчанием Мухтара, Айшат тоже не знала, как ей быть, перебирала пальцами бахрому платка (Керимов, Разрыв). Бахрому платка обычно перебирают горянки в минуту смущения, взволнованности.

В послереволюционный период в обычаях и традиционных обрядах дагестанцев произошли мотивационные преобразования в соответствии с изменением их традиционного быта и мировоззрения. Например, обряд наречения новорожденного раньше совершался муллой, которому имя подсказывалось небом. Герой книги Э. Капиева "Поэт" Сулейман, предвкушая торжество "крещения", когда новорожденный должен получить имя Максима Горького, друга Сулеймана, как бы репетирует предстоящую церемонию: «Ведь мальчика буду называть я, — радуется он, — держать его вот так на руках и трижды шепнув ему в ухо: „Мудрый Максум... мой друг Максум... здравствуй"». Сулейман, получив согласие отца новорожденного назвать сына Максумом, объясняет, что был у него в Москве друг "Максум Горки" и, кроме того, само слово по-персидски означает "мудрый". Само наречение произойдет не в нарушение народных обычаев, которые требуют, чтобы, во-первых, прежний носитель его был близким человеком, достойным сохранения памяти о нем; во-вторых, само имя должно быть значимым и отражать достоинства его старого обладателя[3]. Но в данной художественной ситуации фигурирует не мулла, а народный поэт Сулейман.

Разного рода национальные примеры передаются на русском языке: Сулейман оглядывает еще не затвердевшее темечко ребенка и говорит, что когда мальчик научится произносить слово "камень", то темечко его затвердеет! (там же). Дело в том, что в лакском слове *чару* 'камень' имеются трудноусвояемые звуки *ч*, *р*, а дисгармоничные гласные звуки в рядом стоящих слогах тоже постигаются ребенком в возрасте, совпадающем с зарастанием костью теменной ямочки.

[3] Так подробно на этой детали можно было бы и не останавливаться, если бы не одно весьма важное обстоятельство в современной критике антропонимической номинации. Возрастающий процент русских имен в национальных именниках некоторые склонны рассматривать как бездумную подражательскую погоню за раритетными именами, не видя глубокого социально-эстетического обоснования каждого акта наречения.

Характерным отличием русскоязычной национальной литературы от русской является также упоминание в ней многочисленных реалий местного колорита. Данная лексика многообразна. К ней относятся названия различных реалий, связанных с местным бытом, людей по разным признакам, мифических существ, названия обрядов, орудий труда и др., например: *кутан* 'зимнее пастбище', *петер* 'постоялый двор, гостиница', *тырыхи* 'вид чарыков', *гудекан* 'место сбора взрослых мужчин для времяпрепровождения', *пеш-кеш* 'подношение', *хурда* 'мелочь', *устахана* 'мастерская', *джан* 'душа', *калмагал* 'скандал'.

Прибегая к регионализмам, Э. Капиев обычно дает к ним постраничные примечания: "Зачем, бога ради, на меня направлять эти дабанчи и щелкать?"; в сноске: "дабанча — старинный пистолет". К слову *тинтириш* дается толкование: "Дощечка на горских мельницах, которая, подпрыгивая над жерновом, регулирует падение зерна". Однако пояснения порою излишне лаконичны, лапидарны, оттого и не всегда достаточно полно раскрывается значение слова. Ср. обращение *кари*, принятое у некоторых народов не только в значении 'старуха', как толкует его Э. Капиев, но и как гипокоризм с оттенком 'мать моих детей'. Однако автор передает особенности семантики слов и выражений, возникшие в народно-разговорной стихии: "Он, оказывается, еще половина *николайский* человек". Здесь слово *николайский* означает 'отсталый, придерживающийся дореволюционных, времен царя Николая II, воззрений на жизнь'.

Иногда писатель прибегает к вкраплениям из разных дагестанских языков, не обладающим статусом общепринятости, например: Вах! — поднял голову к окну Мамма. — О, *бизро*! (Хуршилов, Сулак-свидетель). Так по-дакски приветствует воробья заключенный.

Автор по-разному поясняет такого рода выражения. В исследованных текстах используются для этого дублирование, скобочные примечания в тексте, комментарии в конце книги и подстрочные, а также развернутое толкование в тексте, например: *Не хабар*? Что такое? — всполошился Сулейман (Капиев, Поэт); *Сагол*! — говорит Сулейман, продолжая сидеть. — Испасиба! (там же). Интересно отметить расположение слов, имеющих одно и то же значение, в обратной последовательности: Бедный человек. Касиб адам (там же).

Если в приведенных примерах двуязычный повтор принадлежит герою, то в следующем случае он имеет место в авторской речи: А может, *аста-аста* (потихоньку-потихоньку) закажем музыку? (там же). Приведем также пример развернутого

толкования, относящегося к реалии: Быстро расправились с *чуду*, начиненным творогом, кусками сушеной баранины, приправленным тмином, гвоздикой и еще какими-то неведомыми травами, сохранившими тепло аульской печки и благоухание душистого луга (Адуков, Несхожие судьбы).

Субстратная интерференция часто способствует созданию речевой характеристики персонажей. Речевая индивидуализация действующих лиц в русскоязычной литературе — едва ли не самая трудная лингвистическая задача из всех, встающих перед автором. Стилистическая аморфность всего текста произведения — типичный недостаток многих книг на русском языке, написанных национальными авторами. Создать колоритную неповторимость, связанную с образом того или иного персонажа, средствами русской лексической архаики, а также придать специфическую окраску речи с помощью социального или территориального диалекта русского языка было бы недостоверно. Вот почему интерферированная в разной степени русская речь нерусских занимает свóе место в арсенале стилистических средств национальных писателей, пишущих на русском языке. Важно подчеркнуть, что при уместном использовании это средство способствует отражению типичного национального акцента и других характерных особенностей билингвизма. Например, в книге Э. Капиева "Поэт" Сулейман так изъясняется на русском с врачом московской больницы: "Спасем харашо, — говорит Сулейман радостно. — Малá мала разгавар ничего... Молчай недьзя, дохтор! Завтра гуляй нада Москва"; "Все ес, зуб нету. Давай моя зуб, дохтор, орден получай нада! Поэт орден получай, зуб нету, нельзя!"; "Не серчай, дохтор, маленький человек, большой дума ес. Понима нада!.. язык нету!" В данном случае языковые неправильности отчасти оправданы эмоционально насыщенной речевой ситуацией.

Образ Сулеймана позволил писателю показать любовь дагестанцев к русскому народу и к русскому языку. Примечателен эпизод, когда Сулейман сходится с самым старшим в ауле мужчиной — Межведилем, который плохо отозвался о русских за то, что они едят свинину: "Минога разгавар ни нада; черт. Душа черный ни нада!" Эмоциональный накал не дает Сулейману переключиться с русского языка; возвращаясь в свою саклю и видя козленка, забравшегося на каменную ограду, он спихивает его посохом и говорит по-русски: "Ходи земля, дурак!" "Куда пошел, Межведиль? — спрашивает Сулейман грозно по-русски".

Итак, использование русской речи Сулейманом помогает

автору не только отобразить его русскую "речевую деятельность", но и его отношение к этому языку, который он полюбил, хотя и знал плохо. Автору удалось показать возникновение у дагестанцев потребности говорить на русском языке, изменение отношения к русским в советскую эпоху, когда все народы нашей страны стали ближе узнавать друг друга.

В творчестве советского писателя Э.Капиева нашло свое отражение принципиально новое соотношение родного и русского языков, новая функция русского языка в многонациональном Дагестане. О добровольном обращении дагестанцев к русскому языку для межнационального общения писатель говорит в форме художественной иносказательности, но с глубокой достоверностью. Во второй записной книжке Э. Капиева имеется запись под заголовком "В Москву с тремя народными поэтами". В ней речь идет о Гамзате Цадасе, Сулеймане Стальском и Абдуле Магомедове, которые в одном купе с автором ехали в Москву: "Долго сидели и лежали старики на своих полках молча. Сулейман говорил лишь по-лезгински и по-тюркски, Абдула — лишь по-кумыкски, Гамзат — лишь по-аварски. Друг друга они не понимали. Я стоял в коридоре вагона у окна. Вдруг слышу оживленный разговор в нашем купе. Что такое? Ведь там никого, кроме стариков, кажется, не было, — кто там спорит? Вхожу — и что же? Старики наконец нашли, оказывается, общий язык — это был русский язык"[4].

В дагестанской русскоязычной литературе находит свое отражение и такая билингвистическая особенность, как несовпадение переносных значений одного и того же слова в русском и дагестанском языках. Так, существительное *базар* и в том и в другом языках имеет одно и то же лексическое значение, но в переносном смысле оно означает в русском беспорядочный разговор, а в дагестанских — хаос, беспорядок, например: Пирсидатель в отъезде, секретарь больной. Базар, базар (Капиев, Поэт).

Э. Капиев для создания колорита национального языка использует и семантические нюансы в значениях некоторых слов восточного происхождения, издавна бытующих в русском и дагестанских языках, но восходящих к одному и тому же источнику. Так, существительное *кейф*, означающее в русском языке 'приятное безделье' и 'отдых', в дагестанских языках бытует в значениях 'веселье', 'кутеж' и т.п., ср.: *Кейф* нам! Ты слагай песни, а я буду плясать (там же).

[4] *Капиев Э.* Записные книжки. Ставрополь, 1959, с. 29.

Форма художественного произведения, его тематика позволяют рассматривать приведенные факты в аспекте специфики русского языка как средства выражения особенностей национальной культуры.

Ниже речь пойдет об отдельных явлениях в дагестанской русскоязычной литературе, которые обусловлены специфическими особенностями речевого мышления билингвов. Билингвистический анализ произведений на русском языке позволяет выделить социально-лингвистические и собственно лингвистические явления, в основе которых лежит соответственно национальный социокультурный и лингвистический субстрат. Многие билингвистические особенности, проявляющиеся в произведении, могут быть отнесены не только к автору-билингву, но и ко всем билингвам — носителям аналогичного типа двуязычия. Так, *хлеб-соль* — атрибут русского славянского гостеприимства — под влиянием русской этикетной традиции влияет на выражения *хлеб и соль положили, с хлебом и солью вышли встречать* и т.п., используемые в художественных текстах. Детали русской демонологии заметно проникают в описания дагестанских национальных обрядов, например: [Старуха] первая переступила порог с хлебом, солью, водой. Полила по углам, разбросала соль и крошки по щелкам, прошептала заклинания для "заключения мирного договора с домовым" (Ибрагимова, Туман спустился с гор). У дагестанцев такого обряда раньше не было. В представлениях суеверных дагестанцев нет и образа домового (как и водяного, лешего). В демонологической лакской лексике, например, едва отыщатся два-три названия злых духов, но подобия номинанты домового нет.

Обращает на себя внимание обозначение реалии национальной обиходности. Автор, избегающий перенасыщения текста этнографизмами, название какого-либо предмета заменяет приблизительным соответствием инокультурной принадлежности, что в ряде случаев не отвечает признаку лексико-стилистической целесообразности. Например, слово *амфора* использовано применительно к сугубо национальному сосуду для сбивания масла: Велика беда, принеси амфору, я сейчас собью (там же). Маслобойный глиняный сосуд работы балхарских гончаров обыкновенно называется *урша*[5].

[5] Этнографизмы вроде *урша* беспереводно употребляются вообще в русскоязычном обиходе дагестанцев. Под транслитерированными на русский язык лакскими названиями, например, на выставке "Советский юг-79" экспонировались гончарные изделия *урша, качи* (*къячихи*), *кунари* (*къюнари*), *кутка* (*къуткъа*), *кварташи* (*кIварташи*), *кикайму* (*кIвикваймy*).

Погонщика волов, впряженных в арбу, обыкновенно называют *арбич, арбакеш, аробщик*: Около родника умываются *аробщики* (Капиев, Поэт). Наряду с этими номинациями используется слово *возница*: Сидела Айша в двухколесной арбе, мирно дремал *возница* (Ибрагимова, Туман спустился с гор).

Устаревшее ныне русское слово *странник* ни в каком отношении не представляется подходящим для воссоздания колорита бытовой картины лакского аула. Странники на Руси ходили пешком на богомолье, обычно далеко от родных мест, много видели, слышали и своими рассказали оживляли досуг сельских жителей (ср. использование данного слова в речи Катерины в "Грозе" А.Н. Островского: "... у нас полон дом был странниц да богомолок. А придем из церкви, сядем за какую-нибудь работу, больше по бархату золотом, а странницы станут рассказывать, где они были, что видели!"). Аналогичную миссию выполняли в мусульманском мире лица, совершавшие паломничество в Мекку, т.е. хаджи. Однако нами отмечен факт использования слова *странник* применительно к бродячему нищему: На годекане Абдусалам, встретив *странника*, вежливо поздоровался с ним за руку и пригласил домой (М. Бутаев, Куркли смеется).

Коннотативное значение слова в контексте может приобретать несколько иной характер, например: Взявшись за пирожное, сделанное по-домашнему, но очень вкусно, Нуржаган слушала хозяйку (Керимов, Разрыв). Слово *по-домашнему* в данном контексте, казалось бы, должно выражать оценку "лучше, вкуснее", так как домашняя еда всегда вкуснее, но автор, очевидно, хотел подчеркнуть непривычность данного деликатеса для домашней кухни дагестанцев.

В некоторых случаях авторы не могут уследить за правильным использованием того или иного слова, все внимание сосредоточивая на информативной стороне повествования и упуская из виду художественно-эстетический эффект и образность слов и выражений. В результате одно понятие подменяется другим, например: Муж он тебе или конь, который на тебя работает? (там же). Ср. в другом месте: Что поделаешь, дочь моя, ишаки трудятся, а хорошие кони едят, такова жизнь (там же). Эта последняя фраза употребительнее. Есть у лакцев поговорка: "Ттуккул дайссар — чал дукайссар" (букв. 'Осел готовит — конь съедает'). Конь обыкновенно ассоциируется с верховой ездой, тогда как рабочую силу, труженика символизирует лошадь или ишак.

Среди стилистических нарушений и несоответствий, характерных для русскоязычной дагестанской прозы, наиболее за-

метное место занимает "экспансия" официально-делового стиля повествования. Например, после долгой разлуки жена дождалась мужа и, оставшись с ним наедине, спрашивает, почему он не писал. В ситуации сугубой интимности муж так отвечает: Я знал, что ты простишь меня за короткие, лаконичные, похожие на рапортички, фронтовые письма. Да и о чем писать солдату на передовой, когда земля горит под ногами (Ибрагимова, Туман спустился с гор); Испокон века принадлежащие нам земли общественными сделать хотят (там же); В отличие от своей жены Кадыров был смуглый, сухощавый, выше среднего роста, с густой черной шевелюрой и таким же бровями, из-под которых смотрели темные бархатные глаза (Хуршилов, Сулак-свидетель).

Труднопреодолимым стилистическим влиянием родного языка автора является двусмысленность отдельных сегментов высказывания, тогда как в родном языке их семантические эквиваленты вполне определенны и лишены двойственности значения, например: До слуха старухи дошел звон колокольчика, раздавшийся у ворот (Ибрагимова, Туман спустился с гор). Автор имеет в виду дверной колокольчик, а по смыслу предложения получается, будто подъехала тройка с колокольчиками (бубенчиками).

Билингвистическая литературно-художественная стилистика требует, чтобы в русскоязычной передаче информации о национальном бытовом или этнокультурном колорите не допускались фразы, которые могут быть поняты двояко. Если между словом или сочетанием слов в родном и русском языках наблюдается эквивалентность, но частичная, то пропозициональный контекст должен быть построен с установкой на предотвращение семантического дуализма.

Характерной чертой стиля многих авторов, в особенности М. Ибрагимовой, является инверсивная конструкция атрибутивных сочетаний, которая не подчинена оптимизации передачи информации или же целям идейно-эстетического либо иного плана, например: "Бога ради", "отца родного", "силой физической", "дары земные", "в делах свадебных" и т. п.

Стилистическим своеобразием рассматриваемой литературы можно считать объединение в группу однородных дополнений существительных, которые при изоморфной управляемости одним и тем же глаголом в семантическом плане обнаруживают неоднородность, например: Не знал он и о том, что в милиции было известно о злоупотреблении Алибекова и спиртными и должностью (Ибрагимова, Туман спустился с гор). Стилистическая неправомерность данного паратактического сочетания заключается в том, что "злоупот-

ребление спиртными" сигнализирует о бытовой распущенности Саида Алибекова, а "злоупотребление должностью" как негативное явление не замыкается в рамках лично-семейной сферы — этот порок направлен вовне и чреват непосредственным моральным ущербом, который он может наносить людям.

Стилистическое несовершенство предложения возникает ввиду механического переноса коннотативного оттенка семантически эквивалентных слов родного языка на русские: А жену надо брать не только для себя, но и для родных, близких (там же). Это вполне допустимое в лакском языке суждение на русском языке не обладает той же коннотацией, что в родном языке автора-билингва.

Иногда писатели прибегают к неоправданному многословию, тавтологии и дублированию. Зачастую это происходит по той причине, что национальному автору хочется употребить эффектное выражение как наглядное свидетельство совершенного владения русским языком, например: В ее грациозных, изящных движениях (Керимов, Разрыв); Сотрудницы по работе (Ибрагимова, Туман спустился с гор); Опаленные пряди тронутых огнем волос (там же).

Названия понятий, находящиеся в отношении родового и видового в одном таксономическом ряду, использованы как однородные члены предложения, например: ... тут же находились разные сосуды и кувшины (Керимов, Разрыв).

Приведем также пример нарушения логической субординации: Да и какую причину сможет она выставить как повод для развода? (там же). Может причина быть "выставленной" как повод? Нет! Повод — это "обстоятельство, событие, случай, которые можно использовать с какой-нибудь целью как предлог или побудительный толчок к развязыванию каких-либо событий, имеющий более глубокие причины или основания"[6].

Иногда авторы-билингвы используют в своих произведениях словесные штампы, отчего оригинальность и национальная специфика их произведения во многом проигрывают, например: "уставившись в одну точку", "окинуть взглядом", "свет очей моих" у М. Ибрагимовой; "На небе ни облачка", "обнажив два ряда белых, будто отполированных, зубов" у Д. Адукова.

Отдельные предложения ввиду своего стилистического несовершенства задерживают внимание читателя, заставляют перечитывать, например: Айша же всячески отрицала, утверждая,

[6] *Кондаков Н.И.* Логический словарь-справочник. М., 1975, с. 44.

что она и знать не знала о том, что Идрис родной брат Али-Султана — отца Эльдара (Ибрагимова, Туман спустился с гор).

Встречаются случаи отклонения от литературных норм русского языка, когда то или иное нарушение может быть приписано одновременно и автору и герою произведения, например: Ты очень *тяжелый* человек, с тобой трудно говорить, — сказала Патимат бригадиру Осману. — Вах, ты что, меня взвешивала, что ли, — ответил тот (М. Бутаев, Куркли смеется). На каком языке мыслится сам диалог? Если на родном языке героев, то у них прилагательное *кIусса* 'тяжелый' в указанном смысле не употребляется. И едва ли можно допустить, чтобы Патимат и бригадир в ауле устраивали словесные поединки на русском языке. Следовательно, неверное употребление русского слова автор приписывает персонажу-лакцу. Приведем другой аналогичный пример: Джалалутин, как вы думаете, что самое трудное в жизни? — Нет ничего труднее в жизни, чем простое решение сложного вопроса (там же).

Искусственное, лишенное национальной фоновой и речевой самобытной основы, сочинение на русском языке выходит за рамки понятия "национальная русскоязычная литература", равно не становится оно и достоянием русской литературы.

Много билингвистических парадоксов в книге юмористических миниатюр М. Бутаева "Куркли смеется". Например, если автор считает комичной фразу "Он человек с беспринципной принципью", если смешение грамматического рода русских существительных для него — повод для смеха курклинцев, то все ли случаи нарушения законов русской грамматики в данной книге могут быть квалифицированы как объект юмора? Если нет, то какую долю билингвистических ошибок отнести за счет самого автора? Сложность дать определенный ответ на эти вопросы и послужила причиной появления термина "билингвистический парадокс". Приведем некоторые примеры: — Дибир, почему ты не пришел на свадьбу? — Из-за двух слов. — Каких? — Не пригласили (там же). Подлинная причина кроется действительно в двух словах, но не в этих последних, а в несостоявшемся приглашении, иначе — в непроизнесении двух слов: *ачу хъатIуйн* — "иди на свадьбу". «Жена Ахмеда родила дочь после пяти месяцев их свадьбы. Он долго думал над тем, как назвать дочь, и наконец нашел имя: „Нежданка"» (там же). В системе наречения лакскими именами нет такой мотивировки. Кроме того, непонятно: вот так по-русски и назвали или же автор приводит русский перевод лакского слова?

В предложении "Давай хоть одну пережитку прошлого восстановим" (там же) также остается неясно, усматривает ли автор стилистическую ошибку "восстановить пережиток" в чужой речи или сам допускает ее, считая смешным только то, что перепутан род существительного.

Говоря о социолингвистических аспектах изучения художественных произведений писателей-билингвов, нельзя не подчеркнуть того, что предметом юмора не могут служить интерферентные явления в русской речи дагестанцев, по крайней мере в наши дни и в обозримом будущем. Вот, например, смешной, по мнению автора, диалог: — Патимат, где Магомед? — Пеленки моет. — Чего же ты заставляешь мужа мыть детские пеленки? — Нет, не детские пеленки он моет, он моет фотопленки (там же). Если Патимат и Магомед — истые билингвы, уровень двуязычия которых позволяет общение на такую сугубо бытовую тему на русском языке, то в их речи не должно быть столь явных расхождений с русским словоупотреблением. Здесь констатируем следующее несоответствие: а) пеленки не моют, а стирают, это элементарно для говорящих по-русски; б) если Патимат обладает таким оперативным самоконтролем, что может сразу же поправить себя и произнести *фотопленки*, то никак нельзя допустить мысль о том, что она в первый раз могла спутать *пленки* и *пеленки*; в) если же коммуниканты вели диалог на родном, лакском, то никаких казусов не могло быть в сообщении с тем же содержанием.

Для билингвистической трактовки весьма интересно следующее сообщение: Гази входит в автобус и невольно обращает внимание на девушку: боже мой, какая симпатичная! И не заметил, как очутился рядом. А она, мило улыбнувшись, встала: — Садитесь, дедушка (там же). Если все дело в обращении *дедушка*, то юмор остается непонятным ввиду того, что неизвестен возраст Гази. Если внимание автора сфокусировано на том, что красавицей оказалась родная внучка Гази, то также не вполне понятно контекстуальное содержание слова *дедушка*: вежливое ли это обращение к старику вообще или оно имеет прямой смысл.

Таких вопросов в процессе исследования русскоязычной художественной литературы возникает немало. Они закономерны, так как некоторые авторы не всегда достигают корректности содержания текста как речевой структурной единицы, большей, чем предложение. В русскоязычных текстах не всегда соблюдается соразмерность пропорций основного содержания и подтекста. Ввиду недостаточной внимательности к русскому литературному стилю авторы порой допускают гипертро-

фию подтекста, полагая, что обнаружение его в родном и русском языках происходит в идентичной контекстной ситуации.

Парадоксы возникают чаще всего по причине подмены принципа номинации, например: "Но ты же еще не девушка, а девочка!" — улыбнулся парень (Ибрагимова, Туман спустился с гор). Место действия — один из лакских аулов. Время — 30-е годы. Ученик седьмого класса переносит маленькую школьницу через лужу, а она упрекает его за нарушение адата, который запрещает мужчине прикасаться к девушкам. Даже в наши дни сельские школьники в Дагестане разговаривают между собой только на родном языке. Едва ли в описанном в романе эпизоде диалог мог вестись на русском языке. А по-лакски и "девочка", и "девушка", и "дочь", и даже "невеста" обозначаются существительным *душ*. Субстанционально присущая русским именам существительным *девочка — девушка* возрастная дифференциация в лакском языке не находит адекватного соответствия, даже лакские аналитические конструкции не совпадают с русскими однословными обозначениями: *чIиви душ* 'маленькая девочка', т.е. 'ребенок', *хъунма душ* 'большая', т.е. в значении 'старая дева', *виришар* 'зрелая', 'на выданье', т.е. с коннотацией совершеннолетия или половой зрелости. Следовательно, корреляция *девочка — девушка* в лакском языке может найти реализацию лишь в широкой пропозициональной контекстной ситуации, а нередко и в рамках целого текста, когда ясное представление о принадлежности лица женского пола к той или иной возрастной категории может быть составлено на базе широкой фоновой информативности текста.

В исследованной нами литературе одним из сложных вопросов является использование русских фразеологизмов и передача на русском языке фразеологических единиц родного языка. При рассмотрении этого вопроса ограничимся наиболее типичными случаями:

1. Русские фразеологические единицы в устах персонажей звучат как авторская трансформация, как перевод, если в родном языке писателя и читателей отсутствуют коннотативные эквиваленты, например: Костьми лягу, на себя все возьму (Ибрагимова, Туман спустился с гор). Так говорит лачка преклонного возраста.

2. Фразеологизмы с архаической лексикой используются с неправильной трактовкой коннотации буквально воспринятых выражений: ...ты дома пятикратно обращайся к Востоку и бей челом (там же). Сочетание *челом бить* означает в русском языке 'просить о чем-то реально-конкретном'. А для

описания мусульманского намаза оно не подходит, хотя при молении магометане действительно касаются лбом земли (вернее, подстилки).

3. Фразеологические единицы семантизируются, хотя в русской идиоматике в отличие от дагестанских языков нельзя изменить ни порядок расположения, ни морфологическую структуру компонентов, ни состав входящих в них элементов, ср.: И все же собака зарыта где-то рядом с этим молодым учителем (там же); Не слишком ли далеко катится это яблочко от родовой яблони? (там же).

4. Если фразеологическое выражение не соответствует традиционной образной системе родного языка героя, оно выглядит как искусственный привесок, например: Это же кровиночка моя, комочек сердца моего (там же). Эти слова принадлежат лачке, а в традиционной символике лакцев иносказательного соответствия между *дитятей* и *кровинкой* или *комочком сердца* нет.

В заключение отметим наиболее типичные явления, характеризующие дагестанскую русскоязычную художественную литературу: а) использование гибкости порядка слов в предложении русского языка в целях сближения его с композиционной схемой лакского предложения; б) трансформация ФЕ лакского языка; в) использование регионализмов и этнографизмов; г) использование региональной ономастики; д) использование интерферированной русской речи билингвов для речевой характеристики персонажей; е) ограниченное и трансформированное использование русской фразеологии с лексическими и грамматическими архаизмами; ж) интерференция разной степени в авторском тексте.

Проведенный анализ показывает, что многие нарушения норм русского языка, стилистические несоответствия и художественно-эстетическая неоправданность использования лексики национального и русского языков резко снижают уровень словесной культуры писателя.

ТЮРКСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ И В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

(на материале поэзии Средней Азии и Казахстана)

Изучение особенностей функционирования тюркской лексики в русскоязычной поэзии авторов среднеазиатского региона представляет большой интерес для исследования взаимодействия русского и тюркских языков народов СССР в плане культуры русской художественной речи, с одной стороны, и постановки практических вопросов борьбы за повышение культуры русской письменной речи в условиях национально-русского двуязычия — с другой.

В текстах художественных поэтических произведений национальных и русских поэтов Средней Азии и Казахстана, написанных на русском языке или переведенных на русский язык, широко представлен пласт национально-специфических слов-реалий, известных под названием тюркизмов, под которыми понимаются лексические единицы, заимствованные русским языком (или употребляемые в русской речи) из тюркских языков (или через их посредство) для выражения новых понятий, дифференциации уже имеющихся и обозначения ранее неизвестных русской действительности предметов.

«...Русский язык, называя и выражая жизнь другой нации, другого народа, "пропуская" через себя язык этого народа благодаря творчеству писателя, обогащает не только свой словарь и свою лексику, но и сферу своей жизни»[1]. Однако не только лексику одного русского языка обогащают тюркизмы, бытующие в текстах художественных произведений. О роли перевода в культурной жизни народов СССР сказал Масуд Расули: «Перевод — наиболее прямой путь к ознакомлению народов СССР с литературными ценностями других народов, одно из действенных средств культурного общения. В нашей стране, где совершается все нарастающий процесс взаимного проникновения, освоения и обогащения культур, художественный перевод стал обширной отраслью советской литературы... Перевод является не только фактором, так сказать, "потребления" культурных ценностей, но и могучим средством их созидания»[2]. Через переводы поэтических произведений восточных авторов с русского языка на языки других народов СССР тюркские заимствования проникают в различные национальные

[1] *Пулатов Т.* Язык, автор, жизнь. — Лит. обозрение, 1976, N 8, с. 111.
[2] *Расули М.* Братства щедрые плоды. Ташкент, 1974, с. 56—57.

языки. В связи с этим еще более остро встает вопрос тщательного отбора и анализа восточных заимствований в языке художественных произведений среднеазиатских поэтов, так как именно эта региональная восточная поэзия, с которой всесоюзный читатель знакомится на русском языке (в переводах на русский или в оригинале на русском), — один из источников пополнения фонда тюркских заимствований в русском языке и один из возможных способов закрепления в нем освоенной их части.

В качестве художественных источников, которые нам предоставляет современная восточная поэзия и в которых активно функционируют тюркизмы, следует назвать два мощных художественных потока: прежде всего, это тексты переводов поэтических произведений национальных поэтов с тюркских языков на русский и, во-вторых, оригинальные русские тексты с местной национальной тематикой двух видов: а) написанные национальными поэтами-билингвами на русском языке и б) написанные русскими поэтами.

Национальные поэты восточных республик[3], а вслед за ними и их переводчики стремятся отразить особенности национального характера, образного мышления, национальные обычаи и традиции, мировоззрение и нормы нравственности, географические и производственные представления, особенности быта и сфер деятельности и т.п. В работе над переводом много трудностей, связанных с передачей всего этого национального многообразия на русский язык, с созданием семантико-понятийной эквивалентности на базе русского языка.

Огромный интерес в плане изучения тюркизмов в русском поэтическом тексте представляют произведения национальных поэтов, создающих свои произведения на русском языке[4].

---

[3] Для анализа использованы материалы следующих переводных сборников (далее ссылки будут даваться только на фамилию автора и страницу издания): переводы с казахского — *Ергалиев Х.* Песня на заре. М., 1974; *Мауленов С.* Радуга стиха. М., 1982; *Молдагалиев Т.* И мне было двадцать. М., 1979; *Мулдагалиев Дж.* Звезда поколения. М., 1982; переводы с киргизского — *Байзаков Т.* Земная карусель. М., 1982; сб. "Перевал": (Молодая поэзия Киргизстана). Фрунзе, 1980; переводы с туркменского — *Атаджанов А.* Иду к вам. М., 1978; *Байрамов Н.* Песни тюльпанов. М., 1976; *Жутдиев Б.* Белый дождь. М., 1979; *Курбаннепесов К.* Корни М., 1978; *Тангрыкулиев К.* Хлеб и Хан. М., 1979; переводы с узбекского — *Гулям Х.* Избранное. М., 1979; *Тулкун.* Избранное. М., 1978; *Уйгун.* Дары дороги. Ташкент, 1979; *Халдар А.* Блики. Ташкент, 1979.

[4] Для анализа использованы поэтические произведения, написанные на русском языке, следующих национальных авторов: *Джумагулов М.* Черный жаворонок. Алма-Ата, 1960; *Сулейменов О.* Доброе время восхода. Алма-Ата, 1964 (каз.); сб. "Перевал" (кирг.); *Мадалиев С.* Время цветения персика. Ташкент, 1977; *Фархади Р.* Птица радость — птица грусть. Ташкент, 1979 (узб.).

Некоторые из них пишут одновременно на двух языках — на родном и на русском. На это явление в советской многонациональной литературе, во многом еще не объясненное и малоисследованное, обратил внимание в начале 60-х годов Мухтар Ауэзов: "Их всех объединяет один, казалось бы, внешний, но немаловажный, даже весьма существенный признак — все они, будучи писателями национальными, с тематикой национальных братских республик, пишут свои художественные произведения на русском языке"[5]. "Обращение ряда национальных писателей к русскому языку в качестве формы выражения своей творческой индивидуальности в значительной мере определяется статусом русского языка как средства межнационального общения в различных областях общественной жизни"[6].

Перед русскоязычными национальными поэтами стоит непростая задача: средствами русского языка передать национальный характер, образность и т.п. Как и в любом художественном творчестве, определяющим здесь является индивидуальное начало. Различно относятся русскоязычные поэты и к употреблению тюркской лексики как к средству создания местного колорита. Например, у узбекских поэтов С. Мадалиева и Р. Фархади внешний национальный колорит заметен меньше, чем у казахского мастера О. Сулейменова. Они если и используют тюркизмы, то в основном общеупотребительные и в значительно меньшем количестве.

Широкому проникновению тюркских слов в русскую речь способствуют не только переводы и поэзия русскоязычных национальных авторов, но и отражающие национальную тематику произведения русских поэтов, живущих и работающих в республиках[7]. «Общение с восточной действительностью и литературой не только расширяет тематические рамки и проблемный диапазон русской поэзии, но и стимулирует возникновение особенных национально-интернациональных черт в творчестве русских поэтов, пишущих об Азии. Их новое национальное своеобразие кроется, помимо прочего, во взаимопроникновении "клеточек" русской и восточной поэтических

[5] См.: Простор, 1978, N 10, с. 106.

[6] *Михайловская Н.Г.* О проблемах художественно-литературного двуязычия. — ВЯ, 1979, N 2, с. 61.

[7] Для анализа использованы поэтические произведения следующих русских поэтов, живущих в национальных республиках: *Постников О.* Соленая роса. Алма-Ата, 1979; *Тамарина Р.* Надежда. Алма-Ата, 1979; сб. "Перевал" (кирг.); *Буканов Н.* Свети, звезда. Ташкент, 1975 (узб.); *Качаев В.* Явление любви. Ташкент, 1979; *Красильников Н.* Урюковый цвет. Ташкент, 1975; *Куликов Н.* Мои апрели. Ташкент, 1979; *Лукьянов Н.* Откуда начинается земля. Ташкент, 1973 (узб.).

стихий, в особом сцеплении и взаимовлиянии множества специфических явлений, "ферментирующих" русскую поэзию»[8].

Тюркизмы рассматриваемых поэтических произведений неоднородны по своему характеру и составу: по назначению и выполняемым функциям в тексте, по степени освоенности русским литературным языком и сфере распространения, по способам введения и приемам их толкования в тексте.

«Специфика национального творчества на русском языке может находить свое отражение уже на уровне употребления отдельных слов и условий их использования... Проблема отдельного слова в национальном произведении может рассматриваться под двумя, относительно самостоятельными, углами зрения: в одном случае "точкой отсчета" является его понятийно-смысловое содержание, в другом — его художественно-выразительная функция. Синтез двух названных взаимообусловленных составляющих представляет собой оптимальную "паспортизацию" слова в структуре художественного произведения и в индивидуальном языке автора»[9].

С точки зрения назначения восточной лексики и выполняемых ею функций в поэтическом тексте художественного произведения тюркизмы можно разделить на два больших разряда: 1) лексические, или номинативные, и 2) стилистические, или эстетические[10].

Лексические (номинативные) тюркизмы представляют собой традиционно употребляемые в поэтическом контексте национальные слова с целью реалистического воссоздания восточной среды, природы, быта, культуры, истории, обычаев, нравов, т.е. создания так называемых couleur locale и couleur historique. Такие тюркизмы имеют целью языковую номинацию, т.е. называние национальных реалий и понятий, и, выполняя эту функцию в тексте, они не обладают, как правило, экспрессивной окрашенностью, ср.: Под вечер в *чайхану* сошлись *дехкане* (Курбаннепесов, с. 36); У дальнего колодца/ *Бахши* попался в лапы *басмачам* (там же, с. 38); Древняя *чинара*/ Широка, крепка (Фархади, с. 62); За *дувалами* низкими/ Падают глухо плоды (Красильников, с. 23); Запах яблок и *плова*/ летний воздух смешал,/ И сидят *аксакалы,* пьют чаи не спеша (там же, с. 40);

---

[8] Очерки истории русской литературы Узбекистана. Ташкент, 1967, т. 2, с. 214.

[9] *Михайловская Н.Г.* Указ. соч., с. 63—65.

[10] Мы не ставим задачу дать более подробную лингвостилистическую дифференциацию тюркоязычных заимствований с точки зрения выполняемых ими функций в поэтическом тексте. Этому должно быть посвящено специальное исследование. Однако нам хотелось наметить пути рассмотрения этого вопроса в аспекте культурно-речевых рекомендаций.

Саратан — сухой и жаркий месяц,/пыльный лист повис,/не шелохнется... (Мадалиев, с. 28); Она не слышит,/чаю подливает,/лепешки,/сахар,/*курт* пододвигает... (там же, с. 44—45); А верблюды несли/людей,/тюки,/*юрты*,/связанные *арканом*./ /Никто не подавал руки,/если падал человек в *барханах* (Джумагулов, с. 47).

Лексические тюркизмы, целесообразно употребленные поэтами в номинативной функции и не являющиеся по своей сути в поэтических текстах восточных авторов экзотическими, тем не менее не остаются стилистически абсолютно нейтральными. Они создают восточный колорит произведения в целом и способствуют определенной стилизации языка поэтического произведения. Иллюстрацией сказанного может служить небольшой пример, в котором стилистически нейтральные тюркизмы, якобы не обладающие образностью и эмоциональной окрашенностью, тем не менее одной своей насыщенностью, избыточностью в микроконтексте создают экспрессию поэтической речи: На холмистом *джайляу*/Готовился *той*,/Я приехал тогда на *кокпар*/Из столицы (Сулейменов, с. 86).

По существу все тюркизмы, как лексические, так в особенности и стилистические, выделяются на нейтральном лексическом фоне русского поэтического контекста. Поэтому все поэтические удачи и все просчеты в употреблении тюркской лексики в русских художественных текстах одинаково хорошо заметны. Учитывая еще и тот факт, что русский язык является межнациональным, выполняющим роль "всесоюзного переводчика" и что в языки других народов СССР из него могут быть перенесены также все художественные достоинства и недостатки произведения, авторы и переводчики должны осторожно и ответственно относиться к употреблению тюркской национальной лексики в художественных произведениях. Нужно учитывать и то, что "языковые нормы, установленные на данный отрезок истории обществом, объективны и существуют независимо от частных обстоятельств... Нормы лит[ературного] языка одинаковы для всех, живущих в Москве и Ленинграде, на Западе и на Дальнем Востоке, в городах и сельских местностях. Локальных вариантов рус[ского] лит[ературного] языка не существует..."[11].

Стилистические (эстетические) тюркизмы — это творчески использованные автором или переводчиком национальные слова с целью воссоздания в русском поэтическом тексте особой восточной стилистической системы, перенесения в него специфической образности (сравнений, метафор, параллелизма и т.п.), создания системы ключевых образов, характерных

[11] Русский язык: Энциклопедия. М., 1979, с. 271.

для восточной поэзии. В этом случае тюркизмы выполняют художественно выразительную функцию. Ср., например, использование тюркизмов в системе сравнений: Лето.../ Мы откочевали на джайлоо,/ *достарханом* щедрым лег зеленый дол (Байзаков, с. 39—40); Жизнь, *аламан* мой, в полете затверженный миг!.. (Шаповалов. — "Перевал", с. 156); Убегал *арык* пугливой змейкой,/ лодочку пускал я по воде (Мадалиев, с. 13); Проходит *пиалой* поющей год... Поющей *пиалой* проходит век./ Идут по кругу жизнь и смерть на равных (Токомбаев, на рус. яз. — "Перевал", с. 145); Пряно пахнут шафраном/ листья старой джиды./ /Как страницы *корана,*/ эти листья желты (Лукьянов, с. 29); И Луна над Шир-Дором висит,/ Как *ляган* серебристый,/ Кругла (Красильников, с. 23); Пил народ воду,/ пил./ Никто не заметил,/ когда/ ушли верблюды.../ Только пыль/ белела вдали, как *муллы* борода (Джумагулов, с. 49); в системе персонификаций: В Тарбагатае на джайляу/ тихонько плакала *домбра* (Тамарина, с. 48); Помню сонное *джайлоо,*/ Утренние блики (Шабаева, на рус. яз. — "Перевал", с. 151); А *ляганы,*/ еще не познавшие плова, / кричат покупателям: "Кель!" (Лукьянов, с. 8); *Домбра,* как черный лебедь, шеей тянется, / крылами бьет! Пинается — /Кричать!../ Как бедуинка над кострами в танце (Сулейменов, с. 198); Он растет, корявый, / в песках Муюн-Кума, / где гуляют бураны, / где всюду / желтые *барханы* / молчат угрюмо, / словно спящие вечно / верблюды... (Джумагулов, с. 29); в системе метафор: Эти дни / За *дувалом* горбатым / В униженьях постыдных прошли, / И в духовной тюрьме *шариата* / Ты не слышала песен земли. / Но развеял Октябрь по *барханам* / Ненавистную *байскую* власть, / И судьба твоя ярким тюльпаном / Над свободной землею зажглась (Буканов, с. 64); Узбекистан! / Узбекистан — / Степной, долинный, горный. / Ты — книга жизни, / Ты — *дастан,* / Звучащий, рукотворный. / Весной цветеньем обуян / И многоцветный в осень, / Раскрытый щедро *дастархан,* / Что мы гостям подносим (Фархади, с. 48); Тебя, зима, / Схвачу — не отпущу, / Свяжу тебя *арканом* белых кос (Сулейменов, с. 158); А когда / свой волчий *чекмень* / бросит ночь / в долину Шал-Куде, двух ушей / заостряется тень — пес встает навстречу беде (Джумагулов, с. 41).

Примером использования тюркизма в качестве ключевого образа поэтического произведения может служить безэквивалентное[12] тюркское слово *айналайн* в одноименном стихотво-

[12] "Слова, лексические понятия которых являются межъязыковыми, в лингвистике и в лингводидактике обычно называются эквивалентными (переводимыми) и противопоставляются безэквивалентным, т.е. таким, план содержания которых невозможно сопоставить с каким-либо иноязычным лексическим понятием (в известном смысле безэквивалентные слова не-

рении. О. Сулейманова. На этом ключевом образе держится и вся кольцевая композиция стихотворения: Обращение к дорогому человеку — *айналайн.* / "Кружусь вокруг тебя" — подстрочный перевод. / "Принимаю твои болезни" и "Любовь моя" — / смысловые переводы. / Кочую по черно-белому свету. / Мне дом двухэтажный построить / советуют, / а я, как удастся какая оказия, / мотаюсь по Африкам, Франциям, Азиям. / В Нью-Йорке с дастанами выступаю, / в Алепе арабам глаза открываю / ...Шумит за спиною последнее / море. / Кружись, *айналайн,* Земля моя! / Как никто, / я сегодня тебя понимаю, / все болезни твои / на себя принимаю, / я кочую, кружусь по дорогам / твоим... (Сулейменов, с. 104—105).

Умелое введение автором тюркизма, подготовленное предшествующим текстом его восприятие, адекватная передача его значения, безусловно, обогащают поэтический текст. И, наоборот, ничем не оправданное его употребление ведет к нарушениям норм русской литературной речи, к фактам интерференции.

Примерами уместного употребления тюркизмов могут служить такие случаи, когда тюркизмы являются средством исторической стилизации поэтического произведения, т.е. выполняют функцию историзма: "*Мусульмане!* / Сегодня над миром *аллаха* идет *курбан-айт* — / Великий жертвенный праздник. / Сегодня готов *аллах* простить нам / Грехи великие за щедрость великую нашу!" / У *дувала мечети хаджи Бек-Назара* / Ярмарка нищих! (Сулейменов, с. 70); Не здесь ли, одолев *барханы,* / Тая расчетливый удар, / Катились *орды Чингисхана* / На *Сырдарью* и на *Отрар...* / О, город белый... / Нет укора / Тебе, воинственный *кипчак.* / Не помнит смертного позора / Залитый кровью солончак (Постников, с. 68).

Правомерно включение тюркизмов и в том случае, когда они реализуют мифологические представления данного народа: Не пламя тандыра меня опалило — / высокий любовный огонь. / И к небу взнесла непонятная сила, / как будто *Тулпар* — / древний сказочный конь (Байзаков, с. 48); Узбекистан, / Узбекистан — / Упорный, добрый, сильный, / Ты — богатырь *Фархад, Рустам,* / Прошедший сквозь пустыни (Фархади, с. 48).

Примером того случая, когда тюркизмы обладают в

переводимы, их приходится передавать описательными выражениями или с помощью пояснений)" (*Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Лингвострановедческая теория слова. М., 1980, с. 17). См. также статью, специально посвященную безэквивалентной лексике: *Михайловская Н.Г.* Варианты "безэквивалентной" ("экзотической") лексики. — В кн.: Литературная норма в лексике и фразеологии. М., 1983, с. 120—139.

поэтическом тексте стилистической активностью, создают образность, может быть "Притча о болтуне, рассказанная Берды Кербабаевым": Не как теперь на "ТУ" в Москву, / когда весь рейс — как *плов* на блюде, / из *Ашхабада* на *Хиву* / плелись два друга на верблюдах. / ...Один молчит. / Другой молчит. / Лишь на пятнадцатые сутки / один другому говорит: / —Я *минаретов* вижу дудки!.. / А тот, философ и молчун, / с упреком выложил на это: / —Какой ты все-таки болтун!.. / Иль я не вижу *минаретов?* / ...Спасибо, *аксакал Берды!* / Уж нет тебя... / Но притча эта, / как в злой *самум* глоток воды, / всегда спасенье для поэта (Атаджанов, с. 187—188).

Однако надо признать, что имеют место факты засорения русской поэтической речи неуместными, неоправданными тюркизмами; особенно актуален этот вопрос для культуры переводческой речи. Зачастую в текстах тюркизмы не выполняют никакой эстетической функции, при их включении не соблюдается принцип ни семантической целесообразности, ни художественной оправданности. Безэквивалентные и даже окказиональные слова бывают поданы без подготовки, без какого-либо толкования. В этом случае мы имеем дело с нарушениями русской литературной речи, нормы которой являются едиными для всех регионов, для всех видов и жанров литературы. Сказанное в особенности относится к не освоенным русским языком тюркизмам; именно их употребление далеко не всегда оправданно ни номинативно, ни стилистически. В данных примерах тюркизмы подаются в тексте без какого-либо толкования: Высекает узоры на ножнах *усто* Мадраим. / А *кумганы,* / как желтые зубы, в открытом ларьке (Лукьянов, с. 8); ...Чтоб счастье испить сполна, / Мчаться *тулпаром* надо (Эрматов, пер. — "Перевал", с. 163); В *куге* / На прутике высоком / Сидят / Две сонных стрекозы (Куликов, с. 22); Верблюд мой! Жаль, что род твой убывает. / Я пью *шубат* во здравие твое! (Мулдагалиев, с. 49).

Как видим из примеров, в русских поэтических текстах наряду со значительным количеством тюркских слов, понятных всесоюзному читателю, используется также лексика, обозначающая местные реалии и понятная только читателям среднеазиатских республик. Приведем несколько ярких поэтических контекстов — зарисовок Востока, показательных в этом отношении: переводной текст из киргизской поэзии Н. Джаркынбаева и два оригинальных русских текстах — из казахской поэзии О. Сулейменова и узбекской Н. Красильникова: По *юрте,* по ее сухой *кошме,* / Дождь простучал и скрылся в отдаленье. / И вновь, подобно огненной *камче,* / Стегнула тучи молния. И тенью / В которой раз накрыло склоны гор. / И

кажется *тундук* окошком в небо (Джаркынбаев. — "Перевал", с. 33); *Саманные* стены *мечети* молчат. / Дети проходят мимо *мечети,* / Словно года. / В дряхлой руке *минарета* — / Гнутая тень меча. / Шелком *чалмы* развитой / белеет в траве *арык.* / Яблони моют корни / в седой воде. / В ночь *Лейля-ули-кадр* / Я, как старик, / По бетонным коврам площадей / Брожу и шепчу о тебе, / Да свершится мое желанье! (Сулейменов, с. 55—56); Осколок месяца. Крутой изгиб крыла. / Ты уместилась на ладони, *пиала...* / В палящий зной в тени *карагачей* / Ты, *пиала,* желанна для гостей. / Журчит *арык,* по камушкам бежит, / И медный самовар уже кипит / ...Не сходит *пиала* с усталых рук, / И незаметно ширится наш круг / *Мирабов,* хлопкоробов, *чабанов,* / И каждый прикоснуться к ней готов (Красильников, с. 37).

Здесь встает вопрос о соотношении тюркизмов с лексической системой русского языка. Рассмотрим тюркизмы в поэзии с точки зрения степени их освоенности в современном русском литературном языке. При анализе большого количества поэтических источников можно выделить группу наиболее частотно употребляющихся слов и редко или единично встречающихся, группу понятных, малопонятных и абсолютно непонятных без объяснения восточных слов. Тем не менее, независимо от того, понятно, частотно, мотивировано ли среднеазиатское слово в речи, каждый тюркизм, встречаясь в русском тексте, представляет собой лингвистический факт и поэтому должен служить объектом изучения. В связи со сказанным представляется целесообразным классифицировать тюркизмы по степени их освоенности русским литературным языком и сфере их распространения и разделить их при этом на две большие группы, каждая из которых в свою очередь распадается на две подгруппы: I. Тюркизмы, освоенные русским литературным языком. II. Тюркизмы, не освоенные русским литературным языком. Соответственно первые представляют собой факты системы языка, вторые — факты речи. "Когда говорим о заимствованиях, необходимо отличать заимствования, ставшие фактом данного языка, от тех, которые можно было бы назвать окказиональными заимствованиями"[13].

I. Тюркизмы, освоенные русским литературным языком, можно разделить на две подгруппы:

А. *Этимологические тюркизмы* — лексические единицы русского литературного языка, являющиеся тюркскими лишь по происхождению, давно освоенные русским литературным языком, обозначающие общераспространенные реалии и полностью

[13] *Чантуришвили Д.* О бинарном сопоставлении разносистемных контактирующих языков. — РЯНШ, 1964, N 4, с. 9.

утратившие связь с восточной действительностью. Эти слова естественно входят в основной словарный состав русского языка, имеют широкое распространение на всей территории функционирования русского языка и зафиксированы русскими толковыми словарями: *алмаз, деньги, карандаш, колбаса, очаг, собака, стакан, товар* и др. (данная лексическая подгруппа нами не рассматривается).

Б. *Общеупотребительные,* или *заимствованные, тюркизмы* — лексические единицы русского литературного языка, заимствованные русским языком из тюркских языков (или через их посредство) для выражения общевосточных слов-реалий. Эти слова также в основном освоены русским языком, имеют широкое распространение, почти все они включены в русские толковые словари. Однако данные лексические единицы выражают специфические местные явления и понятия: *айва, аллах, аул, бай, казан, мечеть, мулла, отара, паранджа, плов, чабан, юрта* и др.

II. Тюркизмы, не освоенные русским литературным языком, также подразделяются на две подгруппы:

В. *Региональные тюркизмы* (*регионализмы,* по другой терминологии — *общевосточные слова*) — речевые единицы, не принадлежащие лексической системе русского литературного языка, перешедшие из тюркских языков и функционирующие в русском лишь как факты речи (устной и письменной), слабоусвоенные, территориально ограниченные по употреблению среднеазиатским регионом и выражающие национально-специфические понятия и реалии, общие для народов данного региона. Региональная тюркская лексика в основном отсутствует в словарях русского литературного языка или помещена в специальные словари[14]: *зиндан, казий, каса, тандыр, той, хирман, хурджин* и др.

Г. *Локальные тюркизмы* (*локализмы,* по другой терминологии — *окказиональные тюркизмы*) — речевые единицы, слабоусвоенные или почти не освоенные в русском речевом употреблении, в основном непроизводные и ненормативные, территориально ограниченные по употреблению зоной одной республики или области и выражающие национально-специфи-

---

[14]См., например: *Шеломенцева З.С.* Словарь тюркизмов в русском языке жителей Киргизии. Фрунзе, 1971 (около 500 тюркизмов, преимущественно региональных и локальных); *Шипова Е.Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976 (около 2000 тюркизмов, включая освоенные, в том числе и этимологические тюркизмы); *Кушлина Э.Н.* Словарь местных слов в русской печати Узбекистана и Таджикистана. — В кн.: Кушлина Э.Н. Таджикские и узбекские слова в русском языке. Душанбе, 1968 (свыше 100 общеупотребительных и региональных тюркизмов).

ческие понятия и реалии, присущие народу данной республики или области: каз. *адай, жуз, кокпар, кыз куу, шабул;* кирг. *боорсок, корундук, кошеге, чилде;* туркм. *вахарман, дагдан, сачак, чокаи, яшули;* узб. *ашна, махалля, сумалак, сунбул.*

Следует отметить, что границы между подгруппами неосвоенных тюркизмов нечеткие, размытые, трудноустановимые вследствие их возможной изменчивости.

В переводной и оригинальной поэзии широко представлены тюркизмы всех перечисленных групп, большую часть составляют общеупотребительные и региональные тюркизмы. Самая пестрая картина наблюдается в переводах; в русской поэзии заметна тенденция к включению преимущественно общеупотребительных слов. Однако эти группы далеко не равнозначны с культурно-речевых позиций. Безусловно, "без местных красок и без национальных обычаев, мыслей, национальности характеров в действующих лицах нет ни вида реальности — правдоподобия — в действии, ни осязательности в действующих лицах. А без этих условий нельзя обходиться романам и повестям"[15]. Тем не менее, оценивая правомерность включения тюркизмов в поэтический текст, в первую очередь следует обращать внимание не на количество их в русских текстах, а на такие факторы, как семантическая целесообразность, уместность, художественная оправданность и стилистическая необходимость их употребления. «...Реализация функционально-стилистической структуры русского языка в речевой деятельности монолингвов (т.е. лиц, для которых русский язык является единственным средством общения) и билингвов (т.е. лиц, владеющих наряду с родным языком и русским языком) одинаково опирается на требования современной нормы и кодификации. В процессе взаимовлияния языков неизбежно возникают отклонения в русской речи билингвов, обусловленные системой их родного языка. Их значимость по оценке "релевантных" или "нерелевантных" для акта коммуникации оказывается соотнесенной не только с уровнями языковой системы, но и с разновидностями функционально-стилистической структуры. Одни и те же нарушения нормы русского языка могут быть оценены как менее релевантные в обиходно-бытовом стиле, но как более релевантные в стиле официально-документальном, научном или публицистическом. В художественно-беллетристическом стиле подобные отклонения допускают единственно возможную квалификацию с точки зрения их оправданности в целях художественного выражения»[16].

[15] *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. М., 1949, т. 12, с. 129.

[16] *Иванов В.В., Михайловская Н.Г.* Русский язык как средство межнационального общения; актуальные аспекты и проблемы. — ВЯ, 1982, N 6, с. 7—8.

В связи со сказанным следует обратиться к тематической классификации тюркизмов и разделить их первоначально на лексико-грамматические разряды. В основной своей массе заимствованные лексемы являются именами существительными, которые в зависимости от их номинативного характера распадаются на две большие группы: 1) имена нарицательные; 2) имена собственные.

Тематически нарицательные тюркизмы в поэтических произведениях среднеазиатских авторов представлены традиционными для заимствованной лексики группами, связанными прежде всего с обозначением специфических восточных реалий и понятий:

а) общественно-исторические (обозначение вида деятельности и рода занятий — *бакши, дехканин, мираб, мугалим, чабан, шоир;* обозначение социальной принадлежности, должностей, чинов — *бай, манап, раис, сердар, хан;* обозначение населенных пунктов, жилищ, различных построек — *айван, аул, балахана, дувал, караван-сарай, кибитка, кишлак, чайхана, шипанг, юрта* и др.);

б) природные (обозначение явлений флоры — *арча, вахарман, джида, карагач, сазак, чаир, чинара;* фауны — *аргамак, инер, киик, тэке, улар;* атмосферных явлений — *бескунак, керимсал, самум, санташ, улан;* видов ландшафта — *адыры, бархан, дала, джайляу, сазы, сай, такыр* и др.);

в) культурно-бытовые (обозначение обрядов, обычаев, праздников — *адат, аш, бушлук, гелиналджи, джентек, джоро, калым, корундук, суюнчи, той;* видов и жанров народного творчества — *айтыс, дастан, кюй, камбаркан, ляле, оленги, санат, терме;* музыкальных инструментов — *домбра, дутар, карнай, комуз, кыяк, тюйдук;* игр и состязаний — *альчики, байга, гореш, джусан, копкари, кураш, тогуз-кумалак;* предметов одежды, убранства, украшений — *бешмет, кементай, кетени, кынгач, чапан, чапчак;* блюд, напитков — *айран, бешбармак, боорсок, кок-чай, плов, чурек, ширчай, шурпа;* домашней утвари, посуды — *дастархан, казан, каса, кумган, ляган, пиала, саба, тостаган, хурджин* и др.).

Тюркизмы собственные в поэтических текстах представлены широко. Характерным является частотное употребление имен восточных поэтов-классиков, исторических, легендарных и мифических личностей и образов (*Лейли, Лукман, Махтумкули, Меджнун, Навои, Тамерлан, Тулпар, Фархад*). Тюркизмы собственные делятся также на традиционные группы:

а) антропонимы (*Ахмед, Карамолдо, Мамбет, Тимур*);

б) топонимы (*Алатау, Алма-Ата, Дарбаза, Каракумы, Ташкент*);

в) гидронимы (*Джейхун, Иссык, Сырдарья*);

г) этнонимы (*гоклен, казах, ногай*) и др.

Говоря о степени освоенности тюркизмов в русской поэтической речи, нельзя не поставить еще одного острого культурно-речевого вопроса. М.И. Исаев в статье "Панорама языковой жизни народов СССР" пишет о графемном оформлении слов общего лексического фонда восточных народов, связанных в прошлом общей средневековой культурой, мусульманской религией и др. Эти слова, пришедшие из разных тюркских языков и произносящиеся в своих языках по-разному, на русской языковой почве должны подчиняться единой литературной норме, писаться и произноситься одинаково. Это касается как имен нарицательных, так и имен собственных. «Умножать количество "местных вариантов" русской литературной речи вряд ли целесообразно»[17]. Однако поэтический материал прямо-таки изобилует примерами подобного разнобоя. Графическая вариативность наблюдается во всех группах и подгруппах тюркизмов, хотя, естественно, она значительно возрастает в группе неосвоенных тюркизмов. Достаточно случаев и с орфографической вариантностью.

Наличие вариантов еще может иметь объяснение, скажем, для неосвоенной части тюркского фонда, особенно для группы локализмов, где количество графемно-фонетических вариантов одного тюркизма доходит до 7—10 не только в разных тюркских языках, но даже в одном языке[18]. Но она не очень понятна и не может быть безоговорочно принята в отношении освоенных тюркизмов, давно заимствованных русским литературным языком и включенных в словари. Возьмем, например, освоенный тюркизм *чабан*. В переводе с туркменского языка сказки для дошкольников "Хлеб и Хан" мы встречаем написание — *чопан*: Неподалеку на лугу / Овец увидел Хан, / Тотчас *чопану*-старику / Рукою замахал: / — Ты мне поможешь, друг-*чопан?* (Тангрыкулиев, с. 10). Во многих переводах с туркменского мы встречаем и литературное написание: Пламенем костра озарены, / У огня присели *чабаны* (Байрамов, с. 10). Примеры графического разнобоя зафиксированы не только у одного автора, но и в тексте одного и того же сборника. Что такой вариант подан в угоду рифме, не приходится говорить: И ни колодца, ни *аила* /

---

[17] *Исаев М.И.* Панорама языковой жизни народов СССР. — В кн.: Русский язык как средство межнационального общения. М., 1977, с. 30.

[18] Примеры подобных цепочек см. в статье: *Назаров О.Н.* Графемно-фонетическая передача туркменских слов в русском языке. — Сов. тюркология, 1974, N 4, с. 53. Скажем, локалькое слово *чекдирме* 'национальное блюдо из вареного мяса' имеет семь вариантов написания: *чекдирме — чектырме — чекдырме — чехтырма — чикдирма — чакдырма — чихиртма.*

Земля для нас не сохранила... (Постников, с. 67). Через несколько страниц читаем: И вот уже, не сдерживая гула, / Летит метель по улицам *аула* (там же, с. 74). Также в одном и том же сборнике другого автора встречаем случай орфографических вариантов, причем во втором употреблении слово из имени нарицательного становится именем собственным: Сегодня над миром аллаха идет *курбан-айт* — / Великий жертвенный праздник (Сулейменов, с. 70), и далее: В *Курбанайт* и святую пасху / этой улицей ходят визги... (там же, с. 166).

Графемно-фонетический, а также орфографический облик тюркизмов, в особенности уже освоенных русским литературным языком, нуждается в строгом упорядочении. В процессе унификации написания тюркизмов в русском языке "было бы целесообразно отобрать в каждом случае наиболее распространенный в русских текстах графемно-фонетический вариант общетюркского слова и предложить его в качестве инварианта"[19]. За эталон следует также взять данные словарей русского литературного языка.

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ В АСПЕКТЕ ЕЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ

(на материале произведений С. Санбаева)

В русскоязычных произведениях казахских писателей функции вводимых ими казахских наименований многообразны. Они выступают в составе тропов, приобретают в тексте окказиональные коннотативные оттенки, используются в создании образа автора и персонажа. Кроме того, казахские наименования по-своему участвуют в создании композиции произведения. Этот аспект функционирования лексики мы рассмотрим на материале произведений современного казахского писателя С. Санбаева*.

Как известно, композиция — важнейший элемент произведения, который базируется на совокупности многих художественных приемов и средств, входящих в целостную систему, и на их взаимодействии. Это положение является определяющим при рассмотрении композиционной роли казахских наименований.

Композицию некоторых произведений С. Санбаева ("Когда жаждут мифа", "Коп-ажал", "Колодцы знойных долин") характеризует временна́я двуплановость, соединяющаяся с

[19] *Назаров О.Н.* Указ. соч., с. 60.

*См.: *Санбаев С.* Колодцы знойных долин. М., 1976 (далее указываются страницы этого издания).

приемом рассказа в рассказе. Эта особенность философской прозы С. Санбаева в значительной степени отражает его художественный метод. Писателю свойственно внимание и интерес к взаимодействию эпох в человеческой истории и периодов в жизни человека. Особую значимость имеют параллели между современностью и прошлым, иногда очень отдаленным, легендарным, а иногда относительно близким, совпадающим со временем молодости персонажей. Такой прием помогает раскрыть авторские идеи — о единстве мира природы и вечности ее, о взаимодействии человека с природой, о чертах общности разных поколений людей и о судьбах своего народа. Повесть С. Санбаева "И вечный бой!.." заканчивается концентрированным выражением этих мыслей: "Время сохранило нам легенды. И светлые и печальные... И когда я слушаю их — утром ли, всем телом ощущая молодость вечного солнца; и в полдень, под рокот мудрых струн домбры, окидывая взглядом беспредельную даль моей земли; или же позднею ночью при свете костра, освещающего бесхитростные доверчивые лица людей, — то вспоминаю эти тысячелетия как дни своей долгой-долгой жизни. А прожить мне не одно тысячелетие" (с. 60).

Разграничение двух временны́х планов повествования достигается в романах С. Санбаева целой системой языковых, в том числе лексических, средств. Немалую роль в этом играют отбор и расположение казахских наименований. План настоящего времени всегда представляет собой рассказ о современности, где новое, соответствующее современному укладу жизни, сплетается с традиционно казахским. Образ прошлого, напротив, создается подробным описанием традиционного быта с широким использованием казахской лексики, обозначающей реалии. Такова композиция, например, повести "Коп-ажал", где противопоставление двух временны́х планов достигается определенной группировкой лексики: в эпизодах, изображающих прошлое, — широкое использование национальной лексики, в эпизодах из современной жизни — контрастное сочетание казахских наименований и слов, обозначающих новые явления жизни, в быту, технике. На фоне изображения прошлого этот лексический контраст в эпизодах на современную тематику представляет собой весьма причудливое явление: реалии традиционного казахского быта *торсук, курт* и др. соседствуют в описаниях с *термосом, целлофановым мешочком*. Такой внешний лексический "разнобой" связан с выражением идеи ряда произведений С. Санбаева: ход времени не меняет самых существенных свойств человеческой природы, не меняет национального характера, хотя черты нового пробивают себе дорогу в жизни.

Чтобы дать представление о словесной противопоставленности двух временны́х планов, сравним два описания: в первом говорится о снаряжении Манкаса в горы вместе с его отцом, а во втором рассказывается о подъеме Манкаса в горы спустя 35 лет после его первого восхождения (повесть "Коп-ажал"):

1. "Манкас взял в путь связку тонкого волосяного аркана, по одному балак-бау и кайыс-бау, торсук с кислым молоком и кинжал, который никому не показывал.

Аул проводил его молчаливо. Он уходил, спиной чувствуя немой укор во взглядах сородичей, неожиданно ему послышалось нечто, подобное гудению басовой струны кобыза. Звуки тут же замерли, но он определил, что они родились в юрте Амина, и в душе его просветлело" (с. 174—175).

"Успокоившись, отец и сын пошли навстречу солнцу.

Подошли к широкому и плоскому, как стол, камню и, взобравшись на него, стали разуваться. Затем, не сходя с камня, Асан снял с коня один из коржунов, вынул из него еду. Не спеша пожевали они курт, обмакивая его в растопившееся в глиняном горшочке сливочное масло, запили кислым молоком. И молча растянулись на теплом камне" (с. 154—155).

2. "Манкас вынул из коржуна хлеб, целлофановый мешочек с вареным мясом, два свертка с яйцами.

— А внизу, наверное, гадают: поднялись мы на вершину или нет. Завидуют тебе ребята.

— Чему тут завидовать? — Кенес шумно высморкался, лег на спину. Манкас молча извлек из коржуна литровый термос с чаем. Приладил среди камней, чтоб не упал и не разбился. Вздохнул" (с. 188).

Целлофановый мешочек, куда Манкас и его помощники складывают продовольствие, термос и прочие вещи, — лишь внешний признак сегодняшнего дня. Но характер Манкаса остается неизменным, а горы, куда он поднимается, не знают возраста, это "вольный первозданной чистоты край поднебесных птиц" (с. 188). Повесть утверждает вечность стремления человека ввысь, хотя экипировка его для этого восхождения с течением времени меняется.

В других случаях столкновение разных временны́х планов может сопровождаться еще бо́льшим контрастом между национальными наименованиями и названиями современных понятий и предметов. Так, в повести "Дорога только одна" план современности представлен лексическими средствами, которые относятся к терминологии и специальным наименованиям: *буровая техника, нефтесборники, скважины, ремонтники, дефектировать обсадные трубы, компрессорные установки, вахта, моторист;* ср. с национальными словами, относящимися

к плану прошедшего времени: *аткаминеры* (старейшины рода, правящая родовая верхушка), *шара* (большая деревянная чаша), *туырлык* (наружная кошма юрты), *той* (пир), *суюнши* (подарок за добрую весть), *кереге* (решетчатый остов юрты), *айбар* (колодец большого диаметра), *жатаки* (бедняки, ведущие оседлый образ жизни), *тулак* (воловья шкура), *байга* (скачки), *курт* (сушеный сыр), *коржун* (переметная сума) и др.

Появление слов, называющих предметы новейшего быта, и контраст их с казахскими наименованиями традиционных предметов в эпизодах, посвященных современности, в отдельных случаях выступают как единственный способ отметить скачки во времени. По замыслу автора, время невозможно проследить по эволюции характеров, писатель подчеркивает, что главное в характере Манкаса, Санди, Зауреш и других героев на протяжении десятилетий остается неизменным. Таким образом, внешние приметы быта и жизненного уклада контрастируют со стабильностью человеческого характера и вечностью природы.

Иной способ группировки казахских наименований находим в композиции повести "Когда жаждут мифа". Рассказ в рассказе в этом произведении представляет собой легенду об архитекторе Шакпаке, которую под звуки домбры рассказывает старик Елен. Помимо иных способов выделения плана прошедшего времени легенды (особая экспрессия, различие способов повествования в легенде и в обрамляющем сюжете и др.) существенную роль в данном произведении играет определенная группировка казахских наименований. В планах прошедшего времени и современности казахские наименования противостоят по тематическому признаку: в эпизодах, относящихся к современности, доминируют названия бытовых вещей: *кошма, кереге, сорпа* и др., а в повествовании об искусстве архитектора Шакпака преобладают строительные и архитектурные термины: *зиндан, кулыптас, шанрак*. Тем самым мир искусства противопоставлен быту и на лексико-тематическом уровне.

Другим лексическим средством, которое также участвует в создании двух временны́х планов повествования, являются цветовые эпитеты в рассказе о Шакпаке. Такой прием выделяет легенду из обрамляющего повествования, что связано с изобразительной ролью этих лексических единиц и их высокой концентрацией в отдельных эпизодах легенды о Шакпаке. Цветовой образ входит в повествование только в теме архитектуры и природы, ср.:

1. "Заря наливалась золотом...

Блеснула в траве синеокая вода, оставшаяся после недавних дождей. В отдалении обозначились алые головки тюльпанов, лужайки желтоцвета-полыни" (с. 127).

2. "Купол должен быть окрашен в желтый цвет, а звезды надо рассыпать по нему красные, тогда еще более ошеломляющим будет в центре — высоко над головой — лоскут синего неба с живыми звездами" (с. 125).

3. "Стены сверкали синим и красным, любимыми Шакпаком красками: желтый песок ровно и обильно полит водой" (с. 101).

4. "И цвета их (зданий. — *Н.И.*) обязательно будут увязаны с состоянием моря. Море оденется в безмятежное серебро — заметна всем одна группа домов, море замечтается — на синем фоне выступят другие дома, хмурое море — серость природы скрасят дворцы..." (с. 89).

Цветовая палитра легенды чрезвычайно разнообразна: это пламенение тюльпанов, белые лебеди, белоснежная юрта, разноцветные стекла, белый и красный мрамор, разноцветные сполохи, голубой минарет, зеленые глаза, серо-желтый ракушечник.

Таким образом, и цветовые эпитеты, и казахские наименования, определенным образом сгруппированные, являются яркой лексической приметой легенды и отделяют план современности от плана прошедшего времени.

Быстрая смена временных планов повествования иногда опирается на отдельный образ, несущий определенную смысловую и экспрессивную нагрузку. В одном из эпизодов повести "Когда жаждут мифа" современность внезапно врывается в рассказ старика Елена: "Раскатистый шум реактивных истребителей перебил Елена. Самолеты были высоко, в лучах солнца блестели две крошечные точки. Широкие серебристые шлейфы стелились за ними, и старик улыбнулся, мысленно сравнив самолеты со сказочными аргамаками, а шлейфы — со звездной пылью, высекаемой их копытами" (с. 91).

Образ самолетов-арагмаков — связующий между старинным повествованием Елена и современностью. Сам образ летящего аргамака, несмотря на свою реальность, явился из мира легенды, которую только что рассказал старик Елен. Образ отражает особое состояние сознания рассказчика, который еще весь во власти изображаемой им картины. Прервав легенду, Елен продолжает думать о ее героях и об их далекой полусказочной эпохе: аргамак пришел из легендарных времен, когда творил архитектор Шакпак. Сравнение самолетов с аргамаками не есть только субъективная ассоциация рассказчика легенды Елена. Это сравнение соотнесено с образом из его прерванного рассказа об архитекторе Шакпаке — Шакпак рассматривает причудливые наскальные рисунки, изображающие всадников и скакунов на байге: "У перевала Хантокпе Шакпак встретился со своим молодым учеником, наносящим рисунки на поверхность скал.

Гонец не понимал таинства линий и узоров, но с любопытством стал рассматривать изображения всадников, необычных, не таких, как в жизни" (с. 86—87).

Следовательно, образ самолетов-аргамаков напоминает детали рассказа Елена о событиях многовековой давности. Иными словами, в эпизодах "переключения" одного плана повествования на другой заметен синтез образов этих двух планов, находящий отражение в лексике.

Национальные наименования участвуют в образовании обоих временных планов, они пронизывают повествование, наполняют его образами, в которых отражается преемственность времени. Такую объединяющую роль выполняют сравнения, которые опираются на национальные образы. Так, храм архитектора Шакпака построен в местных традициях: "Неф напоминал гигантскую юрту, сверху из шанрака — солнечного окна — падал свет..." (с. 70).

Образ немощного, старого Елена, седлающего коня, заставляет вспомнить о былых днях, которые уже не вернутся: [Старик] порылся в обоих сундуках... перебрал сбрую и седла, которые лежали у входа, и наконец откуда-то из-под кошмы извлек старый, но, видать, еще крепкий нагрудник с накладками из медных, почерневших от времени пластинок. Надевая нагрудник на гнедка, он снисходительно улыбнулся, заметив, что старое боевое снаряжение слишком просторно коню. Возраст старика уже был не тот, поющей стрелой унеслась молодость, и никто не был виноват в том, что ездить теперь приходилось на кляче (с. 93).

В повестях С. Санбаева казахские наименования входят в систему средств, при помощи которых достигается построение произведения, в частности композиция с чередованием двух временных пластов. Национальная лексика в ее художественно-эстетической функции предстает в тесном взаимодействии с другими языковыми средствами, входя в целостную систему организации текста. Рассмотренные примеры являются наглядной иллюстрацией целенаправленного и целесообразного использования единиц национального языка в условиях художественного билингвизма.

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОГО И КАЗАХСКОГО ЯЗЫКОВ В РОМАНЕ Ч. АЙТМАТОВА «И ДОЛЬШЕ ВЕКА ДЛИТСЯ ДЕНЬ»

В современной советской многонациональной литературе заметное место занимает русскоязычное творчество национальных писателей. Как отмечает В.В. Иванов, "вопросы художественно-творческого билингвизма, т.е. исследование языка и стиля современных национальных писателей, пишущих на русском языке или переводящих свои произведения с родного языка на русский... представляют самостоятельный теоретический интерес и связаны с областью культуры русской речи в условиях двуязычия"[1].

Здесь рассматривается один из основных вопросов художественного билингвизма — взаимодействие русской и национальной лексики в тексте художественного произведения. Материалом исследования послужил роман Ч. Айтматова "И дольше века длится день (Буранный полустанок)", который представляет собой яркий образец современного билингвизма в области литературы[2].

В романе прежде всего обращает на себя внимание соединение соотносительных по смыслу русских и казахских фрагментов текста. Пословицы, поговорки, афоризмы, реплики персонажей, отдельные слова и выражения передаются как на русском, так и на казахском языке в рамках предложений и групп предложений вплоть до абзаца, например: ...не случайно сказано исстари: "Кюш атасын танымайды" (Сила отца не признает (с. 92); ...не зря сказано: плохой охотник мечтает об охоте, сидя дома (с. 165); — Но, знаешь, есть такой закон, дедами еще сказанный: мал иеси кудайдан. Это дело от бога. Так суждено. Именно твоим должен быть Каранар и именно ты его хозяином (Казангап Едигею, с. 47).

Уникальны по выразительности плачи, передающие высокую степень эмоционального напряжения: И тогда она начала свой плач, который и поныне вспоминают знающие люди:

— Мен ботасы олген боз мая, тулыбын келип искеген... (Я сирая верблюдица, пришедшая вдохнуть запах шкуры верблюжонка, набитого соломой (с. 75); ...причитая по сыну, превращенному в манкурта, Найман-Ана сказала в исступленном горе и отчаянии:

---

[1] *Иванов В.В.* Русский язык — язык межнационального общения народов СССР. — ВЯ, 1981, N 4, с. 9.

[2] См.: Новый мир, 1980, N 11.

"Когда память твою отторгли, когда голову твою, дитя мое, ужимали, как орех клещами, стягивая череп медленным воротом усыхающей кожи верблюжьей... — стало ли солнце, всем дарующее жизнь, для тебя ненавистным... светилом...?" (с. 68).

Ритмическое, мелодическое, смысловое своеобразие казахских и соответствующих им русских фрагментов текста, отдельных словосочетаний создает необходимую эстетическую основу восприятия романа, обусловливает возможность сохранения национальной языковой специфики и национального колорита.

В связи с этим в романе особенно важную роль играют переводы и пояснения автора, которые в одних случаях включаются непосредственно в ткань произведения, а в других — выносятся за рамки повествования в виде сносок и примечаний. И в тех и в других случаях авторские пояснения служат для раскрытия значений и внутренней формы отдельных казахских слов, тематически объединенных групп слов, устойчивых сочетаний и выражений. В сносках помимо этого содержатся указания на стилистическую окраску национальной лексики и дается дословный перевод фрагментов казахской речи, например: *Кокетай* — ласкательно-уменьшительное и в то же время снисходительное обращение (с. 23); Саган жол да жетпейди, саган жер да жетпейди!.. — Тебе и дороги не хватает, тебе и земли не хватает! (с. 174).

Авторские пояснения в сносках обычно кратки, лаконичны, носят справочный характер. В тексте они чаще всего пространны, входят непосредственной составной частью в повествование, сами являются его своеобразным стилистическим пластом. Ср., например, авторское объяснение слова *атан* в сноске[3]: Когда *атан, самец* пьянеет... (с. 81), и в тексте: ...Каранар оставался *атаном — в молодости Едигей его не кастрировал, а потом не стал трогать* (с. 9).

Как в сносках, так и в тексте казахская лексика объясняется двумя способами — через русский эквивалент (эквивалентное словосочетание) и описательно, при отсутствии русского эквивалента.

1. Безэквивалентная казахская лексика: *кайманча* — молодая верблюдица, *шубат* — кумыс из верблюжьего молока, *ширь* — сыромятная верблюжья кожа, *торкуны* — родственники по девичеству, *джаназа* — общая молитва в доме

[3] Написание и значение слов из казахского языка приводятся в редакции автора романа. Вопрос о соответствии авторских истолкований литературному казахскому языку выходит за рамки данного исследования и поэтому здесь не рассматривается.

умершего, *манкурт* — раб, не помнящий своего прошлого, *талгак* — потребность беременной женщины в особой на вкус еде, утоление некоего желания и др.

2. Казахская лексика, имеющая русские эквиваленты: *кумбез* — гробница, *тамам* — конец, *атан* — самец и др.

Наряду с лексикой, выполняющей в основном номинативную функцию, в романе активно функционирует эмоционально-экспрессивная лексика, с помощью которой персонажи выражают свои эмоции, настроение, отношение к окружающему. Экспрессивная казахская единица раскрывается в романе двумя способами:

1) при помощи перевода в сноске или в тексте без поддержки русских экспрессивных единиц: — *Сагындым, папикамды! Сагындым, сагындым!* — кричал Эрмек. (Сноска: *Истосковался, измучился в тоске* (с. 111); И все чаще приходили в голову мысли: а что, если сказать себе *"таубакель"* (*была не была*) и податься куда в город, а там как повезет (с. 38); До чего же ты дошел, *бечара* (*бедолага*), до чего же ты истаскался! (с. 147);

2) при поддержке русской экспрессивной единицы параллельного коннотативного поля, в том числе эквивалентной: — *Скотина! Хайван,* что ты, что твой верблюд! *Сволочь! Собака! Дурья голова!* (с. 131). В ряду бранных слов есть эквиваленты — *хайван, скотина.* Подобное построение фразы типично для условий двуязычия.

Пересечение лексики двух языков обусловлено ситуативно, тематически. Так, казахская лексика активно вводится в текст при описании быта, природы, привычек казахов, их прошлого, при передаче легенд и сказаний. В то же время части текста, связанные с описанием современных достижений науки, техники, космоса, передаются только монолингвистически — средствами русского языка.

Эффект двуязычия базируется на пересечении исконно русской лексики, активной русской лексики иноязычного происхождения, русской лексики тюркского происхождения и собственно казахской активной лексики. Так образуются тематически объединенные, функционально связанные ряды слов, например:

наименования одежды, пищи, напитков[4] — *шуба, полушубок* (общеслав.), *платьице* (из др.-рус.), *камзол без*

[4] Этимологические данные приводятся в соответствии со словарями: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964—1973, т. 1—4; *Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961; *Шипова Е.Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.

рукавов (из нем.), *шаровары* (укр. из тур.), *штаны из дубленой кожи* (из тюрк.), *треух* (собств. рус.), *папаха* (из тюрк.), *малахай* (из тюрк.); *мед* (общеслав.), *водка* (собств. рус.), *чай* (из тюрк.), *кумыс* (из тюрк.), *шубат* (каз.);

наименования верблюда, связанных с ним реалий, стада животных — *верблюд* (общеслав.), *самец* (общеслав.), *скороходка* (общеслав.), *нар* (каз.), *атан* (каз.), *атанша* (каз.), *атанча* (каз.), *кайманча* (каз.), *тайлак* (каз.), *сырттан* (каз.); *путы* (общеслав.), *седловище* (общеслав.), *вьюк* (др.-рус. из тур.), *аркан* (из тат.), *шишь* (из тюрк.), *стадо* (общеслав.), *гурт* (из польск.), *караван* (через франц. из перс.), *табун* (из тюрк.), *отара* (из тюрк.);

названия рыб — *жерех* (собств. рус.), *усач* (исконно рус.), *алтын мекре* (каз.) и параллельно — *золотой* (общеслав.) *мекре, тран* (тюрк.);

названия разновидностей волн — *буруны* (общеслав.), *ийрек толкуны* (каз. + рус. из общеслав.), *алабаши* (тюрк.) и параллельно — *штормовые волны;*

наименования певцов — *певец* (общеслав.), *поэт* (франц., нем.), *акын* (каз., азерб., тат.), *жырау* (каз.).

В том случае, когда в тематической группе отсутствует собственно казахский элемент, наблюдается активное употребление тюркизмов. Элементы каждой группы образуют функционально-текстовую лексическую микросистему. Казахский элемент микросистемы употребляется в одном ряду с русским эквивалентом, если таковой имеется (*атан — самец; алтын* мекре — *золотой* мекре), с эквивалентным словосочетанием (*алабаши — штормовые волны*), с родовым наименованием (*тран — рыба*), с видовым наименованием (*тран* — аральский *лещ*).

По мере употребления национальных лексических единиц происходит их постепенное, стилистически мотивированное текстовое освоение на лексико-семантическом, грамматическом и словообразовательном уровнях[5].

Освоению слова содействует его смысловая интерпретация, в том числе разъяснение внутренней формы наименования: Однажды она спросила его, какая из себя *рыба алтын мекре.*

Он сказал ей, что *это очень редкая рыба из осетровых... но достоинство ее больше в красоте — сама рыба синевато-крапчатая, а темя, плавники и хрящевой гребень на спине — от головы до кончика хвоста — как из чистого золота, дивно как*

[5] См.: *Крысин Л.П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968, с. 35—43.

светится золотым блеском. От этого и название имеет — алтын мекре, золотой мекре (с. 125)[6].

Освоение смысловой стороны слова происходит и за счет образной конкретизации, которая сопровождает понятийную: Скорее всего к вечеру или к ночи поднимутся *штормовые волны — алабаши, пестроголовые ревуны* (с. 128); Пошаливали *ийрек толкуны,* крутили лодку, потому они и *кривобокие, неверные, шаткие волны* (с. 127).

При повторном употреблении в тексте казахских слов дополнительных разъяснений к ним, как правило, не дается. Ср., например, употребление слов *таубакель* и *манкурт* на предшествующих и последующих страницах: И все чаще приходили в голову мысли: а что, если сказать себе "*таубакель*" (в сноске: *Таубакель — была не была*) (с. 38); *Таубакель!* ободрил он себя (с. 183); Тот, кто подвергался такой процедуре... превращался в *манкурта — раба, не помнящего своего прошлого* (с. 67); *Манкурт* долго молчал, глядя на погонщика (с. 69).

Смысловое освоение лексической единицы проявляется также в возможности появления контекстуального переносного значения: — *Манкурт* ты! Самый настоящий *манкурт!* — прошептал он в сердцах, ненавидя и жалея Сабитжана (с. 182). В контексте *манкурт — сын, не желающий помнить своего отца, заветов своих родителей;* Казангап называл его *аргамаком — скакуном чистых кровей.* То была высокая похвала — *аргамак Афанасий* (с. 166). (*Аргамак — настоящий человек — сильный, независимый, без страха, без фальши.*)

В возможности контекстуального объединения казахского и русского слов проявляется их лексико-семантическое освоение: *Шубат* и *водка* хорошо совмещаются, как пара добрых коней, идут в одной упряжке, повышают настроение человека (с. 22). Объединение лексических единиц двух языков служит в данном случае билингвистическим фундаментом сравнения.

Включением казахского элемента в русскоязычный текст достигается особый стилистический эффект: — ...господи, как только здесь люди могут жить?! ...А вот так и живут, у кого на сколько терпения хватает. Три года, от силы четыре продержится — и *делу тамам*: рассчитывается и уезжает куда подальше (с. 9).

Лексическое влияние национального языка на фразеологизм, слоговая и мелодическая аналогия содействуют адаптации

---

[6] См. об этом также: *Васильева И.Г.* Стилистическое своеобразие романа Ч. Айтматова "И дольше века длится день" как произведения советской интернациональной литературы. — РЯШ, 1981, N 5, с. 82.

окказионального билингвистического сочетания *делу тамам* в разговорном контексте. Ожидаемого рассогласования (стилистического контраста) не происходит. Напротив, в сочетании "русский + казахский" своеобразно проявляется закон стилистического согласования (контактное или дистантное соединение единиц с одинаковым стилистическим значением)[7], действующий в условиях двуязычия.

Лексико-семантическое освоение слова в тексте приводит к его грамматическому и словообразовательному освоению. Казахское слово, введенное в текст, осваиваясь грамматически, приобретает русские формы изменения: ...то, что испытывала беременная Укубала, было ее *талгаком* (с. 126); Едигей не удивлялся *талгаку* жены (там же); Каранар оставался *атаном* (с. 10); [Найман-Ана]... сказала, что поедет к своим *торкунам*... (с. 72).

Признаком словообразовательного освоения можно считать словообразовательную активность казахского элемента: *атан — атановская* (зрелость), *найман — найманское* (кладбище) и т.п. Освоенную в тексте казахскую лексику автор в ряде случаев использует для истолкования новой одноструктурной казахской единицы: *Атанша* — молоденький *атан*, молодой самец (с. 91).

Значительную роль в создании национального колорита в романе играет употребление собственных имен — казахских антропонимов, зоонимов, топонимов.

1. Казахские антропонимы и зоонимы. Мужские и женские собственные имена — казахские антропонимы свободно соседствуют в тексте с русскими: *Едигей Жангельдин, Казангап, Оспан, Шаймерден, Эдильбай, Айзада, Укубала, Сауле, Шарапат — Елизаров Афанасий Иванович, Чернов Андрей Петрович.*

Они легко соединяются с русскими суффиксами: черно-кудрый *Эрмечик* (с. 115). Их род обычно передается аналитическим путем: *бродячая певица* Бегимай, *знаменитый жирау* (с. 139); Абуталип посадил к себе на спину *младшенькую* Шарапат (с. 80); *Дочери* Едигея — Сауле и Шарапат (с. 80); *Сын мой* Жоламан (с. 78).

В романе наблюдается тенденция к разъяснению внутренней формы собственных имен. Авторские пояснения даются непосредственно в тексте или выносятся за его пределы — в сноски, например: Свою *Укубалу* Едигей называл в тот вечер только полным, расшифрованным именем *Уку баласы — дитё совы, совенок* (с. 95); в сноске: *Жоламан* — имя, обра-

[7] См. об этом: *Винокур Т.Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980, с. 223—226.

зованное от двух слов: *Жол* — путь, *аман* — здоровье; по смыслу — *будь здоров в пути* (с. 76).

В зооним *Каранар* полукалькирование позволяет определить мотивирующую единицу, которая становится ключевым эпитетом зоопортрета, главным средством образной характеристики Буранного Каранара: *Каранаром,* то есть *черным наром,* он назывался неспроста. Черная патлатая голова с черной, росшей до загривка мощной бородой, шея, понизу вся в черных космах, свисающих до колен густой дикой гривой — главное украшение самца, пара упругих горбов, возвышающихся, как черные башни, на спине. И в завершение всего черный кончик куцего хвоста (с. 18).

Зооним *Акмая — знаменитая белоголовая верблюдица Акмая* — антонимичен по внутренней форме зоониму *Каранар.* Он имеет русский аналог: Берите себе на подой нашу *Белоголовую.* Она верблюдица молодая, удойная... (с. 45).

Прозвища, имеющиеся в тексте, также обладают внутренней формой, которая в нужных случаях подробно разъясняется автором: *Буранный* Едигей, так прозывался он в округе, прослужив на разъезде Боранлы-Буранный от тех дней еще, как вернулся с войны... Крут он был, горяч — Буранным прозвали еще и потому, что характером был под стать тому (с. 17). Здесь раскрывается двойная мотивировка прозвища.

2. Текст романа богат т о п о н и м а м и. Ключевой топоним текста представляет собой соединение казахского и русского аналогов. Его билингвистическая сущность подчеркнута авторским комментарием: ...разъезд *Боранлы-Буранный,* и надпись висит двойная: *Боранлы* — по-казахски, *Буранный* — по-русски (с. 10).

Привычные для русских топонимы соседствуют с малоизвестными, в основном региональными, топонимами, каждый из которых сопровождается конкретным пояснением геообъекта через сочетание с номенклатурным именем[8]. Ср.: *Тихий океан, Алеутские острова, Сан-Франциско, Казахстан — Устюртское плато, Кумбель* (узловая станция), *станция Тогрек-Там, рыбацкий аул Жангельди, аул Бешегач,* песчаный красноватый обрыв *Малакумдычап* и др. Топонимические архаизмы, вытесненные в современном употреблении русскими топонимами, также сопровождаются уточнениями и пояснениями: ...двинулись к *Эдилю,* так называлась тогда *Волга* (с. 66); ...она принялась рассказывать о родине своей — о *яицких землях,* о та-

[8] См.: *Азарх Ю.С.* О грамматических и лингвогеографических различиях имен нарицательных и собственных с омонимичными суффиксами. — В кн.: Ономастика и грамматика. М., 1981, с. 5.

мошних травах, лесах и реках... (*Яицких* — от слова *"Жайык"* (*раздольная, широкая*), так казахи называли прежде реку *Урал*) (с. 136)[9].

Конкретизированная в тексте региональная топонимика создает пространственный фон, очерчивает географические рамки описываемых событий, например: *Лисохвостовая лощина, великие пустынные пространства — Сары-Озеки, Серединные земли желтых степей.*

Образные возможности употребляемых топонимов используются строго целенаправленно. Они призваны подчеркнуть удаленность, заброшенность описываемых мест, о которых в романе говорится так: "В этих краях любые расстояния измерялись применительно к железной дороге, как от Гринвичского меридиана..." Тенденция к раскрытию внутренней формы проявляется лишь в отношении основных и наиболее часто употребляющихся топонимов, например *Боранлы-Буранный*: Весь как есть, как на духу, открытый всем ветрам на свете, особенно зимним, когда цветут сарозекские вьюги, заваливая дома по окна сугробами, а железную дорогу холмами плотного мерзлого свея... Потому и назывался этот степной разъезд Боранлы-Буранный (с. 10).

Образная характеристика топонима, включающая цепочку фразеологизмов, метафоры и эпитеты, косвенно мотивирует производный антропоним — прозвище Едигея и производный зооним — прозвище Каранара. Так формируется внутритекстовая парадигма билингвистической лексической единицы *Боранлы-Буранный,* обладающей сложной смысловой структурой.

Национальные собственные имена, как и отмеченные ранее нарицательные слова, легко осваиваются в общей русскоязычной форме романа. Об этом свидетельствуют следующие факторы:

1) регулярное образование апеллятивов от имен собственных по действующим словообразовательным моделям современного русского языка: от антропонимов — *Едигей — едигеевский, Эдильбай — эдильбаевский, Казангап — казангаповский, Абуталип — абуталиповские* (ребята), *Баракбай — баракбаев* (род) и т.д.; от топонимов — *Боран-*

[9] На тюркское происхождение старого названия реки *Урал — Яик* указывает М. Фасмер. В числе тюркских аналогов им приводится казахское *Zajyk* (*Фасмер М.* Указ. соч., т. 4, с. 551—552). Ср.: "В 1775 г. Екатерина II, желая выкорчевать все, что напоминало о мятежных яицких казаках и вожде их Емельке Пугачеве, приказала переименовать реку Яик в Урал..." (*Матвеев А.К.* Географические названия на карте Урала: Краткий топонимический словарь. Свердловск, 1980, с. 261—262).

лы — боранлинцы, боранлинские, Сары-Озеки — сарозекцы, сарозекская (земля), *Ак-Мойнак — ак-мойнакцы, Бетпак-Дале — бетпак-далинские, Эдиль — приэдильская* (сторона) и т.д.

Апеллятив всегда употребляется после включения в текст соответствующего собственного имени. При поддержке языкового противопоставления "собственное имя — апеллятив" он легко подключается к апеллятивам современного русского языка, приобретает русские формы словоизменения;

2) широкое использование образных возможностей собственных имен. В ряде случаев собственное имя употребляется в тексте в обобщенном значении: ...не положено каждому встречному *Маркынбаю-Шайкымбаю* руку совать (с. 24). Звуковой повтор (ср. рус. *встречный-поперечный*) усиливает экспрессивность лексической единицы.

Переход от собственного имени к нарицательному "выражается в символизации собственного имени, которое понимается прежде всего как воплощение определенных особенностей персонажа"[10] и связанной с ним идеи: Вот такой он был *Казангап*. Теперь таких не сыщешь. Нет теперь *Казангапов*. Последнего везут хоронить (с. 51). Употребление множественного числа способствует особому осмыслению имени собственного как обобщенной номинации.

Употребление имени известного писателя по отношению к персонажу романа приводит к переосмыслению устойчивых ассоциаций и возникновению иронии: Новый *Мухтар Ауэзов* объявился. Подумаешь, писатель феодальной старины (с. 102).

Разъяснение внутренней формы собственных имен также является одним из способов раскрытия их образных возможностей, что способствует дальнейшему употреблению имен в тексте как мотивированных и освоенных читателем, ср.: Ты откуда, а? Откуда бежишь? А как звать тебя? *Арстан? Жолбарс? Борибасар?* (в сноске — *лев, тигр, волкодав*) (с. 35); *рыжий пес Жолбарс* (с. 51); *То место, где была похоронена Найман-Ана, стало называться в сарозеках кладбищем Ана-Бейит — Материнским упокоем* (с. 78), на последующих страницах — *кладбище Ана-Бейит.*

Оживление внутренней формы казахских собственных имен — одно из средств поэтизации повествования, например зооним *Доненбай* — птица, летающая в сарозеках по ночам, поэтизирует прошлое, сближает прошлое с настоящим: *...упал с головы ее белый платок, который превратился в воздухе*

[10] *Кожевникова Н.А.* Заметки о собственных именах в прозе Андрея Белого. — В кн.: Ономастика и грамматика, с. 232.

в птицу и полетел с криком: "Вспомни, чей ты? Как твое имя? Твой отец Доненбай! Доненбай! Доненебай!"

С тех пор, говорят, стала летать в сарозеках по ночам птица Доненбай (с. 78).

Следует отметить, что образ летящей птицы вообще характерен для произведений Ч. Айтматова[11]. Он как бы определяет творческую индивидуальность автора на уровне художественных образов в произведениях с различными национальными основами. Ч. Айтматов считает, что для него "птица, летящая высоко в небе, связывает прошлое, настоящее и будущее... А кроме того, птица — и точка зрения... Она дает возможность (или предполагает такую возможность)... посмотреть на происходящие события шире, развернуть их в пространстве и во времени..."[12].

В романе "И дольше века длится день" образ летящей птицы получает дальнейшее идейно-эстетическое развитие. Он служит идейно-поэтической основой главной нравственной линии, на одном полюсе которой "Казангапы" — "люди, на которых земля держится" — Едигей, Казангап, Абуталип, на другом — "манкурты", отступившие от нравственных устоев народа, — Сабитжан, Тансыкбаев, "кречетоглазый".

Крик летящей птицы Доненбай — это последний предсмертный крик матери, завещавшей сыну не забывать своего рода-племени: "Вспомни, чей ты? Как твое имя? Твой отец Доненбай!" (с. 185). Недаром Едигей в упор спрашивает Тансыкбаева, равнодушно и даже высокомерно сообщавшего о решении ликвидировать легендарное кладбище Ана-Бейит: "Слушай, а кто твой отец?.. не должен ты говорить нам о том, о чем должен был сказать там, где задумали уничтожить наше кладбище. Или твои отцы не умирали, или ты сам никогда не умрешь?" (с. 174).

Крик птицы Доненбай — это символ извечного завета предков, их наказ-заклинание живущим поколениям — хранить принадлежность к своему народу, беречь его традиции, его духовное богатство.

Таким образом, в романе Ч. Айтматова "И дольше века длится день", написанном на русском языке, сохраняется национальная казахская специфика не только в области общего национального колорита, но и в области языка. Это в значительной степени достигается характером употребления национальной лексики, пословиц, поговорок, легенд и их авторским переводом, истолкованием.

[11] См. об этом: *Михайловская Н.Г.* О художественном билингвизме в советской литературе. — Изв. АН СССР, сер. лит. и яз. 1981, т. 40, N 2, с. 107.

[12] Цит. по указанной статье Н.Г. Михайловской.

Авторские переводы и истолкования национальной лексики, включенные непосредственно в ткань произведения или вынесенные в сноски, являются предпосылкой, основанием для дальнейшего употребления казахской лексики с последующим освоением ее в русскоязыковой среде текста. Лексико-смысловое, грамматическое, словообразовательное освоение казахской лексики в тексте создает психолингвистическую основу для восприятия лексического двуязычия, рассчитанного на читателя, для которого русский язык является средством межнационального общения.

В раскрытии и оживлении внутренней формы казахских слов получило дальнейшее развитие творческое своеобразие стиля Ч. Айтматова. Речевая структура словесных образов, построенных им в соответствии с действующими семантическими моделями, в том числе образ летящей птицы, характерный для творческой манеры Ч. Айтматова, наполнена в романе специфически национальным, индивидуально-образным, философско-познавательным содержанием, производящим глубокое эмоциональное воздействие на читателя.

РАЗДЕЛ IV

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ В РУССКОЙ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ ШКОЛ И ВУЗОВ

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРЫ РУССКОЙ РЕЧИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ШКОЛА

Активизация разработки вопросов культуры русской речи применительно к задачам преподавания и изучения русского языка в национальной школе обусловлена прежде всего совершенствованием общественных функций русского языка в период формирования и расцвета социалистических наций, расширением круга носителей русского языка в его литературной форме, укреплением его коммуникативной функции в нашем многонациональном обществе.

Поскольку знание русского языка всеми гражданами СССР стало жизненно необходимым, перед советской общеобразовательной и профессиональной школой поставлена важная актуальная задача: "Принять дополнительные меры по улучшению условий для изучения наряду с родным языком русского языка, добровольно принятого советскими людьми в качестве средства межнационального общения. Свободное владение русским языком должно стать нормой для молодежи, оканчивающей средние учебные заведения"[1].

Свободное владение языком, само собой разумеется, предполагает достижение определенного уровня культуры речи. Речевая культура в нашем многонациональном государстве рассматривается как составная часть советской социалистической культуры, поэтому "необходимо найти пути для того, чтобы язык, понятный для всего общества и единый для всех его членов, мог наилучшим образом осуществлять свои задачи как орудие общения, как орудие развития общества"[2].

Изучение русского языка учащимися национальных школ происходит в условиях национально-русского двуязычия, в каждом конкретном языковом регионе страны, характери-

[1] Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы. — Правда, 1984, 14 апр., с. 3.

[2] *Ожегов С.И.* Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974, с. 257.

зующемся своими особенностями (общественно-историческими, этнографическими, лингвистическими и др.), которые в известной мере влияют на степень владения русским языком всего нерусского населения данного региона в целом, вносят своеобразие в решение национальной школой задач по совершенствованию двуязычия и максимального приближения его к гармоническому национально-русскому билингвизму. Однако, несмотря на эти особенности, поскольку единственной формой существования русского языка в качестве средства межнационального общения должен выступать литературный русский язык, требования к культуре русской речи учащихся национальных школ повсеместно должны быть одинаковыми (разумеется, их следует дифференцировать в зависимости от этапа обучения).

Под культурой русской речи применительно к двуязычному населению национальных республик также следует понимать "владение нормами устного и письменного литературного языка (правилами произношения, ударения, грамматики, словоупотребления и др.)... умение использовать выразительные языковые средства в разных условиях общения в соответствии с целями и содержанием речи"[3]. Знание и владение литературными нормами обязательно для всех, кто говорит и пишет на русском языке. Конечно, разговорная речь двуязычного населения имеет свои особенности, для нее характерны стихийные переходы от одной языковой системы к другой, и тем не менее у нас нет оснований отрицать, выражаясь словами А.М. Пешковского, "существование языкового идеала у говорящих", "их стремления так или иначе нормировать свою речь", естественную потребность собеседников говорить правильно и ясно. "Наш собеседник может говорить плохо, худосочно, неизобразительно, растянуто, неточно даже — мы со всем этим будем мириться. Но если он будет говорить непонятно, мы просто прекратим разговор"[4].

Основная задача национальной школы в области русского языка — научить учащихся общению на русском литературном языке, привить им навыки правильного говорения и письма.

Правомерно ли говорить о культуре русской речи учащихся национальной школы? До сих пор бытует представление о том, что о культуре русской речи следует заботиться тогда, когда человек уже овладел языком; формирование речевой культуры понимается как совершенствование знаний о русском языке, как

[3] Русский язык: Энциклопедия. М., 1979, с. 119.

[4] *Пешковский А.М.* Объективная и нормативная точка зрения на язык. — В кн.: Пешковский А.М. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика: Сб. статей. М.; Л., 1925, с. 115.

высший этап владения языком. Такой взгляд на проблему не учитывает динамику развития человеческого познания.

Учащийся, знакомясь с новой для него языковой системой, должен воспринимать ее не механически, а каждый элемент ее — изолированно, но стараться уловить общие закономерности системы, теоретически обобщая всякий раз полученные знания, суммируя их и сверяя с речевой практикой. "От живого созерцания, — учит В.И. Ленин, — к абстрактному мышлению *и от него к практике* — таков диалектический путь познания *истины,* познания объективной реальности"[5]. В данном случае объективной реальностью является изучаемый русский язык.

Речь идет о принципиальной постановке вопроса: изучая язык, одновременно и органически усваивать "его законы и обычаи", ставить задачи обучения русскому языку в непосредственной и неразрывной связи с формированием русской речевой культуры в двуязычной среде. На пути успешного осуществления этой задачи перед национальной школой встают большие трудности как теоретического, так и практического порядка.

В самом деле, с одной стороны, современная лингводидактика видит основную цель обучения русскому языку в средней национальной школе в том, чтобы "обеспечить овладение им в такой степени, чтобы учащиеся могли свободно общаться на русском языке в устной и письменной форме, читать и понимать художественную, научно-популярную и общественно-политическую литературу на русском языке"[6]. С другой стороны, современная лингводидактика ориентирует национальную школу на усвоение стилистически нейтральных базисных грамматических и лексических средств (лексический, грамматический и другие минимумы).

Между поставленными перед национальной школой целями и задачами в области обучения русскому языку и предлагаемыми для их реализации средствами обнаруживается существенная неадекватность. При той языковой ориентации, которая содержится в типовых школьных программах, учащиеся вряд ли смогут свободно общаться на русском языке и тем более читать художественную литературу различных жанров. Практика показывает, что многие учащиеся национальных школ с трудом строят фразы при ответах, не всегда понимают вопросы, с большим затруднением входят в общение на русском языке.

Национальная школа в недостаточной мере обеспечивается

[5] *Ленин В.И.* Философские тетради. — Полн. собр. соч., т. 29, с. 152—153.

[6] Типовая программа по русскому языку для национальной средней школы (1—10 классы). М., 1980, с. 2.

необходимыми "инструментами языкового познания". Изучение русского литературного языка, вероятно, должно осуществляться на одном языковом материале, который непременно включает в себя весь комплекс языковых и речевых средств, способствующих воспитанию культуры русской речи в иноязычной среде.

Задача научения учащихся национальной школы культуре речи, т.е. нормам произношения, ударения, словоупотребления, правильному конструированию высказываний, а также умению пользоваться точными и изобразительными средствами языка аналогична той же задаче в русской школе, но решаются они, разумеется, по-разному. Если русские учащиеся получают в школе системные представления об основах науки о русском языке, одновременно совершенствуя свою речь, стихийно приобретая многие языковые и речевые навыки через постоянную речевую домашнюю и общественную практику (общение в быту, в школе; кино, радио, телевидение; чтение и т.д.); то учащиеся национальных школ учатся говорить и писать на русском языке, знакомясь с научными сведениями о нем в той мере, в какой это содействует овладению ими русской речью. При усвоении русского языка они пользуются умениями и навыками, выработанными на базе родного языка. Успешному обучению русскому языку в огромной степени содействует наличие активной языковой среды в той местности, где расположена школа. Обучение русскому языку, культуре русской речи непосредственно связано с общественной речевой практикой, с совершенствованием типа двуязычия в национальной среде. Этим в определенной мере обусловлен и выбор методов обучения русскому языку в национальной школе на каждом ее конкретном этапе (начиная с детского сада).

Обучение культуре русской речи зависит не только от квалификации учителя русского языка национальной школы, но и от знания им закономерностей взаимодействия национального и русского языков и культур в условиях национально-русского билингвизма, от понимания психологических основ формирования двуязычия у школьников.

Все логико-мыслительные операции ученик национальной школы (мы не имеем в виду ребенка из двуязычной семьи) осуществляет на своем родном языке. Замысел высказывания оформляется на родном языке учащегося, а реализуется высказывание путем перевода с родного языка на русский. Насколько это высказывание будет позитивным с точки зрения культуры русской речи, зависит не только от знания учеником грамматических правил, от его орфоэпических навыков и словарного запаса, но и от правильного соотнесения элементов системы

понятий родного и русского языков[7], находящего свое лингвистическое выражение в точной лексической сочетаемости слов в высказывании. Когда ученик отождествляет систему понятий родного и русского языков, то в его высказывании неизбежны ошибки, в основе которых лежит ложная индентификация значений, смешение внутренних форм слов, например: Мы *жестоко* подружились. Ср. фин.: *Крепко, строго, жестоко, очень* — kovasti.

При обучении русскому языку, культуре русской речи важное значение приобретают наглядность в представлении языковых и речевых фактов, целесообразное сравнение их с фактами родного языка и речи, точная соотнесенность их с национальными и русскими реалиями. Организовать такое обучение способен учитель, в совершенстве владеющий национальным и русским языками.

Большую роль в формировании русской речевой культуры в национальной школе призван сыграть учебник русского языка, который, отвечая современным требованиям русской лингводидактики, все более становится действительно обучающей книгой. Несмотря на то что в последнее время в лингвометодической литературе все настойчивее и чаще пишут о том, что обучение русскому языку в национальной школе страдает существенным недостатком — отрывом теоретических занятий от практических задач обучения русской речи, некоторые учебники русского языка для национальной школы продолжают оставаться пособиями, содержащими последовательное изложение правил русской грамматики. Так, в учебнике "Русский язык. Учебное пособие для VI—VII классов молдавской школы" (авторы — А.К. Аджигирей, А.С. Баркарь, А.Г. Скурту) насчитывается более 130 правил относительно правописания, особенностей словообразования, склонения различных частей речи русского языка, спряжения глаголов, а связные тексты и упражнения в основном рассчитаны на обучение правильному письму. Даже заключительные и обобщающие упражнения носят орфографический характер: "Спишите. Раскройте скобки. Объясните правописание частиц и приставок". С другой стороны, некоторые учебники "смело" призывают учащихся, еще не овладевших навыками живой спонтанной речи, думать на русском языке: "Рассмотрите картинку. Подумайте про себя по-русски..."[8].

---

[7] См.: *Щерба Л.В.* К вопросу о двуязычии. — В кн.: Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974, с. 316.

[8] *Бедалов Ч., Мамедов Г.* Русский язык: Учебное пособие для 6 класса азербайджанской школы. Баку, 1975, с. 139.

Взаимосвязь между внутренней и внешней речью, исследованную нашими психологами речи[9] применительно к порождению речи на родном языке, вряд ли целесообразно переносить в область порождения речи на чужом языке, где отмечаются, как совершенно очевидно, иные закономерности.

Следует отметить также, что еще не найдена единая структура подачи языкового и речевого материала в учебниках русского языка для национальной школы. Определенное место в каждом учебнике занимают правила, носящие нормативный характер, отражающие специфику русского словоупотребления и пунктуации. Речевой материал — тексты — дается как приложение, иллюстрации к тому или иному правилу. Например, предлагается тема "Подлежащее и сказуемое — главные члены предложения" — "§ 1. Согласование сказуемого с подлежащим". Учебник представляет правила, таблицы, упражнения на перевод и т.д., а затем в конце параграфа дается связный текст "Овладевайте знаниями" — и так последовательно по всему курсу[10].

В некоторых учебниках связные тексты (подобранные для решения задач воспитательного и культуроведческого плана) помещены в начале параграфа перед изложением грамматического материала, например: "§ 1. С чего начинается Родина. Слова М. Матусовского, музыка В. Баснера. Родительный падеж единственного числа прилагательных... § 9. Верность. С. Островой. Прошедшее время глагола"[11] и т.д. Здесь 39 параграфов и 39 связных текстов, 39 грамматических тем, 10 текстов на повторение пройденного.

Вероятно, нецелесообразно на каждую грамматическую тему ориентировать каждый раз новый текст (можно, разумеется, подобрать такой текст, где наличествовал бы материал для изучения сразу нескольких языковых фактов), и тем более нецелесообразно обременять восприятие учащимися особо значимых в нравственно-художественном отношении текстов тяжело усваиваемым грамматическим анализом.

В практике составления учебников русского языка для учащихся национальных школ находят воплощение и другие подходы к подаче языкового (грамматического) и речевого материала (по развитию речи). Так, учебник русского языка

---

[9] См., например: *Выготский Л.С.* Избранные психологические исследования: Мышление и речь. М., 1956.

[10] *Бейкмане Э.А., Инфантьев Б.Ф.* Русское слово: Учебник для VIII класса с латышским языком обучения. Рига, 1973.

[11] *Бейкмане Э.А. Инфантьев Б.Ф., Малькова В.А., Марауска Л.М.* Русская речь: Учебник для VII класса с латышским языком обучения. Рига, 1974.

для грузинской школы[12] включает 22 текста — отрывки из произведений русских писателей (с краткой биографической справкой), картинки по развитию речи (или фотографии), отдел грамматики (грамматический материал о частях речи) и русско-грузинский словарик.

Однако такие различия в подаче грамматического и речевого материала принципиально ничего не меняют: каждый учитель волен начать или с изучения текстов, или с изучения грамматических правил и потом уж перейти к анализу текста. Суть дела в том, что перед национальной школой стоит задача внедрения естественной русской речи в школьную практику, увеличения крена в сторону обучения детей устной диалогической речи, привития навыков быстрой ориентации в использовании тех или иных речевых средств в зависимости от ситуации высказывания. Отсюда следует, что принципы изложения материала в учебниках должны претерпеть изменения. Известно, что диалогическая речь шире и чаще используется в речевом общении, по своему языковому стилю она резко отличается от книжно-письменной речи, ей в большей степени сопутствуют различные экстралингвистические средства (мимика, жесты). Диалогическая речь отличается своей неподготовленностью, ситуативностью, и в этом плане для нее характерны словосочетания, отличные от используемых в книжно-письменной речи, эмоционально окрашенные слова и выражения, вопросительные синтаксические конструкции, междометные слова и проч. Особые синтаксические и лексические средства выступают для связи отдельных элементов диалогического высказывания и т.д.

Таким образом, с одной стороны, естественное, творческое общение требует от ученика национальной школы знакомства, "ориентации" в живой разговорной речи, с другой — школа взяла на себя долг обучать детей нормированному общеупотребительному литературному языку, а закреплению норм языка способствует его письменная форма. В свое время акад. Л.В. Щерба считал, что "в основе литературного языка лежит монолог, рассказ, противополагаемый диалогу — разговорной речи". Диалог Л.В. Щерба характеризовал как "цепь реплик", а монолог — как "организованную систему облеченных в словесную форму мыслей", "как зачаток литературного произведения"[13].

---

[12] *Авалишвили В.Г., Георгобиане Т.Г., Беридзе Н.З.* Русский язык: Учебник для VII класса грузинской школы. Тбилиси, 1974.

[13] *Щерба Л.В.* Современный русский литературный язык: Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 115.

Ф.П. Филин, считая, что такой подход к определению русского литературного языка является субъективным, справедливо указывал, что "язык литературных произведений и литературный язык (тем более включая его разговорную разновидность) не одно и то же"[14]. Ф.П. Филин выделяет несколько особенностей, характеризующих литературный национальный язык (т.е. признаков, определяющих русский язык в статусе литературного): «1. Обработанность, упорядоченность литературного языка по сравнению с другими разновидностями национального языка... 2. Нормативность, узаконенная обществом (обычно кодифицированная), которая охватывает и все богатство вариантов (многообразные средства выражения "одного и того же" соотнесены друг с другом, зависят друг от друга, будь они нейтральными или стилистически окрашенными). 3. Стабильность, непрерывность традиции... 4. Обязательность для всех членов коллектива, владеющего литературным языком, его наддиалектность, ведущая роль в системе разновидностей национального языка. 5. Развитая стилистическая дифференциация, при которой одни стили дополняют друг друга, допускают взаимопроникновение (умелое перенесение средств одного стиля в другой создает богатые возможности изобразительной речи). 6. Универсальность, т.е. обслуживание всех сфер общения и выражения (производства, общественно-политической и культурной жизни, науки, быта, субъективных переживаний и т.п.). 7. Наличие устной и письменной разновидности, взаимосвязанных и дополняющих друг друга»[15]. Поэтому, когда мы говорим о том, что национальная школа должна обучать учащихся общеупотребительному литературному русскому языку, необходимо в основе лингводидактической теории обучения этому языку видеть те главные его признаки, о которых пишет Ф.П. Филин, т.е. русский язык как предмет изучения в национальной школе — это русский нормированный, кодифицированный язык со всем богатством его вариантов, стилистической дифференциацией.

Важно также иметь в виду и то, что устная и письменная разновидности русского общеупотребительного литературного языка взаимосвязаны и всегда дополняют друг друга. Если монологическая речь более продуманная, синтаксически более организованная, то в устной диалогической речи большую смыслоразличительную роль играют ударение, интонация, т.е. всевозможные интонационные средства. Поэтому национальная

[14] *Филин Ф.П.* Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981, с. 170.

[15] Там же, с. 175—176.

школа стоит перед проблемой — найти разумный и целесообразный "водораздел" между обучением школьников устной диалогической речи (для решения коммуникативных задач) и монологической (в большей степени нормированной) с целью привития учащимся культурно-речевых навыков. Этот "водораздел" должен быть найден и в учебнике русского языка, и во всем учебно-дидактическом материале (тексты, упражнения, тренировочные задания, лингафонные разработки, аудиовизуальные пособия и др.), чтобы учитель мог использовать его как инструмент развития русской устной речи и формирования письменных навыков.

В большинстве учебников русского языка, действующих в национальной школе, доминируют упражнения письменного характера: "Спишите. Вместо точек вставьте нужные буквы. Объясните их написание"; "Спишите предложения, устно объясните правописание глаголов". Совершенно отсутствуют в учебниках задания: "Прослушайте текст... Повторяйте вслед за учителем... Расскажите друг другу..." Образцовое чтение текста, многократно услышанная синтаксическая конструкция, словосочетание, образное выражение — аудирование — необходимый инструмент в формировании культурно-речевых навыков. В учебниках крайне мало упражнений по развитию речи. Отсутствуют образцы диалогов, максимально приближенных к условиям естественной коммуникации.

. В учебниках мало внимания уделяется работе над словом (толкование слова, его семантизация, уместность и ситуативность употребления, сочетаемость его с другими словами, возможность замены синонимом, подбор антонима, показ образцового художественного контекста, в котором это слово применено писателем, и т.д.). Между тем словарная работа имеет неоценимое значение в воспитании культурно-речевых навыков. Она развивает живой интерес учащихся к русскому слову, к его образности и точности в употреблении. Во время проведения словарной работы учителю нужно иметь при себе различные словари: орфографический, толковый, синонимов, трудных случаев словоупотребления и т.п. Учебник русского языка, на наш взгляд, может предусматривать увлекательные задания по словарю, ориентировать учителя и учащихся в проведении словарной работы, образно выражаясь, организовывать с учащимися "путешествия" по словарным статьям, по "вселенной в алфавитном порядке", по выражению А. Франса.

Огромным достижением современной методики и лингводидактики следует считать взятый на вооружение советской школой исследовательский принцип изучения языка: ученик на уроке — это юный исследователь, который с помощью

учителя и книги постоянно совершает для себя открытия, самостоятельно ищет и находит объяснения языковым фактам, доступным для его понимания и накопленного практического опыта, утверждая тем самым активность и самостоятельность собственного познания.

Однако учебник хорош тогда, когда он постоянно возбуждает интерес у ученика к изучению предмета, когда он "ведет" ученика, чуть-чуть помогая ему, подталкивая, и никогда не ставит в тупик перед речевым фактом. К таким учебникам можно отнести, например, учебник русского языка для финских учащихся[16], — открывающийся цветной картой СССР, на которой обозначены союзные республики, их столицы и крупные города нашей Родины. Книга включает в себя 13 уроков. Каждый урок начинается с текста (во всех словах проставлены ударения). Тексты подобраны по тематическому принципу: 1. Акула (по Л.Н. Толстому). 2. Незабываемая мелодия (рассказ о П.И. Чайковском). 3. Библиотека им. В.И. Ленина. 4. Герои Тихого океана (очерк о Зиганшине, Поплавском, Крючковском и Федотове). 5. Как я покупал собаку. 6. Старик и гора. 7.8.9. Путешествие по республикам Советского Союза. 10. Домм-музей Л.Н. Толстого в Москве. 11. Лыжный поход. 12. Вечером. 13. Максимка (по Станюковичу), стихи русских и советских поэтов, песни народов советских республик. В конце учебника помещены таблицы, список русских имен, поурочный и алфавитный словари.

После каждого учебного связного текста следуют задания к нему. Так, к тексту "Акула" предлагаются 11 заданий, среди них: "1. Запомни значение словосочетаний. Составь с ними предложения. 2а. Прочитай предложения. Обрати внимание на употребление предлога *от* при глаголе *отставить — отстать*. 2б. Посмотри на рисунки и построй предложения по образцу. 3. Дополни предложения, употребляя данные словосочетания. 4. Подбери антонимы к словосочетаниям, составь с ними предложения. 5. Прикажи товарищу прыгать, не отставать, вернуться" и т.д. За заданиями к тексту следуют различные упражнения на правильное употребление слов, завершение определенных синтаксических конструкций и т.д. В урок входят еще два небольших связных текста и задания к ним. Заканчивается урок рядом интересных схематических рисунков на тему "Воскресная прогулка".

Большое внимание в этом учебнике уделено работе над многозначными словами, над употреблением одного и того же

[16] Angelina Björkbacka: Venäjän kielen peruskurssi 5 Laaja oppijakso. Otava, 1975.

слова в разных значениях, в различных речевых ситуациях, работе над синонимией, над формированием умений самому составить диалог и инсценировать его. Особое место в учебнике занимают задания словообразовательного характера. Таким образом, весь материал учебника направлен на развитие живой разговорной речи учащихся, на "провоцирование" их речевой деятельности в различных жизненных ситуациях.

В учебнике не дано ни одного грамматического правила, вместо них даются речевые образцы и модели. Во многих случаях для толкования того или иного значения морфемы, слова, словосочетания автор прибегает к рисункам, например: "Посмотри на рисунки, объясни значение приставок" (рисунки: мама нарезала хлеб, Нина разрезала торт на куски, Коля отрезал кусок хлеба, Петя обрезал палец). Учебник продуман и построен так, что грамматика незримо входит составным элементом в каждое упражнение, задание, текст. В этом мы видим особенности практического научения русскому языку, русской языковой коммуникации.

Знакомство с основами русской речевой культуры предполагает ознакомление с разновидностями и жанрами устной и письменной речи. При овладении русским языком как средством межнационального общения многие аспекты его изучения подсказываются общественными потребностями его применения. Так,нерусский инженер, работающий на крупном советском предприятии (скажем, на заводе им.И.А. Лихачева, где представлены 47 национальностей), по-видимому, должен быть знаком с русской профессиональной лексикой и технической терминологией. И он, конечно, получает соответствующие знания в вузе и пополняет их в непосредственном общении с русской речевой средой. Однако уже в национальной школе учащийся не может быть не ознакомлен со стилевыми и жанровыми разновидностями русской речи. Между тем лишь немногие учебники содержат такой целенаправленный учебно-дидактический материал, но при этом ограничиваются задачей обучения наиболее употребительным видам деловой письменности при изучении ряда программных тем. Например, учебник русского языка для азербайджанской школы[17] и пособие для учителей[18] ориентируют учителя в процессе работы над сочетаниями прилагательных (местоимений-прилагательных) с существительными на знакомство учащихся с образцами письма для ведения переписки с учащимися других братских республик.

[17] *Бедалов Ч., Мамедов Г.* Указ. соч.

[18] См.: *Бедалов Ч.А., Мамедов Г.Г.* Уроки русского языка в 6 классе азербайджанской школы: Пособие для учителя. Баку, 1977, с. 18.

При изучении других программных тем авторы рекомендуют знакомить учащихся с различными образцами деловой письменности (телеграмма, заявление, расписка, доверенность, краткий отчет о работе в школьной мастерской и др.).

Поскольку учащиеся национальной школы знакомятся с произведениями русской классической и современной советской литературы (особенно в старших классах) и от них школа требует умения "понимать художественную и общественно-политическую литературу на русском языке" (см. Типовую программу, сноска 6), то, следовательно, учащихся необходимо знакомить и с разновидностями русской лексики (диалектная, профессиональная, терминологическая, жаргонная — с точки зрения сферы употребления; книжная и разговорная — с экспрессивно-стилистической точки зрения; устаревшие и новые слова — с точки зрения активного и пассивного словарного запаса). Так, если в старших классах учащиеся национальной школы знакомятся с произведениями М.А. Шолохова, то к этому времени, видимо, у них должно иметься представление о диалектных, местных словах. Если не обратить на это внимание, то учащиеся воспримут диалектизмы шолоховских произведений как вполне литературные русские слова.

Учебная ориентация на базисный русский язык, включающий в себя основной инвентарь стилистически нейтральных грамматических и лексических средств, дающих непосредственное представление о языке как системе, как о некоем языковом эталоне, на продвинутом этапе обучения русскому языку и практической русской речи оказывается недостаточной. При существовании базисного русского языка мы не можем, к сожалению, утверждать существование базисной русской речи. А.М. Пешковский говорил: «Вопрос "Вы кофе или чай?" имеет в устах хозяйки одно значение, в устах встретившихся в магазине знакомых, делающих закупки, — другое, в устах лекторов по технологии, распределяющих между собой лекции о культурных растениях, — третье и т.д., и т.д., и все это мгновенно без малейшего усилия понимается благодаря общей обстановке и общему опыту»[19]. С этой точки зрения одна и та же грамматически правильная модель может в устной речи восприниматься слушателями по-разному.

Таким образом, знакомство с "ассортиментом" русских речевых средств, со способами выражения мыслей на русском языке неизбежно предполагает знакомство с многозначностью высказываний, с речевой ситуацией. И здесь важнее не знание

[19] *Пешковский А.М.* Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика: Сб. статей. М.; Л., 1925, с. 117.

общей теории языка, тех факторов, которые хорошо иллюстрируют особенности языка как системы вне зависимости от ее употребительности, а, напротив, выработка правильного стереотипа в использовании языковых средств, в овладении новыми речевыми способами приема и передачи информации. И это обучение необходимо иметь в виду с начального этапа овладения языком.

Рамки данной работы не позволяют осветить многие лингводидактические вопросы начального обучения в плане воспитания культурно-речевых навыков и сказать более или менее широко о главном инструменте этого воспитания — учебнике русского языка для национальной школы.

Что касается путей совершенствования учебников для начальной школы, то они могут быть продуктивными в направлении устранения некоторых недостатков: лексической многоплановости, наличия в одном параграфе лексики, относящейся к разным лексическим пластам; нейтральности текстов для упражнений и других видов работ, не учитывающих воспитательной роли русского языка для учащихся национальных школ. Эти недостатки нуждаются в устранении в первую очередь (они характерны для учебников по русскому языку для начальных киргизских, таджикских, азербайджанских, узбекских школ).

Учебники для национальной школы в равной мере используются как в городских, так и в сельских условиях. Между тем наличие русской естественной речевой среды в городах (особенно в крупных) и, напротив, отсутствие таковой в сельской местности требуют дифференцированного подхода к созданию учебников и учебных пособий для городских и сельских школ. Во всяком случае, в учебнике целесообразно предусмотреть дополнительные упражнения и задания и текстовой материал по созданию определенных речевых ситуаций, восполняющих отсутствие естественной речевой среды.

Остаются нерешенными многие проблемы развития русской речи учащихся национальных средних специальных учебных заведений, техникумов, педагогических училищ[20]. В некоторых республиках отсутствуют специальные учебники по русскому языку для этого звена (или только начинают создаваться). Изучение русской литературы во многих педучилищах (скажем, Азербайджана) осуществляется на родном языке. Почти не внедряются в педагогическую практику педучилищ лингафонные

[20] В среднем в каждой союзной республике функционируют 8—9 педагогических училищ, прием абитуриентов в которые осуществляется на базе 8-х и 10-х классов.

кабинеты, учебное кино, недостаточно используются аудиовизуальные средства обучения.

Отсутствие современных учебников, соответствующих духу времени и последним научным достижениям, является одной из важнейших причин низкого уровня знаний русского языка, и этот недостаток тем более дает о себе знать именно сейчас, когда жизнь поставила перед национальной школой сложную, но вполне разрешимую задачу формирования культурно-речевых навыков в условиях национально-русского билингвизма.

Лингвисты могут оказать национальной школе помощь и содействие в решении проблемы "Культура русской речи в условиях билингвизма". В первую очередь эта помощь может быть реализована в создании пособий справочного характера по тем или иным грамматическим категориям, которые, будучи специфическими для русского языка, вызывают неизбежные трудности у учащихся национальных школ (грамматические категории рода, одушевленности и неодушевленности, глагольный вид, Sin. — Pl. tantum и др.), в издании словарей орфографических, орфоэпических, толковых[21], словарей лексической сочетаемости, школьных фразеологических словарей[22] и других изданий. Национальная школа нуждается также в фонохрестоматийных справочных пособиях, в специальных книгах для внеклассного чтения, в школьных переводных терминологических словарях, в научно-популярной литературе на русском языке для старшеклассников.

О НАРУШЕНИЯХ ЛЕКСИЧЕСКИХ НОРМ В РУССКОЙ РЕЧИ УЗБЕКСКИХ СТУДЕНТОВ

1. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ

Перед языковедами Узбекистана стоят большие задачи по исследованию всех аспектов узбекско-русского билингвизма на всех ступенях его развития и у различных социальных групп. Нами рассматриваются особенности русской речи билингвов — студентов технических вузов (в основном институтов железнодорожного и автодорожного транспорта), в частности неправильное употребление синонимов и слов, близких по значению,

---

[21] *Баханьков А.Е., Гайдукевич И.М., Шуба П.П.* Толковый словарь русского языка для белорусской школы. Минск, 1975.

[22] *Быстрова Е.А., Окунева А.П., Шанский Н.М.* Учебный фразеологический словарь русского языка. Л., 1984.

омонимов, паронимов, предлогов, префиксальных образований, устойчивых сочетаний, слов, имеющих разную стилистическую окраску, и др. Это объясняется, во-первых, тем, что программа по русскому языку для национальных групп пединститутов и университетов сильно отличается от программ технических вузов, где основное внимание уделяется развитию русской речи и знакомству со специальной (технической) литературой; во-вторых, исследования охватывают определенный социальный круг (будущих ИТР транспорта).

Билингвам — студентам технических вузов в процессе освоения русского языка приходится знакомиться с лексическим составом русского языка и его особенностями. Известно, что словарный состав любого языка отличается от лексики другого языка изобразительными средствами, степенью развития терминологических систем, наличием специфической для каждого народа этнографической лексики и др. Так, в узбекском языке более, чем в русском, развита терминология хлопководства, шелководства, виноградарства, каракулеводства, и, наоборот, русский язык обладает очень развитой научно-технической терминологией.

Лексико-стилистические отличия русского и узбекского языков обнаруживаются не только в различной степени развития терминологических систем, но и охватывают существенные черты лексической системы. Естественно, для определенной части лексики русского и узбекского языков характерна семантическая эквивалентность, ср.: *каптар — голубь, камхосил — малоурожайный, кулдон — пепельница, накарот — припев, ниначи — стрекоза, овчи — охотник, одим — шаг, озикланмок — питаться, орол — остров, чорвадор — скотовод, котил — убийца, роз — гусь* и др.

Однако часто одному русскому слову с широким диапазоном значений в узбекском языке соответствуют два или несколько слов, ср.: *голова — бош, калла; весна — куклам, бахор; зеркало — кузгу, ойна; народ — халк, эл; солнце — офтоб, куёш, кун; кладбище — мозор, кабристон; шалаш — чайла, капа* и др. И наоборот, двум или нескольким русским словам нередко соответствует одно узбекское слово, ср.: *облако, туча — булут; говор, диалект — шева; пепел, зола — кул; племя, род — уруг; стекло, зеркало — ойна; соучастник, партнер, напарник, сообщник — шерик; собака, щенок — кучук; чабан, пастух — чупон; бутылка, склянка, стекло — шиша* и др.

Неэквивалентность ряда лексических единиц можно показать на примерах, извлеченных из узбекско-русских и русско-узбек-

ских словарей[1]. В случаях эквивалентности значения слов при переводе на русский язык и с русского на узбекский должны совпадать. Однако это не всегда подтверждают иллюстративные материалы словарей. Так, слово *каср* в узбекском языке обозначает 'дворец, замок'. В русско-узбекских словарях они переводятся: *дворец* 'сарой'; *за́мок* 'қалъа, қаср, сарой қўрғон'. В узбекско-русских словарях эти слова зафиксированы в следующих значениях: *қалъа* — 1) крепость, цитадель; укрепленный город; 2) за́мок; *сарой* — 1) дворец, за́мок; 2) постоялый двор; 3) сарай, склад; *қўрғон* — крепость, укрепление, цитадель, укрепленный город. При обратном переводе на узбекский язык слову *крепость* соответствуют значения 'қўрғон, қалъа, истеҳқом', *укрепление* 'истеҳқом', *цитадель* 'қалъа, қўрғон', *постоялый двор* 'карвон сарой', *сарай* 'сарай, омбор, омборхона', *склад* 'склад, омборхона', *укрепленный город* 'истеҳкомли шаҳар' и др. Аналогичная картина наблюдается при переводе и слова *кулба* 'хибарка, хижина, лачуга, жилище, обиталище', и многих других слов.

Таким образом, обратный перевод двуязычных словарей обнаруживает несовершенство переводов русских лексических единиц средствами родного языка, что в известной мере является причиной ошибочного употребления русских синонимов.

Однако это всего лишь частный случай, когда студент обращается в своей речевой (прежде всего в письменной) деятельности к помощи словарей. Главная же причина неверного употребления синонимов и слов, близких по значению, кроется в несовпадении лексического объема и в неэквивалентности синонимов двух языков, а также в контекстуальной незаменяемости русских синонимов и несочетаемости их с другими словами. Например, контекстуально невзаимозаменяемы синонимы и слова, близкие по значению: *сделал — приготовил, вблизи — недалеко, с помощью — благодаря, сотрудники — члены, веселы — рады, после — через* и др. Замена одного такого синонима другим ведет к неправильному словоупотреблению. Так, в речи студентов технических вузов (как в письменной, так и в устной) наблюдается неправильное употребление слов: *вблизи* вм. *недалеко* (*Вблизи* находится река Вахш[2]), *с помощью* вм. *благодаря* (*С помощью* дружбы Степан и Рустам добивались больших

[1] Узбекско-русский словарь/ Под ред. С.Ф. Акабирова, З.М. Матруфова, А.Т. Ходжаханова, М., 1959; Русско-узбекский словарь/ Под ред. акад. В.В. Решетова. Ташкент, 1972; *Азизов А., Акабиров М., Азларов Э., Рогожина М.А.* Краткий узбекско-русский словарь. Ташкент, 1969.

[2] Здесь и далее примеры приводятся из письменных работ студентов без исправления.

успехов), *всегда* вм. *часто* (Он *всегда* думал о своем Степане), *сотрудники* вм. *члены* (Степан и Рустам, другие *сотрудники* бригады работали по-коммунистически), *на* вм. *через, мало* вм. *редко* (Поход *на* горы бывает очень *мало*), *тяжело* вм. *трудно* (Зимой *тяжело* ехать автомобилям по грунтовой дороге), *пакет* вм. *тюк* (Автокар служит для погрузки контейнеров и *пакетов*) и др.

Особенно сильна интерференция при употреблении глагольных синонимов и слов, близких по значению. Из-за недифференцированности в узбекском языке семантики некоторых глаголов происходит подмена в русской речи узбеков контекстуально не сочетающихся глаголов. Так, часто смешивают глаголы *знать* и *уметь* (Я *знаю* читать; Я *знаю* играть на музыкальных инструментах), поскольку глагол *билмоқ* в узбекском языке обозначает: 1) знать; узнавать; 2) чувствовать, сознавать; 3) уметь (после дееприч. наст. вр.); 4) предполагать, считать, принимать; *поехать* и *пойти, ездить, идти* (Автомобили *ходят* по бетонке; Я хотел *идти* в Москву; Грунтовые дороги *ходить* машины, и всегда поднимается пыль); *приехать* и *прийти* (По асфальтированным дорогам мы пешком *ездили;* Вчера ночью Шухрат *пришел* из Самарканда; Тропа — это дорога, которая можно *приехат* человек пешком), так как в узбекском языке глагол *бормоқ* обозначает: 1) идти, пойти; 2) ехать, поехать; *кетмоқ* — 'уходить, уезжать'; *смотреть* и *видеть* (Мы вчера *видели* индийский фильм "Месть и закон; Мы *видели* хороший фильм); ср. узб. *кўрмоқ* 'видеть, рассматривать'; *мыть* и *стирать* (Я буду *мыть* свою бурюку; *Мыть* одежди; Одежды *мыться* в горячем воде). В узбекском *ювмоқ* обозначает 'мыть; умывать; смывать', *кир ювмоқ* 'стирать (белье)'; *ломать, сломать* и *разбивать* (*Поломать* стекло); ср. узб. *синдирмоқ* 'ломать; сломать, разбить'; *сделать* и *приготовить* (Ибрагимов своими руками *сделал* замечательное узбекское блюдо); ср. узб. (разг.) *килмоқ* 'делать, производить, совершать'; *овқат қилмоқ* 'приготовить обед', *палов килмоқ* 'приготовить плов' и др.; *совершать* и *выполнять* (Каждый должен *совершать* свою функцию); ср. узб. *килмоқ* 'делать, производить, совершать'.

На высших ступенях двуязычия лексический запас билингвов достигает того уровня, при котором обеспечивается свободное чтение художественной и специальной литературы, устное и письменное изложение своих мыслей. Высшая ступень двуязычия предусматривает дальнейшее обогащение запаса русской специальной профессиональной лексики и терминологии в процессе завершения высшего образования в национальных группах вузов.

Наши наблюдения над письменной и устной речью[3] студентов показали, что наиболее легко они усваивают и используют на практике специальную терминологию, поскольку с терминами они знакомятся и при чтении литературы на узбекском языке. Многие технические термины не переводятся на узбекский язык, например: *болт, шпонка, пружина, редуктор, шина, цилиндр, машина, гайка* и др.: Масалан, *гайка, болт, шпонка, пружина* ва шу кабилар *деталлардир; Редуктор, муфта, подшипник* ва бошкалар *узелларга* мисол бўла олади; *Клеммали* бирикмалар *деталларни валларга,* ўқларга, *цилиндрик колонналар* ва шу кабиларга бириктириш учун мулжалланган булиб, *болтларининг* ўзини сириб тортиш ҳисобига ҳосил килинади[4].

Терминологическая лексика легче усваивается студентами и потому, что семантический объем терминов в обоих языках совпадает (за редкими исключениями), например: *трактор — трактор, плуг — плуг, дренаж — дренаж, космос — космос, космонавт — космонавт, аэровокзал — аэровокзал, трамвай — трамвай, троллейбус — троллейбус, автобус — автобус.* Такие слова относятся к общему русско-интернациональному пласту языков всех народов СССР.

Приводимые ниже примеры из письменных работ студентов свидетельствуют о том, что многие билингвы правильно используют специальную терминологию: "Расход бензина больше у грузовых автомобилей, чем у легковых"; "Отходы древесины после обработки превращались в нужные стройматериалы"; "Шофер должен хорошо знать тормозную систему автомобиля"; "ЗИЛ-130 имеет восемь цилиндров в двигателе" и др.

Для выяснения степени освоения и владения специальными терминами студентам I—IV курсов было предложено задание — составить предложения, используя синонимы и слова, близкие по значению: *автокар, транспортер, грузоподъемник; автодорога, автострада; тропа, грунтовая дорога; бетонка, шоссе, трасса* и др. Знакомство с письменными работами студентов показало, что на начальных курсах они плохо справляются с заданиями. Студенты III—IV курсов оперируют своими знаниями гораздо увереннее и быстрее. Ответы студентов, от-

[3] Под терминами "устная речь" и "письменная речь" мы подразумеваем устную и письменную форму научного и профессионального стиля. Наши наблюдения в основном проводились во время занятий и сессионных зачетов по русскому языку.

[4] Примеры взяты из учебника: *Сулаймонов И.* Машина деталлари. Тошкент, 1975, с. 7, 58.

служивших в армии или проработавших на предприятиях, отличаются большей четкостью и точностью выражения. Слабые знания обнаружили студенты из отдаленных сел, где в основном однородная узбекская речевая среда.

Большинство студентов справилось с заданием. Однако встречались и такие работы, которые свидетельствуют о непонимании семантики специального термина. Оказалось, что термин *автокар* знают не все. Отдельные студенты написали: *Автокар* возять разных товаров или груз.

Встречаются случаи неразличения паронимов. Так, студенты смешивают термины *транспортёр* и *траспортир* (транспортёр — вид погрузочно-разгрузочных механизмов, транспортир — прибор для измерения угла). Тем не менее многие студенты написали, что *транспортёр* — это предмет, который служит для измерения углов ("Траспортер — это прибор, который измеряет углы"; "При помощи транспортера измеряем угол"; "Транспортер — это линейка, которую измеряет угол"; "Транспортер — это измеряется углы"; "Транспортеры имеются в телевизоре, в радио" и др. Служившие в армии считают, что "транспортер — это автомобиль, который может ехать по бездорожью и применяться в вооруженных силах").

Обычно неправильно употребляются семантически близкие и этимологически родственные слова, например: *веники* вм. *венки* (Каждый праздник районные и сельские люди, жители заложат (у памятников. — *Л.Д.*) цветы и *веники*); *любым* вм. *любимым* (Потом Степан стал работать в колхозе, занимался своим *любым* делом); *маленький* вм. *малых* (Умид с *маленьких* лет остается один); *нужда* вм. *нужно* (Всегда ли вы пользуетесь родным языком? Когда *нужда*); *мужчина* вм. *мужской* (Какого пола? — *Мужчина*); *урюк, яблоко,* вм. *урючина, яблоня* (В нашем городе растут *урюк, яблоки, лимон*); *ходка* вм. *ходьба* (Он занимался спортивной *ходкой*); *поднимание* вм. *поднятия* (Грузоподъемник предназначен для *поднимания* тяжелых грузов); *половина* вм. *пол-* (Практика был *половина* года) и др.

Смысловая дифференциация однокоренных слов русского языка представляет наибольшую трудность не только для студентов-узбеков, но и для студентов других национальностей, а также для самих русских. О словоупотреблении такого характера пишет К.С. Горбачевич: «Одна студентка ЛГУ на экзамене долго не могла разобраться в различии слов эмигрант („человек, выехавший в чужую страну") и иммигрант („человек, поселившийся в чужой стране")... Особенно

много опасных подводных камней скрывается среди паронимов»[5].

Следующим заданием для студентов I—IV курсов было составление предложений с омонимами:

цилиндр I (деталь в двигательном устройстве машины);

цилиндр II (высокая твердая шляпа);

шатун I (подвижная деталь, соединяющая поршень с валом двигателя);

шатун II (тот, кто шатается; бродяга, бездельник);

муфта I (приспособление для соединения цилиндрических частей машин);

муфта II (принадлежность женской одежды);

носок I (деталь в двигательном устройстве автомашины);

носок II (короткий чулок, не достигающий колен);

свеча I (приспособление для воспламенения горючей смеси в двигателе);

свеча II (стеариновые палочки, служащие для освещения);

баранка I (рулевое колесо автомобиля);

баранка II (бублик);

вал I (стержень, вращающийся на опорах и передающий движение другим частям механизма, — коленчатый вал);

вал II (длинная земляная насыпь);

дворник I (механическое устройство для вытирания смотрового стекла автомашины);

дворник II (работник, поддерживающий чистоту во дворе и на улицах);

колодка I (устройство в тормозной системе автомашины — тормозная колодка);

колодка II (кусок дерева в форме нижней части ноги);

камера I (1 — накачиваемый воздухом резиновый мешок; 2 — закрытое пространство, где происходит процесс сгорания горючих веществ, — камера сгорания);

камера II (особое помещение для хранения вещей — камера хранения);

тормоз I (приспособление для замедления или остановки движения транспортного средства);

тормоз II (помеха, препятствие в развитии чего-либо);

переезд I (место, где переезжают через что-либо, — железнодорожный переезд);

переезд II (сущ. от глагола *переезжать*).

Цель задания — выяснить понимание студентами специальных терминов и омонимичных с ними общеупотребительных

[5] *Горбачевич К.С.* Нормы современного русского литературного языка. М., 1978, с. 59—60.

слов. Из знакомства с письменными ответами можно заключить, что большинство студентов знает семантику технического термина, в то время как общеупотребительные слова знают немногие. Так, никто из студентов экспериментальных групп не смог правильно объяснить значение слова *муфта* как предмета дамской одежды, лишь отдельные студенты знают слова *цилиндр* 'мужской головной убор', *шатун* 'бездельник', *переезд II* (переезжать из одной квартиры в другую или из одного города в другой), никто не употребил слово *баранка* в значении 'бублик' (это слово у них ассоциируется со словами *баран* и *борона*. Со словом *баранка* некоторые студенты составили предложения: Я схватил барана за ногу; Овца родила маленького барана, и мы его прозвали баранкой; Колхозники ремонтировали бараны; У нас в колхозе многи бараны). Ни один студент не смог раскрыть семантики слова *колодка II* 'сапожная колодка', 'арестантская колодка'. Немногие студенты правильно составили предложения со словом *носок II* 'шерстяной носок', в то время как слово *колодка II* у них ассоциировалось со словом *колодец*, о чем свидетельствуют их ответы (Колодка — это колодец; Колодка — маленькая водохранилище; У нас дома (во дворе) есть колодка). Существительное *носок II* смешивается со словом *носик* (Я тебе сейчас носок выдерну, и останешься без носа; Он вытер у малыша носок) и др.

Из этого можно сделать вывод о том, что труднее студентами-билингвами усваиваются омонимичные технические термины. Для того чтобы окончательно убедиться в этом, было проведено очередное занятие, на котором составлялись предложения со словами:
ель (дерево) — *ел* (от глагола *есть*),
сель (грязевой поток) — *сел* (гл. *сесть*),
пыль (имя сущ.) — *пил* (гл. *пить*),
моль (насекомое) — *мёл* (гл. *мести*) — *мел* (имя сущ.),
руль (рулевое управление) — *роль* (актера),
плачь (гл. *плакать*) — *плач* (имя сущ.),
вил (гл. *вить*) — *выл* (гл. *выть*),
вёл (гл. *вести*) — *вол* (бык) — *вал* (имя сущ.).

При правильном произношении и написании эти слова не являются ни омофонами, ни омографами. Но под влиянием интерференционных особенностей родного языка они могут стать и омофонами и омографами. Приведем такой пример. В узбекской орфографии географический термин *сель* 'грязекаменный поток воды в горах после ливневых дождей' пишется в виде *сел*, хотя конечный *-л* произносится мягко [с 'эл']. Таким образом, глагол прошедшего времени *сел* в русском языке и

термин *сель* (узб. *сел*) совпадают как в написании, так и в произношении [с'эл']. Такое явление, происходящее в силу фонетической интерференции[6], можно показать также на следующих примерах:

Русские слова	Русское произношение (нормативное)	Произношение узбеков (ненормативное)
сел	с'эл	с'эл'
сель	с'эл'	с'эл'
был	был	б'ил'
бил	б'ил	б'ил'
быль	был'	б'ил'
ел	jэл	jэл'
ель	jэл'	jэл'
угол	угъл	угъл'
уголь	угъл'	угъл'
стал	стал	стал'
сталь	стал'	стал'
пил	п'ил	п'ил'
пыль	пыл'	п'ил'
пыл	пыл	п'ил'

Вследствие фонетической интерференции возникают трудности в дифференциации семантики таких слов. Поэтому можно встретить употребление *пыл* вм. *пыль* (Автомобил ездил по улице, за ним остался *пыл*), *быт* вм. *быть* (Руль это может *быт* и баранкой), *плач.* вм. *плачь* (Не *плач,* Учкун, твой чертеж здесь), *ель* вм. *ел* (Я *ель* пирожное), *сель* вм. *сел* (Я *сель* за парту) и др.

С этим заданием студенты справились плохо. На многие слова они не могли привести примеры (*вёл — вол, вил — выл* и др.). Глагол прош. вр. 3 л. ед. ч. муж. р. *пил* некоторыми студентами был понят как имя существительное *пила* (*Пила* хорошо работает). Лишь отдельные студенты знают слово *моль* (насекомое), а некоторые, исходя из школьной практики, решили, что *моль* — это единица измерения химической реакции. В то же время все студенты правильно объяснили значения слов *руль* и *роль.* Это свидетельствует о том, что студенты

[6] См. об этом подробно: *Аржанов Н.И.* Типичные орфоэпические ошибки в русской речи студентов-узбеков, причины их возникновения и методика исправлений. Автореф. канд. дис. Фергана, 1966; *Абдусаматова Р.А.* Русская речь узбеков (интерференция на уровне фонологических систем). Автореф. канд. дис. Ташкент, 1971; *Асфандияров И.У.* Сопоставление фонетических явлений русского и узбекского языков в речевом потоке. Автореф. канд. дис. Алма-Ата, 1968; *Он же.* Типы звуковой интерференции в русской речи узбеков. — В кн.: Преподавание русского языка и литературы в национальной аудитории. Ташкент, 1976, т. 158, с. 26—30; *Решетов В.В.* Узбекский язык. Фонетика. Ташкент, 1959, ч. 1. Фонетика; *Киссен И.А.* Краткий очерк фонетики русского языка в сопоставлении с фонетикой узбекского языка. Ташкент, 1952; *Данилова Л.В., Мурадова З.* Указ. соч.

не смешивают звуки *у* и *о*, что́ характерно для начальных ступеней развития двуязычия.

Однако вследствие фонетической интерференции других звуков, устойчивой и трудноизживаемой даже на IV—V ступенях двуязычия (например, взаимная замена п—ф, ц—с), появляется "ложная омофония" (или "псевдоомофония"). В этот ряд попадают слова, которые в русском языке не являются близкими по звучанию. Но в русской речи билингвов они могут стать таковыми при замене одних звуков другими, например: *свет — цвет, шипр* (одеколон) — *шифер* (стройматериал), *самса* (название национальных пирожков с мясом) и *самца* (род. падеж от сущ. *самец*) и др. Поэтому вместо слова *цвет* нередко употребляют *свет* или наоборот [У него пальто красного *света;* У нас погас *цвет;* Восход *процветило* (вм. *светлеет*)]; *самса* вм. *самца* (Для эксперимента брали *самса* лягушки), *шифер* вм. *шипр* или наоборот (В магазине продают одиколон *"Шифер"*) и др.

Отсутствие предлогов в узбекском (как во всех тюркских языках) — факт общеизвестный. Под влиянием этой особенности узбекского языка студенты пропускают необходимые предлоги в русской речи (Он дошел приподавател и спросил задание; Выход метро очень удобно; Коля собирался поход на горе; Они дошли перекрестку; Профессор зашел своей комнату; Они разошелся перекрестка дорогу; Это время зашел Карим). Та же причина вызывает у них неправильное употребление предлогов, т.е. замену одних предлогов другими (Вечером *по* небе взошли звезды; Студенты ушли *от* занятий; Пьяные не должен сидеть *на* руль; *От* кабинета вышел декан; Выход *с* автобуса через передний дверь; Я нашел эта книга *с* аудитории; Я вышел *с* магазина).

Наиболее характерным типом неправильного словоупотребления является взаимная замена предлогов *в* и *на*. Даже студенты IV курса национальных групп не различают эти предлоги, имеющие пространственное значение. Так, они часто говорят (и пишут): Мы собирались *на* туристический поход; Она вышла *на* эту квартиру; Поход *на* горы бывает очень мало; Мы разошлись *в* этом перекрестке; Он перешел *на* другую группу; Когда *в* занятиях думаем на узбекском языке; *В* площади Мира установлен памятник Хамза Хаким зода.

Такое употребление предлогов *в* и *на* относится к числу наиболее трудноизживаемых явлений и встречается даже у билингвов с хорошо развитым узбекско-русским двуязычием, т.е. свободно говорящих и пишущих на русском языке на любую тему. Так, в их речи можно услышать, например: поехать *на* Москву, отдыхать *на* Крыму и др.

В узбекском языке ограниченное количество префиксов (имеющих значение отрицания: *бе-, но-;* обилия и множества: *сер-, хам-*), поэтому в словообразовании огромную роль играют аффиксы, последовательно присоединяющиеся к корню. Для русского языка характерны префиксы с различными значениями: *в-, на-, над-, под-, про-, при-, пре-, пере-, вз-, за-, у-, вы-, бес-* (*без-*), *не-, рас-* (*раз-*), *ис-* (*из-*) и др. Некоторые слова могут иметь несколько префиксов (*пере + рас + ход; не + об + ход + имо*).

Коренное отличие словообразовательных моделей двух языков обусловливает трудности усвоения и правильного применения на практике студентами русских префиксов. Они часто смешивают близкие по семантике, но имеющие различные оттенки значений префиксальные глаголы, например: *уехал — поехал, написал — надписал, зашел — вошел, переписывать — списывать, пришли — дошли, одевать — надевать, ушел — пошел, совершать — свершить* (Профессор *зашел* в свою комнату; Солдаты *одевали* противогазы; Мамир *ушел* в кино) и др.

Трудности усвоения префиксов приводят к замене одних префиксов другими, что иногда искажает смысл всего высказывания: *пропускал* вм. *выпускал* (Цех *пропускал* готовую продукцию; Завод каждый день *пропускает* 38 автомобилей), *доложить* вм. *вложить* (Чтобы немножко *доложить* свою долю к стройку), *перезнакомиться* вм. *познакомиться* (Они быстро *перезнакомились*), *проходить* вм. *переходить* (*Проходите* через реку), *взошел* вм. *вошел* (Трехлетний Анвар *взошел* ко мне; Уктам и Айдин *взошли* в концертный зал), *избежал* вм. *сбежал* (Умид *избежал* из дома), *смотрел* вм. *подсматривал* (Хозяин *смотрел* за ним через маленькую дырочку), *разнимался* вм. *занимался* (Он *разнимался* своим любимым делом), *исправился* вм. *справился* (Он *исправился* поставленными перед собой задачами), *пришли* вм. *дошли* ("Посмотрел, куда они *пришли*", — говорит студент преподавателю, сделавшему замечание, что нельзя подглядывать в чужую работу), *переписывает* вм. *списывает* ("Он у меня *переписывает*", — жалуется студент преподавателю на своего соседа, хотя сам только что начал выполнять задание), *совершить* вм. *завершить* (Экспедицию надо было *совершить* еще одну станцию) и др.

Помимо вышесказанного встречаются случаи такого словоупотребления, которые, видимо, нужно классифицировать как незнание семантики употребляемого слова: Книга Чернышевского "Что делать?" меня так *возмутила*... (взволновала?); Учить надо так, как *обещал* В.И. Ленин (завещал?); Ленин *учитывал* к молодежам "Учиться, учиться и учиться" (напут-

ствовал молодежь?); *Ходули* в старые времена работали почтальоном (?); Сделал один *ходок* — оказался на середине дороги (прыжок?).

Изучение практической стилистики русского языка не входит в программу технических вузов республики. Тем не менее занятия по развитию устной литературной речи проводятся по темам: как построить свою речь для выступления на собраниях, в прениях, с докладом; как составить определенное официальное или деловое письмо, различного вида заявления и др. Таким образом, студенты знакомятся с различными стилями: книжным, художественным, газетным, деловым, научным и т.д.

Зачастую в устной речи делового стиля можно наблюдать замену терминов их разговорным вариантом, например: употребление *стройка* вм. *строительство, фотка* вм. *фотография, дембель* вм. *демобилизованный, отстойка* вм. *отстойник, управ* вм. *управление* и др. Подобного рода замены часто наблюдаются в устной речи не только билингвов, но и в разговорной речи русских, проживающих в Ташкенте: *"В нашем управе* создается бюро..." (вм. *управлении*) (из разговора двух молодых людей).

«В последние годы стал особенно активным процесс включения. Так называют образование одного слова из привычного словосочетания. Например, из „шоссейной дороги" возникает „шоссейка"... В современных газетах используются: курилка, дежурка, аморалка, персоналка, анонимка, неотложка, комиссионка, короткометражка, непрерывка, попутка, полуторка, газировка, грунтовка, бетонка и др.», — пишет К.С. Горбачевич[7]. Аналогичными включениями особенно изобилует устная речь студентов интернациональных групп, где занятия по всем предметам с I по V курс ведутся на русском языке. Студенты-узбеки эти слова заимствуют у русских студентов в процессе непосредственного устного общения (совместное проживание в общежитиях, кампания по сбору хлопка, производственная практика и др.).

Вследствие плохого знания норм русской речи и появляются в устной литературной речи студентов-узбеков "включения" слов со сниженной, разговорной окраской типа *трояк* вм. *удовлетворительно, стипешка* вм. *стипендия, картинка* вм. *картина* или *рисунок* (На *картинке* отражена все красота природы). Характерной ошибкой является употребление слов разговорного стиля вместо литературного: *таскали* вм. *выбрасывали* (Мы все отходы *таскали* в мусорном ящику), *таскать* вм. *приносить* (Умиду заставляет воду *таскать*), *кликнула*

[7] *Горбачевич К.С.* Указ. соч., с. 46.

вм. *позвала* (Она его *кликнула*), *поймает* вм. *останавливает* (Он *поймает* такси), *съедают* вм. *уничтожают* [Вирусы *съедают* друг друга (вм.: микробы *уничтожают* друг друга)] и др.

Ю.А. Бельчиков пишет: "Для целей преподавания русского языка иностранцам (по нашему мнению, и в национальных аудиториях. — *Л.Д.*) важно выделить прежде всего круг слов, входящих в обязательную лексическую сочетаемость данного слова. Очевиднее всего такая сочетаемость у слов с фразеологически связанными значениями"[8]. В речевой практике такие устойчивые сочетания довольно часто искажаются или же под влиянием аналогичных по семантике, но далеко не идентичных фразеологических сочетаний, идиом и образных выражений родного языка, или же из-за плохого знания устойчивых сочетаний русского языка. Например, такое словосочетание, как *попасть в аварию,* превращается в *попасть под аварию* (по аналогии с *попасть под машину, трамвай*), *заплатить за проезд — уплатить за проезд* и др. Наиболее часто имеют место контаминации — смешивание компонентов разных устойчивых сочетаний. Встречаются случаи замены одного или нескольких компонентов устойчивого словосочетания другими словами, например: вм. *поставить во главу угла — во главе анализа* ("Во главе анализа он вставляет функциональную нагрузку") и др.

На наш взгляд, рассмотренные речевые ошибки билингвов можно устранить целенаправленным преподаванием русского языка на основе подбора специальных упражнений по практической стилистике, а также за счет увеличения числа занятий по практическому овладению русским языком, поскольку знания студентов оставляют желать лучшего.

2. ОШИБКИ СТУДЕНТОВ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГРУПП НЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Грамотная по построению, богатая по словарно-фразеологическому составу речь помогает более точно выразить мысль, что в свою очередь способствует и более правильному ее восприятию. Поступая на первый курс Самаркандского государственного архитектурно-строительного института, часть абитуриентов-узбеков обладает недостаточными навыками речевой практики. Это обычно те, кто приехал из небольших и отдаленных от города населенных пунктов, кишлаков, рабочих поселков, где русская речевая среда отсутствует,

[8] *Бельчиков Ю.А.* Лексическая стилистика. М., 1977, с. 78—79.

преподавание русского языка в школах ведется не систематически.

Для иллюстрации сказанного приведем отрывки из магнитофонных записей речи первокурсников. С целью определения исходных данных в начале учебного года нами записываются чтение текста и пересказ его содержания, изложение автобиографии студентами на магнитоленту и проводится анализ ошибок, придающий работе над усовершенствованием речи студентов целенаправленность.

Студент I курса С.Л. (кишлак Чиракчи Кашкадарьинской обл.), излагая свою биографию, сказал: читаем институт (вм. *учимся* в институте)[1], Я вступил школа (вм. *поступил* в школу). После изложения биографии студенту предлагается ряд вопросов, например: "Кем вы станете после окончания института?" — "Первый раз мастер" (вм. *Вначале* мастером).

Приведем отрывок из рассказа студента I курса Р.Т., прибывшего из сельского района Самаркандской области:

Наш район основной государству продает зерна, шелку. Наш совхоз Гафур Гулям (вм.: имени Гафура Гуляма. — *В.К.*). Мне лет двадцать. Я живет Самаркандский област, Ургутского района, рабочи. Наш семья ест три сестра, два братишка ест. Одна сестра — врачи. Еще одна сестра учится на СамГУ. Братишка учится шестого класса.

Ниже приводятся текст и отрывок из записи пересказа содержания этого текста студентом I курса Л.Т., который в течение 10—15 минут имел возможность несколько раз прочитать текст, осмыслить его содержание, запомнить словосочетания и предложения:

Текст

Москва

Яркий солнечный день. Самолет летит над Москвой. Но даже с высоты трудно охватить глазом нашу советскую столицу. Сколько тут улиц, площадей, заводов, зеленых парков! Громадна наша столица.

Тысячи высоких, удобных новых домов выросли в Москве. Новые широкие проспекты прорезали город. Река закована в гранит, а между ее берегами повисли прекрасные широкие мосты. Под Москвой устроен чудесный мраморный город-метро.

В Москве живет несколько миллионов человек. Здесь можно встретить людей разных национальностей, всех возрастов, всех профессий.

В Москве много промышленных предприятий, на которых трудятся опытные рабочие. Они делают автомобили и подшипники, электрические машины и станки, часы и мотоциклы, сталь и ситец, электровозы и радиоприемники.

В Москве трудятся знаменитые ученые, писатели, художники.

Москва — сердце нашей Родины...

(По П. Лопатину и И. Романовскому)

[1] В данном случае налицо результат интерференции: по-узбекски *ўқимоқ* означает 'читать' и 'учиться'.

Пересказ текста

Ярким солнечная ден. Самолет летал на Москва. С высота охватила глазама нашу советский столиса, тута ест улиса, плошат, завод, зеленая парка. На Москва много пираспекта. Река закова гранит. На Москва ест метро. На Москва много разный насиональность. Они работает автомобили, потшипник, электрический машина. На Москва ест знаменитая ученая, писател, художник.

В рассказе студента использовано меньше половины слов основного текста. Если говорить о распределении слов по частям речи, то бóльшую их часть составляют имена существительные, из имен прилагательных и наречий, имеющихся в тексте, студент в пересказе употребил всего лишь их третью часть. Все это говорит о бедности его словаря. Кроме того, он не может и правильно связывать слова в предложении.

Более подробный сопоставительный анализ текстов показывает, что студентом допущено 49 ошибок в произношении, 9 ошибок на согласование слов в предложении, 5 ошибок на смешение предлогов *на* и *в*, 7 ошибок на глагольное управление. При этом он запомнил в основном содержание рассказа, употребил в своей речи образное выражение *"охватила глазама"* и эпитеты *яркий, солнечный.* Однако правил грамматической связи слов в предложении он не знает.

Так обстоит дело с культурой русской речи первокурсников из отдаленных сельских районов.

Речь абитуриентов из городов по орфоэпическому уровню, по лексической насыщенности и грамотности несколько отличается от речи молодежи сельской местности, но и в ней имеется много недостатков.

Остановимся подробнее на недостатках в русской речи студентов-первокурсников из сельской местности и на путях их устранения.

На уровне фонетики наиболее частотны следующие ошибки:

а) в произношении зафиксировано вставное [и] (очень краткое, чуть более заднее, чем русское [и]) в словах со стечением согласных: *к^{и}то* (кто), *к^{и}раска* (краска), *к^{и}расный* (красный). Любопытно, что долгота этого весьма краткого звука значительно варьируется: в первом из приведенных слов он более долгий, во втором короче, в третьем еще короче. В последнем слове, *красный,* на сокращение долготы влияет, вероятно, наличие еще одного сочетания с сонорным [н];

б) в словах с предлогами в речевом потоке также нередко наблюдается вставка гласного: *въ клуп* (в клуб), *съ братам* (с братом), *къ месту* (к месту);

в) пропуск слогов: *унирмаг* (универмаг), *кампанйа* (компа-

г) искаженный вариант перешедших из русского в узбекский язык слов типа: *истанса* (станция), *ишкоп/ишкоф* (шкаф). Однако следует отметить большой прогресс в стремлении молодежи, особенно в последнее время, правильно произносить заимствованные из русского языка слова, что делает их русскую речь более грамотной.

Наиболее стойкой орфоэпической ошибкой является ошибка в произношении звука [ы]. Особую трудность для узбеков представляет произношение слога с этим звуком по соседству со слогом с мягким согласным (пыль, былина). Узбекскому языку не свойственно чередование слогов с мягкими и твердыми согласными. Поэтому узбеки произносят *пиль* либо *пыл, былына* либо *билина*. Опорой здесь могут служить слова-помощники *кирк* 'сорок', *киз* 'девочка', *гийбат* 'сплетня', в которых после глубокозаднеязычных [г], [к] звук [и] по произношению приближается к русскому [ы].

Звук [о] под ударением, особенно в односложных словах, произносится студентами правильно: *мох, ком, ток*. В безударном положении в двусложных и многосложных словах звук [о] редуцируется: произносится очень кратко и в зависимости от места по отношению к ударению произносится то как краткий звук [а], то как звук, средний между [а] и [ы]. При чтении текстов вслух отмечается преувеличенно четкое произношение звука [о] — приблизительно так, как его произносят русские, уроженцы Мурома или Вологды: *оборóна, гóрод, боронúл поля́*. Это, по нашему мнению, на первых порах объясняется незнанием правил произношения звука [о], а впоследствии — сложностью правил произношения безударного гласного [о] в безударных позициях, с одной стороны, и слабыми навыками речи — с другой (говоря бегло, студент забывает о позициях безударного [о] и на всякий случай произносит его "óкая").

Йотированные гласные, изображаемые в русском языке графемами *е, ё, ю, я*, также представляют определенные трудности для студентов. Гласные *е, я* в начале слова (*езда, ездить, если, яма, Яша*) не вызывают затруднений. В узбекском языке немало слов с начальными *е* и *я*: *емок* 'есть', *ер* 'земля', *ярим* 'половина', *яшаш* 'жить'. При произношении *я* после согласного студенты придают гораздо большую мягкость согласному звуку, чем следует, и как бы перед гласными *е, ё, я* вставляют разделительный ь: *мьясо, мьед, льед*. В позиции между согласными, первый из которых палатализованный, звук [э], изображаемый графически *е*, студентами произносится йотированно: *карьйэтка* (вм. *каретка*), *сльйэдить* (вм. *следить*). Нужна большая и тщательная работа в этом направлении.

Звуки (комплекс звуков), изображаемые графемой *е*, особой трудности не представляют. Неразличение графем *е* и *ё* в современном русском правописании затрудняет студентов при чтении русского текста. Очень часто вместо *ё* они читают *е*. Лишь на продвинутой ступени, при хорошем владении языком, навыки в различении произношения *е* и *ё* автоматизируются.

Произношение гласного *ю* под ударением в начале слова никаких трудностей не представляет: *юмор, юла, юбка, юность*. И в других позициях гласный *ю* особых затруднений не вызывает, но согласный звук, предшествующий графеме *ю*, студенты произносят несколько тверже, чем это требуется нормами русского произношения: *блюминг, ревю, крюк, люк*.

Говоря о морфологических недочетах в речи студентов-первокурсников, следует указать прежде всего на смещение грамматического числа и рода, например: *пришел* (вм. *пришла, пришли, пришло*) или, наоборот, *пришла* (вм. *пришел, пришли*). Причиной этих ошибок являются недифференцированность числа в узбекском языке и отсутствие грамматического рода: *он родился, она родилась* (в узбекском — *у тугилди*).

Как результат интерференции можно отметить и употребление студентами-первокурсниками в словосочетаниях с количественными числительными русских имен существительных в форме им. падежа: *один страница, два страница, три страница, четыре страница, пять страница* (вм. *одна страница, две страницы, три страницы, четыре страницы, пять страниц*) (в узбекском языке такие словосочетания единообразны: *бир бет, икки бет, уч бет, тўрт бет, беш бет*).

Как показывают наши наблюдения, в области морфологии почти все ошибки студентов — результат интерференции норм родного языка. Приведем ряд примеров с характерными ошибками, допускаемыми студентами под влиянием норм родного языка: мама родился 1927 года; три брата учился в школу; одна брат — врач и одна брат — художник; в Самарканде есть много национальный народ (в Самарканде много людей разных национальностей).

Весьма любопытные случаи отмечаются в употреблении суффиксов, возникших в узбекском языке под влиянием русского языка. Так, суф. *-ик* возник в узбекском языке в советское время под влиянием русского языка вследствие заимствования русских слов и терминов (социалист*ик* — социалистический, коммунист*ик* — коммунистический). Наряду с этим суффиксом в узбекском языке возникли еще суффиксы *-ал* (соци*ал* — социальный, интернацион*ал* — интернациональный, документ*ал* — документальный), *-ив* (субъект*ив* — субъективный), *-ион* (революц*ион* — революционный). Не все тюркологи

считают их аффиксами[2]. А.Н. Кононов и некоторые другие тюркологи относят их к аффиксам. А.Н. Кононов отмечает, что путем усечения родовых окончаний русского языка в узбекском языке "возникли следующие аффиксы: 1) *-ик* при интернациональных словах, соответствует русскому *-ический*: социалистик — социалистический, педагогик — педагогический, фонетик — фонетический, орфографик — орфографический"[3]; 2) *-ив* при интернациональных словах, соответствует русскому *-ивный*: объект*ив* — объективный, субъект*ив* — субъективный, прогресс*ив* — прогрессивный; 3) *-ал* при интернациональных словах, соответствует русскому *-льный*: форм*ал* — формальный, актуал — актуальный; 4) *-ион* при интернациональных словах, соответствует русскому *-ный*: селекц*ион* — селекционный, традиц*ион* — традиционный.

В нашем материале встретилось словоупотребление *социалистикский* (вм. *социалистический*). Это можно объяснить только интерференцией родного языка, в котором есть прилагательное *социалистик* 'социалистический'.

В отношении синтаксиса интерференция проявляется в такой же мере, как и в морфологии. Приведем несколько примеров, причиной ошибок в которых является влияние родного языка: пошел на первом классе (вм. пошел в первый класс); Когда я экзамен хорошо сдал (вм. сдам), потом начинается строительный отряд; Мама очень скучает тебя, очень быстро (вм. быстрее) приезжай; Один сестра учится русском школе; Сестра жила маленькая города в Сибири.

Для того чтобы в период обучения русскому языку в институте ликвидировать недостатки школьной программы и провести определенную работу по совершенствованию их устной и письменной речи, необходимо: 1) в начале обучения определить речевой уровень студентов (установить недочеты в речи, выявить типичные орфоэпические и грамматические ошибки, определить их словарно-фразеологический запас и т.д.); 2) произвести тщательный отбор учебного материала для занятий в аудитории и дома; 3) продумать и использовать наиболее эффективные приемы и методы аудиторной и внеаудиторной работы с применением лингафонной аппаратуры и других технических средств обучения; 4) научно организовать самостоятельную работу студентов с русской книгой, журналами, газетной статьей.

---

[2] *Решетов В.В.* Основы фонетики и грамматики узбекского языка. Ташкент, 1961, с. 104.

[3] *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960, с. 154.

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В ПРОЦЕССЕ УСВОЕНИЯ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ

Свободное владение русским языком, являющимся языком-посредником на современном историческом этапе, необходимо всем советским людям. Но в процессе усвоения русского языка нерусскими возникает целый ряд трудностей; например, наблюдается определенное наложение фонетической и морфологической систем родного языка, отмечено тормозящее влияние установившейся артикуляционной базы и морфологических навыков обучающихся. В этом случае для успешного овладения русским языком необходимы: 1) осмысленное усвоение орфоэпических и морфологических норм русской литературной лексики и 2) автоматическое, постоянное дублирование вслед за преподавателем русских слов и выражений. Степень усвояемости русской лексики прежде всего зависит от того, в какой мере она близка, знакома обучающимся и к какой сфере она относится — бытовой, профессиональной, научной и т.д.

Объектом нашего исследования явилась русская устная и письменная речь тысячи узбеков — студентов Самаркандского университета, приехавших из отдаленных сельских районов и обучающихся в национальных группах университета. Эти студенты в какой-то мере знакомы с русским языком, так как он изучается в школах республики, однако постоянного языкового контакта с русским населением у учащихся средних школ в сельской местности не было. Теперь же, став студентами, они получили возможность постоянно слышать русскую речь, так как в многонациональном Самарканде широко развито национально-русское двуязычие, позволяющее представителям разных национальностей (узбекам, таджикам, татарам, киргизам, казахам, армянам, евреям, русским и др.) свободно общаться друг с другом на русском языке.

Остановимся подробнее на различных нарушениях норм русской речи студентами-узбеками.

При указанных обстоятельствах процесс усвоения русского языка проходит в целом более успешно, чем, скажем, в условиях, когда русский язык практически не употребляется. Занятия же по русскому языку в учебных аудиториях служат своеобразным толчком для ускоренного, интенсивного изучения русского языка.

Орфоэпическая структура русского слова может подвергаться различным искажениям, обусловленным фонетической природой узбекских лексем:

1. Протетический гласный (чаще [и] или [у]) возникает в начале слова: стол — *у*стол, шкаф — *и*шкаф, справка —

*и*справка, склад — *и*склад. Скопление согласных звуков в начале слова чуждо узбекскому языку, тогда как в русском стечение двух и более согласных в начале слова — явление обычное. Таким образом, происходит своеобразная адаптация русских слов в условиях неродственного языка.

2. Гласный звук (чаще [и]) довольно часто появляется между согласными: брат — б*и*рат, книга — к*и*нига, звонок — з*и*ванок, встреча — в*и*стреча, чтение — ч*и*тение, кровать — к*и*ровать.

3. Отдельные мягкие согласные в середине или в конце слова утрачивают свою мягкость: альбом — а*л*бом, букварь — буква*р*.

4. Возможны также случаи приобретения согласными мягкости: пыль — *п*ил, мы — *м*и, перестал — переста*ль*, заплакал — заплака*ль*. Но процесс отвердения и смягчения согласных проходит не всегда строго, имеются примеры смешения: *пыль — пил*. Происходит это потому, что в узбекском языке мягкость согласных носит позиционный (комбинаторный) характер, тогда как в русском языке она является исконной и обозначается на письме.

5. В узбекском языке нет звука [ц]. Он обычно заменяется звуком [с]: солн*це* — сон*се*.

6. Орфограмма слова *встреча* не поддерживается произношением: губно-зубной согласный [в] в данной позиции звучит как [ф] в результате ассимиляции. Поэтому произносительная норма данного слова передается в речи узбека довольно четко, причем с вставкой дополнительного [и]: *фи*стреча.

7. Очень часто (особенно на письме) наблюдается смешение полугласного *й* с гласным переднего ряда *е*: каждый — каждые, сложный — сложные.

8. Исчезновение конечного гласного [а] или приобретение его проходит спорадически, без строгой последовательности: *калоша — калош, смена — симен, банк — банка, отпуск — отпуска, танк — танка.*

9. Студенты-первокурсники допускают акцентологическое нарушение произношения русских слов, так как в русском языке ударение разноместное и непостоянное, а в узбекском оно более постоянное и падает, как правило, на последний слог слова. Это заметно обнаруживается при сдаче внеаудиторного чтения: *мýка — мукá* (узб.), *зáмок — замóк* (узб.), *шáхматы — шахмáт* (узб.). Конечно, ударение в русском языке может быть свидетельством семантического различения слов (*стóит — стоúт, прóпасть — пропáсть, зáмок — замóк*), но данное положение студенты могут не знать.

По сравнению с фонетическими признаки морфологической адаптации русских слов в узбекской языковой среде встречаются реже:

1. Русский суффикс *-щик-* передается на письме узбекским *-чи-*: *сварщик — сварчик.*

2. Префиксы чужды узбекскому языку, поэтому орфографически они могут не выделяться: *прекрасный — прикрасный, по-дружески — падружески.*

3. В узбекском языке категория грамматического рода имен существительных отсутствует. Поэтому при усвоении русских слов студенты довольно часто допускают ошибки, в особенности заметные при сочетании существительных с прилагательными, местоимениями, глаголами. Поскольку существительные в большинстве случаев осмысливаются как имена муж. рода, хотя и сохраняется их каноническая форма, зависимые от них лексемы выступают также в данном роде: *наш* Самаркандская область, *шестой* бригада, *самый лучший* дыня, *золотой* медаль, колхозница *показал.*

4. В вопросно-ответной форме устной речи наблюдаются случаи сохранения формы глаголов 2 л. ед. числа наст. вр. и для 1 л. ед. числа: — *Что ты делаешь? — Я делаешь...* Объясняется это незнанием спряжения русских глаголов.

Ошибки, допускаемые студентами непосредственно на письме, в процессе записи, связаны с тем, что обучающимся неизвестны: 1) семантика усвояемых слов, 2) отдельные правила русской орфографии, 3) морфологическая структура русских слов, 4) фонетические явления русского языка, 5) в том числе явления ослабления гласных в предударном и заударном слогах. Количество орфографических ошибок уменьшается по мере овладения студентами русской лексикой, знакомства с семантикой слов, тем комплексом правил, который определяет написание русских слов. Поэтому нарушение норм (в данном случае орфографических) постепенно сводится на нет в процессе обучения и усвоения, имеет тенденцию к окончательному исчезновению.

Незнанием семантики русских слов объясняется такое их ошибочное написание, как: *сарапнула* вм. *царапнула, скрикнул* вм. *скрипнул, до сада* вм. *досада, в друг* вм. *вдруг, былому* вм. *белому.*

Студенты не знают, что: а) отрицание *не* с глаголом пишется отдельно: *недумает — не думает;* б) глаголы I спряжения в 3-м лице ед. числа имеют окончание *-ет*: *кинится — кинется;* в) существительные жен. рода (I скл.) в предл. падеже ед. числа имеют флексию *-е,* а не *-и*: *в голови — в голове.*

Не учитывают часто студенты морфемного членения слов, а потому допускают ошибки: *мишет* вм. *машет, гороши* вм. *горошины, горошены* вм. *горошины, поглядвает* вм. *по-*

глядывает, уведала вм. *увидала.* Здесь нужно исходить из того, что "не различимые в произношении слова и формы отчетливо разграничиваются графически"[1].

Чередование, оглушение звонких согласных в конце слова, выпадение отдельных согласных, явления ассимиляции и диссимиляции должны учитываться студентами в процессе записи русских слов. Незнание правил, связанных с этими явлениями (современными и историческими), или пренебрежение ими приводит в конечном итоге к тому, что студенты допускают слишком много ошибок.

Морфологическая структура русских слов в какой-то степени затемнена тем обстоятельством, что гласные в слогах не всегда четко произносятся (о явлении аканья следует сказать студентам как о литературной норме). Отсюда и возникают ошибки: *дарожка* вм. *дорожка,* глазам вм. *глазом, на мышке* вм. *на мышку, хвастом* вм. *хвостом, в галаве* вм. *в голове.*

Фонетические и морфологические искажения русских слов должны учитываться и учитывались в работах по сравнительному анализу грамматического строя русского и узбекского языков[2].

Степень нарушения норм русской лексики в процессе ее усвоения зависит от подготовленности студента к основательному изучению русского языка. Высокий уровень образования, сознательное овладение орфоэпическими и орфографическими правилами русского языка, автоматизм (многократное употребление слов и выражений) речевых привычек сводят к нулю допускаемые на I курсе обучения ошибки, которые в большинстве случаев носят специфический, обусловленный природой узбекского языка характер.

Овладение русским языком способствует расширению кругозора, повышению профессиональной подготовки и культурного уровня представителей нерусской национальности.

---

[1] *Гвоздев А.Н.* Об основах русского правописания. М., 1960, с. 56.

[2] *Азизов А.А.* Сопоставительная грамматика русского и узбекского языков. Морфология: (Краткий очерк). Ташкент, 1960; *Абражеев А.И.* Сравнительный анализ грамматического строя русского и узбекского языков (фонетика, морфология, синтаксис). Самарканд, 1962.

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ НАРУШЕНИЯ В РУССКОЙ РЕЧИ СТУДЕНТОВ-ТАДЖИКОВ

Проблема культуры русской речи нерусских — одна из актуальнейших проблем современного языкознания. Причин, объясняющих слабое знание русского языка в национальных республиках СССР, много, и они различны: "...здесь продолжают сказываться и культурно-исторические традиции, и территориальная компактность национально однородного населения, и характер генетических связей между языками... и ряд других причин"[1].

Владение русским языком как средством межнационального общения важно для всех социальных слоев населения союзных и автономных республик. Но особенно велика роль русского языка в подготовке национальных кадров с высшим образованием, так как интересы народного хозяйства, науки и культуры требуют специалистов высокой квалификации. Активное владение русским языком в качестве средства межнационального общения позволяет студентам лучше овладеть своей специальностью, потому что делает доступным ознакомление со всеми публикациями, издаваемыми в СССР, по самым разнообразным научным и техническим проблемам. Специальная литература на родном языке, в частности в Таджикистане, выходит в недостаточном количестве. Следует также отметить, что таджикская научная терминология находится в стадии формирования и пока еще не отвечает требованиям разнообразных научных отраслей. В силу указанных причин студентам многих факультетов, где обучение ведется на таджикском языке, рекомендуются учебники и учебные пособия на русском языке. Так, студентам механико-математического факультета Таджикского государственного университета за весь период обучения было рекомендовано более 100 учебников, из которых только 5 изданы на таджикском и 95 на русском языке.

Изучение русского языка в вузе является вторым (после школы) и завершающим этапом обучения; дальнейшее совершенствование его знания должно осуществляться стихийно, в процессе непосредственных языковых контактов. Предполагается, что студенты должно достичь того уровня двуязычия, при котором возможно свободное чтение художественной и научной литературы и свободное изложение своих мыслей на различные темы. Однако, как показывает практика, студенты-таджики далеко не в со-

[1] *Филин Ф.П.* Русский язы[illegible]ветских национальных республиках. — В кн.: Русский язык как средство межнационального общения. М., 1977, с. 9.

вершенстве владеют русским языком, речь их пестрит большим количеством разнообразных ошибок фонетического, лексического, словообразовательного, грамматического характера, особенно у тех, кто обучался в сельской школе.

Уровень знания второго языка зависит от ряда социальных факторов, общеобразовательного кругозора и степени владения этим языком. Нарушение норм русской речи наблюдается при субординативном двуязычии[2], причем степень интерференции бывает различной: максимальной (на всех уровнях языка) и минимальной (на одном из уровней).

Нами проведено исследование ошибок лексико-грамматического характера, выявленных в результате анализа устной речи студентов-таджиков нефилологических факультетов гуманитарных вузов и технических институтов. Исследование носит предварительный характер, так как проблема лексической интерференции может решаться только на основе описания и выявления специфических особенностей лексико-семантических систем контактирующих языков.

Следует отметить, что до настоящего времени нет исследования, содержащего описание типологических особенностей всех уровней русского и таджикского языков. Существуют описания типологических особенностей названных языков на отдельных уровнях. Кроме того, в советской лингвистике есть работы, исследующие явления интерференции на каком-либо одном уровне[3]. Несомненно, интерференция может рассматриваться и на определенном уровне, однако, на наш взгляд, целесообразно исследовать интерференцию во взаимодействии уровней, в частности лексико-грамматическую, так как не существует слов без грамматического оформления, а "лексико-семантическая система является синтезом, результатом сложного взаимодействия слов в их значениях с элементами других уровней языка: морфологическим и синтаксическим"[4]. Факты интерференции на различных уровнях языка взаимообусловлены связью всех языковых уровней друг с другом прямо или опосредованно.

Системность лексики предполагает системность усвоения билингвом ее единиц, потому что "количественное пополнение

---

[2] *Розенцвейг В.Ю.* Языковые контакты. Л., 1972, с. 10.

[3] См., например: *Розенцвейг В.Ю., Уман Л.М.* К проблеме грамматической интерференции. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. М., 1962; *Семчинский С.В.* Семантическая интерференция языков (на материале славяно-восточнороманских языковых контактов). Автореф. докт. дис. Киев, 1973; *Карлин А.А.* Явления интерференции при изучении лексики. — ИЯШ, 1965, N 4.

[4] *Жлуктенко Ю.А.* Лингвистические аспекты двуязычия. Киев, 1974, с. 125.

словарного запаса при овладении вторым языком для двуязычного индивида имеет большое значение, если такое пополнение новыми (для билингва) лексическими единицами имеет системный характер, идет в пределах различных тематических групп с постоянной дифференциацией значений и стилистических оттенков слов"[5]. Таким образом, лексическая система второго языка формируется в сознании билингва на основе постоянной смысловой дифференциации уже усвоенных слов и за счет овладения им новыми лексическими единицами.

Рассматриваемые нами лексические единицы входят в состав лексико-семантических групп слов. Лексические единицы объединяются в лексико-семантические группы на основе тесной смысловой общности, а различаются сферой употребления, семантическими и стилистическими оттенками. Мы не приводим здесь описания лексико-семантических групп, так как это не входит в нашу задачу.

При обучении русскому языку всегда существовала проблема положительного и отрицательного влияния родного языка на изучаемый. Эта проблема остается актуальной и в современной лингвистике. Решение ее важно как с точки зрения теоретической, так и с точки зрения практической значимости в развитии национально-русского двуязычия. Обучение второму языку необходимо строить таким образом, чтобы интерференция снималась или ослаблялась. Для этого следует четко представлять себе, что́ именно поддается положительному переносу, а что́ в двух языках должно быть противопоставлено, с особым упором на трудности, причиной которых является интерферирующее влияние родного языка. При сознательном сопоставлении явлений родного языка и изучаемого усвоение второго языка происходит более эффективно, а родной язык становится фактором, способствующим усвоению второго языка.

Общепризнано, что более всего интерференция проявляется в лексике. Подвижность лексики, ее постоянное обновление является одной из причин трудностей в усвоении словарного запаса изучаемого языка, его семантического потенциала и в правильном использовании его лексических единиц. Степень интерференции зависит, во-первых, от уровня владения билингвом вторым языком и, во-вторых, от умения различать специфические особенности изучаемого языка.

Лексическая интерференция в речи билингва обусловлена

---

[5] *Хашимов Р.И.* Идентификация при билингвизме и некоторые вопросы интерференции. — В кн.: Русский язык: Теория и методика преподавания. Душанбе, 1980, с. 3.

идентификацией лексических единиц родного и второго языков и отождествлением их семантических объемов. Появлению ошибок способствует также специфика лексической системы русского языка. Необходимо отметить, что идентификация имеет место только тогда, когда соответствующая лексическая единица существует в родном языке и известна билингву. Идентифицироваться могут разнообразные лексические единицы и категории, служебные слова и морфемы, грамматические формы и синтаксические модели родного и усваиваемого языков, при этом "наблюдается переплетение и семантической, и словообразовательной, и грамматической интерференции"[6]. Особенно много ошибок появляется из-за отождествления семантических объемов слов контактирующих языков. Своеобразие словарного состава и семантической системы каждого из языков, расхождения в семантических объемах слов, особенно общеупотребительных, создают условия для неизбежной интерференций в речи билингва.

Серьезные трудности возникают у билингва при усвоении семантических оттенков русских лексем. И если "двуязычный индивид овладел только общим значением слов лексико-семантической группы, но слабо разбирается в стилистических и эмоционально-экспрессивных оттенках и т.д. данных лексем, то нельзя говорить о качественном овладении данной совокупностью слов. Умение употребить в конкретном речевом обращении то или иное слово поможет билингву избежать интерференции в своей речи, правильно выразить свои мысли и чувства"[7].

Отмеченные нами лексико-грамматические нарушения в русской речи студентов-таджиков весьма разнообразны. Среди них выделяются следующие типы:

I. *Неоправданное использование слов таджикского языка в русском тексте.* Студенты-таджики переносят в свою русскую речь некоторые лингвистические термины родного языка, например: В этом предложении нужно поставить *вергуль* (запятая); В конце каждого предложения ставится *нукта* (точка). Перенесение данных слов из родного языка в русскую речь неправомерно, так как в русском языке существуют слова, обозначающие те же понятия. Такая интерференция обусловлена субъективными причинами, в частности отсутствием определенной лексической единицы в словарном запасе билингва.

[6] *Даунене З.П.* Лексические ошибки, обусловленные спецификой родного языка. — РЯНШ, 1975, N 5, с. 30.

[7] *Хашимов Р.И.* Некоторые вопросы двуязычия и принципы выделения тематических и лексико-семантических групп слов. — В кн.: Русский язык: Теория и методика преподавания, с. 208.

Случаи подобного перенесения относительно редки, но приведенные примеры типичны в речи таджика. Естественно, что неоправданное употребление слов таджикского языка в русской речи прежде всего наблюдается на начальном этапе обучения, но иногда встречается и в речи студентов.

Однако в некоторых случаях употребление таджикских слов в русской речи бывает необходимым в силу объективных причин. Так, использование слов *самбуса* (особый вид пирожка), *курпача* (особый вид ватного одеяла), *ид* (праздник), словосочетания *иди Навруз* (праздник Весны) в русской речи таджиков и представителей остальных национальностей Таджикской ССР, включая русских, объясняется тем, что значения слов *самбуса, курпача, ид, Навруз* отличается от русских соответствий в силу различия понятий, обозначаемых этими словами в обоих языках. Поэтому предложение: Я купил *пирожок* — не тождественно по смыслу предложению: Я купил *самбусу*. Таджику не свойственна фраза: Ведь сегодня *праздник Весны!;* он непременно скажет: Ведь сегодня *иди Навруз!* (или просто *Навруз*). И хотя это явление несомненно интерференционного характера, его не следует относить к грубым нарушениям норм русского языка, особенно в данной языковой ситуации.

В речи студентов мы также сталкиваемся с характерным явлением употребления одних русских слов вместо других. Так как в русском языке это явление по отношению к словам близкого звучания носит название паронимии, то нам кажется, что это понятие целесообразно применить и расширить в плане билингвизма. К паронимии во второязычной речи мы относим особый вид интерференции, проявляющейся в замене одних слов другими. С этой точки зрения в речи на неродном языке выделяются два вида паронимии: межъязыковая и внутриязыковая. Межъязыковая паронимия обусловлена влиянием родного языка, при котором говорящий сближает по своему значению или звучанию слова родного и русского языка; сюда же относится смешение слов собственно русского языка, не входящих в синонимические пары. К явлениям межъязыковой паронимии можно отнести смешение билингвами-таджиками таких пар слов, как *расстрелять — застрелить, поставить — положить, научить — выучить* и т.д.

Внутриязыковая паронимия обусловлена существованием паронимов в самом русском языке. К явлениям внутриязыковой паронимии можно отнести употребление таджиками слова *одеть* вместо *надеть* и т.п. (впрочем, такое же явление наблюдается и в речи русского населения — в этом и состоит принципиальное различие внутриязыковой паронимии от

межъязыковой во второязычной речи). А объединяет эти два типа паронимии тот факт, что билингв в речи на неродном языке использует одно слово вместо другого. Паронимия во второязычной речи появляется, очевидно, потому, что "любое слово всегда может вызвать в памяти все, что способно тем или иным способом с ним ассоциироваться"[8].

Анализ типичных лексико-грамматических нарушений в русской речи студентов-таджиков позволил выделить несколько разновидностей межъязыковой паронимии: 1) фонетическую, 2) лексическую, 3) семантическую, 4) грамматическую, 5) функциональную. Следует отметить, что все разновидности межъязыковой паронимии взаимосвязаны и взаимообусловлены.

II. *Нарушения лексико-семантического характера.* Чаще всего отклонения в русской речи студентов наблюдаются на лексико-семантическом уровне. Диапазон подобных нарушений весьма широк. На этом уровне наблюдаются такие разновидности межъязыковой паронимии, как фонетическая, лексическая, семантическая.

1. Фонетическая межъязыковая паронимия. Этот вид паронимии возникает оттого, что в русском языке существует немало слов, близких по своему звуковому облику. Вполне естественно, что человек, слабо владеющий русским языком, допускает ошибки в употреблении подобных лексем.

Среди слов, близких по своему звучанию, выделяется несколько групп, если подходить к рассмотрению подобных явлений с точки зрения морфологической и словообразовательной структуры слов. Первая группа слов представлена разнокорневыми парами, которые студенты смешивают из-за близости их звучания: Мы провели хорошее *предприятие* (вм. *мероприятие*); Все студенты пошли в *лексический зал* (вм. *лекционный*); В ответ он *шепнул* головой (вм. *кивнул*). Нами отмечены следующие пары слов, составляющие эту группу: *двенадцать — девятнадцать, пожалел — пожелал, светит — цветет, насущный — несущий, деревня — древний.*

Следующую группу слов межъязыковой фонетической паронимии составили однокоренные слова, в употреблении которых студенты ошибаются по двум причинам: из-за неразличения приставок и из-за наличия одного и того же корня.

Разнообразие префиксов в русском языке создает предпосылки для их смешения, ср.: Каждая глава книги имеет свое *звание* (вм. *название*); Я дома хорошо *научил* это стихотворение (вм. *выучил*). Студенты в своей речи смешивают слова: *заключить — отключить, сохраняются — охраняются,*

[8] *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. М., 1933, с. 123.

пролетел — полетел, допустил — опустил, зажгли — сожгли, зашли — вышли.

Базой для речевых ошибок служит также наличие в языке однокоренных слов, близких по своему звучанию, например: Вопрос был поставлен на *согласование* (вм. *голосование*); В результате деления получаем *частность* (вм. *частное*). Сюда же относятся ошибки в использовании слов *факты — факторы, световое — светлое, тепловой — теплый.*

2. Лексическая паронимия. Процесс лексической интерференции в речи студентов-таджиков выражается в использовании слов, значение которых понято ими неверно или совсем не понято. Очевидно, эти слова вызывают в сознании билингва определенные ассоциации с тем понятием, которое они пытаются выразить. Это явление может быть охарактеризовано как лексическая паронимия в речи на втором языке. Приведем несколько примеров: У моей подруги красивые *полукруглые* ресницы (вм. *загнутые*); Мересьев очнулся, а у него ноги был *брак* (вм. *искалеченные*). Необходимо отметить, что случаи подобной лексической межъязыковой паронимии встречаются редко и объясняются индивидуальными языковыми ассоциациями говорящего.

3. Семантическая паронимия. Это наиболее распространенный вид паронимии на лексико-семантическом уровне. Овладение семантикой слов второго языка представляет особую трудность, так как "при переходе с одного языка на другой можно в совершенстве усвоить произношение чужого языка, полностью овладеть его лексикой, не примешивая к ней ни одного слова из родного языка, но трудно, почти невозможно отрешиться целиком от привычных семантических связей и ассоциаций"[9]. Идентификации подвергаются не только лексические единицы, но и семантические объемы слов родного и изучаемого языков. Опираясь на систему понятий родного языка, билингв часто ошибается в употреблении тех или иных слов. Как правило, это многозначные слова: Зимой животных спасает их *кожа* (таджикское слово *пуст* соответствует двум русским словам — *мех* и *кожа*, отсюда *кожа* вместо *мех*); Охотники хотели *расстрелять* волка (таджикское *парронданн* соответствует русским глаголам *застрелить* и *расстрелять*, отсюда смешение этих глаголов в речи таджиков); В 1921 году из Англии в Россию *пришел* писатель Уэллс (таджикское *омадан* соответствует русским *прийти, приехать, прибыть*, и поэтому таджики очень часто ошибаются

[9] *Абаев В.И.* О языковом субстрате. — Докл. и сообщ. Ин-та языкозн. АН СССР, М., 1956, N 9, с. 66.

в употреблении этих глаголов). Во всех приведенных примерах одной таджикской лексеме соответствуют два или три русских слова, что и затрудняет таджику выбор нужного из них.

Вызывает интерес в этом плане употребление глагола *ставить*. Описание аналогичного явления мы находим у В.И. Абаева: «... я нередко ловлю себя на том, что продолжаю мыслить на родном мне осетинском языке. Например, мне случается иногда употребить глагол *положить* там, где следует сказать *поставить*: положить стакан вместо поставить стакан. Почему? Несомненно потому, что в осетинском "положить" и "поставить" выражаются одним и тем же глаголом...»[10]. В таджикском языке основное значение глагола *ставить* передается глаголом *мондан*. И в русском, и в таджикском языке глаголы многозначны, но их семантические объемы не совпадают полностью. В своей русской речи студенты употребляют глагол *поставить* в его основном значении там, где его быть не должно, ср.: Пионеры *поставили* цветы к памятнику героя ; Продавец *поставил* на весы большой кусок масла; Нам задали *поставить* вопросы к тексту. В данных предложениях студенты вместо глаголов *возложить, положить, составить* употребили глагол *поставить*. В таджикском языке значения этих трех глаголов передаются не одним, а несколькими синонимичными словами и в качестве одного из синонимов ко всем этим глаголам употребляется таджикский глагол *мондан*, соответствующий русскому *ставить*. По семантической ассоциации с родным языком студенты во всех трех случаях употребляют глагол *поставить*, не понимая, что его основное значение вовсе не соответствует значениям глаголов *возложить, положить, составить*.

С трудом дается билингву дифференциация значений слов, их семантических оттенков. Из двух лексических единиц, семантические границы которых в чем-то соприкасаются, билингв чаще всего выбирает такую, которая для него привычнее, понятнее в данной ситуации, причем предпочтение отдается словам нейтральным. Часто такой выбор бывает ошибочным. И хотя при этом смысл сказанного остается понятным, налицо нарушение лексических норм: Мирзо Турсунзаде *влиятельный* деятель культуры (вм. *выдающийся*); В антракте мы гуляли *в коридоре* театра (вм. *фойе*); Собирать марки — это его *любовное* дело (вм. *любимое*). Подобных примеров можно привести немало: *создатель — составитель, одна десятая — одна десятка, обратно — опять, бригада коммунистического труда — бригада коммунистов.*

[10] Там же.

Многообразие лексико-семантических нарушений не исчерпывается указанными ошибками, они представляют собой лишь ту часть, которая встречается особенно часто.

Незнание семантики слов приводит также к нарушению норм лексической сочетаемости. Одной из причин нарушения лексической валентности является идентификация словосочетаний таджикского языка со словосочетаниями русского языка, ср.: Своих товарищей подводить *не можно* (вм. *нельзя*, которое на таджикский язык переводится словосочетанием *мумкин нест;* таджикское *мумкин нест* дословно переводится 'можно нет', поэтому таджик создает новое сочетание — *не можно*); *Однажды день* мы вместе пошли в лес (в таджикском языке словосочетание *як руз* буквально означает 'один день', а по смыслу соответствует русскому *однажды;* таджик по аналогии с родным языком добавляет к нему еще слово *день*, в результате чего получается словосочетание *однажды день*); У моей сестры двое *ребенок* (в таджикском языке нет супплетивной формы *ребенок — дети*, а есть форма *бача — бачаҳо*, где *-ҳо* служит показателем множественности). С этим явлением связано неправильное употребление некоторых супплетивных форм русского языка. Так, студенты путают русские формы *год — лет*, которым в таджикском языке соответствует одна лексема *сол*, ср.: Мне уже *18 год* исполнилось; Они встретились только через *пять год*.

Но чаще всего нарушение норм лексической сочетаемости происходит вследствие незнания законов русского словоупотребления. Оно наблюдается тогда, когда лексемы русского и таджикского языков совпадают в основных значениях, но круг их сочетаемости различен, ср.: Райком комсомола *дал* мне *благодарность* (благодарность можно *вынести, объявить*, но нельзя *дать*); Нашей республике *присвоен* орден Дружбы Народов (присваивают звание, имя, а орденом *награждают*); Эти вопросы *волнуют* наши *головы* (вопросы *волнуют* наши *умы*, а не головы); Я всегда *приготавливаю* домашнее *задание* (вм. *выполняю*).

III. *Лексико-грамматические нарушения.* Ошибки лексико-грамматического характера связаны с нарушением грамматических законов языка. Здесь наблюдаются такие виды межъязыковой паронимии, как грамматическая и функциональная.

4. Грамматическая паронимия. Этот вид паронимии характеризуется неправильным употреблением грамматических конструкций, категорий русского языка, что приводит к нарушению лексических норм. Обратимся к примерам. Русские глаголы, обозначающие состояние человека, в таджикском языке выражаются сочетанием двух глаголов — основного

и вспомогательного *шудан* 'стать, становиться' (необходимо отметить, что в таджикском языке в отличие от русского преобладают аналитические конструкции). Идентифицируя компоненты глагольной конструкции родного языка, студенты-таджики вместо глаголов состояния в своей русской речи употребляют сочетание глагола *стать* с прилагательным, семантически соотносимым с глаголом, ср.: Карим *стал здоровый* и пришел на занятия (вм. *выздоровел,* что соответствует таджикскому соловосочетанию *сиҳат шудан*); Ты совсем *стал худой* (вм. *похудел,* что соответствует таджикскому *хароб шудан*); Саша быстро *стал веселый* и улыбнулся (вм. *повеселел,* в таджикском языке — *хурсанд шудан*). В данном случае интерференция в речи таджика проявляется в идентификации речевых конструкций таджикского и русского языков.

На появление лексико-грамматических ошибок влияет и незнание семантики слов. Так, студенты-таджики употребляют собирательные существительные русского языка во мн. числе, не понимая того, что в семантике этих слов уже заложено значение множественности: Мы видели необыкновенные *чудесы;* Вокруг нас были красивые *природы;* Все *листвы* деревьев пожелтели.

Многочисленные ошибки наблюдаются при использовании возвратных глаголов, что объясняется отсутствием в таджикском возвратного залога. В таджикском языке возвратное значение имеют некоторые сложноименные глаголы, образованные с помощью того же вспомогательного глагола *шудан,* а в ряде случаев оно выражается описательным способом. В русском языке возвратный залог выражается при помощи частицы *-ся* (*-сь*). На наш взгляд, ошибки допускаются в силу столь явного несоответствия способов выражения возвратности в русском и таджикском языках. Фактический материал позволяет выделить две категории ошибок: 1) неправильное употребление возвратных глаголов: В этом журнале он *публикуется* свои статьи; Ребята сами *убирались* комнату; К трем прибавить один *получит* четыре; Кругом *раздавали* веселые голоса; Учитель *оказывается* много внимания слабым ученикам; 2) ошибки формообразовательного характера: Он хотел *гуляться;* Отец уже начал *выздоравливаться;* Даже египтяне не могли *обходить* без математических сведений; Эйнштейн *выдающий* ученый.

5. Функциональная паронимия. Этот вид паронимии во второязычной речи заключается в неверном употреблении служебных слов, в частности русских предлогов. Так, неверное использование предлогов *из* и *от,* которым в таджикском

языке соответствует один предлог *аз,* обусловливает появление синтаксических конструкций типа: *Из остановки* до дома нужно идти пять минут; Я получил письмо *из друга.* Причем в основном употребляется предлог *из.* В основе подобных нарушений лежат две причины: 1) предлог *из* близок по звучанию к таджикскому предлогу *аз;* 2) предлог *из* обладает большей частотностью, чем предлог *от*[11].

Подобная ситуация возникает также при передаче форм русского твор. падежа. В таджикском языке значение орудийности и совместности действия русского твор. падежа передается с помощью предлога *бо,* который соответствует предлогу *с* (*со*) в русском языке. В силу этого таджики употребляют предлог *с* не только при обозначении совместности, но и при обозначении орудийности, что приводит к следующим ошибкам: Руки надо мыть *с мылом;* В тетрадях мы пишем *с ручкой,* а на доске *с мелом;* Не балуйся *с ножом*!

Очень большую трудность представляют собой предлоги, которые употребляются при нескольких падежах. Таковы русские предлоги *в* и *на.* В определенных ситуациях данные предлоги соответствуют одному таджикскому предлогу *ба,* вследствие чего студенты ошибаются в их использовании, ср.: *В числу* замечательных сооружений относится ВДНХ; Книга выпущена *по русскому языку* (вм. *на русском языке*); Я хочу поступать *на университет в физический факультет.*

Таким образом, анализ собранного фактического материала показывает, что интерференция может проявляться как на отдельном уровне, так и во взаимодействии всех уровней.

Следовательно, системность русского и родного языков обусловливает системность проявления интерференции на всех уровнях языка. Явления интерференции предстают в виде типических ошибок, которые прослежены нами на материале русской речи определенного социального коллектива.

[11] См.: *Штейнфельд Э.* Частотный словарь современного русского литературного языка. Справочник для преподавателей русского языка. М., 1969 (на рус. и франц. яз.).

ВЛИЯНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ НА КУЛЬТУРУ РУССКОЙ РЕЧИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЛИТОВСКО-РУССКОГО И РУССКО-ЛИТОВСКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

Изучение основной проблемы культуры речи, проблемы функционирования языковых средств, в условиях нашей страны должно идти в неразрывной связи с изучением одной из ведущих тенденций развития языковой жизни народов СССР — распространения национально-русского двуязычия.

Так как формирование национально-русского двуязычия в нашей стране, в том числе и в Литовской ССР, связано главным образом со школьным обучением, в процессе которого происходит активное и целенаправленное формирование знаний, умений и навыков второго языка, в настоящем исследовании делается попытка анализа состояния культуры русской речи учащейся молодежи республики в условиях литовско-русского и русско-литовского билингвизма.

Важность и актуальность такой постановки вопроса определяются тем, что в практической деятельности по повышению культуры речи прежде всего следует ориентироваться "на тех носителей языка, которые связаны с литературным языком профессионально, т.е. используют язык как орудие повседневной деятельности и поэтому наиболее сильно... влияют на речевую культуру всего общества"[1]. А на первом месте среди таких носителей языка несомненно стоят учителя. Поэтому основным объектом данного исследования избрана русская речь учителей и студентов дневного и заочного отделений начального обучения Шяуляйского педагогического института им. К. Прейкшаса, реже в работе используются примеры из русской речи учащихся национальных средних школ и техникумов республики.

В условиях формирования массового литовско-русского и русско-литовского двуязычия в Литовской ССР определяющая роль принадлежит такому двуязычию, которое возникает при "условии активного и сознательного воздействия на становление данного умения (например, со стороны учителя)"[2]. В крупных и развивающихся городах республики, а также в районах совместного проживания населения разных этнических групп

[1] *Жуперка К.Й., Гудавичюс А.Й.* [Рец. на кн.:] Aktuální otázky jazykové kultury v socialistické společnosti. Praha: Academia, 1979. 288 с. — ВЯ, 1981, N 1, с. 148.

[2] *Верещагин Е.М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., Изд-во МГУ, 1969, с. 44.

(белорусов, латышей, поляков, русского старожильческого населения), где русский язык используется в качестве средства коммуникации между людьми разных национальностей, т.е. как средство межнационального общения, большое значение приобретает также и социальная потребность в усвоении русского языка. С насущной необходимостью его знания в этих случаях сталкивается не только учащаяся молодежь, но и взрослое население, о чем свидетельствуют статистические данные[3]. В таких условиях, когда формирование массового двустороннего двуязычия определяется необходимостью общения в разных сферах жизни — в производственной деятельности, в быту и др., развиваются синтезированные речевые умения, так как школьное обучение русскому языку и его естественное усвоение в процессе повседневного общения сливаются воедино.

Данное обстоятельство определяет большую сложность происходящих при этом языковых процессов, обусловливаемых влиянием как собственно лингвистических факторов, так и неязыковых, экстралингвистических. При этом речевые системы первого и второго языков билингвов младшего поколения, т.е. учащейся молодежи, сохраняются в более чистом виде, чем у билингвов старшего поколения, что обусловливается координирующим и нормирующим воздействием процесса обучения в школах и вузах, а также воздействием литературного языка. Однако и в этих условиях в речевой практике индивидов, изучающих второй язык, наблюдаются особые сложности, определяемые прежде всего проникновением элементов языковой системы и речевых навыков родного языка в изучаемый. Там, где языковые явления и речевые навыки обоих языков совпадают, происходит процесс транспозиции, облегчающий усвоение материала русского языка и способствующий закреплению навыков русской речи. Там же, где такое совпадение отсутствует в русской речи, родной язык нередко так или иначе "просвечивается". Поэтому при изучении русской речи нерусского двуязычного населения большую важность приобретают вопросы межъязыковой и внутриязыковой интерференции.

Большинство имеющихся работ по вопросам обучения русскому языку в литовской школе посвящено грамматическим сходствам и различиям русского и литовского языков,

[3] По данным переписи населения 1979 г., литовско-русские билингвы составляют 52,2% общего числа литовского населения республики [см.: Население Литовской ССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. Вильнюс, 1980, с. 17 (на лит. яз.)].

в то время как конкретные исследования методистов республики свидетельствуют о том, что многие затруднения в процессе общения на русском языке вызываются не грамматическими ошибками, а отклонениями от лексических норм русского языка. Поэтому представляется целесообразным обратиться к исследованиям именно в этой области, так как изучение и классификация нарушений лексических норм в русской речи учащейся молодежи будут способствовать их предупреждению и корректировке, а тем самым и повышению общего уровня языковой культуры общества.

Объектом исследования послужили устные ответы и письменные работы учащихся, материалы проверки уровня знаний и умений по русскому языку, а также различные виды самостоятельной работы студентов. При этом более показательными, на наш взгляд, являются речевые упражнения, требующие спонтанного употребления языковых средств без их осознания в момент говорения, т.е. порождения текста в процессе живого общения. Так, в ходе речевых упражнений в русской речи литовцев наряду с явными лексическими отклонениями наблюдались и другие явления, свидетельствующие об особенностях становления речевых навыков на втором языке, например задержки, паузы при поиске информантом нужного слова; случаи неуместного употребления слова с последующим его исправлением путем подбора нужного слова-синонима, более точного по смыслу и соответствующего правилам русской словосочетаемости; использование в русской речи слов родного языка; появление лишних вводных слов; оговорки, исправляемые самим говорящим, и др.

Появление лексических нарушений в русской речи литовцев часто обусловлено одновременным влиянием разных факторов и сопровождается указанными выше дополнительными отклонениями, что затрудняет их учет и классификацию, но в то же время показывает особенности становления литовско-русского и русско-литовского двуязычия. Описывая нарушения лексических норм в русской речи учащихся-литовцев, мы в основном придерживаемся их общепринятого толкования и классификации[4]. Нами учтены ошибки и нарушения всех типов, отмеченных в общепринятой их классификации. Наряду с этим

[4] См.: *Даунене З.П.* Об учете особенностей родного языка учащихся при обучении русской лексике. — РЯНШ, 1973, N 2, с. 17—22; *Она же.* Лексические ошибки, обусловленные спецификой родного языка. — РЯНШ, 1975, N 5, с. 26—31; *Клумбите Д.* Лексико-семантические ошибки в устной речи учащихся-девятиклассников и некоторые пути их преодоления. — В кн.: Взаимодействие языков в процессе обучения. Вильнюс, 1971, с. 32—35.

выделены и другие наиболее распространенные и типичные, на наш взгляд, группы нарушений, еще не описанные, например типичные проявления в русской речи литовцев случаев скрытой интерференции, излишней описательности, некоторые случаи нарушения словоупотребления, обусловленные ложным отождествлением сходной звуковой стороны различных русских слов и вызванные неразвитостью фонематического слуха учащихся, и т.д.

В тех случаях, когда появление нарушений может быть обусловлено воздействием нескольких факторов, в основе классификации оказывается, на наш взгляд, ведущий признак. При выявлении причин лексических нарушений принимаются также во внимание особенности усвоения второго языка на разных ступенях развития национально-русского двуязычия[5]. Исходя из положения о том, что культура речи неотъемлема от культуры мышления и поведения человека и ее повышение не изолированный процесс, а одно из звеньев разностороннего развития личности[6], в данной работе мы делаем попытку показать воздействие на культуру русской речи не только собственно лингвистических, но и социально-педагогических факторов.

В результате анализа конкретного языкового материала нами выделяются следующие типы нарушений лексической нормы русского языка, наблюдаемых в речевой практике литовской учащейся молодежи:

1. Собственно лексические нарушения. В русской речи литовцев на всех ступенях литовско-русского двуязычия довольно часто наблюдаются случаи введения слова родного языка в русский контекст. Это может быть обусловлено различными причинами: недостаточной усвоенностью русского слова, его фонетической близостью к сходному слову родного языка (так называемой огласовкой), а также невнимательностью говорящего, что в свою очередь может зависеть от речевой ситуации и других причин неязыкового плана. Так, использование литовских слов в русской речи студентов I—II курсов чаще всего наблюдается в неконтролируемой речевой ситуации — в разговорах со сверстниками на переменах, вне института, в личной переписке и т.п., например: Ты вчера смотрела фильм по *телевизии?* (вм. *по телевиде-*

---

[5] См.: Развитие национально-русского двуязычия. М., 1976, с. 201—213, 248—257, 285—295, 335—351.

[6] *Кубилюс Й.* Вступительное слово на V Республиканском теоретическом семинаре по культуре речи. Вильнюс, 21—22 окт. 1976 г. — Musu kalba (Наша речь), 1977, N 5, с. 3—5.

нию); Включи *электру*, уже темно (вм. *электричество*); Во время практики я со своим классом ездила в *Эстию* (вм. в *Эстонию*); Он стоял тихо, как *статула* (вм. *как статуя*); ср. также употребление слов *Грайкия* (вм. *Греция*), *Киния* (вм. *Китай*), *балтарус* (вм. *белорус*), *швесофор* (вм. *светофор*), *бригадининк* (вм. *бригадир*), *рекординink* (вм. *рекордсмен*) и т.п.

Подобные нарушения обусловлены воздействием как собственно лингвистических, так и социальных факторов, которые иногда тесно переплетаются. Так, стремительное развитие средств массовой коммуникации значительно расширяет кругозор учащейся молодежи, в их активный словарь входит много новых терминов, языковое оформление которых в родном и русском языках или тождественно, или является очень близким. Все это способствует появлению в русской речи литовских учащихся на месте русских слов соответствующих литовских.

Показательно, что лексические нарушения такого типа наблюдаются главным образом в употреблении иноязычной лексики, пришедшей в литовский язык через посредство русского, что в свою очередь нередко порождает обратную интерференцию — влияние русского языка на культуру литовской речи. Так, в условиях формирования естественного русско-литовского и литовско-русского двуязычия значительно чаще, чем в русской речи литовцев, наблюдается перенесение русских лексем в литовскую речь с добавлением литовского окончания, иногда суффикса: *gruzovikas* 'грузовик', *brigadierius* 'бригадир' и т.п. Решающее значение при этом имеет воздействие экстралингвистических факторов, в первую очередь таких, как этнический состав речевого коллектива, возраст, уровень образования, на что уже неоднократно указывалось в социолингвистических исследованиях[7], анализирующих специфические проблемы культуры речи родного и второго языков, возникающие в районах Литовской ССР со смешанным населением, где "существует повышенная социальная потребность в хорошем знании второго языка, а также возможность снижения культуры речи из-за активного функционирования двух или же нескольких языков"[8].

[7] См., например: *Михальченко В.Ю.* Использование нескольких языков и культура речи. — Kalbos kultura (Культура речи), Вильнюс, 1974, N 27, с. 5—10 (на лит. яз.); *Она же.* О взаимодействии литовского и русского языков в условиях двуязычия. — В кн.: Социолингвистические проблемы развивающихся стран. М.; 1975, с. 286—293.

[8] *Михальченко В.Ю.* Актуальные социолингвистические проблемы языковой жизни Литовской ССР. — В кн.: Проблемы социальной лингвистики. Вильнюс, 1979, с. 27.

Возвращаясь к проблеме культуры речи учащейся молодежи, следует отметить, что обусловленные указанными выше причинами лексические нарушения наиболее устойчивы на начальном этапе формирования литовско-русского двуязычия, но они имеют место и на последующих этапах обучения русскому языку, о чем свидетельствует такой пример репродуктивной речи семиклассника (из пересказа текста учебника о народном художнике СССР А. Жмуйдзинавичюсе): Будущий художник учился в Художественном институте *в Пранцузии* (вм. *во Франции*). Художник сам описал, как он учился у польского художника *в Варшуве* (вм. *в Варшаве*)... Жмуйдзинавичюс нарисовал цикл картин *о Нямунасе* (вм. *о Немане*).

2. Лексические нарушения, обусловленные внутриязыковой синонимией и несовпадением семантических полей литовских и русских слов.

Причиной высокой частотности нарушений данного типа в русской речи литовцев является главным образом внутриязыковая и межъязыковая интерференция на лексико-семантическом уровне. Самыми распространенными являются нарушения, обусловленные тем, что одному слову литовского языка в русском языке зачастую соответствует несколько эквивалентных лексем, чаще всего синонимов, обладающих более узкой сферой употребления и специфической сочетаемостью по сравнению с корреспондирующим словом литовского языка. Так, следующим парам русских слов соответствует одно литовское слово: *длинный — долгий, дорога — путь, другой — иной, жаркий — горячий, перемена — перерыв, смотреть — глядеть, спешить — торопиться, товарищ — друг, трудный — тяжелый, век — возраст, достать — получить, зависеть — принадлежать, каникулы — отпуск, курить — коптить, население — жители, молодой — юный, очередь — ряд, провести — пропустить, скамейка — парта, следить — следовать, определить — установить* и др. Нарушения в употреблении подобных лексем в русской речи литовцев, на наш взгляд, можно объяснить их различной дистрибуцией в русском и литовском языках. Недостаточный учет специфики употребления и сочетаемости русских слов приводит к речевым ошибкам, так как литовец не чувствует разницы между значением этих слов и употребляет их в соответствии с законами родного языка, например: Жизненная *дорога* писателя была трудной (вм. *путь*); Папа свои *каникулы пропустил* в деревне (вм. *отпуск провел*); *Молодые* натуралисты побывали в зоологическом саду (вм. *юные*).

Несколько реже встречаются нарушения, вызванные тем

фактом, что одному русскому слову соответствуют два или несколько литовских, обладающих более узким значением и специфической сочетаемостью. Так, каждому из приведенных ниже русских слов: *любить, играть, сырой* — в литовском языке соответствуют по два слова, имеющих различное значение и сочетаемость. В таких случаях наблюдаются явные, грубые нарушения словосочетаемости как при литовско-русском, так и при русско-литовском двуязычии, например: Чтобы не заболеть, надо пить не *зеленую* (вм. *сырую*), а *вареную*[9] (вм. *кипяченую*) воду.

Частыми и устойчивыми являются нарушения, обусловленные сложным переплетением семантических полей отдельных слов двух языков, когда ряд слов-синонимов одного языка корреспондирует с рядом слов-синонимов другого языка, но их сочетаемость в обоих языках не совпадает. В качестве примеров такого сложного соответствия семантики отдельных синонимических рядов в русском и литовском языках можно указать следующие группы слов: *крепкий, прочный, твердый* и примыкающее к ним слово *сильный* (частично совпадающая дистрибуция) — в литовском языке им соответствует также ряд из четырех слов; *известный, знаменитый, знакомый, знатный* — в литовском языке три слова; *иметь, владеть, обладать, располагать* — в литовском два слова; *обыкновенный, обычный, простой* — в литовском два слова; *есть, кушать* — в литовском два слова. Нарушение языковых норм в использовании таких лексем носителями другого языка связано с различиями в синонимии лексических единиц в разных языках. Недостаточным учетом особенностей лексической синонимии, по-видимому, можно объяснить неправильный выбор слова внутри одной смысловой синонимической группы, например: Ребенку нельзя пить *сильный* (вм. *крепкий*) чай; Это были стихи *знакомого* (вм. *известного*) поэта.

Иногда причиной лексического нарушения выступает недостаточное знание двуязычным информантом всех русских слов, корреспондирующих со словами родного языка, вследствие чего употребляется известное информанту, но неуместное в данном контексте слово. Таково, например, неверное употребление глагола *уронить*, не включенного в словарь-минимум для литовских школ, сопряженное отчасти с этой причиной: Девочка нечаянно *бросила* (вм. *уронила*) чашку, и она разбилась; Вы *потеряли* (вм. *уронили*) платок.

[9] В литовском языке русскому слову *сырой* соответствуют разные лексемы, обозначающие понятия "сырое мясо", "некипяченая вода", "сырая погода", а соответствующие русским словам *вареный* и *кипяченый* литовские лексемы различаются лишь суффиксом.

Устойчивыми в русской речи литовцев также являются нарушения, обусловленные специфическим употреблением русских слов в сопоставлении с их литовскими эквивалентами. Это относится к таким парам слов,как *родители — отцы, воздух — погода, отпуск — каникулы,* которым в литовском языке соответствует одно слово, имеющее два разных значения, эквивалентных двум разным русским словам. В результате такого сложного межъязыкового соответствия учащиеся-литовцы иногда расширяют значение одного из русских слов (чаще — более привычного для говорящего), употребляя его в значении любого из двух русских слов, например: По всей стране стоял холодный *воздух* (вм. *погода*); Тургенев написал роман о *родителях* (вм. *отцах*) и детях; Мои *отцы* (вм. *родители*) получили *каникулы* (вм. *отпуск*), и мы поехали к морю.

3. Лексические нарушения, обусловленные недостаточным разграничением смысловых значений близких по семантике слов.

В русской речи литовцев-старшеклассников и учащихся средних специальных учебных заведений[10], по нашим наблюдениям, довольно часто встречается неправильное использование русских лексем, обусловленное прежде всего причинами лингвистического порядка, а именно недостаточным разграничением смысловых значений близких по своей семантике слов, их стилистической и контекстуальной принадлежности. Это такие глагольные пары, как *вдохновлять — воспитывать, возвышать — воздвигать, выражать — изображать, длиться — тянуться, охранять — защищать, подтвердить — оправдать, потерять — пожертвовать, показываться — проявляться, разрушить — разбить, строить — создавать;* именные слова и словосочетания: *неразличаемый — неотделимый, сделанный — совершенный, теплота — жара, великие дела — великие свершения* и т.п.

Кроме лингвистических причин нарушения такого типа в известной степени обусловлены также и влиянием экстралингвистических факторов, в частности местонахождением информантов, их языковым окружением. Так, в большинстве случаев подобные нарушения зафиксированы в речевой практике воспитанников сельских школ или школ городов районного подчинения, где почти отсутствует русское языковое

[10] В качестве материала исследования нами привлекались и языковые материалы, извлеченные из материалов проверки работы политехникумов республики по обучению русскому языку, в которой принимал участие один из авторов данного исследования.

окружение, например:[11] ...родители, учителя *вдохновляют* нам любовь к Родине* (вм. *воспитывают у нас*); ...*возвышают* новые города и поселки* (вм. *воздвигают*); ...любовь к Родине *изображаем* отличной учебой* (вм. *выражаем*); железная дорога *длится* от Байкала до Амура* (вм. *тянется*); люди шли в бой, чтобы *охранять* свою Родину*** (вм. *защищать*); ...и мы *подтвердим ожидания отцов* (вм. *оправдаем надежды родителей*); ...много людей *потеряли свои жизни ради Родины*** (вм. *пожертвовали своей жизнью во имя Родины*); дружба *показывается* на разных стройках** (вм. *проявляется*); ...украшают *огромные работы*** (вм. *великие дела*); *не можно* забыть подвигов, *сделанных* в дни тяжелых испытаний** (вм. *нельзя... совершенных* в дни); ...но никто не боялся *теплоты*** (вм. *жары*).

Подобные нарушения в использовании отдельных лексем имеют место и в русской речи студентов, хотя здесь они, как правило, касаются более сложных пересечений семантических полей: *разрушить — разбить, создавать — строить, граница — предел, искусный — искусственный, вождь — командир* и др.: Во время последней встречи с бандитами Винцас погиб, но была *разрушена* (вм. *разбита*) и вся группа бандитов; Первые фильмы были очень простые... в то время *строили* (вм. *создавали*) фильмы...; Студенты работают не в нашей республике, а за ее *границами*... (вм. *пределами*).

Затруднения лингвистического плана в отдельных случаях еще больше осложняются влиянием экстралингвистических факторов, что особенно наглядно проявляется в использовании именной пары *вождь — командир* в рассказе о руководстве студенческих строительных отрядов, где фактически необходимо употребление еще одного общественно-политического термина — *комиссар*. Хотя в рассказе студентки речь шла о комиссаре студенческого стройотряда, в котором также была и должность командира, но было использовано слово *вождь*: "По указанию *вождя* (вм. *комиссара*) Бенешюнайте Лаймы мы собрались в Вильнюсе..." В данном случае оказывает влияние необычность ситуации, которая опосредованно влияет на употребление наиболее известного и имеющего сходное по звучанию соответствие в родном языке русского слова. С другой стороны, на данной ступени двуязычия лексические нарушения такого типа встречаются значительно реже, что объясняется расширением и углублением лингвистических

[11] Здесь одной звездочкой обозначены примеры из речевой практики воспитанников сельских школ, двумя — школ городов и поселков районного подчинения, тремя — крупных или растущих городов.

знаний студентов. Такие нарушения уступают место нарушениям в структуре лексических единиц, о чем будет сказано ниже.

4. Ложная синонимизация однокоренных слов и ложное "словотворчество". В русской речи учащихся и студентов-литовцев нами зафиксировано употребление одного слова вместо другого в следующих парах слов: *одевать — надевать, оказаться — показаться, гореть — загореть, листы — листья, связной — связный, удивленный — удивительный, отдельный — отдаленный, серебристый — серебряный, расписание — список* и др., например: *Листы* деревьев уже *упали* (вм. *листья... опали*); Напишите *связной* текст, используя следующие слова (вм. *связный*); Перед встречей команд мы сделали *расписание* всех участников (вм. *список*).

Такая ложная синонимизация является результатом или возникновения синонимии на основе одной лишь референции (*листы* и *листья, одевать* и *надевать*), или недостаточно четкого понимания видов дистрибуции лексических единиц (*серебряный — серебристый* — эквивалентная дистрибуция; *отдельный — отдаленный* — дополнительная; *связной — связный, удивленный — удивительный* — частично совпадающая; *расписание — список* — включенная).

Ложное "словотворчество" представляет собой использование лексических единиц, либо соответствующих нормам русского словообразования, но отсутствующих в русском языке, т.е. "придуманных" говорящим: *природник* (вм. *натуралист*), *жаркость, теплость, темность* (вм. *жара, тепло, темнота*), либо образованных с нарушением этих норм, что чаще всего выражается в неправильном использовании русской словообразовательной модели — в большинстве случаев в неправильном выборе суффикса: *боксовщик* (вм. *боксер*), *шахматер* (вм. *шахматист*), *нефтевой* (вм. *нефтяной*), *деревянская* (вм. *деревенская*), *фантазивать* (вм. *фантазировать*); приставки: *изготовить* (вм. *приготовить, подготовить*), *записать* (вм. *вписать*), *сдумать* (вм. *придумать*); первого элемента сложного слова: *одногласно* (вм. *единогласно*); производящей основы: *лживец* (вм. *лгун*) и т.п. Если в речевой практике учащихся младших и средних классов такие нарушения чаще всего затрагивают конкретную лексику, то в речи старшеклассников и студентов нередко наблюдается также и неправильное образование слов с психоинтеллектуальной семантикой: *запеть* (вм. *воспеть*), *записать* (вм. *вписать*), *положить* (вм. *заложить*), *набрать* (вм. *выбрать*), *расцветание* (вм. *процветание*), *улегчать* (вм. *облегчать*) и др., например: У них были *положены* хорошие основы знаний; ...как

хорошо *набрать* цели урока; Их имена *записаны* в историю нашей страны; ...в *расцветании* нашей Родины.

В отдельных случаях такие нарушения перерастают в словотворчество, при котором наблюдается избыточное употребление или смешение словообразовательных аффиксов: *поразговаривать* (вм. *поговорить*), *знаменительный* (вм. *знаменитый*), *происходить* (вм. *проходить*), например: Давыдов *поразговаривает* с людьми...; ...не было полотен *знаменительного* художника-пейзажиста; в нашем институте *происходила* конференция...

Нарушения в структуре слова чаще всего обусловлены речевой ситуацией, хотя, несомненно, здесь имеют место и собственно лингвистические моменты. Так, большинство случаев неправильного употребления аффиксов в речи студентов отмечено или в спонтанной, неподготовленной речи (выступления на занятиях), или в ситуациях, когда главное внимание говорящего уделяется содержанию речи (выполнение контрольных заданий, ответы на зачетах, экзаменах). А в таких ситуациях план выражения сводится лишь к уровню усваиваемых на данном этапе обучения языковых единиц, в результате чего упускается из виду коммуникативная целесообразность и норма языка[12].

5. Скрытая интерференция. Нарушения этого типа представляют собой результат влияния родного языка, выражающегося в стремлении избегать употребления той русской лексики, которая, с точки зрения носителей литовского языка, является сложной и своеобразной. Чаще всего это имеет место в тех случаях, когда одному литовскому слову в русском языке соответствуют устойчивые словосочетания, например: *идти на лыжах, идти на веслах, ехать верхом, заниматься спортом, вести себя, прийти в себя, закрыть на ключ, принимать участие, читать наизусть* и т.п.

Явления скрытой интерференции чаще всего возникают в речи учащихся и студентов на занятиях, так как в этой ситуации говорящие в той или иной степени контролируют свою речь, боятся допустить ошибки, вследствие чего предпочитают использовать хотя и не очень выразительную, но хорошо известную для них форму. Такое стремление избежать трудных для литовцев русских устойчивых словосочетаний наблюдается и в тех случаях, когда эти обороты имеют эквивалентные словосочетания в литовском языке

[12] *Костомаров В.Г.* Вопросы культуры речи в подготовке преподавателей-русистов. — В кн.: Теория и практика преподавания русского языка и литературы: Роль преподавателя в процессе обучения. Докл. сов. делегации на IV конгрессе МАПРЯЛ. М., 1979, с. 17, 27.

(естественно, отличающиеся по своему языковому оформлению). Так, литовские учащиеся и студенты часто избегают словосочетания *прийти в себя* по той причине, что в литовском языке имеется эквивалентное, но несколько отличающееся по лексическому выражению словосочетание (буквально обозначающее 'получить обратно сознание'). По той же причине двуязычные информанты избегают выражений типа *принимать лекарство, писать картину,* предпочитая выражения с семантическими кальками первых компонентов: *пить лекарство, рисовать картину.* Иногда скрытая интерференция выражается в калькировании литовского слова вместо использования русского словосочетания, например: Я ушел и *заключил дверь* (вм. *закрыл дверь на ключ*); К празднику... *самодеятели* подготовили новую программу (вм. *участники художественной самодеятельности*).

Причины таких нарушений лексической нормы русского языка носят главным образом субъективный характер, но в то же время эти нарушения обусловлены и влиянием таких экстралингвистических факторов, как речевая ситуация, уровень образования говорящего и др.

6. Излишняя описательность представляет собой использование распространенных перифраз для выражения таких понятий, которые в русском языке передаются отдельными лексическими единицами, например: *два дня раньше* (вм. *позавчера*), *каждый день* (вм. *ежедневно*), *работать всем вместе* (вм. *сообща*), *обойти со всех сторон* (вм. *окружить*), *стать здоровым* (вм. *поправиться*), *сказать"здравствуйте"* (вм. *поздороваться*), *стать знакомым* (вм. *познакомиться*), *родом из Риги* (вм. *рижанин*) и т.п. Такая излишняя описательность нередко проявляется как разновидность скрытой интерференции: говорящие предпочитают передать ту или иную мысль несколькими хорошо известными для них словами вместо использования одного, но малоизвестного, "трудного" для них слова.

7. Нарушения, обусловленные ложным отождествлением сходной звуковой стороны различных русских слов и вызванные неразвитостью фонематического слуха учащихся. Литовские школьники младших и средних классов часто отождествляют слова: *бабочка — бабушка, девочка — девушка, иметь — уметь, остановить — установить, посветить — посвятить, развеваться — развиваться, свет — цвет, седеть — сидеть, слушать — слышать, считать — читать, хоронить — хранить* и др. В результате такого отождествления паронимических слов на основе их звукового сходства возникает опасность неправильного понимания текста, неправильного конструирования словосочетаний и предложений, например:

слышать объяснения учителя (вм. *слушать*), *посветить празднику* (вм. *посвятить*); *Бабушки* летали в воздухе, а потом сели на цветок (вм. *бабочки*); Обе *девушки* учились в первом классе (вм. *девочки*); Я *умею* (вм. *имею*) два карандаша красного *света* (вм. *цвета*).

Интерферирующее влияние родного языка в данном случае обусловлено тем, что учащиеся не улавливают на слух разницу между русскими паронимами, и это порождает как орфоэпические или орфографические, так и семантические ошибки. На восприятие и продуцирование отдельных слов непосредственно влияет их сходство по звучанию с некоторыми литовскими словами, имеющими такое же значение. Ср. соответственно рус. и лит.: *пара – pora, сидеть — sėdėti, свет — šviesa, посветить – pašviesti, посвятить — pašvęsti.* Довольно часто учащиеся младших и средних классов усваивают лишь одно из двух сходных по звуковому оформлению русских слов (как правило, ими легче запоминается слово, общее для обоих языков), а фонетическая сторона, форма и семантика сходного слова усваиваются с большими затруднениями. Осознание учащимися-литовцами различий между такими сходными русскими словами происходит в результате выполнения специальных упражнений. В речевой практике старшеклассников и студентов нарушения такого типа наблюдаются значительно реже.

В русской речи литовцев старшего поколения, не испытавших нормирующего воздействия школьного обучения и литературного языка, нарушения указанного типа являются более устойчивыми. Часто двуязычные информанты старшего поколения не улавливают разницу между различными по смыслу, но сходными по звучанию русскими словами, что затрудняет восприятие ими русской речи.

Следует отметить, что имеющиеся работы по вопросам фонетической и лексической интерференции в процессе развития русско-литовского двуязычия в основном посвящены репродуктивной речевой деятельности. Интерференция же в процессе восприятия речи на другом языке пока что остается вне внимания исследователей. Опыт работы в национальной школе и специальные наблюдения над речью студентов-литовцев убеждают нас в необходимости специального изучения явлений интерференции прежде всего в процессе восприятия речи.

8. Нарушения, обусловленные отождествлением лексического значения русского слова со значением слова родного языка под влиянием их фонетического сходства, проявляются в использовании близких по своей семантике, но различающихся

по конкретному значению в тексте русских слов, таких, как: *болото* вм. *лужа* — ср. лит. *bala, ива* вм. *черемуха* — ср. лит. *ieva, поймать* вм. *взять* — ср. лит. *paimti* и т.п. Результатом такого ложного отождествления семантики русских и литовских слов является употребление литовцами русского слова в не свойственном для него значении, например: После дождя на дворе были *болота* (вм. *лужи*); У речки белым цветом расцвели *ивы* (вм. *черемуха*); Мать *поймала* идеи сына (вм. *восприняла*); она не стала *приземляться* (вм. *унижаться*) перед *жандаром* (вм. *жандармом*); Высоко в горах пастухи *гоняли* овец (вм. *пасли*). Как видно из приведенных примеров, нарушения подобного типа осложняются явлениями морфологической интерференции, что еще больше затрудняет работу над данной лексикой и требует усиленного внимания к усвоению литературных норм русского языка.

Причиной такого расхождения в значении близких по звучанию слов родственных языков является тот факт, что "в ряде случаев в словах происходила дифференциация значений, но по звуковому облику они оставались близкими"[13]. Так, например, в близкородственных литовском и латышском языках слово *ieva* 'черемуха' имеет общую форму и значение[14], а в русском языке, генетически более отдаленном, близкое по звучанию слово *ива* обозначает уже другое понятие, хотя и является названием дерева, но другого рода. В результате совпадения слов родного языка по форме и звучанию, но несовпадения по их лексическому значению наблюдается лексико-семантическая интерференция. Так как в данном случае значения русских слов литовцами воспринимаются ошибочно, семантизация и закрепление навыков их употребления требуют кропотливой работы учителя или преподавателя.

В заключение следует сказать, что данная работа представляет собой всего лишь попытку изучения лексико-семантической типологии русского языка в ортологическом аспекте и с учетом влияния лексики литовского языка, преследующую цель повышения культуры русской речи литовской учащейся молодежи на разных этапах становления и развития национально-русского двуязычия, а также отчасти и культуры родной речи местного русского старожильческого населения.

Проанализированные нами наиболее типичные случаи нарушения лексических норм русского языка литовцами не являются

[13] *Даунене З.П.* Об учете особенностей родного языка учащихся при обучении русской лексике, с. 21.

[14] *Balkevičius J., Kabelka J.* Latvių-lietuvių kalbų žodynas. Vilnius, 1977, pl. 242.

индивидуальными или случайными, а зависят от определенных свойств и особенностей родного языка говорящих и по-разному проявляются на разных этапах усвоения русского языка. Одновременно явления интерференции родного языка обусловливаются как собственно лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами, в первую очередь социальными. Так, дети значительно легче, чем взрослые, усваивают речевые нормы второго языка, что связано не только с большей восприимчивостью их памяти, но и с различной степенью ассоциаций между родным и вторым языками у ребенка и у взрослого. Такое же различие наблюдается у сельского и городского жителей, у воспитанников средних школ и вузов, что зависит от наличия и степени языкового окружения, его социальной значимости, от воздействия литературного русского языка, от социальной потребности в использовании русского языка. Поэтому в национальной (литовской) школе, где учебно-воспитательный процесс протекает на родном языке и в большинстве случаев отсутствует двуязычная среда, преодолению лексико-семантической интерференции родного языка особое внимание должно уделяться в младших классах, на первой и второй ступенях развития национально-русского двуязычия, так как в старших классах значение несовпадающих семантических полей лексики родного и второго языков усваивается значительно труднее. При этом лексико-семантическая интерференция оказывает меньшее воздействие на восприятие речи (узнавание, аудирование) и большее давление на процессы речепроизводства. Особенно большое значение для ее преодоления имеют положительное влияние литературной нормы и сознательное воздействие со стороны учителя на ее закрепление в речи учащихся.

Анализ приведенных лексико-семантических нарушений и недочетов в русской речи литовской учащейся молодежи свидетельствует о необходимости разработки специальных пособий, предусматривающих различные виды и способы преодоления этих нарушений, формирования коррекций в процессе становления литовско-русского и русско-литовского двуязычия, повышения культуры русской и родной речи молодежи и всего общества.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РУССКОГО И ЭСТОНСКОГО ЯЗЫКОВ В ОБЛАСТИ ЛЕКСИКИ И СЕМАНТИКИ

В последние десятилетия взаимодействию языков, двуязычию и интерференции уделяется все большее внимание. В первую очередь это объясняется тем, что изучение интерференции имеет особо важное значение в практике обучения второму языку.

Овладение русской речью эстонскими учащимися имеет свои ярко выраженные особенности: русский язык в эстонской школе усваивается в качестве второго языка на фоне знаний, умений и навыков по родному языку. При этом изучаемый и родной языки вступают между собой в тесное взаимодействие. Русский и эстонский языки входят в разные языковые семьи, и вследствие этого между ними наблюдаются наряду со сходными чертами значительные расхождения. Поэтому при изучении русского языка возникает интерферирующее влияние родного языка обучающихся.

Мы остановимся на особенностях проявления лексико-семантической интерференции в речи студентов-первокурсников Тартуского государственного университета и Эстонской сельскохозяйственной академии, а также на некоторых причинах появления таких ошибок.

Лексико-семантическая интерференция (ЛСИ) является следствием установления неправильных соответствий между значениями слов изучаемого и родного языков. Причиной ЛСИ являются расхождения в смысловой структуре, в объеме значений слов, в неодинаковом составе синонимического ряда и семантике его членов, в лексической сочетаемости слов и т.д. Рассмотрим некоторые возможные соответствия между словами русского и эстонского языков, которые являются источником лексико-семантической интерференции.

I. ЛСИ может быть обусловлена различием семантических структур лексических единиц русского и эстонского языков. Часто многозначное слово родного языка используется вместо нескольких русских слов, отличающихся оттенками значений. В таком случае эстонское слово имеет более общее, недифференцированное содержание, тогда как русские соответствия представлены системой, подвергающейся более детальному лексическому членению. Так, эстонское многозначное слово *kõva* (tugev) означает то же, что и русские *твердый* (земля, камень, хлеб, яблоко, воля, убеждение, решение), *крепкий* (здоровье, человек, нервы, организм, спать

крепко), *жесткий* (матрац, стул, волосы, вода, мясо, вагон), *сильный* (ветер, человек, характер, тип нервной деятельности), *черствый* (человек, характер, хлеб). В употреблении приведенных слов в речи эстонских студентов-первокурсников встречаются многочисленные неправильности лексико-семантического характера, которые получают прямое отражение в несвойственной русскому языку сочетаемости слов друг с другом: *крепкий камень, твердые нервы, твердый вагон, твердый характер, спать твердо.* Эстонское *olukord* (seisukord, seisund) часто переводится студентами как *положение*: безнадежное *положение* (вм. *состояние*) больного; больной не знает о своем *положении* (вм. *состоянии*); *в таком положении* (вм. *в такой обстановке*) врачи показывают твердость; врачи должны владеть собой в самых трудных *положениях* (вм. *обстоятельствах, ситуациях*); все зависит *от положения* (вм. *от обстановки, обстоятельств, ситуации*).

Перенесение объема многозначного эстонского слова на русские наблюдаем в некоторых глагольных сочетаниях. В устной и письменной речи студентов встречаются случаи смешения русских глаголов *положить, поставить, повесить*, которым в эстонском языке соответствует многозначный глагол *panema: поставить компресс, поставить больного в больницу, поставить вещи в чемодан, поставить пальто на вешалку* и т.п.

Эстонскому многозначному глаголу *tegema* (sooritama) в русском языке соответствуют глаголы *делать, сделать, сдать, совершать, совершить* с различными семантическими оттенками. Очень часто в речи студентов-первокурсников в качестве эквивалента указанного эстонского многозначного глагола употребляются русские глаголы *делать* или *сделать*, например: зачеты надо *делать* (вм. *сдавать*) вовремя; надо *сделать* (вм. *сдать*) все экзамены хорошо; он хорошо *сделал* (вм. *сдал*) вступительные экзамены; постарайся *переделать* (вм. *пересдать*) экзамены во время сессии.

Сложными по своей семантической структуре для эстонских учащихся представляются глаголы *употреблять, использовать, пользоваться, применять*, эстонским эквивалентом которых является многозначный глагол *kasutama* (tarvitama). В качестве соответствия этому эстонскому глаголу в русской речи студентов часто выступает глагол *употреблять*: эту библиотеку *употребляют* студенты; *употреблять* новую аппаратуру; *употреблять* медикаменты и т.п.

Недостаточным знанием лексико-семантической системы русского языка, а также ошибочным выбором слов с несвойственным им значением, нарушением их лексико-семантиче-

ской сочетаемости под влиянием родного языка объясняются выражения: человек *спускается* (вм. *впадает*) в апатию; надо уметь *приближаться* (вм. *подходить*) к людям; если врач ошибается, это может *платить* (вм. *стоить*) жизнь человека; *испортить* (вм. *нарушить*) режим, диету; вчера мы ходили *на праздник* (вм. *на вечер*); первокурснику нельзя забывать и *о веселье* (вм. *о развлечениях*); какие болезни он *пережил* (вм. *перенес*); она *пропала* (вм. *провалилась*) на экзамене; это *знакомый* (вм. *известный*) писатель; надо познакомиться друг с другом *в отряде* (вм. *в группе*); работа в научном *круге* (вм. *кружке*) интересна; он имеет уже два *отсутствия* (вм. *пропуска*). Трудноразличимы для эстонских учащихся глаголы *состояться, происходить, проходить*: надо знать все, что *состоится* в мире; переработка морфина *состоится* в тайных лабораториях Европы.

Представляется, что при выборе одного из нескольких русских слов исходят из слов с более общим значением, иногда более нейтральным, стилистически не окрашенным, таких, которые более близки к эстонскому эквиваленту.

II. Значительное количество лексико-семантических ошибок как в устной, так и в письменной речи студентов-первокурсников связано с воспроизведением русских словообразовательных структур. Здесь чаще всего наблюдается опущение того или иного словообразовательного элемента (префикса, суффикса) или, наоборот, его неоправданное прибавление. Много трудностей в употреблении распространенных в школьной практике лексем *учиться, учить, изучать, научиться, выучить, заниматься*. В родном языке учащихся перечисленным словам соответствует глагол *õppima* с разными вспомогательными словами-наречиями. Под интерферирующим влиянием родного языка появляются выражения: *когда все время аккуратно изучаешь, экзамены не страшны; надо учиться анатомию; он любит учиться в библиотеке; он хочет учиться врачом*. Очень трудными для эстонцев представляются приставочные образования от глагола *помнить*: *вспоминать, запомнить, напомнить*. Ср.: *больше всего вспомню последний день в школе; хочу вспомнить первокурснику, что учеба — это работа; по анатомии надо вспомнить много латинских названий*.

Наиболее трудны для усвоения приставочные глаголы, имеющие в эстонском языке одночленный эквивалент. Таковы, например, глаголы *поступать—вступать* (эст. *astuma*), приставочные образования от *-полнить* (эст. *täitma*) и др.: *заполнить, исполнить, выполнить, наполнить*: *он вступил на агрономический факультет; глазное яблоко выполнено вну-*

триглазной жидкостью; сестра выполняет историю болезни; глаза исполнились слезами.

Часто многие приставочные глаголы употребляют или совсем без приставок (приставочные образования не характерны для родного языка учащихся), при этом русский приставочный глагол может заменяться сочетанием слов, аналогичным словосочетанию в эстонском языке, или в виде ненормативных приставочных новообразований. Приведем примеры из устной и письменной речи студентов-первокурсников: малейшая ошибка врача может *вести* (вм. *привести*) к смерти; врач должен *давать* (вм. *отдавать*) все свои силы своей работе; надежда помогает *стать здоровым* (вм. *выздороветь*); человек *станет больной* (вм. *заболеет*); ... чтобы *не стал пьяным* (вм. *опьянел*); он может *поставить* (вм. *заставить*) ребят себя слушать; *выбранная* (вм. *избранная*) мною профессия; неправильный режим *послабляет* (вм. *ослабляет*) организм; он *выявил* (вм. *заявил*) нам, что не желает участвовать в нашем мероприятии.

Иногда встречаются и случаи ненужного прибавления или опущения суффикса: на лекциях и практических занятиях надо делать *записки* (вм. *записи*); научный *круг* (вм. *кружок*) студентов; он принял *смертную* (вм. *смертельную*) дозу.

III. Семантические связи между словами дифференцируются в различных парадигматических и синтагматических отношениях.

А. Парадигматические отношения заключаются в выборе подходящего слова из определенной лексико-семантической парадигмы, например из синонимического ряда, антонимической пары.

Интерференция в речи студентов-эстонцев проявляется, например, в неудачном употреблении синонимов. Эстонское *vana* имеет многочисленные синонимы в русском языке: *старый, старинный, древний, преклонный, старший.* В речи эстонских студентов можно услышать: надо посоветоваться со *старыми* (вм. *старшими*) студентами; приятно было встретиться со *старшими* (вм. *старыми*) друзьями и т.п. Одночленной единице *niiske* в русском языке соответствует двучленная группа *сырой* (погода, комната, стена, весна, климат, воздух, квартира, ночь, песок, дрова, соль, мука, простыни) и *влажный* (почва, мох, ветер, руки, глаза); эстонскому *raske* в русском языке соответствуют *трудный, тяжелый.* Часто студенты затрудняются в выборе близких по семантике слов и ошибочно употребляют их в своей речи: *влажная погода; тяжелый экзамен, предмет, зачет; женщина с трудной болезнью; трудное состояние больного.*

Б. Причиной лексико-семантической интерференции является также перенесение в русскую речь сочетаемости слов родного языка. Это интерференция в синтагматических отношениях. Семантика слова обусловливает его сочетаемость. Эстонские учащиеся допускают ошибки, перенося на усваиваемое слово синтагматические связи слов родного языка. Различаются синтаксические и лексические сочетаемости слов. В области синтаксической сочетаемости ошибки допускаются прежде всего в случаях глагольного управления. Весьма часто в речи студентов можно услышать сочетания: *нельзя отсутствовать из практикумов; жить от стипендии; заболевать в разные болезни; жаловаться о головной боли; ходить на лекциях; за это ты должен сам заботиться; мы поменяли мнения; доверяю врача; злоупотреблять всяких медикаментов; он нуждается помощь; каждый человек нуждается утешение; врачи помогают людей; вера больного помогает врача его лечить; медики не могут помогать всех больных.*

В русском языке глаголы *ходить, ездить, летать*, а также *носить, возить, водить* различаются в своем употреблении в зависимости от того или другого вида транспорта. В русской речи студентов для обозначения передвижения любым видом транспорта употребляются глаголы *ходить — идти.* Поэтому эстонский учащийся скажет: *я пришел с автобусом; я пришел уже вчера из Таллина; недавно мы ходили на остров Сааремаа; мы шли к тебе целый час* (в значении 'ехали на автобусе'); *я к вам всегда иду* (даже *хожу*) *на 18-м автобусе; в июне мы идем в Таллин на практику; в прошлом году мы ходили на практику в Ригу.* Глагол *tooma* эквивалентен целому ряду русских глаголов: *нести, принести, вести, привести, везти, привезти,* например: *в больницу принесли тяжелого больного; сестра принесла больного в кабинет врача.* Аналогичные примеры, по данным А. Рейцак*, составляют свыше 40% погрешностей на лексическом уровне. Их корни — в различном членении семантических полей родного и изучаемого языков.

Интерференция в лексической сочетаемости состоит в том, что смысловой объем и сочетаемость слов в эстонском и русском языках обычно не совпадают, порождение слов и словосочетаний осуществляется по эстонским моделям, например: *у врачей жизненный срок* (продолжительность жизни) *короче, чем у людей других профессий; сидеть у себя в своем принимательном кабинете* (в приемной); *защитные способ-*

* *Рейцак А.* Четвертая ступень эстонско-русского двуязычия. — В кн.: Развитие национально-русского двуязычия. М., 1976, с. 364.

ности (защитные силы); *ходить, работать с белым халатом* (в белом халате); *врач дает помощь* (оказывает помощь); *врач дает людям здоровье* (возвращает здоровье); *у больного всегда трудно* (больному тяжело); *как его слова действуют больному* (действовать на больного); *учительница стала из нее в 1952 году* (она стала учительницей); *опыты идут через трудности* (опыт приходит с трудностями) и т.п. Как видно из примеров, здесь к нарушению норм русской речи учащихся приводит перенесение ими типовой сочетаемости родного языка в порождаемый русский текст.

Все приведенные примеры свидетельствуют о важности изучения проблемы интерференции в учебных целях. С интерференцией надо бороться, надо искать пути ее предотвращения. Следует отметить, что причиной нарушения норм в словоупотреблении и сочетаемости слов в русской речи эстонских учащихся все же является недостаточное знание семантики слов и их связей с другими словами. При обучении эстонских учащихся русской лексике необходимо больше внимания уделять разъяснению новых слов, их значений, различий в семантике русских слов и их сочетаемости с другими словами. Семантизация — это первый этап работы над усвоением слова. Вторым этапом является выработка навыков использования словосочетаний в речи учащихся. Следовательно, все лексические единицы, в которых могут быть ошибки, должны быть введены в устные коммуникативные упражнения. Установление лексико-семантической типологии родного и русского языков помогает выявить наиболее трудные для усвоения русские лексемы, сочетаемости, а также наметить пути предупреждения и преодоления ошибок, вызванных лексико-семантической интерференцией родного языка учащихся.

РАЗДЕЛ V

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ В СФЕРЕ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

О КУЛЬТУРЕ РУССКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ У ТУРКМЕН
(К характеристике интерферентных явлений)

Овладение русским языком наряду с родным стало в нашей стране постоянно прогрессирующим общественным явлением. По данным всесоюзных переписей населения, за период между двумя последними переписями число людей, хорошо владеющих русским языком наряду со своим родным, увеличилось почти на 20 млн. человек[1]. Существенно расширилось двуязычие и среди туркмен: если в 1961 г. русским языком владело лишь 15,4% туркмен, то к 1979 г. этот показатель возрос еще на 10%[2]. Нет сомнения, что этот процесс будет и в дальнейшем развиваться.

Параллельное применение туркменского и русского языков в различных сферах общественной жизни республики, их взаимодействие и взаимовлияние, пути дальнейшего распространения туркменско-русского двуязычия и другие проблемы функционирования контактирующих языков в условиях билингвизма могут и должны быть исследованы в различных аспектах. Среди них немаловажное значение имеет изучение вопросов культуры русской речи туркмен, так как культура речи вообще является одним из составных элементов общей культуры советского человека.

Существует мнение, что культура русской речи у нерусских ничем не отличается от культуры речи самих русских. Этим, видимо, подчеркивается, что к культуре речи нерусских и русских предъявляются одни и те же требования. Действительно, отправной точкой при оценке правильности русской речи нерусских должна быть "ориентация на единые, строго кодифицированные нормы русского литературного языка,

[1] Население СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1980, с. 27.
[2] Там же, с. 23.

на единые законы его развития"[3]. Это означает, что не имеют под собой почвы утверждения о существовании национальных вариантов русского литературного языка, что нормы правильной русской речи обязательны для всех, кто ею пользуется, независимо от национальной принадлежности[4]. Игнорирование или недооценка этого момента при исследовании процессов развития языковой культуры народов СССР "затруднило бы взаимопонимание между советскими людьми, не говоря уже о других отрицательных последствиях дальнейшего развертывания рассматриваемых процессов"[5].

Для успешной разработки вопросов культуры русской речи нерусских, в том числе и туркмен, необходимо уточнить и состав билингвов. Дело в том, что нерусские билингвы владеют языком межнационального общения в различной степени. Если имеется в виду культура речи двуязычных лиц, владеющих родным и русским языками в совершенстве, то исследование культуры речи такого контингента билингвов не имеет своей специфики. В то же время — даже при условии высокой степени владения вторым языком — в определенной языковой ситуации (на производстве или в семье), в тех или иных формах общения (устной или письменной), в различных стилях речи один язык доминирует в сознании билингва и оказывает интерферирующее влияние на его речь на втором языке. Следовательно, речь билингва в любом случае не застрахована от каких-либо отклонений, характер которых на разных языковых уровнях может быть различным. При изучении культуры русской речи носителей полного билингвизма возникают почти те же вопросы, что и при анализе культуры речи самих русских. Однако полным двуязычием с минимальной интерференцией охвачено лишь 5—10% двуязычного населения нашей страны, поэтому данный тип билингвизма не имеет особого значения[6].

При таком подходе объектом исследования становится русская речь огромного контингента двуязычных лиц, владеющих нормами русского литературного языка далеко неодинаково. Для русской речи преобладающего большинства билингвов, в том числе носителей туркмено-русского дву-

[3] Культура русской речи на Украине. Киев, 1976, с. 15.

[4] *Григорьев В.П., Исаев М.И.* О культуре русской речи у нерусского населения СССР. — Рус. речь, 1967, N 6, с. 15.

[5] *Дешериев Ю.Д., Протченко И.Ф.* О некоторых вопросах развития языковой культуры народов СССР. — ВЯ, 1966, N 2, с. 16.

[6] *Дешериев Ю.Д., Протченко И.Ф.* Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия. — В кн.: Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972, с. 35.

язычия, характерны интерферентные явления[7], обусловленные взаимодействием родного и русского языков, типологическими расхождениями между ними. Местные наслоения в русской речи туркмен приводят к возникновению вариантов, существование и устойчивость которых зависят от уровня владения билингвом-туркменом русским языком, а «в аспекте культурно-речевых проблем вариантность и отклонения от нормы литературного русского языка могут служить объектом анализа различных явлений, вызванных интерференцией родного языка»[8].

Русская устная речь туркмен отличается рядом особенностей, выявление которых будет полезным при решении задач по повышению уровня культуры русской речи у туркмен.

Интерферентные явления в русской речи туркмен наблюдаются на всех языковых уровнях — фонетики, грамматики, лексики и семантики, фразеологии.

В области фонетики отклонения от орфоэпических норм в русской речи туркмен обусловлены прежде всего отличиями в артикуляционной базе, своеобразием фонемного состава, спецификой звуковых законов в туркменском и русском языках. Вся совокупность явлений фонетической интерференции составляет так называемый туркменский "акцент", а национальный "акцент" в русской речи нерусских является не только ощутимым, но и в "какой-то мере неизбежным, даже если человек в совершенстве овладел всеми прочими нормами и выразительными богатствами второго языка"[9].

Сравнительно легко усваиваются туркменами гласные звуки русского языка, так как все русские гласные — [а], [о], [у], [ы], [и], [э] — имеют свои артикуляционно-акустические соответствия в туркменском языке, хотя в целом системы вокализма в них не совпадают. Вокализм туркменского языка в количественном отношении превосходит систему русских гласных. Кроме специфических звуков [ө], [ү] туркменские гласные образуют фонематическую оппозицию по долготе/краткости. Гласные в русском языке тоже могут произно-

---

[7] *Азимов П.А.* О туркменско-русском двуязычии. — В кн.: Проблемы двуязычия и многоязычия, с. 48—49; *Ершова Е.Н.* О некоторых формах лингвистической интерференции и о возможности их использования в методике преподавания языков. — Там же, с. 134—136.

[8] *Михайловская Н.Г., Катлинская Л.П.* Культура русской речи в условиях национально-русского двуязычия. — В кн.: Русский язык как средство межнационального общения народов СССР: Основные направления в разработке проблемы. М., 1982, с. 41—42.

[9] *Григорьев В.П., Исаев М.И.* О культуре русской речи у нерусского населения СССР, с. 10.

ситься долго и кратко. Однако в отличие от туркменского языка, где долгота и краткость гласных не обусловлены их позицией в слове, в русском языке долго произносятся гласные ударного слога.

Интерферирующее влияние родного языка в области вокализма поддерживается и спецификой словесного ударения в русском и туркменском языках. Как известно, ударение в туркменском языке является фиксированным на последнем слоге. Будучи по фонетической сущности силовым, туркменское ударение не предполагает долгого произнесения ударного гласного. Поскольку долгие гласные в туркменском, как и в других тюркских языках с фонематической оппозицией гласных по долготе/краткости, произносятся в 1,5—2 раза дольше, чем обычные[10], а в русском языке гласные ударного слога слышатся примерно в 1,5 раза длительнее, чем безударные[11], туркмены в своей русской речи идентифицируют русские ударные гласные с долгими гласными родного языка и произносят их более длительно, чем сами русские[12].

Русские безударные гласные в русской речи туркмен подвергаются качественным изменениям в меньшей степени по сравнению с произносительными нормами, что представляется почти глобальным на низких ступенях двуязычия (молодо́:й, тйану́:т *тянуть*, дере́:внйа *деревня*)[13]; на более высоких ступенях двуязычия туркмены усваивают произношение безударного [о] как [а] независимо от позиции в слове (гарадо́:в *городов*, кары́:та *корыто*, адейа́:ла *одеяло*), приравнивание же остальных безударных, подвергающихся в русском языке качественным сдвигам, к соответствующим обычным гласным родного языка носит довольно устойчивый характер (лесни́:к, тебе́:, жара́:, мйасно́:й *мясной*). Последнее явление, как и ряд других явлений фонетической интерференции, в известной мере связано с влиянием орфографии и алфавита на произношение, так как отклонения от норм в области фонетики могут быть вызваны или поддержаны также расхождениями в функциях графических знаков в алфавитах контактирующих языков.

Излишне доказывать, что однотипность алфавитов, кото-

---

[10] *Севортян Э.В.* Материалы к сравнительной фонетике турецкого, азербайджанского и узбекского языков. — В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1955, ч. 1. Фонетика, с. 50.

[11] *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 213; *Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию. М., 1968, с. 245.

[12] *Мередов Е.* Фонетические особенности русской речи туркмен (на сегментном уровне). Автореф. канд. дис. М., 1975, с. 12.

[13] Для целей настоящего исследования здесь дается условная транскрипция. Знак ":" после буквы указывает на долгое произношение гласного звука.

рыми пользуются взаимодействующие языки, создает благоприятные условия для формирования и ускорения развития двуязычия. В этой связи крупным событием, сыгравшим положительную роль в жизни туркменского народа, был переход в 1940 г. к алфавиту на русской графической основе. Наряду с другими преимуществами он облегчил овладение туркменами грамотой на двух языках — родном и русском. В то же время приходится констатировать, что внешнее совпадение букв в двух языках при расхождении значений нередко служит источником неверного воспроизведения туркменами звукового облика русского слова. Это усугубляется еще и тем обстоятельством, что произносительные нормы русского языка усваиваются не только в процессе устного общения, но и через письменную речь (при отсутствии же языкового окружения ей принадлежит определяющее место), а обучение грамоте на родном языке в настоящее время, как правило, предшествует началу изучения русского языка. В такой ситуации особую важность приобретает нейтрализация с самого начала обучения русской грамоте интерферирующего влияния туркменского алфавита при чтении текста на русском языке.

Учет особенностей современных туркменского и русского алфавитов особенно необходим при обучении туркмен произношению русских согласных. Фонетические ошибки вызывает внешнее сходство букв, по начертанию совпадающих в двух языках. Немало случаев, когда одна и та же буква обозначает в каждом языке разные звуки. Так, первая в русском и туркменском алфавитах согласная буква *б* в русском языке обозначает губно-губной, взрывной, звонкий звук. В туркменском же языке буква *б* обозначает эквивалентный русскому звук [б] лишь в начале слова, в других позициях она читается как межгубной плоскощелевой фрикативный звук. Поэтому естественно, что буква *б*, находящаяся в интервокальной позиции или же в соседстве с сонорными, читается туркменами как межгубной плоскощелевой фрикативный звук[14]. Полифункциональной в туркменском языке является и буква *г*. Она наряду с другими буквами в зависимости от позиции в слове обозначает глубокозадненебный взрывной [ɢ] и фрикативный [q], которые отсутствуют в русском языке[15].

Среди всех согласных основными источниками фонетической интерференции являются буквы *с, з, в, ф, б, г*, которые выступают "информантами" близких, но не тождественных

[14] Сравнительная грамматика русского и туркменского языков. Ашхабад, 1964, ч. 1. Фонетика и морфология, с. 20.

[15] Там же, с. 23.

в русском и туркменском языках звуков. Известно, что интерференцию следует ожидать в тех участках двух языков, где имеют место соприкосновения и расхождения. "Трудно усвоить звуки чужого языка, совершенно отсутствующие в родном языке, — пишет А.А. Реформатский. — Но неизмеримо труднее освоить чужие звуки, имеющие общие свойства со звуками родного языка. И чем больше общих черт, тем труднее достигнуть правильного, точного произношения"[16].

И действительно, в русской речи туркмен нередко происходит замена дорсальных [с], [з] специфическими для туркменского литературного языка апикальными звуками [s], [z][17] (sasé:т *сосед,* sezó:н *сезон*); в отдельных позициях губно-зубные [в], [ф] произносятся как межгубные [v], [f] (vé:шалка *вешалка,* ря́davó:й *рядовой,* facó:н *фасон,* кó:fe *кофе*); в интервокальной позиции, а также внутри слова в соседстве с некоторыми согласными взрывные [б], [г] произносятся как фрикативные [v], [q] (kavинé:т *кабинет,* sovpá:т *собрать,* aqapó:т *огóрод,* ó:pqan *óрган);* замена взрывного [г] фрикативным [q] наблюдается и в ауслауте (бé:peq *берег,* рычá:q *рычаг*). В русской речи туркмен — носителей двуязычия низких ступеней встречается замена переднеязычной аффрикаты *ц* специфическим туркменским звуком [s] или звукосочетанием [ts] (sá:плйа *цапля,* балнй:tsa *больница,* маладé:s *молодец*). Данный контингент двуязычных туркмен произносит согласный *щ* как обычный или долгий [ш] (шý:ка *щука,* vé:шши *вещи,* мó:шный *мощный*).

Одним из устойчивых отклонений от норм русского литературного произношения в речи туркмен является депалатализация мягких согласных. Как известно, в русском языке 15 пар согласных могут быть твердыми и мягкими и служить для дифференциации значений и форм слов. Согласные туркменского языка в соседстве с гласными переднего ряда также произносятся с некоторой палатализацией[18], однако они слышатся намного тверже, чем русские мягкие согласные. Туркменские согласные в контакте с гласными непереднего ряда произносятся несколько мягче по сравнению с соответствующими твердыми согласными русского языка. Оппозиция согласных

---

[16] *Реформатский А.А.* О сопоставительном методе. — РЯНШ, 1962, N 5, с. 27.

[17] В целях дифференциации русских звуков и "эквивалентных" с ними специфических согласных туркменского языка здесь для обозначения последних условно использованы латинские буквы [s], [z] — апикальные звуки, [f] — межгубной фрикативный звук, [v] — межгубной плоскощелевой звук, [q] — задненебный фрикативный звук.

[18] Сравнительная грамматика русского и туркменского языков, ч. 1. Фонетика и морфология, с. 14.

по твердости/мягкости в русской речи туркмен в известной мере нейтрализуется, и "стихийное стремление к максимальному приспособлению позиционных черт согласных родного языка в плане твердости—мягкости звуков часто предопределяет фонетические ошибки в русской речи туркмен. Эти ошибки систематические и характерные для подавляющего большинства туркмен, говорящих по-русски"[19]. Это означает, что все русские согласные уподобляются по данному признаку соответствующим консонантам родного языка и произносятся без смягчения или со слабой палатализацией (балшóй *большой*, мá:ленький, возмú: *возьми*, садú:s *садись*, читá:т *читать*). Особенно часты в русской речи туркмен ошибки на мягкое/твердое произношение латерального [л]: наряду с депалатализацией (палтó: *пальто*, кантрó:л *контроль*, тó:лко *только*, скó:лко *сколько*) встречаются и случаи мягкого произношения твердого [л], следующего обычно за гласными переднего ряда (летé:ль *летел*, праси́:ль *просил*, зá:мысель *замысел*). Данная особенность звука [л] объясняется, видимо, тем, что и в родном языке билингвов-туркмен этот звук в названной позиции произносится с отчетливо выраженной мягкостью. В русской речи туркмен возможно как мягкое произношение непарных твердых [ж], [ш] (беж'и́т, ж'или́:шше *жилище*, ш'ирó:кий, ш'йó:т *шьет*), так и твéрдое произношение непарного мягкого [ч] (часавó:й *часовóй*, начá:ла *начало*).

Трудно усваивается туркменами система обозначения мягкости согласных в русском письме, где нет специальных знаков для дифференциации твердых и мягких и последние обозначаются путем написания после соответствующих букв мягкого знака или йотированных букв *я, е, ё, ю* вместо *а, э, о, у*. Буква *ь* в собственно туркменских словах не пишется, она в туркменском языке встречается только в составе русских заимствований, причем написание последних с *ь* или без него основано лишь на зрительной памяти пишущего. В сознании носителя туркменского языка графическая функция *ь* утрачивается, и такое восприятие данной буквы переносится на русскую речь. Что касается букв *я, ё, ю*, то они во всех позициях, в том числе и непосредственно после согласного, обозначают в туркменском языке два звука (*аляр* [алйа:р] 'берет', *икатёк* [икатйо:к] 'кукушка', *Акюсуп* [акйусуп] 'имя собственное'). Это служит причиной того, что йотированные буквы в русском тексте, в какой бы позиции они ни находились, воспринимаются туркменами как "информанты" двух звуков (нйáнйа *няня*, тйó:тйа *тетя*, сйудá: *сюда*).

[19] *Мередов Е.* Фонетические особенности русской речи туркмен, с. 7.

Ключ к решению данной орфоэпической проблемы в условиях двуязычия отдельные исследователи видят в дальнейшем совершенствовании алфавитов национальных языков. "Современные тюркские алфавиты на русской основе, — пишет Н.А. Баскаков, — ни в отношении йотированных гласных, ни в отношении других условностей не способствуют облегчению усвоения русского языка тюркоязычными школьниками, но напротив — затрудняют усвоение различных принципов русской орфографии и орфографии для тюркских конкретных языков, и в этом отношении, например, аналитическое обозначение сочетаний *йа, йо, йу, йэ* в большей степени помогло бы тюркоязычному школьнику понять сущность таких знаков русского алфавита, как *я, ё, ю, е*'"[20]. Конечно, любому алфавиту необходима чрезвычайная устойчивость, и вопрос о внесении в него каких-либо изменений требует весьма терпеливого, всестороннего изучения. Вместе с тем данное высказывание ученого подчеркивает серьезность и основательность причин фонетических ошибок, связанных с депалатализованным произношением русских мягких согласных.

Отклонения от норм орфоэпии в русской речи туркмен возникают и в связи со специфическими законами дистрибуции фонем в двух языках. В туркменском, как и в других тюркских языках, в пределах одного слога невозможно стечение двух или более согласных, за исключением некоторых финальных слогов. В русском же языке скопление двух, трех или более согласных представляется обычным явлением. Слоговая структура русских слов воспринимается туркменами в соответствии с законами родного языка, что приводит к увеличению или сокращению числа звуков в слове. Это и понятно, ибо "расхождения между восприятием и фонологическим представлением данного слова в языке говорящего могут распространяться... не только на качественную характеристику отдельных фонетических представлений (фонем и т.п.), но даже и на число фонем, находимых в данном комплексе (слове)"[21].

В русской речи туркмен скопление согласных расчленяется вставочными гласными, в качестве которых обычно выступают редуцированные звуки; [ы], если в ближайшем слоге находится гласный непереднего ряда, [и], когда в данный позиции — гласный переднего ряда, и реже [у] в словах с лабиальными гласными. Они появляются до стечения согласных, если слово начинается сочетанием двух шумных (ыскаказал,

[20] *Баскаков Н.А.* О современном состоянии и дальнейшем совершенствовании алфавитов тюркских народов СССР. — В кн.: Вопросы совершенствования алфавитов тюркских языков СССР. М., 1972, с. 10.

[21] *Поливанов Е.П.* Статьи по общему языкознанию, с. 236.

ыштраф, йстена, йздесь, ўстол). Анлаутные сочетания глухого с последующим сонорным или [в] расчленяются вставкой гласных между ними (гырамотный, кырасный, нылаток, тйретий, кывас, дйверь). Скопление трех и более согласных в серединных слогах также расчленяется вставочными гласными (экйспорт, экйспонат, конкйретный, банкырот). В русской речи туркмен встречаются слова с усеченным окончанием (*газет, минут, резин, цифр*), что является результатом влияния родного языка, где они освоены в усеченном виде. В целом отклонения от норм орфоэпии, вызванные различиями в дистрибуции фонем, характерны для русской речи туркмен — носителей билингвизма низких ступеней.

Оппозиция согласных по звонкости/глухости по-своему отражается в русской речи туркмен. Как известно, в русском языке финальные звонкие согласные переходят в парные глухие. В туркменском языке употребление звонких согласных в абсолютном исходе слова также ограничено. Звуки [б], [д] на конце туркменских слов не произносятся (лоп *лоб*, голуп *голубь*, лошат *лошадь*, тетрат *тетрадь*). Звонкий [ж] в собственно туркменских словах встречается обычно в инлауте, редко — на конце подражательных слов[22]. Ауслаутные [г], [з] представляются привычными в туркменском языке. Поэтому в русской речи туркмен возможно звонкое произношение согласных [ж], [г], [з] на конце слова, причем последние два звука могут быть заменены туркменскими специфическими [q], [z] (*ноҗ* вм. *нош, падеҗ* вм. *падеш, дароq* вм. *дарок, миq* вм. *мик, берез* вм. *берез, привйоz* вм. *привес*).

На низких ступенях двуязычия в русской речи туркмен находит известное отражение закон гармонии гласных, характерный для родного языка. В туркменском языке различают палатальный и лабиальный сингармонизм. Закон палатального (или небного) сингармонизма предполагает наличие в пределах фонетического слова однотипных по месту образования гласных. Под влиянием этого закона возникают отклонения типа *чалавек* вм. *человек, начынат* вм. *начинать, патпысат* вм. *подписать, родына* вм. *родина;* особенно часто встречаются ошибки на произношение полных прилагательных (*далный* вм. *дальний, посторонный* вм. *посторонний, отличний* вм. *отличный, правилний* вм. *правильный*), отдельных глагольных форм (*игралы, писалы, читалы*). По закону палатального сингармонизма, как правило, наблюдается произношение

[22] Следует отметить, что в результате интенсивного заимствования русских слов в туркменском языке значительно расширилась сфера употребления звука [ж] (*гараж, тираж, жаргон, жанр, кружок, художник*).

русских слов с частым чередованием гласных переднего и непереднего рядов: в пределах одного фонетического слова речевые органы туркмен способны свободно "перестроиться" на артикуляцию разнорядных гласных один раз, вторичная перестройка артикуляционной базы требует специальной тренировки речевых органов, что достигается на высших ступенях двуязычия. В этой связи следует отметить, что большинство русских заимствований в туркменском языке произносится без последовательного соблюдения закона палатального сингармонизма. Русско-туркменские контакты на уровне языка и речи поддерживают наметившуюся до таких связей тенденцию к дисгармонии гласных в туркменском языке, которая наблюдалась в арабо-персидских заимствованиях, сложных словах, в функционировании несингармонических аффиксов. Что касается лабиальной (или губной) гармонии гласных, то ее влияние на русскую речь туркмен является еще менее заметным, что связано с ограниченностью и позиционной обусловленностью действия этого закона в самом туркменском языке[23].

Значительную трудность для туркмен составляет освоение русского ударения. Как было отмечено выше, характер словесного ударения в русском и туркменском языках не совпадает: в русском языке ударение — квантитативно-динамическое, разноместное — обладает смыслоразличительной функцией (*за́мок — замо́к, во́ды — воды́, на́чало — нача́ло*), в туркменском же языке оно динамическое, преимущественно падает на последний слог, редко участвует в дифференциации значений и форм слов (*алма́* 'яблоко' — *а́лма* 'не бери', *китапча́* 'книжка' — *китапча* 'подобно книге', *гүлүң* 'цветка' — *гүлүң* 'смейтесь'). В русской речи туркмен перенос ударения на последний слог встречается редко и в речи носителей билингвизма начальных ступеней.

Наибольшее количество ошибок на ударение связано с разноместным характером русского ударения. Сравнительно легко усваиваются в акцентологическом плане слова с устойчивым ударением на основе во всех парадигматических формах. Отклонения от норм наблюдаются в произношении слов с устойчивым ударением на окончании, основным источником акцентологических ошибок являются слова, у которых место ударения меняется в зависимости от конкретной формы слова. Так, туркмены могут произносить *ста́дам* вм. *стада́м, бли́зка* вм. *близка́, го́рда* вм. *горда́, бра́лись* вм. *брали́сь,*

[23] Грамматика туркменского языка. Ашхабад, 1970, ч. 1. Фонетика и морфология, с. 56—57.

собрáла вм. *собралá*. Это объясняется тем, что данные слова в начальной форме имеют ударение на основе, но тут не следует забывать и об "отождествлении" в сознании туркмен ударенного гласного в русском слове с долгим гласным родного языка, акустические качества которого не зависят от места ударения и формы слова.

В области грамматики русскую речь туркмен характеризуют интерферентные явления, вызванные отсутствием в родном языке билингвов некоторых грамматических категорий, несовпадением их функций в двух языках, расхождениями в способах выражения тех или иных грамматических значений. Наиболее типичные отклонения от норм наблюдаются в усвоении грамматической категории рода, падежных значений, категории глагольного вида, в употреблении предлогов.

В русском языке категория рода охватывает имена существительные, прилагательные, числительные, местоимения, отдельные глагольные формы (прошедшее время, причастия), поэтому правильное усвоение билингвом целого ряда явлений грамматики русского языка зависит от верного определения рода существительного. В туркменском же языке грамматическая категория рода отсутствует, дифференциация слов муж. и жен. рода в туркменском языковом мышлении связывается обычно с биологическим полом, а принципы определения рода слов, обозначающих неживые предметы, понятия, представления, воспринимаются туркменами чрезвычайно трудно. Это связано и с лингвистической природой категории рода в самом русском языке. "У подавляющего большинства имен существительных, у тех, которые не обозначают лиц и животных, — отмечает В.В. Виноградов, — форма рода нам представляется немотивированной, бессодержательной... Самые мотивы распределения слов одного вещного круга... по разным родам, представляются непонятными"[24].

Немотивированность формы рода существительных в русском языке, усугубляясь отсутствием грамматической категории рода и неизменяемостью имен прилагательных в родном языке билингвов, вызывает ошибки на согласование определения с определяемым в роде. Слова жен. и сред. рода туркмены в своей русской речи относят обычно к муж. роду (*светлый комната, большой семья, сладкий яблоко, красный платье*). Слова жен. рода на мягкий согласный воспринимаются как слова муж. рода (*широкий площадь, сильный лошадь, новый должность*). По аналогии с основной массой существительных

[24] *Виноградов В.В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М., 1972, с. 56, 58.

на *-а* слова сред. рода на *-мя* заменяются жен. родом (*счастливая время, красная знамя*). Особой устойчивостью отличается восприятие некоторых существительных жен. рода, оканчивающихся на безударный *-а*, как слов муж. рода (*свежий газет, минут прошел, фабрик выполнил план*), что объясняется влиянием родного языка билингвов, где группа таких слов заимствована с усеченным окончанием (*анкет, галош, контор, котлет, папирос, пружин, резин, секунд, сигарет, фанер, шпор*). Доминирующая в русской речи туркмен замена слов других родов мужским отражается на согласовании их не только с прилагательными, но и с числительными (*один ухо, два книга, десятый квартира*), местоимениями (*твой тетрадь, чей сумка, каждый село*), глаголами (*птица улетел, дерево пожелтел, солнце взошел*).

Нарушения норм образования мн. числа от имен в русской речи туркмен вызваны прежде всего расхождениями в средствах выражения грамматического значения множественности в двух языках. Как известно, в русском языке множественность выражается аффиксами *-ы/-и, -а/-я*, в редких случаях *-ят-* (*октябрята, котята*), *-ен-* (*времена, семена*), *-ес-* (*небеса, чудеса*), *-е-* (*граждане, армяне*) и супплетивно (*человек — люди*). В туркменском языке мн. число образуется от имен и глагольных форм с помощью одного аффикса *-лар/-лер*, который воспринимается билингвами как функциональный эквивалент окончания *-ы/-и* в силу широкой распространенности последнего в русском языке. Отсюда и возможность ошибок типа *креслы, окны, браты, други, англичаны, теленки* вм. *кресла, окна, братья, друзья, англичане, телята*. Имена существительные, употребляемые только во мн. числе, в русской речи туркмен приводятся иногда в форме ед. числа (*чернил кончился, он купил себе модный брюк*). Подобные отклонения от норм поддерживаются тем обстоятельством, что часть таких слов вошла в туркменский литературный язык (*каникул, консерва, макарон, сутка*) или в просторечие (*кавычка, носилка, шахмат*) как слова с полной парадигмой.

Разносистемность русского и туркменского языков — серьезный источник интерферентных явлений в русской речи туркмен на морфологическом уровне. В русском языке с флективным строем служебные морфемы отличаются многофункциональностью и каждый аффикс выражает одновременно несколько грамматических значений. Морфологической структуре туркменского слова присуща агглютинация, согласно которой аффиксы представляются монофункциональными, и каждая флексия выступает, как правило, "информантом" одного грамматического значения. В отличие от русского языка, имею-

щего флективный строй, где система склонения охватывает все имена и местоимения, туркменский язык характеризуется большим разнообразием аффиксов в зависимости от принадлежности слов к определенному роду, числу; в туркменском языке изменяются имена существительные, количественные числительные, отдельные разряды местоимений и другие субстантивированные слова, причем флексии отличаются однотипностью, допуская небольшую фонетическую вариантность, обусловленную качеством последнего слога основы. Этими расхождениями следует объяснить характерное для русской речи туркмен стремление к единообразию в системе склонения, которое наблюдается в употреблении существительных род. падежа мн. числа (*жители селов, корзина яблоков, букет ландышов*), в замене окончания *-у/-ю* у существительных в род. падеже ед. числа регулярной флексией *-а/-я* (*кусок сыра, пачка сахара, стакан чая*), в замене окончания *-у/-ю* у существительных в пред. падеже ед. числа регулярной флексией *-е* (*стоять на береге, получить ранение в бое, положить в шкафе*), в изменении по падежам несклоняемых существительных (*это зеркало больше трюма, человек с пенснем, ходить по кинам*), в склонении женских личных имен на твердый согласный (*Брат подарил Бахару красивый платок; Мать пошла в театр с Маралом; Спроси у Джерена*). "Унификация" грамматической парадигмы однотипных слов в русской речи туркмен обнаруживается и в некоторых других случаях склонения имен, а также спряжения глаголов.

Несовпадение значений и употребления падежей приводит к возникновению грамматической интерференции в русской речи туркмен. Категория падежа в русском и туркменском языках имеет по шесть падежей, из них частично соответствуют в двух языках функции им., род., дат. и вин. падежей (однако и между ними имеется ряд расхождений в значениях и в глагольном управлении), специфическими являются твор. и пред. падежи для русского языка, местный и исходный — для туркменского. На низких ступенях двуязычия туркмены часто допускают ошибки в употреблении род. падежа. Поскольку туркменские эквиваленты таких русских слов, как *нет, много, мало, сколько,* требуют существительных в им. падеже, в русской речи туркмен встречаются отклонения от норм в употреблении родительного отрицания (*у меня нет ручка, отец нет дома*), родительного количества (*много товарищ, мало время, несколько день*), а также в сочетаниях существительных с количественными числительными (*пять мальчик, десять тетрадь*).

Большой устойчивостью отличаются ошибки на употребле-

ние родительного прилагательного. В туркменском языке прямой объект всегда выражается вин. падежом, поэтому билингвы-туркмены ставят существительное, обозначающее прямой объект, в форме вин. падежа вместо родительного и тогда, когда управляющий глагол имеет при себе отрицание (*не читал эту книгу, не смотрел этот фильм*), а также при родительном разделительном (*выпить воду, принести молоко*). В редких случаях встречаются ошибки обратного порядка, когда билингв употребляет род. падеж вместо винительного, что связано прежде всего со специфичностью категории одушевленности/неодушевленности для русского языка, которая находит грамматическое отражение, проявляющееся в форме вин. падежа. Различение названий лиц и нелиц в туркменском языке не имеет грамматического оформления. Отсюда возможность смешения норм управления одушевленными (*встречали старого друга, хвалили юных спортсменов*) и неодушевленными (*встречали Нового года, хвалили красивых домов*) существительными.

Характерным для русской речи туркмен является неразличение творительного орудия и творительного совместности, что выражается в излишнем употреблении предлога *с* (*писал с авторучкой, чистил с тряпкой*) или в необоснованном опущении его (*играл товарищами, спорил друзьями*), встречаются также ошибки типа *заниматься с гимнастикой, интересоваться с музыкой.* Эти отклонения от норм вызваны тем, что данным конструкциям в родном языке билингвов соответствуют сочетания глагола и существительного в им. падеже с предлогом *билен.*

Интерферирующее влияние родного языка на русскую речь туркмен сильно ощущается в тех случаях, когда эквивалентные по семантике глаголы в двух языках управляют разными падежами. Так, русским глаголам *ждать, учить* в туркменском языке соответствуют *гарашмак, өврепмек,* управляющие дат. падежом, что служит причиной ошибок типа *Я ждал товарищу; Она учит девочке вязать.* Глаголы *бояться, избежать* в русском языке управляют род. падежом, тогда как их туркменские эквиваленты *горкмак, гутулмак* сочетаются со словами в исходном падеже (*итден горкмак, хопидан гутулмак*), а большинство подобных конструкций передается в русском языке сочетаниями глагола и существительного в род. падеже с предлогом *от,* чем обусловлено возникновение ошибок типа *бояться от собак, избежать от опасности.* Интерферентные явления, основанные на смежности семантических и грамматических связей слов в двух языках, относятся к числу весьма устойчивых и трудноустранимых.

Для русской речи туркмен характерны ошибки, связанные с употреблением предлогов, которые в родном языке билингвов отсутствуют. Значения русских предлогов в туркменском языке передаются послелогами и падежными окончаниями, причем однотипные предложно-падежные конструкции русского языка в туркменском нередко соответствуют различным по структуре словосочетаниям. Это обстоятельство, усугубляясь полифункциональностью отдельных предлогов и другими источниками интерференции, порождает ряд отклонений от литературных норм, к числу которых относится опущение предлогов *от* при употреблении его с род. падежом (*ключ двери, ремешок часов*), *к* — с дательным (*принадлежность партии, обращаться врачу*), *в* — с винительным (*играть футбол, играть шахматы*) и предложным (*Прошлом году он получил квартиру; Свободное время я рисую*). Часто смешивают туркмены-билингвы предлоги *в* и *на* в конструкциях с компонентом в вин. (*поступить на институт, поехать в Украину*) и пред. (*быть на командировке, выступить в собрании*) падежах, *из* и *с* в конструкциях с компонентом в род. падеже (*привезти с колхоза, отчислить с университета; вернуться из конференции, приехать из Кавказа*). Устойчивость ошибок на смешение названных предлогов в русской речи туркмен обусловлена не только структурными различиями между взаимодействующими в сознании билингвов языками, но и тем, что в самом русском языке их употребление не закреплено за конкретным значением, а поддерживается в основном установившейся традицией[25].

Грамматическая интерференция в русской речи туркмен ярко проявляется в разграничении глаголов сов. и несов. видов. Видовые значения и их оттенки в русском языке осознаются обычно из самих основ глагола. Основы туркменских глаголов нейтральны в отношении видов и могут одновременно соответствовать русским глаголам обоих видов[26]: *алмак* — это *брать* и *взять*, *окамак* — *читать* и *прочитать*, *язмак* — *писать* и *написать*. Видовые различия русских глаголов в туркменском языке передаются с помощью отдельных малопродуктивных аффиксов, посредством сочетаний деепричастий смысловых глаголов со спрягаемой формой вспомогательных глаголов, в качестве последних обычно выступают слова типа *башламак* 'начать, начинать', *гутармак* 'кончить, закончить', *дурмак* 'стоять', *йөрмек* 'продолжать', *гиришмек* 'при-

[25] Грамматика русского языка. М., 1960, т. 1. Фонетика и морфология, с. 656.

[26] Сравнительная грамматика русского и туркменского языков, ч. 1. Фонетика и морфология, с. 160.

ступать, приступить'. Отсутствие вида как грамматической категории в туркменском языке компенсируется также довольно большой разветвленностью системы глагольных времен, например прошедшее время имеет семь форм, каждая из которых отличается специфическими аффиксами и оттенками значений[27].

Сложная видо-временная соотнесенность между глаголами взаимодействующих языков порождает ошибки в употреблении туркменами-билингвами глагольных видов. В русской речи туркмен встречается употребление глагола сов. вида во фразах с лексическими показателями повторяемости, продолжительности, многократности действия (*Брат каждый день проснулся рано; Учитель долго объяснил задание*) и, наоборот, при лексических показателях мгновенности, однократности возможно употребление глагола несов. вида (*Я вдруг вспоминал своих друзей; Она сразу чувствовала облегчение*). Отклонения от норм наблюдаются при употреблении составных сказуемых со спрягаемым компонентом, обозначающим процесс протекания действия (*Солдат начал доложить командиру; Лектор продолжал рассказать о международном положении*). В русской речи туркмен нередко нарушается видовая соотнесенность между глагольными сказуемыми (*Он ловил такси и поехал в Институт; Мама приходила домой, потом сготовила ужин*). На низких ступенях двуязычия наблюдаются случаи употребления глаголов сов. вида в образовании формы будущего сложного времени (*На собрании я буду поддержать тебя; Они будут купить цветной телевизор*). Следует подчеркнуть, что туркмены — носители билингвизма всех ступеней испытывают определенные трудности при выборе глаголов сов. или несов. вида применительно к конкретной ситуации. Они допускают ошибки и на определение вида по начальной форме глагольной основы. Одним из формальных показателей вида в русском языке выступают приставки, а в туркменском они не употребляются с глаголами, что оказывает определенное влияние на усвоение туркменами видоразличительных функций русских приставок.

Речь билингвов на втором языке имеет свою специфику в отношении частотности употребления тех или иных языковых средств. Так, отдельные значения желательного наклонения глагола, характерные для туркменского языка, передаются в русском языке с помощью частицы *давай*, что способствует ее заметной активизации в русской речи туркмен (*Давай приеду завтра; Давай пошли; Встретимся вечером у театра? —*

[27] Грамматика туркменского языка, ч. 1. Фонетика и морфология, с. 257.

Давай). Шире, чем в речи самих русских, туркмены употребляют частицу *да* в конце вопросительных фраз[28]. Это отчасти объясняется тем, что в туркменском языке существуют аффиксы вопросительности *-мы/-ми, -мыкаӈ-микә*, которые прибавляются к именам и глаголам; их функции в русской речи туркмен выполняет прибавляемая к фразе частица *да*, произносимая с интонацией вопроса (*Пришли, да?; Сдал экзамен, да?; Понятно, да?*).

Ошибки в русской речи туркмен на лексико-семантическом уровне вызваны прежде всего недостаточным знакомством билингва с лексико-семантической системой русского языка, сложностью смысловых и сочетательных связей между эквивалентными словами в двух взаимодействующих языках, сильным воздействием родного языка билингва на его русскую речь. Основной причиной отклонений от норм является идентификация в сознании билингва-туркмена лексических значений двух слов, эквивалентных по какому-нибудь одному семантическому компоненту в русском и туркменском языках. Если учесть, что "слова одного языка в большинстве случаев не просто соответствуют словам другого языка, а находятся с ними в весьма сложных и многообразных отношениях"[29], нетрудно представить распространенность и устойчивость семантических ошибок в речи билингва на втором языке. Наиболее часто ошибки наблюдаются в тех случаях, когда понятие выражено в родном языке билингва менее детально, чем во втором. Туркмены смешивают употребление глаголов *взять* и *получить, поставить* и *положить, мыть* и *стирать, пачкать* и *сорить, разбить* и *поломать*, так как в их родном языке каждой паре соответствует один глагол — соответственно *алмак, гоймак, ювмак, хапаламак, довмек*, что приводит к возникновению речевых произведений типа *На экзамене я взял пятерку; У крана нельзя мыть белье; Дети поломали стекло; Весь подъезд испачкали бумажными клочьями.*

Много ошибок допускается в употреблении глаголов движения, что связано со специфическими особенностями каждого языка в выражении понятий, относящихся к данной лексико-семантической группе. Поскольку в туркменском языке способ передвижения лексически не дифференцирован, в русской речи билингвов нечетко различается семантика глаголов *идти* и *ехать, нести* и *вести* (*Вчера он пришел из Москвы; Мы*

[28] О существовании аналогичного явления в русской речи азербайджанцев см.: *Дешериев Ю.Д., Протченко И.Ф.* О некоторых вопросах развития языковой культуры народов СССР, с. 14—15.

[29] *Щерба Л.В.* Предисловие. — В кн.: Французско-русский словарь. М., 1962, с. 4.

пошли на автобусе; Ящики принесли на грузовике). Нередко смешиваются глаголы со значением кратного и некратного движения (*С семи лет он идет в школу; Ребенок бегает к матери; Птицы летают на юг*), так как они передаются в туркменском языке посредством одних и тех же средств (*бегать* и *бежать* — *ылгамак*, *летать* и *лететь* — *учмак*, *плавать* и *плыть* — *йүзмек*).

Лексико-семантическая интерференция в русской речи туркмен может быть также результатом нарушения привычных сочетательных связей семантически близких слов (*Стоит горячая погода; Вода в кувшине очень жаркая*), смешения паронимических слов (*Он очень скрытый человек; Из зала послышался отклик*), неразличения значений приставок в составе однокорневых слов (*Ты подписал адрес на конверте?; Врач записал мне таблетки*), неправильного употребления глаголов с *-ся* (*Сегодня состояло комсомольское собрание; Ты состоишься на учете?*).

По аналогии с глагольно-именными перифрастическими формами, широко распространенными в родном языке, туркмены-билингвы могут употреблять речевые произведения типа *Когда сделаете* (вм. *сыграете*) *свадьбу?; Она умеет делать* (вм. *готовить*) *плов; Ты сделал прописку* (вм. *прописался*), которые не соответствуют нормам русского литературного языка.

Многие отклонения от норм на лексико-семантическом уровне отличаются своей устойчивостью; часть из них сохраняется и в речи билингвов, довольно хорошо овладевших русским языком. Трудность преодоления семантической интерференции исследователи справедливо связывают с тем, что "семантика и идиоматика относятся к самым интимным сторонам языка, до которых мы доходим только при весьма совершенном знании, они остаются при субстратном анализе вне сферы нашей досягаемости"[30].

В области фразеологии русская речь туркмен характеризуется рядом отклонений от литературных норм. Наиболее существенными среди них являются понимание фразеологизма в прямом значении, смешение значений фразеологизмов, частично совпадающих в туркменском и русском языках по лексическому составу, изменение грамматических форм фразеологизмов, контаминация компонентного состава двух фразеологизмов, нарушение привычного лексического окружения фразеологизмов, нарушение норм синтаксической сочетаемости

[30] *Абаев В. И.* О языковом субстрате. — Докл. и сообщ. Ин-та языкозн. АН СССР, М., 1956, N 9, с. 66.

и др.[31] На культуру русской речи туркмен известное влияние оказывают и так называемые межъязыковые фразеологические омонимы, под которыми понимаются фразеологизмы, имеющие в туркменском и русском языках лексически эквивалентный компонентный состав, но несколько отличающиеся по выражаемым понятиям. Речь идет о фразеологизмах типа *сказать с сердцем* 'сказать сердито' и *йүрегиң билен айтмак* 'сказать искренне', *иметь руку* 'иметь поддержку' и *эли барлык* 'быть причастным к чему-л.', *лица нет* 'страшно бледен от чего-л.' и *йүзи ёк* 'нет авторитета', где ложная эквивалентность создает почву для отрицательной интерференции.

В целом русскую речь туркмен на фразеологическом уровне характеризует стремление избежать употребления фразеологизмов. Это и понятно: фразеологизмы представляют собой языковые явления особого рода, серьезно отличающиеся от единиц других уровней по семантике, структуре, употреблению и обладающие нередко национальной спецификой. К тому же некоторые фразеологизмы представляются вторичными по отношению к лексике и выступают как образные синонимы отдельных слов или свободных словосочетаний, с чем связана известная избыточность их в сугубо коммуникативном плане. По этой причине билингвы обычно обращаются к образной фразеологии второго языка на более высоких ступенях двуязычия. Следовательно, степень насыщенности русской речи туркмен-билингвов разного рода фразеологизмами можно считать своеобразным критерием овладения ими языком межнационального общения.

Таким образом, для русской речи туркмен характерны определенные отклонения от норм, которые вызваны прежде всего расхождениями между фонетической, грамматической, лексико-семантической системами русского и туркменского языков. Интерферентные явления по-разному проявляются в речи различных групп туркмен в зависимости от степени владения русским языком, а часть подобных явлений отличается довольно большой устойчивостью. Глобальность и широкая распространенность отдельных отклонений от норм в русской речи туркмен не говорят о существовании какого-то особого варианта русского языка в Туркмении[32], так как эти явления представляются временными и по мере повышения культуры русской речи туркмен они постепенно нейтрализуются и сводятся к минимуму на высокой ступени двуязы-

[31] *Быстрова Е.А.* Русская фразеология в национальной школе. — В кн.: Русская фразеология в национальной школе. М., 1976, с. 45—51.

[32] *Азимов П.А.* О туркменско-русском двуязычии, с. 47.

чия, приближаясь вплотную к речи самих русских. В условиях двуязычия детальное исследование интерферентных явлений в целях дальнейшей разработки мер по их преодолению становится одним из важных аспектов изучения культурно-речевых проблем, который имеет непосредственную связь с вопросами преподавания русского языка как второго, а это вполне естественно, ибо задачи современной борьбы за повышение уровня культуры русской речи органически сливаются с практическими задачами обучения русскому языку в национальных республиках.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЖАРГОНИЗМОВ В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ

Жаргонизмы изучаются лингвистами на протяжении длительного времени. Однако эта проблема все еще привлекает к себе внимание тем, что до сих пор до конца не выяснены особенности формирования, функционирования жаргонизмов. Известно, что существуют различные жаргоны, однако не классифицированы жаргонизмы, характерные для всех сфер и регионов. Поэтому исследователи, анализируя ту или иную конкретную жаргонную лексику, говорят о жаргоне вообще, что не всегда правомерно. Например, почти во всех вузовских учебниках и в работах, посвященных жаргонизмам, констатируется подвижность, непостоянство лексического состава жаргона[1]. А между тем жаргонизмы типа *(на)капать, понести, стрелять* 'выпрашивать' и под. функционируют уже не один десяток лет.

Чего же больше в жаргоне: постоянного или изменчивого? Каково их соотношение? Ответы на эти вопросы, вероятно, можно получить лишь в результате сравнения лексического состава основных жаргонов современного русского языка.

О недостаточной изученности жаргонов свидетельствует и отсутствие единой терминологии. Понятия "жаргон" и "арго" трактуются неодинаково. В лингвистических словарях и спра-

[1] См. об этом: *Скворцов Л.И.* Об оценках языка молодежи. — В кн.: Вопросы культуры речи. М., 1964, вып. 5, с. 50; *Калинин А.В.* Лексика русского языка. М., 1971, с. 143—144; Современный русский язык/Под ред. Д.Э. Розенталя, ч. 1. Лексика и фразеология ... М., 1979, с. 44.

вочниках эти термины рассматриваются как синонимы, термин "жаргон" имеет пейоративное значение[2].

По-разному оценивается и соотношение жаргона и сленга. Одни лингвисты считают эти понятия идентичными[3], другие — рассматривают жаргон как элемент (малоизвестную часть) сленга, в составе которого при этом выделяют корпоративные и профессиональные жаргонизмы[4].

В большинстве вузовских учебников и пособий выделяются жаргон и его особая разновидность — арго, но объем этих понятий определяется по-разному: в одних случаях выделяют профессиональные жаргоны, жаргоны учащихся, молодежный жаргон[5], в других — студенческое, школьное, профессиональное, воровское арго[6]. Иногда в специальных исследованиях, посвященных изучению жаргона, проводится мысль о том, что жаргон, как "замкнутый речевой обиход той или иной социальной группировки", есть "лингвистическая фикция", а потому предлагается изучать "жаргонообразную лексику"[7].

Остается неизученным и вопрос об особенностях функционирования жаргонизмов в условиях двуязычия.

В данной работе предпринимается попытка охарактеризовать особенности молодежного жаргона г. Бухары и области. Языковую ситуацию в Бухаре можно рассматривать как ситуацию дву- и многоязычную. К существовавшему издревле таджикско-узбекскому двуязычию присоединяются и новые формы узбекско-русского, таджикско-русского, казахско-татарско-русского и т.д. двуязычия. Ведущими по количеству говорящих являются первые два типа двуязычия. Исследованию подверглась русская речь некоторой части молодежи, родным языком которой выступают русский, узбекский и таджикский языки. При этом представители нерусских национальностей

---

[2] См.: *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 53, 148; *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1972, с. 25, 95.

[3] См. об этом: *Скворцов Л.И.* Указ. соч., 47, 70. Правда, в статье "Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии" Л.И. Скворцов дает иное понимание соотношения жаргона и сленга (см.: Литературная норма и просторечие. М., 1977, с. 32—35).

[4] *Судзиловский А.Г.* Сленг: что это такое? Английская просторечная военная лексика. М., 1973, с. 11; *Хомяков В.А.* Введение в изучение сленга — основного компонента английского просторечия. Вологда, 1971, с. 43—49, 62—66.

[6] См.: *Калинин А.В.* Указ. соч., с. 142—143, 145; Современный русский язык, с. 40, 43, 44.

[6] См.: *Шанский Н.М.* Лексикология современного русского языка. М., 1972, с. 124—127, 128.

[7] *Скворцов Л.И.* Об оценках языка молодежи,с. 46, 47.

могли быть выпускниками как национальных, так и русских школ.

Анализ нашей картотеки, включающей более тысячи жаргонизмов, показывает, что ведущим компонентом жаргона в Бухаре является русский жаргонный материал, например: *степа, удочка, филонить* 'бездельничать', *заводиться* 'нервничать', *хавать* 'есть', *бабки, башки, хрусты* 'деньги', *бухой, бухарик* 'пьяница', *трепаться, заливать* 'врать', *трепач* 'болтун' и т.д. Подробный анализ этой группы — особая задача, здесь же мы охарактеризуем региональную лексику.

Наиболее яркими региональными признаками обладают те жаргонизмы, которые заимствованы из узбекского и таджикского языков. Таких слов в исследуемом жаргоне немного, но они представляют определенный интерес. Например, широко известны слова *чап* 'левая работа', 'незаконный заработок' (восходит к таджикскому слову *чап* 'левая сторона, рука'), *чаповать* 'выполнять левую работу', 'изменять другу, подруге' и даже *выйти, пойти на чап.* Ср. также слова *чашмогон, чашманавт,* которые возникли совсем недавно (два-три года назад) и означают 'пьяница, пьющий дешевое вино "чашму"' (от узб.-тадж. *чашма* 'родник'), откуда и слово *начашмиться; саксаул* 'высокий' (от тюрк. *саксаул* — дерево, растущее в пустыне); *пахса, лой, молохо, малах* (все они означают 'деньги', причем *пахса* — узб.-тадж. 'глинобитный, слой глины', *лой* — узб.-тадж. 'жидкая глина, грязь', *молохо* — в узб. из др.-евр. *молохо* 'деньги', а *малах* — фонетический вариант *молохо,* образовавшийся уже в узбекском языке); *зич(и)* 'хорошо, очень хорошо' (от узб.-тадж. *зич* 'плотный, густой'); *кашок* 'жадный, скряга', (от. узб.-тадж. *кашок* 'бедняк, голодранец'); *сафар* 'дурак' (от узб. *Сафар* 'имя собственное'); *касымбой* 'хулиган' (от узб. *Касымбай* 'имя мужчины'). Подобные заимствования есть в тематической группе жаргонизмов — названий курительных снадобий. Большинство слов этой группы взято из арго, о чем свидетельствует стремление к "конспирации" в названиях, ср.: *дрянь, чернушка, божья травка, план, косяк, ширева* и под.

Наличие в этой группе заимствований из узбекского (или таджикского) языка не противоречит стремлению носителей арго (и жаргона) к "засекречиванию". Ср.: слово *хайдар* в жаргоне обозначает 'курительное средство', а в узбекском языке это мужское имя. Совсем обрусевшими выглядят слова *обкумариться* и *кумариться* 'накуриться до умопомрачения'. Корни этих слов восходят к узб.-тадж. *хумор* 'хмель, опьянение', 'сильное желание чего-л. как следствие привычки', от которого при помощи славянских аффиксов и обра-

зованы глаголы (об)*кумар* + *и* + *ть* + *ся*[8]. В жаргоне функционирует также слово *дуздануть* 'украсть', образованное от узб.-тадж. *дузд* 'вор'[9].

Анализ использования жаргонизмов некоторой частью молодежи показывает, что взаимодействие языков не ограничивается обычным переходом слов из одного языка в другой. Здесь наблюдаются довольно сложные процессы, в результате которых слово переходит из одного языка в другой, где изменяется и вновь возвращается в язык-источник, но уже как иное, "заимствованное" слово (при этом взаимопереходы совершаются довольно быстро). Например, из русского языка заимствовано узбекским слово *шампанское* 'игристое вино', от которого узбеки образовали усеченную форму *шампон* в значении 'курительный табак, закладываемый под язык', используемую обычно только в устной речи в шутливом значении. Затем эта форма слова вновь "возвращается" в русский язык, точнее, в его жаргонный слой уже со значением, характерным для узбекского языка. Далее, в узбекский язык перешло слово *марганцовка,* которое в устной речи употребляется также в значении 'вино, коньяк' (перенос по цвету). Данное жаргонное значение слова используется молодыми людьми и тогда, когда они говорят по-русски, т.е. и это слово в новом значении как бы "возвращается" в русский язык. Слово употребляется в усеченной форме *марган* (ср.: *Налей маргана; Купи марган*), есть производное *марганщик* 'пьющий только вино'.

Нередко такое взаимовлияние приводит к своеобразному калькированию: в узбекском и таджикском языках слово *дори* (*дору*) означает 1) 'лекарство', 2) 'спиртное' (разг.). По-видимому, влиянием этого слова объясняется употребление в устной речи слова *лекарство* в значении 'спиртное'[10].

Степень употребительности заимствованных жаргонизмов неодинакова: отдельные слова чаще используются в русской речи узбеков и таджиков (например, *Касымбой, сафар, кашок, хайдар, лой, пахса, молоха* (*малах*), *шампон, зич*(*и*); другие заимствования чаще встречаются в речи молодежи, родным

[8] Вероятно, воздействием системных отношений можно объяснить возникновение у производных от глагола *курить* слов *обкуриться, обкуренный* жаргонного значения 'накурившийся анаши'.

[9] Подобные глагольные формы, образованные от заимствований, в жаргоне не единичны, ср. глаголы *посмокать, смокать* (от англ. *smoke*).

[10] Именно тесным взаимодействием двух языков можно объяснить "возникновение" в узбекском языке жаргонизма *қултамицин* 'спиртное, водка', где *қулт* — узб.-тадж. 'глоток, звукоподражание глотанию жидкости' (ср. рус. *бульк-бульк*), *мицин* — элемент, выделенный из заимствованных из русского языка слов *синтомицин* и под., означает, вероятно, 'лекарство' (в жаргонном употреблении).

языком которой является русский (ср.: *чап, чаповать, чашманавт, чашмогон, начашмиться, саксаул, дуздануть, обкумариться, кайфовать, гап*)[11].

Наличие производных фразеологизмов свидетельствует об освоенности этих заимствований жаргонным слоем языка. Часть подобных слов образована по известным моделям от жаргонных и иногда от общеупотребительных слов, ср.: *пача* — обратное образование от слова *пачка,* которое в жаргоне означает 'лицо человека' (обычно полное, жирное), *фигня* 'плохой' (от слова *фига* 'шиш'), *хипач, хиповать* (от слова *хиппи*), *химичить* 'хитрить, ловчить' (от слова *химик,* которое в жаргоне означает 'шулер, обманщик'), *опарафиниться* 'опозориться' (от слова *парафин*), *фиксатый* 'имеющий золотые зубы' (от жаргонного *фиксы* 'золотые зубы'), *голяк* 'безденежье' (от слова *голый*), *шустряк* 'ловкач' (от слова *шустрый*) и др.

Другая часть этих жаргонизмов возникает на основе метафорического (иногда метонимического) использования слов, существующих в языке. Нельзя не согласиться с исследователями, которые отмечают, что метафора играет основную роль в образовании жаргонной лексики[12]; например, в жаргоне *дешевка* означает 'ябеда, доносчик', отсюда *дешевить* 'ябедничать, предавать', *шестерка* 'подхалим' — *шестерить* 'подхалимничать, угодничать', *сапожник* 'плохой специалист'.

В молодежной речи имеют место и арготизмы (в картотеке их более 100). Арготизмы носят в основном общий, а не только региональный характер. Эти слова, попадая в жаргон, подвергаются изменениям и могут функционировать как с арготическим, так и с "новым", жаргонным значением, например: арготизм *увести* в жаргоне означает 'взять без разрешения', *бугор* — 'мастер (в ГПТУ)', 'бригадир' (в арго — 'начальник, руководитель').

Кроме жаргонизмов в речи молодежи отмечены фразеологические единицы (далее — ФЕ) жаргонного характера, в нашей картотеке подобных ФЕ — также более 100. По семантике и по своему происхождению они неоднородны, и только небольшая часть их зафиксирована толковыми и фразеологическими словарями (были просмотрены БАС[13] и ФС[14]);

[11] О заимствованном жаргонзме *кайф* и его производных см. ниже.

[12] Анализ жаргонизмов показывает, что модели и причины переноса трудно-объяснимы, вследствие чего не всегда возможна мотивировка появления тех или иных жаргонизмов.

[13] Словарь современного русского литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950—1965, т. 1—17.

[14] Фразеологический словарь русского языка/Под ред. А.И. Молоткова. М., 1967.

например, довольно частотны ФЕ *закладывать за воротник* 'пить спиртное', стоять *на стреме* 'на страже', *быть под мухой* 'быть навеселе', *сидеть на мели* 'быть без денег', *не трепись* 'не ври, не болтай' (от *трепаться* 'болтать, говорить вздор' — БАС, т. 15), *до лампочки* 'все равно, безразлично' и т.п.

В молодежной речи используются и деформированные ФЕ. Так, распространенный фразеологизм *взять на храпак* означает 'испугать'. Слово *храпак,* на наш взгляд, модификация слова *нахрапом* 'дерзко, нагло' (см. БАС, т. 7), а *храпак* встречается в составе ФЕ *задать храпака* со значением 'крепко спать' (простореч.) (см. ФС, с. 163). Или: вместо известного ФЕ *баклуши бить* в жаргоне используется ФЕ *баклуши гонять* в том же значении (ср. также синонимичную ФЕ *шатало гонять*). Фразеологизм *сидеть на мели* у молодежи используется только в значении 'быть без денег', тогда как в БАС и ФС означает 'быть в затруднительном положении, испытывать крайнюю нужду'.

Определенная часть ФЕ образуется на основе жаргонных значений слов. Так, слово *гнилой* в жаргоне означает 'плохой, нехороший', а слово *заходы* — 'действия, манеры', жаргонная ФЕ *гнилые заходы* означает 'нехорошие шутки'. Слово *свист* в жаргоне имеет значение 'ложь, неправда', отсюда *говорить под свистом* 'врать'. Вместо ожидаемого *(с)валиться с ног* (от усталости) используется ФЕ *с копыт свалиться* 'устать', где *копыта* — 'ноги' (ср. также *с копыт слететь, упасть*). Жаргонные значения приобрели и слова *раздавить* и *пузырь,* что видно из анализа значения ФЕ *раздавить пузырь* 'выпить бутылку спиртного' (ср. сочетания *ставить пузырь, спорить на пузырь* и т.д.). То же можно сказать и о жаргонных значениях слов *когти, втык, пять* и под. в ФЕ *рвать когти* 'убегать' (где *когти* — 'ноги'), *сделать втык* 'отругать' (где *втык* — 'выговор, нагоняй'), *дай пять* 'договорились' (где *пять* — 'рука').

При этом чаще слово вначале приобретает жаргонное значение, затем на основе этого значения образуется ФЕ (примеры см. выше), реже сначала образуется ФЕ, где слово и получает новое, жаргонное значение (ср. ФЕ *гонки гнать* 'врать', где *гонки* — 'ложь, вранье'): *брать, дать на лапу* 'брать, дать деньги' (где *лапа* означает уже не 'рука', а 'взятка'), *танцуй вальсом, крути педали* 'уходи вон' (где *танцуй, крути* означают 'уходи', а слова *вальс, педали* приобрели синонимичное значение 'вон') и под.

Основная часть ФЕ жаргонного характера формируется из общелитературных слов, которые не имеют жаргонных зна-

чений. В БАС и ФС эти ФЕ не отмечены. Поэтому подобные ФЕ можно отнести к чисто жаргонным образованиям. Таковы, например, особенности ФЕ жаргонного характера *в полный рост* 'полностью', 'хорошо', *муму канифолить* 'рисоваться', *стать на уши* 'сильно удивляться, стараться', *точить якорь* 'делать глупости', *ха-ха давить* 'смеяться', *по-рыхлому* 'побыстрее', *забросить кости* 'зайти в гости', *одиннадцатый трамвай* 'ходить пешком' и под.

Несколько особо можно рассматривать те жаргонные ФЕ, которые включают в себя элементы, не функционирующие в молодежной речи в качестве самостоятельных слов, ср. ФЕ *до фени* 'все равно', *тюльку гнать* 'врать', *нам хана* 'пропасть, конец, смерть', *фигню лепить* 'врать', *наводить хипиш* 'пугать, ругаться' и т.д.

Некоторые подобные ФЕ пришли в жаргон из профессиональной лексики; например, БАС поместил слово *атанде* как термин карточной игры в значении 'погодите, не мечите', те же значения слово имеет и в просторечии. Все это позволяет сделать вывод, что ФЕ *на атанде* в молодежном жаргоне — из арго или из жаргона картежников. Оттуда же, на наш взгляд, заимствованы и ФЕ со словом *понт*. БАС поместил слово *понтер* 'игрок, играющий против банка'. А жаргонное слово *понт* есть обратное образование от основы *понтер* → →*понт*. Переход в молодежный жаргон сопровождался и семантическими сдвигами: вместо ожидаемого *понт* 'банк' мы имеем значение 'толк'. В молодежном жаргоне слово начинает обрастать производными, ср. глагол *понтоваться* 'выламываться', *понтовать* 'сгущать краски', (*без*)*понтово сделано* '(плохо)хорошо сделано', *понтер* 'тот, кто сгущает краски' и под. Вероятно, из речи рыбаков заимствована ФЕ *тюльку гнать* 'врать' (ср. в БАС *тюлька* 'мелкая рыба'), *гнать порожняк* 'врать', из профессионального языка железнодорожников.

В молодежном жаргоне функционирует группа ФЕ, заимствованная из арго, ср.: *пришить дело* 'ложно обвинить', *стоять на шухере* 'караулить', *туз корячится* 'человек богатый, с деньгами задается', *навести шмон* 'провести обыск' и под.

Среди ФЕ жаргонного характера есть и такие, которые включают слова, заимствованные из узбекского (иногда таджикского) языка, это — ФЕ *не фаркует* со значением 'до лампочки' (глагол *фаркует* образован от узб.-тадж. *фарк* 'разница, различие'). Или ср. ФЕ *есть такой гап, у нас состоялся гап* (*гяп*) в значении 'есть мнение', 'состоялся разговор' (где *гап* (*гяп*) восходит к узб.-тадж. *гап* 'слово',

'слова', 'разговор'). То же можно сказать и о группе ФЕ с заимствованным словом *кайф*: *не по кайфу* 'без ожидаемого удовольствия', *поломать кайфы* 'помешать, воспрепятствовать чему-л'., *кайф шугать* 'портить настроение'. Слово *кайф* в узбекском и таджикском языках означает 'наслаждение, настроение, удовольствие'. БАС отмечает заимствованное из турецкого языка слово *кейф* в значении 'приятное безделье, ничегонеделание'. Сопоставление показывает, что рассматриваемое слово в жаргонных ФЕ своим значением и фонетическим обликом совпадает с узб.-тадж. *кайф*. Несмотря на то что слово *кайф* — недавнее заимствование, ФЕ с ним употребляются в речи некоторых молодых людей независимо от их родного языка. Кроме того, об освоенности и распространенности ФЕ со словом *кайф* свидетельствует наличие ряда производных: *кайфовать* (*кайфует*) 'блаженствовать', *кайфолом* 'тот, кто портит настроение', *кайфоломка* 'то, что мешает, созданию хорошего настроения', *кайфово* 'приятно'.

Необходимо отметить, что для жаргонных ФЕ характерны и синонимические связи. Часть ФЕ синонимична только жаргонизмам (их большинство), другие ФЕ вступают в отношения синонимии с жаргонными ФЕ (их меньше). В этом отношении очень "повезло" ФЕ с семантикой 'врать', 'обманывать' (более 10 ФЕ). По три-четыре ФЕ имеют фразеологизмы со значениями 'уходить', 'бездельничать', 'безразлично' и т.д. Ср. ФЕ со значением 'врать' — *гонки гнать, гнать муму, гнать бочку, лепить горбатого, не надо ля-ля, фа-фа, болтать по фене* и др.; со значением 'уходить' — *крутить педали, ползти по паспорту, рвать когти, танцевать вальсом;* со значением 'подвести, подложить свинью' — *нахалку наводить, нашивать;* со значением 'много работать' — *пахать по-черному, работать, как папа Карла* и под. ФЕ со значениями 'безразлично', 'бездельник' и нек. др. см. выше.

Подводя итоги, отметим: жаргонная лексика, к сожалению, получает широкое распространение; это видно из того, что молодые люди, родным языком которых являются узбекский или таджикский, осваивают жаргонные нормы русского языка быстрее и раньше его литературных норм. Жаргон — развивающаяся категория, о чем говорит наличие многочисленных жаргонных неологизмов и ФЕ. Все это еще раз подтверждает справедливость выводов проф. М.М. Копыленко[15] о том, что детальное изучение современного русского языка невозможно без углубленного изучения жаргона.

[15] *Копыленко М.М.* О семантической природе молодежного жаргона. — В кн.: Социально-лингвистические исследования. М., 1976, с. 86.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ РУССКОГО И ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКОВ НА УРОВНЕ ЛЕКСИКИ

1. ЛАТЫШСКИЕ СЛОВА В РУССКОЙ РЕЧИ СТУДЕНТОВ

В условиях Латвийской ССР русский язык постоянно взаимодействует с языком основного населения — латышским. Подобная ситуация представляет большой интерес для научного исследования как в чисто теоретическом плане изучения билингвизма и языковых контактов, так и для решения конкретных проблем, связанных с функционированием этих языков и культурой речи.

При изучении проблемы двуязычия в Латвии в центре внимания исследователей находились вопросы влияния русского языка на латышский. Проблемы же обратного влияния пока остаются малоизученными*. Авторы делают попытку выделить группы наиболее употребительных в русской речи латышских слов, выявить основные причины, побуждающие говорящих включать в свою речь лексические элементы латышского языка, и определить отношение к этому явлению с точки зрения культуры речи.

Материалом для исследования послужила студенческая речь, которая является одной из наиболее ярких разновидностей молодежной речи. Собирались и фиксировались только диалоги русских студентов. Предметом анализа послужила речь студентов-филологов с присущим им повышенным вниманием к форме языкового выражения. Следует отметить, что студенты филологического факультета Латвийского государственного университета, записи речи которых мы используем, учатся в одном потоке со студентами-латышами, изучающими русский язык, а латышский язык является на филологическом факультете университета одним из учебных предметов. Складывается специфическая двуязычная ситуация, создающая благоприятные условия для влияния как русского языка на латышский, так и латышского на русский.

Исследуемое явление характерно не только для студенческой речи или речи молодежи в целом. Оно является весьма распространенным в разговорной речи русских жителей Риги различного возраста, разных профессий, с разным уровнем образования. Причем, так же как и в студенческой речи, частота употребления латышских слов и выражений совершен-

* По данной теме см. работы: *Семенова М.Ф.* Русско-латышские языковые связи. Рига, 1973; *Граудина Л.К., Семенова М.Ф.* Русский язык в Латвийской ССР. — В кн.: Русский язык как средство межнационального общения. М., 1977.

но не зависит от уровня владения латышским языком. Многие из них встречаются в речи людей, проживших в Латвии короткое время и почти не владеющих латышским языком.

Авторы анализируют лексические и фразеологические факты. Это объясняется тем, что именно словарь чужого языка воспринимается прежде всего. В случае пассивного владения латышским языком интерференция вообще ограничивается только лексическим уровнем.

Наиболее ярко лексическая интерференция в речи русских проявляется в употреблении латышских слов, настолько широко распространенных в местной речи, что они воспринимаются как исконно русские слова. Таковы слова *рабарбар* 'ревень', *канна* 'бидон' и др. Латышскими словами заменяются названия отдельных конкретных предметов: *maize* 'хлеб', *grāmata* 'книга', *galva* 'голова', *zābaki* 'сапоги', *dakša* 'вилка', *sērkociņi* 'спички', *veikals* 'магазин' и т.д., например: Я в хлебный сейчас забегу. Тебе *ма́йзе* купить?; Ах, как у меня болит *га́лва;* Девочки, вам *за́баки* не надо?; Ой, мне не дотянуться, дайте *да́кшу;* — Пойдем, стрельнем сигаретки. — Да у меня же есть. Достань-ка лучше *се́ркоцини;* У меня на примете есть очень хороший *ве́йкалс,* где всегда можно купить очень вкусный торт.

Латышские слова в приведенных примерах равнозначны соответствующим русским. Однако отдельные слова в таком употреблении получают дополнительный оттенок значения. Особенно это наблюдается в употреблении латышского слова *rinda* 'очередь' в следующих характерных контекстах: Ну и *ри́нда!* Нечего и думать постоять; Скажите спасибо, что купила. Такую *ри́нду* отстояла; Смотри-ка, ну и *ри́ндочка* образовалась, пока мы отходили. Это слово в русской речи используется только в значении 'большая очередь'.

Аналогичны семантические изменения при употреблении в русской речи слов *garais* 'длинный' и *sportists* 'спортсмен': Какой *га́райс,* метр девяносто, наверное!; Он у нас хороший *спорти́ст.*

В латышской языковой форме употребляются наиболее частотные вопросы типа: *Cik maksā?* 'Сколько стоит?'; *Cik pulkstēns?* 'Сколько времени?'; *Kas tas ir?* 'Что это такое?'; *Ko tev (jums) vajag?* 'Что тебе (вам) нужно?'; *Ko tu gribi?* 'Чего ты хочешь?'; *Kā ie?* 'Как дела?'; *Kur tu biji?* 'Где ты была?'; *Nu tad ko?* 'Ну, так что?'; Особенно частотно вопросительное слово *kāpēs?* 'почему?' Приведем примеры: Такая красивая кофточка! Ну и *цик ма́кса?; Ну тад ко?* Ты идешь или нет?; *Кур ту бий,* когда я тебе звонила?; — У меня есть лишний билет в кино. Пойдешь? — Нет. — *Капе́ц?; Капе́ц* ты не была вчера дома?

Часто встречаются словосочетания, выражающие эмоциональную оценку: *loti labi* 'очень хорошо', *ļoti žēl* 'очень жаль', *ļoti interesanti* 'очень интересно' и т.д. Например: Я купила себе сумочку. Просто прелесть. *Пи́рма шки́ра!;* — Как поживаешь? Мы с тобой уже давно не виделись. — Спасибо, *лёти ла́би;* — Она просила передать, что больше звонить тебе не будет. — О, *ман лёти, лёти жел.* Давно пора бы; *Лёти и́нтересанти,* а что ты раньше думала?

Распространены обращения к собеседнику с призывом что-нибудь сделать, с побуждением к действию. Наиболее употребительны глаголы *eiam, iesim* 'идем, пойдем' в сочетании с различными словами. Латышским словом часто передается и объект, к которому направлено движение, даже при русском глаголе: *И́есим ко́па* в библиотеку (*kopā* 'вместе'); — Проедем одну остановку. — Нет, лучше *э́ям та́лак,* пробежимся еще по магазинам (*tālāk* 'дальше'); Идем *уз ки́но* после четвертой пары (*uz kino* 'в кино').

Так же используется форма повелительного наклонения других глаголов и наречия со значением побуждения: *pagaidi* 'подожди', *izbeidz* 'кончай', *nāc šurp* 'иди сюда', *dot man* 'дай мне', *ātri, ātrāk* 'быстро, быстрее' и т.д. Например: Я сейчас соберусь, *на́гайди;* Ты мне очень нужна, *нац шурп; Дод ман* булочку, пожалуйста; *А́трак, а́трак,* нас уже ждут.

Употребляются также и целые фразеологизмы: *viss (būs) kārtībā* 'все (будет) в порядке', *neņem galva* 'не обращай внимания', *nav laika* 'нет времени', *(man) vienalga* '(мне) все равно', *varbūt* 'может быть' и т.д. Например: — Я опять не сдала зачет. — Ничего, *вис бус ка́ртиба;* Ну что ты расстраиваешься? Все обойдется. *Не́нем га́лва;* Какое там кино! Завтра семинар. Сама понимаешь, *на́у ла́йка;* — У тебя лишняя ручка есть? — *Кас на́у, тас на́у;* Так тебе посветлее или потемнее? — *А ман виена́лга,* покупай, какая будет; — Ну так что, ты поедешь завтра с нами? — *Варбу́т, варбу́т.*

Словосочетания и выражения могут употребляться целиком в латышской форме или частично заменяться русскими словами: — *Сколько пу́лкстенс?* — Без десяти два; Ну, *вис бус хорошо.*

Особую группу среди устойчивых выражений, которые употребляются в латышском варианте, составляют так называемые речевые клише. Это характерные для разговорной речи стандартные реплики, которые автоматически употребляются говорящими в распространенных ситуациях. Частое употребление таких "штампов" в латышской речи, их устойчивость, закрепленность за распространенными бытовыми ситуациями обусловливает быстрое запоминание и легкость использования их русскими, даже при незнании языка.

К числу таких клише относятся прежде всего формулы речевого этикета — выражения приветствия, благодарности, извинения, согласия, несогласия и т.д.: *Sveiki* 'Привет!' (по стилистической окраске более соответствует русскому *здравствуй!*); *Labrīt* 'Доброе утро!'; *Labdien* 'Добрый день!'; *Labvakar* 'Добрый вечер!'; *Uz redzēšanos* 'До свидания!'; *Paldies* 'Спасибо!'; *Lūdzu* 'Пожалуйста!'; *ja* 'да'; *nē* 'нет'; *labi* 'хорошо, ладно' и т.д. Например: — Хочешь пойти со мной на собрание? — *Палдиес,* не хочу; — Покажи, пожалуйста, журнал. — *Лýдзу;* — Тебе передали альбом? — Да. — Ну, тогда *лáби,* завтра все решим.

Довольно употребительны латышские формы обращения: *draugi* 'друзья', *biedri* 'товарищи', *meitenes* 'девочки, девушки' и т.д. Например: Ну, *дрáуги,* и сессия у нас будет!; *Бúедри,* что будем делать?; Привет, *мéйтенес,* как жизнь?

Одной из стандартных ситуаций, в которых употребляются речевые клише, является общение в транспорте. Объявление водителя (*Улица... Следующая остановка...*) обычно звучит по-латышски: *...iela, nākošā pietura...* Постоянно употребляется в транспорте и формула *Jūs kāpsiet?* 'Вы выходите?' Этим объясняются следующие употребления в русской речи: — Долго нам еще ехать? — *Нáкоша пúетура* будет наша; — Какая следующая *иéла?* — Кажется, Энгельса.

Более легкому усвоению и соответственно распространенности в русской речи способствует употребление некоторых слов на вывесках и объявлениях: *kafeinīca* 'кафе', *ēdnīca* столовая', *frizētava* 'парикмахерская', *pārtika* 'продовольственный магазин', *dzēreini* 'напитки', *pārtraukums* 'перерыв', *slēgts* 'закрыто'. Например: Давай зайдем по дороге в *кафéйницу,* выпьем кофе с булочкой; Я забегу в *фрúзетаву,* а потом сразу к тебе; Ну что, пойдем в *дзéриени;* Да нет, в магазине сейчас *пáртраукумс;* — Мы в Иманте квартиру получили.— На какой *иéле?*

В ряде случаев замена русских слов латышскими может быть свойственна только определенному кругу говорящих. Так, в речи наших студентов распространено употребление слова *pīrādziņi* вместо русского *пирожки.* Это объясняется тем, что недалеко от филологического факультета находится пирожковая с бросающейся в глаза вывеской: "Pīrādziņi". Замена встречается даже во фразеологизме: Вот такие *пирадзини.*

Наиболее заметной особенностью студенческой речи является употребление арготизмов. Одним из основных источников пополнения арго служат заимствования. В условиях Латвии источником заимствования становится и латышский язык. При этом могут заимствоваться латышские арготизмы,

как имеющие, так и не имеющие соответствия в русском арго: *pa fiksam, fiksi* 'быстро', *baigi* 'очень, ужасно', *forši* 'прекрасно' (ср. арготизмы *четко, клёво, блеск* и т.д.). Например: — Долго ты будешь возиться, мы опаздываем. — Я сейчас, *нáфиксам.*

Иногда в речи молодежи латышские нейтральные слова приобретают значение арготизмов. Например, слово *nauda* 'деньги' или в русифицированной форме *нáуды* (по аналогии с формой мн. числа русского слова) употребляется в синонимическом ряду арготизмов: *мани, капуста, шанежки, монеты* и т.д. Например: У тебя что, лишние *нáуды* есть?

Кроме рассмотренных в речи русских студентов встречаются отдельные латышские слова, словосочетания, выражения и целые фразы, носящие случайный характер и не поддающиеся систематизации, например: — Дай мне свою тетрадь с конспектами. — *Нем* (*ņem* 'бери'); — Устала? — *Мазлиет* (*mazliet* 'немного'); *Виньш ман* (*viņš man* 'он мне') ужасно надоел; *Эс виняй* (*es viņai* 'я ей') говорю, что завтра не смогу прийти; — Так, значит, сначала в библиотеку? — Да. Ну, *эс брáукшу* (*es braukšu* 'я поеду'), а ты?

В отдельных случаях наблюдается семантическое калькирование латышских слов в русской речи. Так, в латышской разговорной речи широко употребляется слово *sīkais* 'мелкий' в значении 'ребенок, малыш'. Отсюда распространившееся в речи рижской молодежи употребление русского слова в том же значении: Как твой *мелкий*, поправился?

Аналогично встретившееся употребление слова *порядочный* в значении 'аккуратный, ответственный; такой, у которого все в порядке' в соответствии с латышским *kārtīgs:* Она очень хорошая студентка. Такая... *порядочная.*

Интерференция имеет место не только на лексико-фразеологическом, но и на других уровнях языка. Довольно активно это явление в области словообразования. В таких случаях оно выражается в образовании слов от латышских корней с помощью русских слово- и формообразовательных аффиксов. При этом слово, чаще всего глагол, получает русскую форму, что придает шутливую окраску сказанному. Подобный характер таких образований, как правило, ощущается собеседниками, например: Я сегодня до обеда *пострáдаю,* а потом зайду к тебе (*strādāt* 'работать'); — Мне тут джины достали. — И сколько *замаксáл* (*maksāt* 'платить')?; *Сапрóт* теперь? Объяснял, объяснял, а ты все не *сапрóтаешь* (*saprast* 'понимает"); Ну, как ты там? *Ко ту* (что ты) *дáришь?* (*darīt* 'делать')?

На грамматическом уровне возможности влияния латышского, неродного, языка на русский крайне ограничены. Оно

сводится к калькированию некоторых типичных латышских синтаксических конструкций типа: *Что, пожалуйста* (*Kā, lūdzu*)? и *Каких три тетради* (*Kādas trīs burtnīkas*)? Если в случае лексической интерференции ненормативность употребления осознается, то употребление калькированных синтаксических конструкций является бессознательным заимствованием из русской речи латышей.

Наблюдения над речью и опрос информантов позволяют выделить следующие причины интерференции в разговорной речи студенческой молодежи Риги, обусловленные во многом психологией говорящих. В основе одной из них лежит стремление, особенно молодежи, сделать свою речь более яркой, оригинальной, своеобразной, в результате чего речь приобретает несколько фамильярный, иронический оттенок. Интерес к языку, обостренное лингвистическое чутье у наших информантов (студентов-филологов) активизирует это стремление. С подобной целью в молодежной речи широко используются слова латышского языка.

Существует также ряд других факторов, способствующих интерференции. В ряде случаев говорящий сознательно стремится показать свое знание неродного языка. Употребление латышского слова помогает выделить его в потоке речи, сконцентрировать на нем внимание слушателя.

При активном двуязычии, т.е. хорошем знании латышского языка, использование латышского слова может быть вызвано отсутствием соответствующего эквивалента в русском языке или тем, что говорящий в условиях спонтанной речи не может быстро найти такой эквивалент.

Причиной предпочтения лексико-фразеологических средств латышского языка может быть и субъективное восприятие их как более выразительных. Так, латышские слова *šausmas!; ak tā?* и т.п. воспринимаются информантами как более экспрессивные, чем соответствующие русские *ужас!; ах так?* и т.п. Такое восприятие создается только самим фактом иноязычности при полном совпадении семантики и стилистической окрашенности слов такого типа в обоих языках. Подобная субъективная оценка может быть сугубо индивидуальной, как, например, оценка одним из информантов латышского слова *beidz* как менее грубого, чем русское *кончай* (в значении 'прекрати, перестань'). В отдельных случаях дополнительный эмоциональный оттенок в результате многократного употребления в сходных ситуациях закрепляется в речи, как это было показано на примере слова *rinda* 'очередь'.

Употреблению некоторых латышских слов и выражений

способствует широкая распространенность их в окружающем обиходе, в речи латышей.

Как видим, в условиях сложившейся в Латвии двуязычной ситуации интерференция становится довольно распространенным явлением и требует оценки с ортологической точки зрения. Совершенно ясно, что оно ненормативно с позиций кодифицированного литературного языка. Однако влияние латышского языка на русский ограничено сферой разговорной речи, нормы которой не являются столь строгими и определенными. Как показывают наблюдения, использование латышских языковых средств в русской речи вызывается целым рядом психологических и лингвистических причин и, будучи сознательным отклонением от кодифицированной нормы, удовлетворяет определенным потребностям коммуникации. Это значит, что не считаться с существованием этого явления и тем более безоговорочно осуждать его неправомерно. Оценивать его следует с позиций коммуникативной целесообразности и соблюдения меры в употреблении. Внимания пропагандистов культуры речи требуют в основном случаи бессознательного заимствования из латышского языка, получившие относительно широкое распространение (типа *что, пожалуйста?*).

Следовательно, хотя интерференция в условиях латышско-русского двуязычия наблюдается в основном на лексическом и фразеологическом уровне и не затрагивает глубинной структуры русского языка, это явление заслуживает серьезного изучения и должно учитываться при решении проблем культуры русской речи в Латвии.

2. ЯВЛЕНИЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В РУССКОЙ РЕЧИ НАСЕЛЕНИЯ г. РИГИ

При функционировании того или иного языка в условиях двуязычия неизбежно возникает интерференция. Она может быть самой различной по своему характеру, степени прявления, результатам. Особенно яркой и заметной в разговорной речи билингвов оказывается лексическая интерференция, когда в процессе продуцирования речи вместо слов одного языка говорящий использует синонимические слова другого. Последние — при частотном и регулярном их употреблении — могут превратиться в иноязычные синонимы. Естественно, что такого рода слова выступают в первую очередь как стилистически маркированные и ограниченные.

Нами рассматриваются те слова латышского происхождения, которые на правах нелитературных заимствований пос-

тоянно употребляются в русской разговорной речи Риги и тем самым являются структурными элементами данной подсистемы языка. Таких слов не так уж много (правда, не исключено, что далеко не все слова этого рода известны автору, причем особенно велика вероятность отсутствия фиксации элементов профессиональных или групповых арго). Соответствующие лексические единицы квалифицируются в словарном порядке, что дает возможность охарактеризовать их как с точки зрения употребления, так и с точки зрения этимологии.

Amá! (< лтш. *atā*!) Интеръекция прощания (с некоторым оттенком фамильярности). Пример (из разговора по телефону из роддома с молодой матерью): Ну, ладно, Таня, ну, целую, ну, *ama!*[1] Любопытен пример адвербиализации: *Ama* поедем, *ama!* (говорит пожилая женщина двум сидящим в коляске близнецам). Слово это кроме латышского известно и в литовском языке. Оно, правда, как ни странно, не включено в большой словарь литовского языка[2] и в ряд других лексикографических изданий. Единственное известное автору исключение составляет новейший латышско-литовский словарь, в который помещена следующая словарная статья: "Átā interj. šnek. (разг. — О.Б.) ata! atsisveikinant (при прощании. — *О.Б.*)"[3]. (Однако, по устному свидетельству литовских языковедов, данное слово (или его фонетический вариант *ate!*), в литовской разговорной речи используется достаточно широко.) Причиной такого положения, очевидно, является как ярко выраженная разговорная окраска междометия, так и до некоторой степени нигилистическое отношение ряда лексикографов к междометиям вообще. Неясной остается этимология этого слова. В качестве весьма гипотетического можно высказать предположение о связи его с франц. attendre 'ждать; надеяться' (точнее, с одной из личных форм этого глагола). Если бы эта гипотеза и подтвердилась, говорить о непосредственном французском влиянии вряд ли стоит, в таком случае уместнее предположить посредничество прибалтийско-немецкого (а для литовского — и польского) разговорного языка.

Йохайды! (< лтш. *johaidī!*) Интеръекция возмущения, удивления и т.п. (из разговора мужчин лет пятидесяти): — Пошли домой! — *Йохайды!* К бабе пойдем, к бабе! Соот-

[1] В качестве примеров использованы блокнотные записи, сделанные в 1979—1980 гг.

[2] Lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1947, t. 1; [2-е изд.] Vilnius, 1968, t. 1.

[3] *Balkevičius J., Kabelka J.* Latvių-lietuvių kalbų žodynas. Vilnius, 1977, pl. 75.

ветствующее латышское слово является элементом сленга. Следовательно, в русском языке это—собственно разговорное заимствование из латышского. Латышское слово усвоено из немецкого языка.

Ка́ли (<лтш. *kāļi*) 'брюква', например (говорит пожилая покупательница в овощном магазине): Пять килограмм картошки и два килограмма *калей*. Латышское слово (ед.ч. *kālis*) является литературным, это номенклатурное обозначение данной реалии как объекта купли-продажи. Лтш. *kālis* заимствовано из германских языков (здесь и далее этимологические сведения почерпнуты в основном из словаря Мюленбаха—Эндзелина[4]).

Ка́нна (<лтш. *kanna*) 'бидон'. Это, пожалуй, самый распространенный латышизм в русской разговорной речи Риги. Примеры: Взяла *канночку*, потому что в прошлый год очень много черники, а в этом году — ни одной! (говорит женщина лет пятидесяти); И так привезли десять *канн* (сливок), чего же еще? (говорит продавщица в молочном магазине); Полная *канна* там у нее (говорит женщина в очереди за творогом). Появлению этого заимствования (а также предыдущего) частично могло способствовать своеобразное торговое "двуязычие", заключающееся в том, что нередко покупатель высказывается на латышском языке, а продавец — на русском (реже наоборот), причем, если диалог не выходит за рамки более или менее стандартных фраз, переключения кода не происходит. Со временем некоторые слова начинают выполнять роль структурных элементов обоих кодов (конечно, при условии и других благоприятных для этого факторов). Лтш. *kanna* — литературно нейтральное слово, заимствованное из немецкого языка.

Ла́би (<лтш. *labi*) 'хорошо, ладно' (обычно в междометной функции, например: Ну, *лаби*, я тогда приеду; Ну, *лаби*, надо зайти еще к Паулю, посмотреть. Любопытно, что в латышском сленге в том же значении иногда используется заимствование из русского языка — *haroš́s*. Лтш. *labi* — слово основного лексического фонда, в этимологическом отношении принадлежит к унаследованной лексике.

Ла́йкс! (<лтш. *laiks*) 'время, пора' (в функции побудительной интеръекции). Употребляется боксерами для побуждения выступающего на ринге товарища к активизации действий под конец раунда или всего боя. В данном случае мотивация использования заимствования несколько напоминает причины употребления арготизмов; латвийские боксеры,

[4] *Mūlenbach K.* Latviešu valodas vārdnīca/Red. *J. Endzelīns.* Rīgā, 1923—1947.

хотя для большинства из них латышский язык не является родным, используют латышское слово для "речевой маскировки" (при встречах с боксерами других республик). Точнее, такова, вероятно, первоначальная мотивация заимствования. Ныне же слово *лайкс!* в боксерском сленге уже ассимилировалось и употребляется также на любых внутриреспубликанских соревнованиях, где оно, естественно, никакой особой (маскировочной) функции уже не имеет. Лтш. *laiks* – литературно нейтральное слово унаследованной лексики.

Пу́йка (<лтш. *puika*) 'пацан', например: Технично играют *пуйки* (говорит болельщик футбола о мальчиках, играющих в перерыве матча команд мастеров). Это слово употребляется довольно часто. Лтш. *puika* в стилистическом отношении находится на грани нейтрального и литературно-разговорного стилей, в этимологическом — представляет собой заимствование из ливского (или эстонского) языка.

Ры́нда (<лтш. *rinda*) 'очередь', например: Это *рында*, да?! (восклицает мужчина, увидев большую очередь у молочного отдела в Центральном универмаге). Наличие этого слова в русской разговорной речи в Латвии отмечено уже М.Ф. Семеновой[5]. Использование сленгизма отчасти объясняется тем эмоциональным отношением, которое вызывает соответствующая реалия. Лтш. *rinda* — литературно нейтральное слово, этимология которого не вполне ясна. Существует предположение о заимствовании из эстонского языка, однако более вероятно, что это собственно балтийское слово, в латышский язык вошедшее из литовского или куршского, одного из исчезнувших балтийских диалектов. В таком случае оно родственно с русским *ряд*.

Итак, при рассмотрении названных выше слов обращают на себя внимание две диспропорции. Во-первых, четыре слова — междометия или "полумеждометия". Очевидно, при стихийном обмене лексикой на уровне разговорной речи эта часть лексики весьма "мобильна". Во-вторых, среди латышских слов, вошедших в русскую разговорную речь Риги, большинство (5—6 из 8) составляют такие, которые являются заимствованиями и на почве латышского языка. Конечно, количество рассмотренного материала слишком невелико, чтобы всерьез говорить о закономерностях; указанные диспропорции, вероятно, являются любопытной случайностью.

В заключение еще несколько примеров, которые в будущем, возможно, пополнят приведенный выше перечень, а пока,

[5] *Семенова М.Ф.* Сопоставительная грамматика русского и латышского языков. Рига, 1966.

скорее всего, являются окказиональными иноязычными вкраплениями:

Кофе́йница (< лтш. *kafeīnīca* + контаминация с рус. *кофейница* 'посуда для кофе' и другие значения) 'кафе', например: Делают (в одном литовском учреждении) это — *кофейницу* — погреб. Слово *kafeīnīca* — латышский дериват от интернационального корня.

Ку́рбуль (< лтш. *kurbulis*) 'пусковая ручка', например: Попробуй *курбулем* (говорит один шофер другому, у которого не заводится мотор). Лтш. *kurbulis* — нелитературное заимствование из немецкого языка.

Свéйки! (< лтш. *sveiki*!) 'здравствуй!', например; *Свейки,* куда ты пропала? Лтш. *sveiki* — унаследованное слово основного лексического фонда.

Стра́дать (< лтш. *strādāt*) 'работать', например: Они (телефоны) не работают, не *стра́дают*. Лтш. *strādāt,* возможно, в свою очередь заимствовано из русского (*страдать*); если это так, то слово *страдать* в русской речи рижан — своеобразный лексический "бумеранг".

Шня́бис (< лтш. *šņabis*) 'водка'. Вопрос в магазине: *Шнябис* есть? Лтш. *šņabis* является разговорным заимствованием из немецкого языка. Ср. в русском языке недавнее непосредственное заимствование из того же источника — *шнапс.*

К ТИПОЛОГИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В РУССКОЙ РЕЧИ ЧУВАШЕЙ

Фразеологические ошибки снижают качество речи, искажают смысл высказывания, ломают его строй, затрудняют общение. Изучение их составляет важную задачу культуры русской речи. В условиях двуязычия важно найти его особый аспект.

Вероятность ошибки в сфере фразеологии при национально-русском двуязычии очень велика: заучить большое количество устойчивых словосочетаний в их соответствии определенным речевым ситуациям из неродного языка нелегко, еще труднее не отождествить их со свободными словосочетаниями неродного языка, усвоить пределы возможного варьирования этих устойчивых словосочетаний в речи.

Фразеологические ошибки в русской речи чувашей многочисленны и многообразны. Это и нарушение порядка следования друг за другом составляющих эти словосочетания компонентов, и пропуск отдельных их членов, и распростра-

нение этих словосочетаний за счет вводимых в их состав слов, и общеграмматические нарушения, и неправильное применение словосочетаний этого типа к ситуации, и их стилистическая неадекватность тексту.

Примерами нарушения порядка следования компонентов фразеологизма в русской речи чувашей могут служить: *ни мясо ни рыба, вкось и вкривь, рыцарь без упрека и страха, седьмой кисель на воде* вместо обычных в русской речи русских, традиционных в своем порядке: *ни рыба ни мясо, вкривь и вкось, рыцарь без страха и упрека, седьмая вода на киселе.*

Редукция отдельного члена фразеологического сочетания наблюдается в следующих случаях: *носится, как наседка; разжевать и положить* вместо *носится, как курица с яйцом; разжевать и в рот положить.* В первом случае редукция происходит за счет замены предложного словосочетания словом — комплексным наименованием: *курица с яйцом — наседка.*

Когда вместо *играть первую скрипку, предан душой и телом, бледный как смерть, за словом в карман не полезет, чужими руками жар загребать, всыпать по первое число, от горшка два вершка, гнуть на кого-то спину* говорят: *играть главную скрипку, верен душой и телом, белый как смерть, за словом в долг не полезет, чужими руками шар загребать, засыпать по первое число, от земли два вершка, гнуть на кого-то шапку,* — имеет место замена одного компонента другим, первичная: *белый* (вместо *бледный*) *как смерть,* и вторичная: *чужими руками шар* (вместо *жар*) *загребать,* где первоначальна замена смыслоразличительного *ж* на *ш.*

Нередко фразеологизм распространяется: вместо *кровь с молоком* говорят: *кровь с молоком кипит;* вм. *задать баню — задать сухую баню.*

Особенно резко бросаются в глаза грамматические нарушения, например в области грамматического рода: *чей бы корова мычал, а твой бы молчал* вм. *чья бы корова мычала, а твоя бы молчала;* числа: *золотая рука, белая муха, пушечные мяса, отрезанные ломти* вм. *золотые руки, белые мухи, пушечное мясо, отрезанный ломоть*: глагольного вида: *ложиться костьми, перелить из пустого в порожнее, как пить давать, какая муха кусала* вм. *лечь костьми, переливать из пустого в порожнее, как пить дать, какая муха укусила;* времени: *где наше не пропадает, как рукой снимает* вм. *где наше не пропадало, как рукой снимет;* залога: *утопающий за соломинку хватает, перебивать с хлеба на квас, заткнуться за пояс* вм. *утопающий за соломинку хватается, перебиваться с хлеба на квас, заткнуть за пояс,* управления:

вправить мозги его вм. *вправить мозги ему, сбивать с толку ему* вм. *сбивать с толку его, смотреть в рот его* вм. *смотреть в рот ему, ходить на задних лапках директора* вм. *ходить на задних лапках перед директором, не чаять душу сестру* вм. *не чаять души в сестре, делить горе другу* вм. *делить горе с другом, брать верх противника* вм. *брать верх над противником, рвать себе волосы* вм. *рвать на себе волосы, уйти головой* вм. *уйти с головой, клин с клином вышибают* вм. *клин клином вышибают, лишиться с ума* вм. *лишиться ума, курить фимиам с начальником* вм. *курить фимиам начальнику, взбрело в ум* вм. *взбрело на ум, знать на лицо* вм. *знать в лицо, нашла коса о камень* вм. *нашла коса на камень, срывать сердце с домашних* вм. *срывать сердце на домашних, белену объелся* вм. *белены объелся.*

Примерами неправильного употребления фразеологизма без нарушения его структуры, но в несвойственном ему значении и ситуативном применении могут служить: *с плохой компанией он водится, как бы не попал впросак; он еще молод — рыльце в пуху; мы вам поможем: возьмем вас на пушку; это не компот, а десятая вода на киселе.* Здесь *попал впросак* употребляется в смысле 'попал в историю', *рыльце в пуху* — в смысле 'пушок на губах пробивается', *взять на пушку* — в смысле 'взять на буксир', *десятая вода на киселе* — в смысле 'одна вода'.

Нередки в русской речи чувашей и нарушения валентности русских фразеологизмов: *молодость как рукой сняло* вм. *молодость быстро прошла, автобус смотал удочки* вм. *автобус ушел* (в русском языке выражение *как рукой сняло* применимо только к болезни, а *смотать удочки* говорится только о человеке).

Отметим нарушения стилистических границ применения фразеологизма, при которых создается неуместный комический эффект: *в царской тюрьме многие узники быстро отдавали концы* вм. *умирали; участники конференции до этого встречались на разных совещаниях и знали друг друга как облупленные* вм. *хорошо знали друг друга; голос оратора звучал, как иерихонская труба* вм. *громко звучал.*

Таковы основные "чистые" типы фразеологических ошибок в русской речи чувашей ("смешанные" — гораздо более многочисленны, и описание их не входит в нашу задачу).

Между характером ошибки и породившей ее причиной довольно часто имеется прямая связь. Когда чуваши говорят: *готов* (а не *готовь*) *сани летом, а телегу зимой; не спеши кулаком — удар* (а не *ударь*) *делом; чей бы корова*

мычал, а твоя бы молчал (а не *чья... мычала... молчала*), — они нарушают строй русского языка из-за ориентации в своей русской речи на строй языка родного, чувашского. И если, например, в родном языке говорящих нет слова для обозначения розового цвета, а есть только слово для обозначения красного, то в русской речи нерусских возможна замена слова *розовый* словом *красный*: *смотреть сквозь красные очки* вм. *розовые*.

Но в русской речи нерусских немало таких отступлений от фразеологического канона, которые строю русского языка не противоречат и которые нередки в речи самих русских. В этих случаях бывает трудно решить, имеет ли в русской речи нерусских место интерференция родного языка или безотносительное к его влиянию варьирование русского фразеологизма. Таковы синонимические замены внутри фразеологического сочетания: *играть главную скрипку* вм. *первую; верен душой и телом* вм. *предан; белый как смерть* вм. *бледный;* паронимические замены: *арфа и омега* вм. *альфа и омега; врет как сизый мерин* вм. *сивый; летать в облаках* вм. *витать в облаках; по Стеньке и шапка* вм. *по Сеньке и шапка; Авдеевы конюшни* вм. *Авгиевы;* в том числе замены однокорневые: *провести* (вм. *обвести*) *вокруг пальца, хоть шаром прокати* (вм. *покати*), *засыпать* (вм. *всыпать*) *по первое число*.

Замена отдельного компонента фразеологизма может произойти при сближении в сознании говорящих отдельных русских фразеологизмов, сходных по значению и структуре: *гнуть шапку* (сближены *гнуть спину* и *ломать шапку*), *бежать очертя голову* (сближены *бежать сломя голову* и *броситься очертя голову*).

Употребление фразеологизма в несвойственном ему значении может быть вызвано ассоциативным сближением двух русских фразеологизмов, имеющих общие и сходные компоненты (*пушок на губах пробивается* и *рыльце в пуху; чесать языки* и *чесать языком; снимать стружку* и *снимать пенки; взять на пушку* и *взять на буксир*). Например: *он молод—рыльце еще в пуху* (вм. *пушок на губах пробивается*); *начальник с него за это снимет пенки* (вм. *снимет стружку*).

Неправильное употребление фразеологизма может быть вызвано также восприятием его как свободного словосочетания: *суп очень невкусен, его и куры не клюют* (хотя выражение *куры не клюют* обычно употребляется по отношению к деньгам, когда речь идет о большом богатстве); восприятием отдельного компонента фразеологизма как сво-

бодного слова: *он вечно угрюм — настоящий рыцарь печального образа* (хотя рыцарем печального образа называют только Дон-Кихота); *с золотой медалью ему пути в вуз заказаны* (хотя *пути заказаны* означает отнюдь не 'обеспечены', а, наоборот, 'закрыты'); живой ассоциацией с предметами, которые называют слова, входящие в состав фразеологизма: *стиляга разодет, как ворона в павлиньих перьях* (хотя выражение *ворона в павлиньих перьях* имеет не конкретный, а обобщенно-метафорический смысл). Для того чтобы выявить в этих случаях интерференцию, необходимо сопоставление фразеологических фондов родного и русского языков.

Русский и чувашский языки располагают известным количеством фразеологических параллелей. Некоторые из них (несущие в себе значения неопределенного количества, мыслительного и речевого процессов, времени, пространства, цвета и особенно имеющие в своем составе соматизмы) абсолютны: на *белом свете, язык проглотить, не находить себе места, легкая рука, голыми руками.* Число их в чувашском языке увеличивается за счет заимствований-калек.

Однако основную массу среди чувашско-русских фразеологических параллелей составляют такие, которые характеризуются лишь частичным сходством/различием в значении, характере употребления. Чувашские черты таких параллельных фразеологизмов могут переноситься двуязычными чувашами в их русскую речь. Ср. "чувашское" расположение компонентов в случаях: *ни рожи ни кожи* (*ни пиче ни ӳнĕ*), *кости да кожа* (*ша'ммипе тирĕ çех*). Влияние конкретной чувашской фразеологической параллели на русский фразеологизм часто выступает в русской речи чувашей как замена компонента русского фразеологизма другим словом: *от земли два вершка* (вм. *от горшка два вершка* под влиянием чувашского: *çĕр çумĕнчен сантайна çеç*); *за словом в долг не лезет* (вм. *за словом в карман не лезет* под влиянием чувашского: *сăмахшăм ки всем каймасть*); *смотреть в рот его* (вм. *ему*), *брать верх противника* (вм. *над противником*) под влиянием чувашских устойчивых выражений: *унăн çăварĕнчен пăхса тăр; аяла ту кама; ман çул çине ан тăр.*

Под влиянием конкретного фразеологизма чувашского языка в русской речи чувашей может иметь место распространение или частичная редукция русского устойчивого словосочетания. Так, *стуча в голову вбивать* (вм. *в голову вбивать*) появляется в связи с чувашским *пуçран шаккаса кĕрт; зимой одну лопату снегу не выпросишь* (вм. *зимой снегу не выпросишь*) под влиянием чувашского: *хĕлле пĕр кĕреçе юр ыйтса илеймĕн; задать сухую баню* (вм. *задать баню*) под воздействием чу-

вашского: *тип мунчам кӗрт; тело бросило в жар* (вм. *его* (*меня, ее, их*) *бросило в жар*) под влиянием чувашского: *ӳт-пӳпӗçере кайрӗ; звезд с неба не хватает и не съедает* (вм. *звезд с неба не хватает*) под влиянием: *кӗне кине ӗне çинӗ* (досл. *книгу его корова съела*). При редукции отдельных членов фразеологизма: *разжевать и положить* (вм. *разжевать и в рот положить*) — прослеживается влияние чувашского: *чӑмласа хыптыр*, как и в следующем примере: *носится, как курица* (вм. *носится, как курица с яйцом*) — чувашское: *пусма ларнӑ чӑх пек кускалать* (досл. *носится, как наседка*).

Влиянием родного языка может быть вызвано и неправильное употребление русского фразеологизма в искаженном смысле. Русское устойчивое словосочетание *стиснув зубы* имеет смысл 'нехотя', а чувашское *шӑл çыртса* означает 'молча'. Отсюда в русской речи чувашей возникает неправильное: *просидел весь вечер, стиснув зубы — ни слова от него не услышали.*

Но если при неполной эквивалентности двух языков нередки случаи таких отклонений от канона конкретного русского фразеологизма в русской речи нерусских, которые могут встречаться по разным причинам и в речи самих русских (*от земли два вершка* вм. *от горшка два вершка*), в речи нерусских вопрос должен быть решен (в силу первичности в их сознании мышления на родном языке) в пользу интерференции родного языка.

Более специфичным для русской речи нерусских, нежели самих русских, следует признать и восприятие устойчивых русских словосочетаний в аспекте словосочетаний свободных (*суп очень невкусен — его и куры не клюют*) в силу первичности в языковом опыте людей свободных словосочетаний.

Таким образом, фразеологическая интерференция в русской речи нерусских представляет собой весьма сложное явление, которое должно изучаться на типологической и сравнительно-типологической основе.

При изучении фразеологических отклонений от канона в русской речи нерусских следует отличать такие, которые связаны с нарушением строя русского языка, и такие, которые не связаны с нарушением его. Последние представляют собой отклонения от канона отдельного фразеологизма, а не от канона языка.

Сопоставление фразеологии разных языков выявляет общий фразеологический фонд полных эквивалентов и фонд фразеологических неполных параллелей, с которыми связана интерференция.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лексикологические проблемы занимают важное место при изучении национально-русского и русско-национального двуязычия и многоязычия на современном этапе. Они связаны с исследованием интенсивного взаимодействия языков народов СССР во всех сферах общественной жизни и развития языковой ситуации в стране.

Как свидетельствует рассмотренный материал, явления лексико-семантического уровня относятся прежде всего к культурно-речевой области русистики, где вопросы "правильности" и "целесообразности" решаются не только с позиций ортологии, но и с позиций ситуативно-текстовой оправданности. В зависимости от сферы использования русского языка как средства межнационального общения, от функционально-стилистических разновидностей, реализующихся в той или иной сфере, могут быть вынесены конкретные нормативные оценки. По существу ни одна сфера, где русский язык применяется в иноязычном окружении, не свободна от лексических процессов, сопровождающих взаимовлияние языков. Если в области массовой коммуникации и информации республик национальная лексика в своем прямом номинативном значении отражает обычно особенности современной хозяйственной и культурной жизни народа, то в области художественной литературы она часто называет понятия и реалии традиционного уклада и в ряде случаев может быть квалифицирована как архаическая. В то же время эстетическая функция слова наиболее ярко проявляется в художественных текстах, и именно эту функцию часто выполняют слова из национальных языков.

Изучение взаимодействия русского языка с языками народов СССР в сфере массовой коммуникации и информации и в сфере современной советской многонациональной литературы обнаруживает семантические и экспрессивно-эмоциональные контакты, которые возникают между лексической единицей на-

ционального языка и ее русскоязычным контекстным окружением. Важно отметить и тот факт, что подобные явления могут рассматриваться как характерные черты функциональных разновидностей, реализуемых в отдельной сфере, т.е. публицистического стиля и художественно-литературного.

Значимость лингвистических исследований на материале русскоязычных радио- и телепередач, русскоязычной республиканской прессы определяется также и тем, что сфера массовой коммуникации и информации является действенным каналом распространения русского языка как средства межнационального общения в том или другом регионе. Важность анализа художественных произведений национальных писателей в их русскоязычной форме (к которой прибегает сам автор или переводчик) повышается в связи с процессами формирования единой социалистической культуры, где интернациональное начало и национальное развиваются в теснейшем динамическом взаимодействии.

Иной ракурс исследования намечается в сфере школьного и вузовского преподавания. Здесь основной упор делается на те трудности, которые обусловлены особенностями усвоения русской лексики учащимися и влиянием родного языка. Именно в этой сфере уровень лексики оказывается непосредственно связанным с другими уровнями языка, ибо слово познается не только как семантическая единица, но и в своем орфографическом и орфоэпическом облике, в словообразовательной и морфологической структуре, в своих синтаксических возможностях. Лингвистические работы в данном случае опираются на практику обучения в национальной школе и вузе и предполагают такие рекомендации, которые должны способствовать совершенствованию преподавания русского языка. Здесь важно учитывать целый ряд условий, в которых работает преподаватель: наличие или отсутствие русскоязычной среды вне школы, национальный состав учащихся, влияние языков, которые используются в семейно-бытовом общении, и т.д.

Как свидетельствуют социолингвистические исследования, эти факторы оказывают существенное воздействие на формирование национально-русского двуязычия. Так, в сельской местности, где население республик, как правило, более однородно по национальному составу, чем в городе, учащиеся не испытывают необходимости в активном общении на русском языке вне школы. Вследствие этого тематическое усвоение русской лексики и ее ситуативное использование обеспечиваются в основном на уроках. Необходимо отметить и то, что интерферентные явления в русской речи инонациональных учащихся наблюдаются даже на ступени вузовского обучения при усвоении новых слов,

терминов, фразеологизмов. Таким образом, анализ ошибок, вызванных интерференцией родного языка на уровне лексики, как и на других уровнях, целесообразно ориентировать на конкретный этап обучения с учетом требований программ и возможных социологических параметров.

Вопросы преподавания русского языка в национальной школе и вузе являются одними из самых важных вопросов, стоящих в центре внимания советской общественности. Обучение русскому языку нацелено на то, чтобы учащиеся могли использовать его во всех сферах жизни, умели владеть его богатой лексикой во всем многообразии литературных стилей. Достижению этой цели способствует изучение русского языка в условиях билингвизма и полилингвизма, где проблемы первой ступени культуры речи сочетаются с проблемами второй ступени и в своей совокупности решаются в плане развития гармонического национально-русского двуязычия и многоязычия.

ЛИТЕРАТУРА

Абдулмеджидов А.А. Лексические ошибки учащихся-лезгин на уроках русского языка и пути их предупреждения и устранения. Махачкала, 1969.

Агишев Х.Г. Культура русской речи учащихся-татар: Лексико-семантическая интерференция и ее предупреждение: Пособие для учителей. Казань, 1979.

Азанбаева Ф.Ф. Типы ошибок в письменных работах учащихся-башкир и причины их возникновения. — В кн.: Совершенствование преподавания русского языка и литературы в национальных школах РСФСР. Чебоксары, 1980.

Айтбаев У. Некоторые аспекты изучения проблем культуры речи. — Изв. АН КазССР, сер. филол., 1981, N 4.

Айтматов Ч. В соавторстве с землею и водою... Очерки, статьи, беседы, интервью. 2-е изд. Фрунзе, 1979.

Акишина А.А. Особенности лексики русского языка при смешанном двуязычии. — В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1967.

Аксенова Г.Н. Русско-белорусские межъязыковые омонимы и омографы. — В кн.: Вопросы преподавания русского языка в школе с белорусским языком обучения. Минск, 1978.

Актуальные проблемы русского языка и методика его преподавания в вузах Армянской ССР. Ереван, 1982.

Алекперова Т.К. Употребление некоторых тюркских терминов родства в роли слов-обращений на страницах русской периодической печати. — Учен. зап. Азерб. гос. пед. ин-та рус. яз. и лит., сер. 12. Язык и лит. Баку, 1977, N 1.

Алиева Л.А. Классификация ошибок — одна из научных основ методики развития русской речи узбекских учащихся. — В кн.: Преподавание русского языка и литературы в национальной аудитории.Ташкент, 1976.

Асфандияров И.У. Русский язык в Узбекистане в условиях развитого социализма: Проблемы взаимовлияния и взаимообогащения языков. Ташкент, 1982.

Ахунджанова К.Ю. К анализу трудностей усвоения эмоционально окрашенных слов узбекскими учащимися. — Межвузовский сборник науч. трудов Ташк. гос. ун-та, 1979, N 596.

Ахунзянов Э.М. Двуязычие и лексико-семантическая интерференция. Казань, 1978.

Бажина И.Н. К вопросу о киргизских заимствованиях в русском языке: (По материалам художественной и научно-популярной литературы). — Сов. тюркология, Баку, 1972, N 5.

Бажина И.Н. Заимствования как средство обогащения синонимии. — Труды Кирг. гос. ун-та, Филол. науки, 1974, вып. 18.

Баскаков Н.А., Бертагаев Т.А., Бокарев Е.А. и др. Обогащение русского

языка заимствованиями из языков народов СССР. — В кн.: Тезисы докладов конференции, посвященной вопросам взаимодействия и взаимообогащения народов СССР. Казань, 1964.

Беглиева М.Н. Типичные ошибки в устной речи учащихся-туркмен на уроках литературы. — В кн.: Вуз и школа. Ашхабад, 1974.

Белянин А.А. О семантической интерференции в русской речи мари. — В кн.: Вопросы марийского языка: К 60-летию со дня рождения проф. Н.Т. Пенгитова. Йошкар-Ола, 1975.

Бережан С.Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц. Кишинев, 1973.

Блягоз З.У. Экзотическая лексика адыгейского происхождения в русском языке. — Учен. зап. Адыгейск. НИИ яз., лит. и истории, 1971, т. 12.

Блягоз З.У. Роль иноязычной ономастической лексики в условиях двуязычия. — В кн.: Очерки по лексике и фразеологии. Ростов н/Д., 1974.

Блягоз З.У. Двуязычие и культура русской речи. Майкоп, 1977.

Богородицкий В.А. Неправильности русской речи у чувашей. — В кн.: Богородицкий В.А. Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию. Казань, 1933.

Булакаева-Баранникова А.А. Лексическое взаимовлияние русского и татарского языков. — Учен. зап. Бурят-монг. гос. пед. ин-та, историко-филос. сер., Улан-Удэ, 1957, вып. 11.

Булахов М.Г. Основные вопросы сопоставительной стилистики русского и белорусского языков. Минск, 1979.

Вайгла Э.А. О переводе эмоциональной лексики. — Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, сер. лингв., 1975, вып. 375, N 25. Вопросы теории и практики художественного перевода. Рига, 1968.

Выхото В.А. К вопросу о межъязыковой лексико-семантической интерференции. — В кн.: Вопросы преподавания русского языка в школе с белорусским языком обучения. Минск, 1975.

Гагкаев К.Е. Обзор языка передач Северо-Осетинского радио и телевидения. — Изв. Сев.-Осет. НИИ, Орджоникидзе, 1968, т. 27. Языкознание.

Гальченко И.Е. Глоссарий лексики народов Северного Кавказа в русском языке. Орджоникидзе, 1975.

Гальченко И.Е. Обогащение русского языка осетинской лексикой. — В кн.: Ленинизм и малые нации. Орджоникидзе, 1975.

Гальченко И.Е. Лексика народов Северного Кавказа в русском языке. Орджоникидзе, 1976.

Голетиани Г.Г. Грузинская лексика в русском языке. Тбилиси, 1972.

Горелов И.Н., Пальгов М.Ф. О лексическом типе интерференции. — В кн.: Интерференция в устной и письменной речи студентов и школьников. Оренбург, 1969.

Грабчиков В.О. Межъязыковые омонимы и паронимы: Опыт русско-белорусского словаря. Минск, 1980.

Грановская Л.М. Литературная норма и художественный текст. — Учен. зап. Азерб. гос. пед. ин-та рус. яз. и лит., сер 12. Язык и лит., Баку, 1977, N 1.

Григорьев В.П., Исаев М.И., Махароблидзе Г.А. Вопросы культуры русской речи у нерусского населения СССР. — В кн.: Тезисы докладов конференции, посвященной вопросам взаимодействия и взаимообогащения языков народов СССР, Казань, 1964.

Гудавичюс А. Типы семантических отношений между эквивалентными значениями русского и литовского языков. — В кн.: Вопросы лексики и синтаксиса. Шяуляй, 1974.

Гудавичюс А. Отражение несовпадений семантических структур слов литовского и русского языков в учебном словаре. — В кн.: Вопросы обучения русскому языку в средней школе. Каунас, 1979.

Дворяткин М.Г. Обучающий перевод как средство работы над некоторыми ошибками по русскому языку в 5—8 классах таджикской школы. — В кн.: В помощь учителю русского языка в таджикской школе. Душанбе, 1963, вып. 1.

Джилкибаев Б.М. Регимination языковых фактов в процессе речи. — В кн.: Филол. сборник. Алма-Ата, 1964, вып. 3.

Дырул А.М. К вопросу о развитии общего метафорического значения слов контактирующих языков (на материале молдавско-русских языковых связей). — В кн.: Тезисы докладов на республиканской научной конференции по теме "Проблемы развития языка и литературы советских народов". Кишинев, 1967.

Ермагамбетова А.С. Сущность и значение национальных слов-реалий в языке художественного произведения и способы их перевода. Алма-Ата, 1972.

Ефремов Л.П. О переводе общей лексики близкородственных языков. — В кн.: Русское и зарубежное языкознание. Алма-Ата, 1970, вып. 3.

Закарьян М. Лексико-семантическая интерференция при изучении второго языка. — В кн.: За развитие методики обучения русского языка и литературы в литовской школе. Каунас, 1963.

Закирьянов К.З. О лексической сочетаемости в русском и башкирском языках. — В кн.: Вопросы методики русского языка в национальной школе. Уфа, 1975.

Закирьянов К.З., Субаева Р.Х. Семантическая интерференция в русской речи башкир и татар. — Учен. зап. Башк. гос. ун-та, сер. филол. наук, 1972, вып. 50, N 20 (23).

Злобина В.Е. К проблеме лексической интерференции. — В кн.: Тезисы и доклады сообщений к Всесоюзной конференции по вопросам финно-угорского языкознания. Ужгород, 1963.

Ижакевич Г.П. Проблемы культуры русского языка на Украине. — Рус. яз. и лит. в школах УССР, 1981, N 2.

Икрамова Х.М. К взаимодействию доминанты с членами синонимического ряда: (По материалам межъязыкового сопоставления русского и таджикского языков). — Труды Самарк. гос. ун-та, 1978, вып. 368.

Иноземцева Э.С. К вопросу об учете системных отношений в лексике в работе над словом в старших классах туркменской школы. — В кн.: Вуз и школа. Ашхабад, 1974.

Исаев М.И. Некоторые вопросы языкового развития и проблемы культуры русской речи нерусских народов Советского Союза: (Постановка вопроса). — В кн.: Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху: Материалы координационной конференции 22—24 авг. 1963 г. Улан-Удэ, 1965.

Исаева Т.А. Русская речь мордвы-эрзя. — Труды Мордов. НИИ яз., лит., истории, экономики при Совете Министров Мордовской АССР, сер. лингв., Саранск, 1965, вып. 29.

Исследования по художественному переводу. Ташкент, 1977.

Каримходжаев Ш. Особенности освоения русским языком каракалпакских заимствований. — Сов. тюркология, 1976, N 5.

Ким Л.Л. Статус лексического уровня и некоторые вопросы функционального анализа слова. — Сб. науч. трудов. Ташк. гос. ун-та, 1982, N 698.

Ким Л.Л., Ландсман И.И. Об одном из аспектов языкового контакта: (Замечания о языковой интерференции русского и узбекского языков на лексико-семантическом уровне). — Науч. труды Ташк. гос. ун-та им. В.И. Ленина, 1969, вып. 369. Вопросы русского и узбекского языкознания.

Киясбейли Р.З. Семантическая характеристика тюркизмов, заимствованных русским языком. — Учен. зап. Азерб. гос. ун-та, сер. яз. и лит., 1973, N 4.

Кондубаева М.Р. Наблюдения над лексическими ошибками в письменной речи студентов-казахов. — Филол. сборник, Алма-Ата, 1975, вып. 15—16.
Копыленко М.М. Принципы исследования лексической интерференции в русской речи казахов-билингвов. I. — Изв. АН КазССР, сер. филол., 1983, N 3.
Кулакова Л.М. Развитие речи учащихся на уроках русского языка во II—IV классах туркменской школы. — В кн.: В помощь учителю русского языка туркменской школы. Ашхабад, 1964.
Культура русской речи на Украине. Киев, 1976.
Курбанов М.У. Образование общего лексического фонда русского и каракалпакского языков. — В кн.: Русское языкознание. Киев, 1980, вып. 1.
Кушлина Э.Н. Семантическое освоение среднеазиатской лексики в русском языке. — Учен. зап. Душанб. гос. пед. ин-та, сер. филол., 1963, т. 40, вып. 16. Вопросы филологии.
Кушлина Э.Н. Из истории формирования среднеазиатского пласта лексики в русском языке. — Учен. зап. Душанб. гос. пед. ин-та, сер. филол., 1965, т. 33, вып. 18. Вопросы русского и общего языкознания.
Кушлина Э.Н. Местные лексические заимствования в русской речи жителей Узбекистана. — В кн.: Первая республиканская межвузовская лингвистическая конференция. Фрунзе, 1966.
Лавринайтис Е.И. Об основных направлениях по предупреждению стилистических ошибок в письменных работах учащихся 8-летней школы: (На материале 6 классов Белоруссии). — В кн.: Даследав. па літарат. і мове/Гродн. гос. пед. ин-т им. Янки Купалы, Минск, 1967.
Лавринайтис Е.И. Причины стилистических ошибок в письменной русской речи учащихся Гродненской области. — Народная асвета, Минск, 1967, N 3.
Лагутина А.В. Направленность и обусловленность отклонений от норм русского литературного языка в условиях билингвизма. — В кн.: Республік. наук. конфер. з питань роійсько-украинськ. мовних зв'яків: Тези допов. Луганськ, 1964.
Лебедева И.Н. Роль изучения синонимии в процессе обучения студентов национальных групп. — Труды Самарк. гос. ун-та, 1978, вып. 368.
Лезметс Х.Д. Некоторые проблемы эстонско-русского двуязычия. — В кн.: Языковые контакты в аспекте культуры языка. Рига, 1981.
Лосева С.П. Работа по стилистике русского языка в старших классах марийской школы. Йошкар-Ола, 1972.
Лукашанец А.А. Назіранні над інтефереэнцыяй у рускамоунай мастацкай літаратуры Беларусі. — Беларус. лігвістыка. Мінск, 1979, вып. 16.
Львова Э.Л. Азербайджанская лексика в современной русской речи в республике. — Учен. зап. Азерб. гос. ун-та, сер. яз. и лит., Баку, 1969, N 5, 6.
Львова Э.Л. Жажда экспрессии и газетный язык: (По материалам республиканских газет, выходящих на русском языке). — Учен. зап. Азерб. гос. ун-та, сер. яз. и лит., Баку, 1974, N 1.
Львова Э.Л. Нормы современного русского литературного языка и язык газеты. — Рус. язык и лит. в азербайджанской школе, Баку, 1975, N 12.
Львова Э.Л. Культура речи и нормы современного русского языка. — Науч. тр. Азерб. гос. пед. ин-та рус. яз. и лит., сер. 12. Язык и лит., Баку, 1979, N 1.
Мамалыга А.И. О речевой культуре газет, издающихся в УССР на русском языке. — Журналістика, Київ, 1977, вип. 3.
Мангадаев М.И. Лексические ошибки русской речи учащихся V—X классов бурятской школы. — Труды кафедр рус. языка вузов Восточной Сибири и Дальнего Востока, 1962, вып. 2.
Марченко Е. Заметки о языке рекламы в г. Вильнюсе. — Mūsu . kalba, Вильнюс, 1972, N 5.
Марченко Е. О нарушении лексических норм русского языка. — Mūsu kalba, 1973, N 5.

Марченко Е. О правильности употребления однокоренных слов: Нарушения синтаксических норм русского литературного языка. — Mūsu kalba, 1974, N 9.

Махмудов Х.Х. Некоторые вопросы теоретической стилистики. — Филол. сборник, Алма-Ата, 1965, вып. 4.

Мейрамов Г.А., Буданович Л.С. К вопросу о функционально-стилистической направленности изучения русского языка. — В кн.: Проблемы русско-казахских литературных и языковых связей. Караганда, 1978.

Мелконян А.Х. Армяно-русское двуязычие в армянских школах Еревана и взаимопроникновение языков. — В кн.: Социолингвистические, психологические и сравнительно-исторические исследования. Ереван, 1979.

Милованова Т.А. О работе учителя над повышением культуры речи учащихся. — В кн.: Вопросы методики преподавания языка, литературы и истории в средней школе. Душанбе, 1965.

Михайлов М.М. Культура русской речи и исправление типичных ошибок чувашей. Чебоксары, 1955.

Михайлов М.М. Стилистическая интерференция и пути ее преодоления в школе. — В кн.: Русский язык в Среднем Поволжье: Сб. статей. Чебоксары, 1977, вып. 11.

Могилевский Р.И., Ройзензон Л.И. Среднеазиатские заимствования в русском языке: (По материалам русских газет советского Узбекистана): Опыт статистического анализа. — Труды Самарк. гос. ун-та, 1971, вып. 205. Исследования по русскому и славянским языкам, N 3.

Мусаев К. Лексико-фразеологические вопросы художественного перевода. Ташкент, 1980.

Мусаев К. Культура языка перевода. Ташкент, 1982.

Мусин Ш.Ю. Об ошибках, которые нельзя считать специфическими. — В кн.: Вопросы методики преподавания русского языка. Фрунзе, 1963, вып. 2.

Мухамедова М. Некоторые способы передачи национальной безэквивалентной лексики. — В кн.: Исследования по литературоведению и языкознанию. Ташкент, 1977.

Мухамедова М. Экстралингвистические условия развития узбекско-русского билингвизма и лексическая интерференция. — В кн.: Проблемы изучения русского языка в Узбекистане. Ташкент, 1982.

Мучник Б.С. Стилистические ошибки в сочинениях абитуриентов. — Рус. язык в казахской школе, Алма-Ата, 1965, N 9.

Мышкин З.Ф. Лексические заимствования из чувашского языка в русском тексте. — В кн.: Русский язык в Среднем Поволжье. Чебоксары, 1977, вып. 2.

Назаров О. Много ли слов непереводимых? К вопросу о чистоте языка. — Ашхабад, 1975, N 1.

Негматов Х., Сафаров Ш. Принципы систематизации лексического фонда и пути оптимизации их усвоения. — Сб. науч. трудов Ташк. гос. ун-та, 1982, N 702.

Нечаева О.А. Некоторые наблюдения над развитием публицистического стиля в местной периодической печати: (На материале республиканской газеты "Правда Бурятии"). — Учен. зап. Бурят. гос. пед. ин-та, Улан-Удэ, 1970, вып. 35.

Обердерфер А.Р. О культуре речи: (На материале языка газеты). — В кн.: Русское и зарубежное языкознание. Алма-Ата, 1970, вып. 4.

Озерова Н.Г. Пути повышения культуры русской речи. — В кн.: Вопросы преподавания русского языка в школах с белорусским языком обучения. Минск, 1977.

Оразова О.С. Некоторые туркменские элементы в речи русского населения Туркмении. — Изв. Ан ТССР, сер. обществ. наук, 1977, N 1.

Осмоналиев Т. Киргизская лексика в языке русской печати Советской Киргизии. — Сб. науч. работ студентов Кирг. гос. ун-та, Фрунзе, 1959, вып. 2.

Парникян Э. Сравнительная омонимия русского и армянского языков. — Труды науч. об-ва студентов Ереван. гос. ун-та, 1949, вып. 5.

Пельше Р.К. К вопросу о переводе на русский язык произведений Райниса. — Изв. АН Латв.ССР, Рига, 1952, N 7.

Перов Г. О русских переводах молдавской художественной литературы. — Октябрь, Кишинев, 1951, N 5.

Петросян Л.В. Сопоставительная характеристика синонимических рядов в русском и украинском языках. — Вестн. Ереван. гос. ун-та, сер. Общ. науки, 1980, N 1.

Плотников Б.А. О межъязыковой омонимии и антонимии: На материале славянских языков. — В кн.: Вопросы общественных и гуманитарных наук. Гомель, 1974, вып. 1.

Поливанов Е.Д. О принципах русского перевода эпоса "Манас": Тезисы докладов. — В кн.: "Манас" — героический эпос киргизского народа. Фрунзе, 1968.

Померанская Л.С. Особенности устной речи абитуриентов в условиях русско-украинского билингвизма. — В кн.: Проблемы сопоставительной стилистики восточнославянских языков: Тезисы докл. всесоюз. науч. конф. Донецк, 22—24 декабря. Киев, 1977.

Рагойша В.П. Проблемы перевода с близкородственных языков. Минск, 1980.

Ровдо И.С. Межъязыковая омонимия в системе русской и белорусской лексики. — Вестн. Белорус. гос. ун-та, сер. 4. Филология, журналистика, педагогика, психология, 1979, N 2.

Розанова А. О языке и стиле городских и районных газет республики. — Коммунист Эстонии, 1958, N 3.

Рустамбекова Д.А. О семантизации лексики. — Сб. науч. трудов Ташк. гос. ун-та, 1982, N 702.

Рябов Г.И. Русско-таджикские лексические параллели. — Рус. яз. и лит. в таджикской школе, Душанбе, 1972, N 3.

Сагандыкова Н.Ж. Казахская поэзия в русском переводе: Опыт критического исследования. Алма-Ата, 1983.

Салибаева Л.Т. Лексические и лексико-стилистические ошибки в русской письменной речи учащихся-таджиков. — В помощь учителю русского языка в таджикской школе, Душанбе, 1968, N 4.

Семенова М.Ф. Лингвистические вопросы перевода. Рига, 1978.

Семенова М.Ф. По поводу лексики в переводах с латышского языка на русский. — В кн.: Слово в нашей речи. Рига, 1978.

Семенова М.Ф., Немцева Л.И. Работа над диалектными ошибками учащихся в школах с русским языком обучения. Рига, 1967.

Синица А., Немцева Л.И., Семенова М.Ф., Боголюбова Н.Д., Таубенберг Л.И. Об учете диалектной лексики при изучении русского языка со студентами латышской национальности. — В кн.: Вопросы методики преподавания практического курса русского языка в учебных заведениях Прибалтийских ССР. Даугавпилс, 1961.

Сопоставительная стилистика русского и украинского языков. Киев, 1980.

Стативкин В.В. Житейские и научные понятия и их функционирование при билингвизме. — В кн.: Психология. Алма-Ата, 1976, вып. 6.

Супрун А.В. Некоторые киргизские элементы среднеазиатской лексики в русском языке. — В кн.: Тюркологические исследования: Сб. статей, посвященных 80-летию К.К. Юдахина. Фрунзе, 1970.

Тарба Б.Г. О культуре речи. 2-е изд., доп. Сухуми, 1979.

Татаринцев Б.И. О билингвизме и заимствованных словах: На материале русско-тувинских синонимических пар. — Изв. СО АН СССР, сер. общ. наук, Новосибирск, 1967, вып. 2.

Тихомирова М.С. О культуре русской речи в радио- и телепередачах. — Вісн. Львівськ. держ. ун-та, сер. филол., 1969, вип. 6.

Тихонова Э.В. Фонетическое оформление узбекских слов в произведениях русских писателей Узбекистана. — Рус. язык и литература в узбекской школе, Ташкент, 1967, N 5.

Тухтаева З.С. Типы и виды лексических расхождений в русском и узбекском языках. — В кн.: Лексические единицы русского языка и их изучение. Ташкент, 1980.

Файзуллаева Р. Национальный колорит и художественный перевод. Ташкент, 1979.

Фаткулин Ф.Х. Перевод реалий и проблема воссоздания национального своеобразия подлинника. — Филол. сборник. Алма-Ата, 1973, вып. 12.

Федорова А.А. Работа над стилистическими ошибками в изложениях по русскому языку учащихся VIII класса чувашской школы. — В кн.: В помощь учителю русского языка и литературы. Чебоксары, 1959.

Фиксин А. Поэтика воплощения национального характера в произведениях русских писателей о Киргизии. — Труды Кирг. гос. ун-та, филол. науки, Фрунзе, 1972, вып. 17.

Хамидова С.Н. Использование эмоционально-оценочных имен существительных в развитии русской речи студентов-узбеков. — В кн.: Актуальные проблемы обучения и воспитания. Ташкент, 1979.

Хамидуллина А.М. Классификация стилистических ошибок в речи выпускников средних школ. — В кн.: Вопросы преподавания русского языка в национальной школе. Уфа, 1975.

Харатянц Ю.А. Работа над стилистическими ошибками в письменных работах учащихся старших классов. — Рус. яз. в нерусской школе, Баку, 1957, N 5.

Харташкина Р.Х. Морфологическое освоение русским языком заимствованных бурятских слов. — В кн.: Вопросы грамматики русского языка. Иркутск, 1976, вып. 2.

Цибахашвили Г.И. Вкусовая лексика в русском и грузинском языках: Опыт семантического сопоставления. — Рус. яз. в грузинской школе, Тбилиси, 1974, N 1.

Цибахашвили Г.И. О внутриязыковой интерференции. — Рус. яз. в грузинской школе, 1979, N 2.

Цой А.А. Сопоставительное изучение системы лексических значений русских и узбекских слов. — Труды Самарк. гос. ун-та, Новая серия, 1964, N 139.

Цыдендамбаев Ц.Б. К взаимовлиянию русского и бурятского языков. — В кн.: Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1978.

Цыпленкова Л.Х. К проблеме взаимоотношения языков. — Учен. зап. Адыг. гос. пед. ин-та, сер. филол. наук, Майкоп, 1963, вып. 3.

Цыпленкова Л.Х. Взаимодействие русского и адыгейского языков в различные периоды адыгейско-русского двуязычия. — Науч. труды Краснодар. гос. пед. ин-та, 1965, вып. 42.

Чебурко Т.А. Украинская лексика в языке русской советской поэзии. — В кн.: Исследования по русском языку. Киев, 1976.

Чебурко Т.А. Взаимодействие элементов русской и украинской речи как средство стилистической выразительности в языке русской советской поэзии Украины. — В кн.: Проблемы сопоставительной стилистики восточнославянских языков: Тезисы докл. науч. конф. Донецк, 22—24 дек. 1977 г. Киев, 1977.

Чебурко Т.А. Изучение синонимических функций глаголов в средней школе. — Рус. яз. и лит. в школах УССР, 1977, N 1.

Чепелите Д. К вопросу о природе некоторых лексических ошибок в русской речи студентов-литовцев. — Mūsų kalba, Вильнюс, 1974, N 9.

Чернышова Ю.И. Грамматическое освоение киргизских заимствований в русском языке: На материале газеты "Советская Киргизия". — Труды Фрунз. гос. политех. ин-та, 1971, вып. 49.

Шеломенцева Э.С. Лексические заимствования из тюркских языков и через тюркские языки в русском языке и использование их в процессе преподавания русского языка учащимся-киргизам.— Рус. яз. и лит. в узбекской школе, Ташкент, 1969, N 4.

Шиловский А.Н. Взаимосвязи между русскими и украинскими словами в русской народной речи на Украине. — В кн.: Вопросы стилистики украинского языка и его взаимосвязи с другими славянскими языками. Черновцы, 1963.

Шуба П.П. Проблемы белорусско-русской омонимии и паронимии. — В кн.: Проблемы преподавания русского языка в школе с белорусским языком. Минск, 1975.

Шубина Л.В. Лексико-фразеологическая интерференция и пути ее преодоления: На материале глагольной лексики. — В кн.: Лингвистические основы обучения русскому языку студентов национальных групп неязыковых вузов и факультетов: Тезисы докл. III зональной научно-методической конференции республик Средней Азии и Казахстана. Ашхабад, 1979.

Щербаков В.С. О коммуникативной интерференции. — В кн.: Вопросы педагогики и психологии общения. Фрунзе, 1975, вып. 1.

Ыйм А. К вопросу о стилистической дифференциации лексики в эстонском и русском языках. — Сов. финно-угроведение, 1980, N 2.

Экба Н.Б. Лингвистические основы изучения лексики и словообразования русского языка в школах народов абхазо-адыгской группы. Черкесск, 1975.

Юрьев А. Бесхозное слово. — В кн.: Слово в нашей речи. Рига, 1978.

Юсупов Р.А. Двуязычие и взаимодействие русского и татарского языков. — В кн.: Актуальные вопросы грамматики и стилистики татарского языка. Казань, 1981.

Юсупов Р.А. Общее и специфическое в переносном употреблении слов контактирующих языков: На материале русского и татарского языков. — Сов. тюркология, 1981, N 1.

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА Р[illegible]ГО О ЯЗЫКА
ИН-ТА [illegible]

СОДЕРЖАНИЕ

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

Введение (*Н.Г. Михайловская, Л.И. Скворцов*) 3

Раздел I

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РУССКОГО И НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ НА УРОВНЕ ЛЕКСИКИ

Лексические заимствования из языков народов СССР в аспекте культуры русской речи (*Т.А. Боброва*) 14

Русская речь в украинском языковом окружении (Лексика) (*Г.И. Ижакевич*) 30

О трех ортологических аспектах функционирования русского языка в Белоруссии (*А.А. Гируцкий, А.Е. Михневич, П.В. Садовский*) 43

Раздел II

ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ РЕЧИ В СФЕРЕ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ И ИНФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК СССР

Вариантность и норма в условиях двуязычия (на материале русскоязычных газет национальных республик) (*Л.К. Граудина, И.В. Толстой*) 56

Формирование и функционирование лексико-фразеологических групп на основе понятийной общности (на материале русскоязычных газет национальных республик) (*Т.Ю. Познякова*) 69

Об особенностях отражения национальной специфики в информационных материалах радио и телевидения Узбекистана на русском языке (*Л.П. Емельянцева*) 87

Раздел III

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛЕКСИКИ ИЗ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СССР В СФЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

О национальной специфике русскоязычных произведений азербайджанских прозаиков (*Л.М. Грановская*) 93

Социолингвистические аспекты изучения русскоязычных произведений лакских писателей (*Г.А. Абдуллаев*) 103

Тюркские лексические заимствования в современной русскоязычной поэзии и в русских переводах (на материале поэзии Средней Азии и Казахстана) (*М.В. Орешкина*) 119

О национальной лексике в аспекте ее художественной целесообразности (на материале произведений С. Санбаева) (*Н.И. Иванова*) 132
Лексическое взаимодействие русского и казахского языков в романе Ч. Айтматова "И дольше века длится день" (*В.А. Иванова, Н.А. Купина*) 138

Раздел IV

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ В РУССКОЙ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ ШКОЛ И ВУЗОВ

Вопросы культуры русской речи и национальная школа (*В.М. Панькин*) .. 149
О нарушениях лексических норм в русской речи узбекских студентов 162
1. Лексико-семантические особенности речи студентов технических вузов (*Л.В. Данилова*) 162
2. Ошибки студентов национальных групп нефилологических специальностей (*В.Х. Кадыров*) 174
3. Интерференция в процессе усвоения русской лексики (*А.Г. Ломов, А.А. Бабаходжаев*) 180
Лексико-грамматические нарушения в русской речи студентов-таджиков (*С.Д. Касымова*) 184
Влияние взаимодействия языков на культуру русской речи учащейся молодежи в условиях литовско-русского и русско-литовского двуязычия (*Й. Паужа, Я. Трифоновас*) 195
Особенности взаимодействия русского и эстонского языков в области лексики и семантики (*Х.И. Хейтер*) 210

Раздел V

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ В СФЕРЕ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

О культуре русской устной речи у туркмен (К характеристике интерферентных явлений) (*О.Н. Назаров*) 216
О некоторых особенностях функционирования жаргонизмов в условиях двуязычия (*К.Р. Бабаев*) 235
К вопросу о взаимодействии русского и латышского языков на уровне лексики 243
1. Латышские слова в русской речи студентов (*Н.А. Козина, Т.В. Лигута*) 243
2. Явления интерференции в русской речи населения г. Риги (*О. Буш*) . 249
К типологии фразеологической интерференции в русской речи чувашей (*В.И. Орлова*) 253

Заключение (*Н.Г. Михайловская*) 259

Литература (*И.А. Василевская*) 262

Галина Прокофьевна Ижакевич,
Отуз Назарович Назаров,
Арнольд Ефимович Михневич и др.

КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ В УСЛОВИЯХ НАЦИОНАЛЬНО-РУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

(Проблемы лексики)

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *В.С. Матюхина*
Художественный редактор *Г.П. Валлас*
Технический редактор *А.Л. Шелудченко*

Корректор *Г.В. Дубовицкая*

Набор выполнен в издательстве
на электронной фотонаборной системе

ИБ N 29349

Подписано к печати 20.08.85 г. Формат 84×108$^{1}/_{32}$
Бумага офсетная N 2. Гарнитура "Таймс"
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,3. Усл. кр.-отт. 14,4
Уч.-изд. л. 17,5. Тираж 3000 экз. Тип. зак. 546
Цена 1 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука", 117864 ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

ОПЕЧАТКА

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
176	последняя	(компа-	(компания);

Зак. 546

1 р. 80 к.

